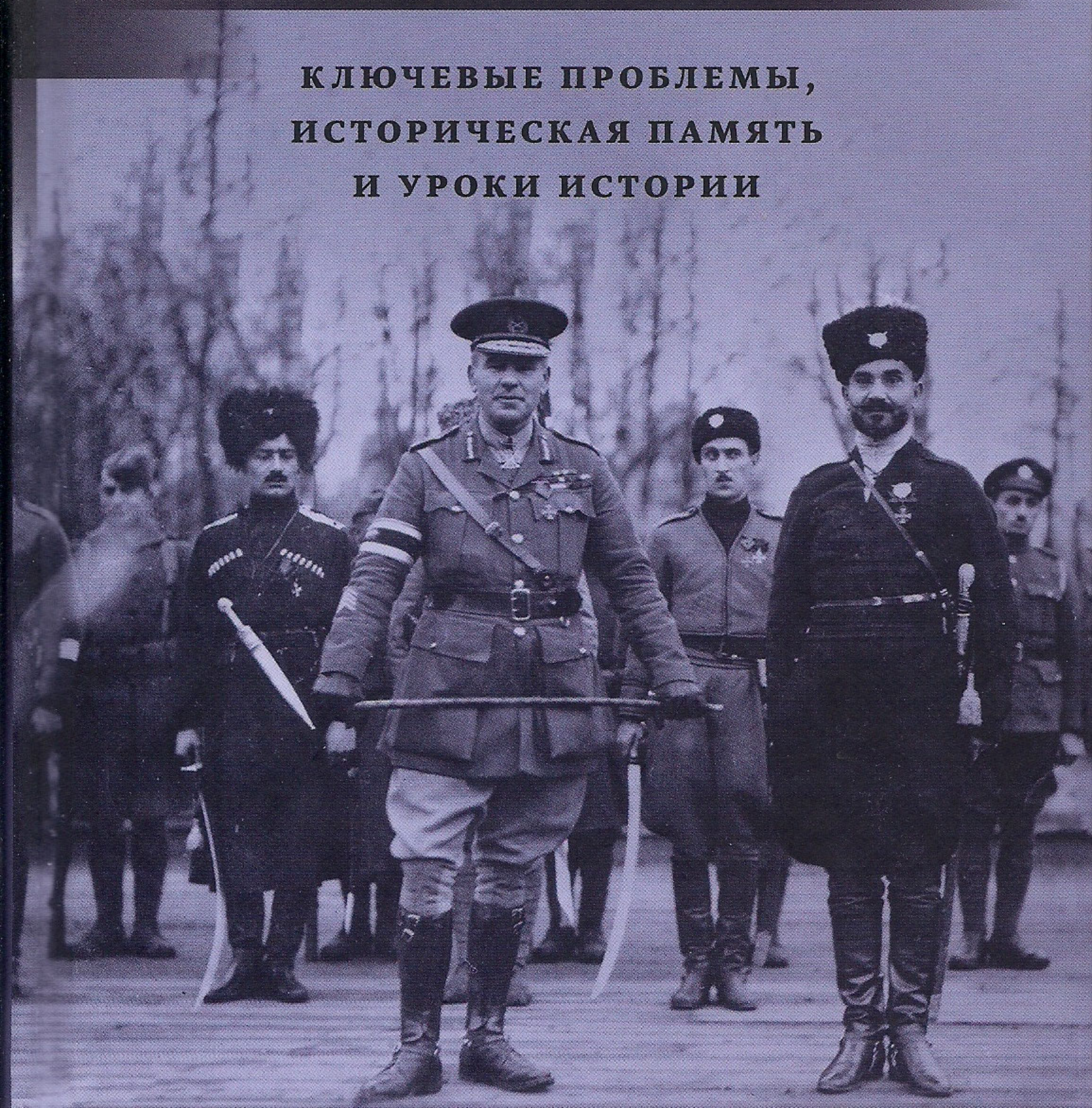

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ
И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В РОССИИ
И НА РУССКОМ СЕВЕРЕ**

**КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И УРОКИ ИСТОРИИ**

Российское военно-историческое общество
Архангельское региональное отделение РВИО
Правительство Архангельской области
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
Ассоциация исследователей Гражданской войны в России

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ И НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

**КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И УРОКИ ИСТОРИИ**

ПЯТЫЙ РИМ

Москва
2020

УДК 355/359-05

ББК 63.3(2)612

М 43

Составители:

В.И. Голдин, Г.С. Рагозин

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор В.И. Голдин (ред.)

доктор исторических наук, профессор В.В. Кондрашин,

кандидат исторических наук Г.С. Рагозин

доктор исторических наук, профессор Ф.Х. Соколова

Оформление переплета М. Левыкина

М 43 Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории: сб. материалов международной научной конференции / сост. В.И. Голдин, Г.С. Рагозин. М. : Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. — 368 с.

ISBN 978-5-6043329-2-4

Сборник содержит статьи, посвященные сложным и актуальным проблемам Гражданской войны и интервенции в России и на Русском Севере, в которых раскрывается их современное понимание. Исследуется историческая память об этих сложных страницах российской, региональной и мировой истории. Раскрываются уроки истории, актуальные сегодня.

Для специалистов в области всемирной, российской и региональной истории, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, всех интересующихся этой проблематикой.

УДК 355/359-05

ББК 63.3(2)612

© **Голдин В.И., Рагозин Г.С.,
составление, 2020**

© **Издательство «Пятый Рим»™, 2020**

© **ООО «Бестселлер», 2020**

ISBN 978-5-6043329-2-4

Уважаемые читатели!

Гражданская война является одним из наиболее сложных для понимания и противоречивых периодов нашей истории. Если кратко обозначать суть гражданского противостояния, то этим словом будет «раскол», а его причины — острейшее чувство несправедливости, недовольство сложившимся порядком вещей. В течение нескольких лет различные политические силы вели ожесточенные бои.

Суть противостояния не может быть сведена к противостоянию только «белых» и «красных»: корни уходят в общеевропейский кризис имперской модели государственности, обостренный в России колоссальным предвоенным неравенством, усугубленный неудачами Первой мировой войны и взрывными национальными движениями как в историческом центре страны, так и на ее окраинах. Еще больше масла в огонь подлила иностранная военная интервенция, осуществленная, когда два противоборствующих блока — Четвертной Союз и Антанта — вступили в решающие битвы: Германия видела в России источник столь недостающего сырья, а наши бывшие союзники стремились воспрепятствовать попаданию российских ресурсов в руки противников.

Красная Армия, чьи командиры вдохновлялись интернационалистскими лозунгами, оказалась, однако, единственной силой, которая тот период защищала российскую государственность и суверенитет от внешнего врага. События тех лет учат нас тому, что втягивать зарубежных «умиротворителей» — под любыми предложениями — во внутренние конфликты означает способствовать развалу страны и утрате суверенитета.

Гражданская война в России — это история, которую невозможно адекватно свести к простым формулам, она требует напряженного и непрерывного анализа, учета многочисленных деталей и региональных особенностей. Именно в этом и состоит главное достоинство предлагаемого Вам сборника, который посвящен малоизвестным для широкой публики событиям на Русском Севере.

Помощник
Президента Российской Федерации

В.Р. Мединский

Уважаемые читатели!

2020 год отметился для нашего региона очередным юбилеем: 100 лет назад закончилась Гражданская война, которая для нашей области стала переломным моментом и тяжелым испытанием. Вместе со значительной частью России Архангельский край ощутил на себе последствия общественного раскола, его превращение в вооруженный конфликт, иностранную интервенцию и пребывание воинских контингентов из других стран. Стратегическое положение Архангельска и области стало решающим фактором столь острой борьбы.

Каждое поколение северян писало свою историю этих событий, извлекало из нее свои уроки памяти. И осмысляя историю Гражданской войны и интервенции на Севере, мы должны помочь нынешнему поколению осознать, какова цена такого глубокого социального и политического раскола.

В этом сборнике статей ученые из 13 регионов России, а также Украины и Норвегии представили результаты своих исследований. Их тематика не ограничена событиями, происходившими на Севере, и это позволяет понять место Архангельской области в событиях масштаба всей страны, когда она находилась на переломе общественного устройства.

Временно исполняющий
обязанности Губернатора
Архангельской области

А.В. Цыбульский

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Приветствие</i>	3
<i>Введение</i>	8
<i>В.И. Голдин</i> . Гражданская война в России: итоги изучения, современное состояние исследования, проблемы	11
<i>Н.Е. Быстрова</i> . Международная политика Советской России в годы Гражданской войны.	26
<i>Е.А. Воног</i> . Ликвидация 5-й польской дивизии в Восточной Сибири под Красноярском в 1920 году. Из истории создания 5-й польской дивизии ..	36
<i>А.В. Ганин</i> . Неизвестные воспоминания красного командарма	42
<i>Е.Ю. Дубровская</i> . Гражданская война, интервенция и военная повседневность в памяти населения Российской Карелии	52
<i>А.Н. Егоров</i> . А.В. Карташев в Белом движении на Северо-Западе России в 1919 г.	63
<i>В.А. Карелин</i> . К истории Северного морского пути периода Революции и Гражданской войны: проект Б.А. Вилькицкого, кооператоров и профессора Брока (1920 г.)	75
<i>С.А. Коваль</i> . Гражданская война и комсомол (1918 г.)	88
<i>М.И. Козлов</i> . Гражданская война и интервенция в России и на Русском Севере в контексте классового противоборства	102
<i>В.В. Кондрашин</i> . Экономическая политика советской власти в годы Гражданской войны.	113
<i>С.А. Кочегаров</i> . Конец белой борьбы на Северо-Западе России и переговоры о мире между большевиками и Эстонией	126
<i>Л.Б. Красавцев</i> . Моряки торгового флота Архангельска в годы интервенции и Гражданской войны	134
<i>В.В. Михайлов</i> . Шамхорский инцидент и начало Гражданской войны в Закавказье.	144
<i>О.М. Морозова, М.Е. Разиньков</i> . Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): основные этапы изучения и перспективы исследования.	151
<i>А.Е. Мосеев</i> . Архгубчека. Как все начиналось... ..	162

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е.О. Наумов.</i> «Дело Лончара»: к вопросу о кадровой политике в 1-й армии Восточного фронта летом 1918 г.	168
<i>Й.П. Нильсен.</i> Гражданские войны на Крайнем Севере (1918–1920) и их последствия для Норвегии.	178
<i>Л.А. Обухов.</i> Военные действия в Чердынско-Печорском крае (сентябрь 1919 – март 1920 г.)	189
<i>С.А. Пилипенко.</i> К вопросу о первом этапе создания Красной армии (1917–1918 гг.)	199
<i>Ф.А. Попов.</i> Белое Приморье как потенциальный «русский Тайвань»: опыт и перспективы развития антибольшевистской государственности на Дальнем Востоке.	209
<i>А.В. Репневский, И.А. Репневский, В.Г. Трофименко.</i> Документы Архангельского губернского исполнительного комитета как источник по истории Гражданской войны на Севере.	219
<i>В.А. Саблин.</i> Уравнительный передел земли в северной деревне в 1917–1920 годах: политико-правовой контекст	223
<i>Т.А. Санакина.</i> Крестьяне Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в период Гражданской войны 1918–1919 гг.	234
<i>А.В. Силин.</i> Белый террор на Европейском Севере в освещении советских школьных учебников (проблемы «малой» историографии)	251
<i>Ф.Х. Соколова.</i> Иностранная интервенция 1918–1920 гг. глазами интеллигенции Европейского Севера России	259
<i>В.Ф. Солдатенко.</i> Нарративный фактор в историографическом освоении феноменов Гражданской войны, интервенции и оккупации.	270
<i>В.В. Фортунатов.</i> Борьба за интеллигенцию: почему победили большевики ..	282
<i>С.В. Холяев.</i> Белое движение и большевики: борьба за патриотическую позицию.	291
<i>В.В. Черемухин.</i> Политические процессы в прифронтовых городах белого Юга в 1919 г.	302
<i>С.И. Шубин.</i> Влияние внутренних и внешних факторов на формирование и деятельность местных органов власти Помезенья в 1918–1920 гг.	307
<i>Сухановский А., Слободянюк И.</i> «Русские не сдаются!» Неизвестная история одной известной фотографии.	318
«Мистер Кепстэн» о Гражданской войне в России и в Северной области	338
<i>Сведения об авторах.</i>	364

ВВЕДЕНИЕ

Столетие Гражданской войны в России актуализировало эту сложную, глубоко драматическую и многогранную проблематику, всколыхнуло память о ней, вызвало новую волну дискуссий среди исследователей, в российском обществе и за пределами страны. Этой теме была посвящена серия международных, все-российских и региональных научных конференций, состоявшихся в Москве, Санкт-Петербурге, а также в городах страны, где существуют давние традиции изучения проблем Гражданской войны, сложились научные школы и направления, вышло в свет немало интересных изданий.

Настоящий сборник стал результатом совместного проекта Российского военно-исторического общества и его Архангельского отделения, Правительства Архангельской области, Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова и Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Его целью являлось проведение в Архангельске Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной столетию окончания Гражданской войны и интервенции на Европейском Севере России. Статьи, представленные участниками этой конференции, и вошли в настоящий сборник.

Учитывая остроту и актуальность темы, сохраняющуюся в российском обществе, боль и даже раскол по отношению к событиям и участникам Гражданской войны в России, в ходе подготовки и реализации проекта ставилась задача, образно говоря, «подняться над схваткой», обеспечить научную академичность и объективность в характеристике и оценке основных событий и процессов Гражданской войны и интервенции в России и на Русском Севере, раскрыть во всей полноте и противоречивости эту сложную историческую тему и народную драму.

Происхождение Гражданской войны, ее причины и истоки, переплетение внутренних и внешних (международных) ее составляющих, выявление ее сущности и характера, анализ ее исторических уроков и последствий — вот те центральные и уз-

ловые вопросы, которые и составляют сердцевину настоящего издания.

Одной из самых сложных и вместе с тем актуальных проблем стало осмысление на страницах сборника диалектики иностранной интервенции и внутреннего противоборства в стране, роли внешних сил в развязывании Гражданской войны и вытекающих из этого исторических уроков.

Север России, как и Дальний Восток страны, стал тем регионом, где международная интервенция сыграла особую роль и стала своего рода спусковым крючком для начала Гражданской войны. На Русском Севере столкнулись интересы двух противоборствовавших в Первой мировой войне коалиций — Антанты и Четверного союза, прежде всего Германии. Последняя оказывала помощь белофиннам в ходе Гражданской войны в Финляндии в первые месяцы 1918 года, а ее прямая военная интервенция в эту страну в значительной степени предопределила ее исход. Финляндия превратилась в своеобразный плацдарм для попыток реализации германских устремлений на Севере и Северо-Западе России. Вместе с тем финские власти после победы в Гражданской войне преследовали и собственные амбициозные замыслы аннексии приграничных российских территорий и создания «великой Финляндии от моря до моря».

С другой стороны, Север России стал сферой стратегических интересов стран Антанты, и прежде всего Великобритании, учитывая, что в годы Первой мировой войны сложился морской арктический путь, по которому из стран Антанты в Россию, в северные порты, шел основной поток грузов, а из них — экспортный грузопоток. Мурманский край стал весной 1918 года для стран Антанты своего рода экспериментальной площадкой для реализации модели «интервенции по приглашению», которая вылилась в дальнейшем в открытую военную интервенцию. Именно интервенты Антанты вели на Севере России основные боевые действия и держали под своим контролем ключевые сферы жизни возникшей здесь антисоветской Северной области, а их уход предопределил поражение антибольшевистского движения и окончание Гражданской войны здесь.

В целом же международная интервенция в России — это одна из самых драматичных, противоречивых и запутанных страниц международных отношений 1917–1920 годов. Участие в ней

в различных формах принимали не только указанные военно-политические коалиции, но и отдельные государства, в т. ч. приграничные, со своими особыми интересами, начиная от Японии на Дальнем Востоке до Румынии, Польши и Финляндии в Европе. Интервенция воплощалась не только в виде прямых вооруженных действий на российской территории, но носила и финансово-экономический, и политический характер, являясь составной частью борьбы за новый мировой порядок и границы после окончания мировой войны. «Русский вопрос» в этой послевоенной политической повестке занимал важное место. Эти проблемы получили освещение и осмысление в целом ряде статей сборника.

На его страницах рассмотрены разные измерения Гражданской войны в России: международное, общероссийское, региональное и локальное, развитие событий непосредственно на местах и различных территориях — от Севера до Юга, от Дальнего Востока до Запада. В статьях сборника получили освещение военные, политические, социальные, культурные процессы, повседневность той сложной эпохи. Особое значение в рамках проекта, что воплотилось и в публикуемых статьях, придавалось анализу исторических уроков международной интервенции и Гражданской войны в России, осмыслению исторической и культурной памяти о ней, роли историков в этом.

На страницах сборника опубликованы 27 статей представителей 13 регионов России, а также 2 статьи ученых из Украины и Норвегии.

Сборник открывается статьей, посвященной итогам развития, современному состоянию и проблемам историографии Гражданской войны в России, ее современному концептуальному осмыслению, а также анализу наиболее крупных реализуемых сегодня российских и международных научных проектов, посвященных этой теме. Дальнейшее расположение статей в сборнике идет в алфавитном порядке. Несколько публикуемых статей связаны с апробацией материалов готовящегося сегодня многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней».

Хочется надеяться, что это издание будет интересно как специалистам, так и всем интересующимся страницами истории Гражданской войны в России.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ¹

Гражданская война в России — это особая и сложнейшая эпоха в истории страны. Ее исход во многом определил развитие не только отечественной, но и мировой истории в XX веке. Несмотря на вековую дистанцию, отделяющую нас от драматических и трагических перипетий той войны, она по-прежнему вызывает живой интерес в российском обществе, и ныне продолжают дискуссии историков по многим ее проблемам.

Как историческое явление Гражданская война известна человечеству с Древнего мира. И тем не менее, каждая из гражданских войн, наряду с общими чертами, и прежде всего глубоким расколом общества, который она вызывала, отличалась своеобразием и неповторимостью. Это обуславливалось и особенностями переживаемой исторической эпохи, и спецификой социально-экономического, политического, культурного развития конкретной страны и общества, международной обстановкой, в которой она протекала.

Десятки гражданских войн идут и в современном мире. Не избежало их проявлений и постсоветское пространство, что актуализирует изучение исторического опыта и вытекающих из него уроков. Главным из них является понимание того, как и почему эти войны начинаются, какова логика их развития и окончания, что нужно делать для примирения и воссоединения расколотого войной общества. Понимание и изучение гражданских войн усложняется, если они взаимосвязаны с иными процессами, если им предшествуют революции, войны, а сами они сопровождаются внешними вмешательствами, иностранными интервенциями.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

Все это и происходило в России сто лет назад. Гражданская война в стране, уходящая своими корнями в десятилетия и века предшествующей истории, была тесно связана прежде всего с Первой мировой войной, которая ей непосредственно предшествовала и из которой она в определенной мере вытекала, и с Российской революцией (революциями) 1917 г. При этом, по мнению лидеров большевиков, революционный процесс в России должен был вылиться в мировую революцию, и именно в ней они видели как предназначение, так и спасение своей революции. С другой стороны, Гражданская война в России тесно переплеталась с международной интервенцией, в которой участвовали ведущие страны мира. Характер взаимосвязи и взаимозависимости между Гражданской войной и интервенцией являлся и является предметом дискуссий.

В развитии отечественной историографии Гражданской войны в России можно выделить два больших этапа: советский и постсоветский, которые кардинально различались по характеру, направленности исследований, их теоретико-методологической и источниковой базе.

К концу 80-х гг. в СССР было издано более 15 тысяч книг по истории Гражданской войны [25, с. 46]. В основе изучения этой темы лежал классовый подход. Главным итогом советского периода изучения стало создание «героического мифа» о Гражданской войне в России, идеализировавшего лагерь победителей и не столько исследовавшего, сколько обличавшего его противников — внутреннюю контрреволюцию и интервентов. Гражданская война рассматривалась в неразрывном единстве с иностранной интервенцией, и именно на последнюю чаще всего возлагалась ответственность за ее развязывание, длительность и кровопролитность. Начиная с 20-х гг. был реализован целый ряд обобщающих исследовательских проектов в нескольких томах по истории Гражданской войны и интервенции, и двумя изданиями вышла энциклопедия по этой теме [4, с. 7-10].

В рамках переосмысления в условиях перестройки в СССР стали очевидны недостатки созданной концепции и истории Гражданской войны в России, именовавшиеся обычно «белыми пятнами», т. е. неисследованные, запретные к изучению или требовавшие переосмысления проблемы. Возникли идеи и перспективы создания новой 5- или 6-томной истории Гражданской войны, оставшиеся нереализованными. Историографии совет-

ского периода изучения Гражданской войны в России посвящен целый ряд монографий, вышедших в те годы, но ныне устаревших, поэтому обратим внимание на ряд современных публикаций о ней [12-18].

Распад СССР в 1991 г. знаменовал собой окончание советского этапа историографии Гражданской войны в России и начало постсоветского ее этапа. В рамках его произошли принципиальные изменения в концептуальных подходах, методологии, источниковой базе, в характеристике основных направлений и проблем изучения истории Гражданской войны в России, расширился спектр ее исследований.

В результате рассекречивания документов архивов расширились источниковые возможности для исследовательской деятельности. В ходе археографической работы в центре и на местах было издано большое количество сборников документов по различным проблемам Гражданской войны в России.

Для исторической науки в целом и для исследований, посвященных истории Гражданской войны, в частности, стал характерен методологический плюрализм. В исследованиях используются теоретические наработки «новой политической», «новой социальной», «новой культурной истории» и др.

Формированию новых подходов и концептуализации Гражданской войны в России способствует развернувшийся диалог российских и иностранных историков, реализация совместных научных проектов.

В изучении истории Гражданской войны в России присутствует весь спектр политико-идеологических взглядов — от коммунистических и социал-демократических до либеральных, консервативных и монархических. Это во многом обуславливает и остроту современных дискуссий о Гражданской войне. Все это сказывается и на настроениях современного российского общества, в котором вновь обозначился раскол на «красных» и «белых». Впрочем, если иметь в виду не только советскую, но эмигрантскую и иностранную историографию, то следует признать, что политизация и идеологизация, столкновение и борьба мнений всегда были характерны для восприятия и изучения Гражданской войны в России.

Одной из основополагающих тенденций в изучении Гражданской войны в России в постсоветскую эпоху стал отход от так

называемого «героического мифа» о ней, но рассмотрение и осмысление ее как драмы и трагедии российского общества, в т. ч. с целью извлечения исторических уроков и недопущения ее или ее проявлений в будущем.

За 30 лет постсоветского развития в России сложилась обширная литература, посвященная истории Гражданской войны, которая отражает как достижения, так и отступления, и проблемы. Для понимания процесса ее изучения, его основных тенденций, состояния дел с исследованием основных проблем целесообразно обращение к обобщающим историографическим работам книжного формата или к изданиям с историографическими раздѣлами [3; 5; 7; 8; 30; 33].

Лучшему пониманию исторических корней Гражданской войны в России способствовали исследования и дискуссии, связанные с анализом противоречивого процесса развития страны в начале XX века, попытками ее модернизации, достижениями и трудностями на этом пути, осмыслением диалектики реформ и революций, а также посвященные столетию Первой мировой войны и Российской революции (революций) 1917 г. Приобрела популярность концепция Великой российской революции, охватывающей период с 1917 г. по начало 20-х годов.

Если оценивать изучение отдельных крупных проблем истории Гражданской войны в отечественной историографии, то наиболее активно в постсоветский период шло исследование антибольшевистского (и Белого) движения, формирования и деятельности антисоветских режимов и правительств. Это вылилось в сотни опубликованных книг как по общероссийским, так и по региональным проблемам, в ряд историографических исследований книжного формата. Впрочем, идеализировать сделанное в рамках этой проблематики не следует, ибо публиковалось и немало работ, выполненных в духе политической конъюнктуры и идеализации белых и Белого движения. В большей степени разработана военная и политическая, а слабее — социально-экономическая и культурная проблематика деятельности противников большевиков.

Активно и плодотворно изучалась и изучается история крестьянства, его поведения в годы Гражданской войны, крестьянского повстанческого движения, персоналий крестьянских вожаков, что вылилось в широкий круг исследований моногра-

фического и иного характера, анализируемых в современных историографических публикациях [19, 20]. Исследование истории крестьянства переплетается с изучением казачества в Гражданской войне [21], анализом процессов в различных казачьих войсках и регионах. Если в советский период основное внимание уделялось участию казаков в войне на стороне советской власти, то в последние десятилетия центр тяжести сместился на их роль в антибольшевистской борьбе.

Несомненный прогресс достигнут в изучении деятельности политических партий и их судеб в российской Гражданской войне. Активно велась и идет в последние годы разработка истории советских секретных служб, и прежде всего ВЧК и чрезвычайных комиссий, а также белогвардейских спецслужб, их противоборства в условиях Гражданской войны, что вылилось в комплекс монографий и сборников. В центре изучения и дискуссий находится тема «красного» и «белого» террора.

Во многом новым направлением исследований стала деятельность партии большевиков и Коминтерна по поддержке революционных движений в Европе и Азии, направленная на реализацию идей «мировой революции», анализ успехов и неудач на этом поприще.

Плодотворно разрабатывается регионоведческая проблематика истории Гражданской войны. Вместе с тем предстоит создать обобщающую картину этой войны, например, на обширном пространстве восточной части России, от Волги и Урала до Сибири и Дальнего Востока, которая включила бы в себя самые разные составляющие, проблемы и процессы. То же самое можно сказать и о целостном изучении Гражданской войны в южной части российского постимперского пространства.

Наряду с продвижением вперед в исследовании отдельных направлений и проблем Гражданской войны в России имеют место не только достижения, но и отступления, лакуны исторических знаний. Это касается, например, изучения Советской России, советской государственности и ее политики на разных направлениях деятельности, а также партии большевиков. Критическое переосмысление процессов становления советской политической системы и государственности началось в России в 90-е годы и воплотилось тогда в серию монографий. Но в дальнейшем при формально значительном числе работ, охваты-

вающих те или иные аспекты названной проблематики [24], обобщающих фундаментальных исследований по этой теме не появилось. Отсутствуют современные объективные и содержательные монографии о партии большевиков в годы Гражданской войны.

Единичны монографические работы о национальной политике и национально-государственном строительстве в Советской России в годы Гражданской войны [9; 32], и их вряд ли можно считать исчерпывающими эту сложную тему. Отсутствуют исследования, посвященные широкому спектру национальных и межнациональных отношений этой эпохи, сравнительному анализу национальных политик противоборствующих сторон и тому, как это сказалось на исходе Гражданской войны.

Нуждается в современном осмыслении политика «военного коммунизма» в Советской России и широкий комплекс проблем ее социально-экономического развития. В рамках «новой социальной истории» в повестке исследований появились и находятся такие темы, как повседневность, выживание в условиях хаоса, голод, быт, история женщин, гендерные, социально-демографические процессы и др. Все это колоссально расширило и усложнило понимание социальных процессов военного времени, тем более что произошедший в исторической науке «антропологический поворот», стремление к «человеческому измерению» истории не могли не сказаться и на изучении Гражданской войны в России. Несмотря на ряд опубликованных монографий [26; 27], эта колоссально усложнившаяся повестка социальной истории Гражданской войны ждет целостного изучения.

В научной литературе последних десятилетий были предприняты попытки сквозь призму «новой культурной истории» и «культурного измерения» Российской революции и Гражданской войны дать их новое осмысление и новое прочтение советской культурной политики [3, с. 104–107, 151–156; 5, с. 190–211; 22].

Вместе с тем идущее переосмысление и критика прежних советских представлений о культурном строительстве в Советской России в годы Гражданской войны не привели пока к созданию обобщающих исторических исследований, достоверно раскрывающих эту тему и взаимосвязь культурных, социальных и политических процессов той эпохи. Еще более сложной и нерешенной остается задача целостного раскрытия культурных процес-

сов периода Гражданской войны в стране и культурных политик противоборствующих сторон.

Отсутствуют обобщающие монографические исследования по истории интеллигенции в годы Гражданской войны. Впрочем, проблемы военной интеллигенции, офицерства, его выбора и борьбы за него противоборствующих сторон в условиях войны изучались и продолжают исследоваться довольно активно, нередко сопровождаясь столкновениями мнений и оценок.

В современной российской историографии оказалась фактически утраченной традиция изучения иностранного вмешательства в Гражданскую войну в России, интервенционистских действий коалиций и отдельных государств. Серьезные монографические исследования в России на эту тему редки [1; 6], а сведение Гражданской войны главным образом к внутреннему противоборству обедняет ее понимание.

Свою логику развития имела зарубежная историография Гражданской войны в России, имеющая почти вековую историю, основы которой во многом закладывались эмигрантской литературой. На протяжении этого времени менялись подходы и традиции изучения этой тематики, шла борьба мнений и школ. В зарубежной литературе представлен весь спектр политико-идеологических направлений, реализовывались крупные, в ряде случаев двухтомные издания [4, с. 7, 9, 11-12]. В общей сложности за рубежом опубликовано несколько тысяч книг о Гражданской войне и интервенции в России.

В последние годы появился ряд крупных исследований зарубежных историков о Гражданской войне в России или исследующих ее во взаимосвязи с Первой мировой войной и революционным процессом 1917 г. [36; 38; 39]. В отличие от современной российской историографии в зарубежной исторической литературе активно продолжает исследоваться история иностранной интервенции в России как военных коалиций, так и отдельных государств, и особенно стран Антанты, ее военные, политические, дипломатические и иные аспекты, противоречия в интересах участников интервенционистских «потоков», замыслы, результаты и последствия иностранного вмешательства в Гражданскую войну в России [34; 37; 42]. Сложилась обширная иностранная историография, посвященная отношениям США и Советской России в эту эпоху и интервенции США в Россию [34].

Наиболее крупные научные проекты, реализованные за рубежом? и иностранная литература последних десятилетий о Гражданской войне в России, ее тенденции и проблемы являлись предметом историографического анализа [3; 5; 7; 22].

В исторической литературе государств, получивших независимость после распада СССР, часто превалирует односторонний взгляд на ход и итоги Гражданской войны, происходит идеализация существовавших в них тогда правительств, режимов и движений. В ряде случаев это актуализируется современной политической ситуацией, как, например, на Украине, где история, в т. ч. Гражданской войны, пытается быть пересмотрена с позиций политической конъюнктуры, хотя и в этой стране существуют и сталкиваются разные суждения о ней [31].

В целом за вековой период изучения Гражданской войны в России в нашей стране и за рубежом издано более 30 тысяч книг и сотни тысяч статей, посвященных этой тематике, нередко тесно переплетающейся с революционной проблематикой, что и обусловило популярность уже упоминавшейся концепции Великой российской революции.

Характерной чертой современного исследовательского процесса является активный диалог российских и зарубежных ученых по проблемам Гражданской войны в России, что воплотилось и в целый ряд совместных проектов, международных конференций и изданий, посвященных ее столетию [8; 30; 33]. В частности, на страницах одного из санкт-петербургских изданий опубликованы ответы 7 иностранных и 18 российских историков на вопросы по ключевым проблемам истории Гражданской войны в России [8, с. 8-252].

Одной из ключевых проблем исследования и более глубокого познания российской Гражданской войны является ее концептуализация, что является и предметом историографического осмысления [3, с. 90-97; 5, с. 57-64].

Истоки и генезис Гражданской войны в России рассматриваются сквозь призму выявления конфликтогенного потенциала в отечественной истории в ее долговременном контексте, раскрытия особенностей освободительного и революционного движения, модернизации страны, а также в тесной взаимосвязи с Первой мировой войной и революционным процессом 1917 г.

Гражданская война в России характеризуется как сложный и уникальный исторический феномен в многообразии военных, политических, экономических, социально-классовых, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных и межнациональных процессов, конфликтов и расколов, разнообразных внутренних и международных столкновений и противоборств, обстоятельный анализ которых и позволяет понять исход борьбы на линиях и за линиями фронтов и итоги войны.

Характеризуя Гражданскую войну в России, следует подчеркнуть ее глобальный и тотальный характер, ибо она охватила все пространство страны, включая самые удаленные ее уголки, разделила классы, слои, группы населения (линия раскола проходила как между ними, так и внутри них), развела, образно говоря, по разные стороны баррикад друзей, соседей, членов семей. Это и составляло в совокупности общую, крайне противоречивую и драматическую картину Гражданской войны в России. Противоборство в ней велось на военном, политическом, дипломатическом, социальном и культурном фронтах, но главным из них была все-таки вооруженная борьба, ибо от ее исхода в решающей степени зависел исход Гражданской войны.

Популярным в современной мировой историографии Гражданской войны в России является осмысление ее как серии или комплекса войн (гражданских войн), разнообразия видов вооруженных и иных противоборств [3, с. 92-97; 18, с. 21; 35; 39; 41, с. 63].

Правомерно выделять и исследовать в российской Гражданской войне такие виды противоборств, как война советского и антибольшевистского лагерей («красных» и «белых»), фронтовое противостояние их армий и борьба с противниками на внутренних фронтах; борьба общества и государства в различных проявлениях; столкновения центробежных и центростремительных сил, национальные, межнациональные и региональные войны и вооруженные конфликты; военные интервенции стран Антанты, Четверного союза и отдельных государств; советские попытки «экспорта революции» в страны Европы и Азии, военные и политические действия за пределами страны; восстания, заговоры, деятельность антиправительственных группировок в тылу противника, подпольная, партизанская и террористическая деятельность и др. [35]

Продуктивным представляется осмысление особенностей феномена Гражданской войны в России сквозь призму типологии гражданских войн [29; 30]. Компаративный подход к изучению гражданских войн и сравнение Гражданской войны в России с подобными войнами, и прежде всего в XX в. (в Китае, Корее, Испании, Финляндии и др.), а также и более раннего времени [10; 23, с. 32-35; 40], представляется плодотворным и позволяющим глубже понять ее генезис, логику развития, исторические уроки и последствия, а также искать пути и способы примирения общества.

Существуют и иные направления и подходы к осмыслению Гражданской войны в России. Речь идет, например, об изучении логики нарастания хаоса, природы революционного насилия, характера так называемой «красной смуты» сквозь призму психоментальности и психопатологии, а также в контексте теории имперства, анализа системного кризиса, смерти и возрождения империи. Имеет место рассмотрение Гражданской войны в России с позиций синергетики как турбулентного пространства, как столкновения и противоборства культур и разных систем культурных и духовных ценностей, как экстренного способа культурного самоопределения, произошедшего путем культурного разлома и утверждения новых ценностных моделей.

Накопленный исследовательский опыт и сложившаяся обширная отечественная и иностранная литература по истории Гражданской войны в России, существующие теоретико-методологические и концептуальные наработки являются определенным фундаментом при подготовке крупных современных исследовательских проектов.

В рамках работы над созданием 20-томной академической «Истории России», координатором которой выступает Институт российской истории, идет подготовка XII тома (в двух книгах), посвященного Гражданской войне в России. Первая книга исследует главным образом военное, политико-идеологическое и международное противоборство, а вторая — жизнь России в условиях Гражданской войны. Концепция и содержание этого издания представлены в ряде статей [2; 4, с. 12-15]. В реализации этого проекта участвуют несколько десятков ученых из 15 городов и почти 30 вузов и научных центров России, Украины и Белоруссии.

Другим научным коллективом ведется работа над энциклопедией Гражданской войны в России.

С 2014 г. на базе издательства Индианского университета (США) идет публикация серии международных сборников с участием как иностранных, так и российских историков в рамках проекта «Великая война и революция в России», призванного, по замыслу инициаторов, фундаментально трансформировать понимание «континуума кризиса» в России 1914–1922 гг.²

Столетие Гражданской войны в России актуализировало и обострило проблему исторической и культурной памяти о ней. Сегодня развернулись своеобразные «войны памяти», сталкиваются разные предлагаемые образы истории, героев и антигероев. Задача историков заключается в том, чтобы дать достоверное научное знание о Гражданской войне в России, глубоко и всесторонне раскрыть многообразие ее проблем, представить целостную картину событий и процессов, рассмотреть и объяснить действия противоборствующих сторон, поведение различных слоев населения, охарактеризовать исторические уроки и донести все это до граждан страны, российской и международной общественности.

Важной миссией историков является раскрытие и доведение до общества исторических уроков Гражданской войны в России. Это, во-первых, объяснение на ее опыте, как начинаются гражданские войны. Во-вторых, это раскрытие логики развития подобных войн, нарастания и углубления драмы и трагедии общества, объяснение последствий подобного противоборства с целью недопущения этого в дальнейшем. В-третьих, это содействие, формулировка на осмыслении исторического опыта, преодолению раскола, вызванного гражданской войной, и примирению общества. Важным историческим уроком является то, что во внутривнутриполитической борьбе не следует прибегать к помощи других государств, которые, вмешиваясь, в том числе вооруженным путем, обычно стремятся к достижению собственных целей и интересов.

Историки призваны тесно взаимодействовать с музейным сообществом, краеведами, общественными историческими, во-

² Russia's Great War & Revolution. — URL: https://slavica.indiana.edu/series/Russia_Great_War_series (дата обращения: 17.05.2020).

енно-археологическими и военно-патриотическими организациями, принимать активное участие в работе по мемориализации истории, событий, личностей участников Гражданской войны в России. Важно не только содействовать охране существующих исторических и культурных памятников, но и принимать деятельное участие в экспертизе новых мемориальных проектов, связанных с историей Гражданской войны, чтобы не допустить разобщения и раскола общества по принципу симпатий или антипатий к ее участникам, но способствовать его примирению и консолидации на основе адекватного восприятия исторической памяти о ней.

Сами историки вряд ли смогут примирить людей, придерживающихся разных идейно-политических взглядов, но их задача заключается в том, чтобы объяснить произошедшую драму отечественной истории и предостеречь от ее повторения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с.
2. Голдин В.И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 758–774.
3. Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск: Мурманский государственный гуманитарный университет, 2012. 333 с.
4. Голдин В.И. Попытки написания обобщающей истории Гражданской войны в России: анализ проектов и изданий XX — начала XXI в. и уроки для современности // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.). Новосибирск: СО РАН, 2019. С. 6–15.
5. Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск: БОРГЕС, 2000. 280 с.
6. Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.

7. Голдин В.И. Современная историография Гражданской войны в России // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922: власть и общество по обе стороны фронта / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: [ГЦМСИР], 2018. С. 11–19.

8. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В.В. Калашников. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. 408 с.

9. Гросул В.А. Образование СССР (1917–1924 гг.). М.: ИТРК, 2007. 216 с.

10. Данилов С.Ю. Гражданская война и общенациональное примирение: США, Россия, Испания. М.: ГУ ВШЭ: МАКС-пресс, 2004. 151 с.

11. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н. Ранняя советская историография Гражданской войны в России. 1918–1922 // Клио. 2016. №1. С. 44–60.

12. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н. Историография Гражданской войны в России в первые послевоенные годы (1922–1932 гг.) // Клио. 2016. № 3. С. 22–37.

13. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н. Советская историография Гражданской войны в России в 1930-е — первой половине 1950-х гг. // Клио. 2016. № 8. С. 120–139.

14. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н. Советская историография Гражданской войны в России периода хрущевской оттепели (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.) // Клио. 2017. № 3. С. 13–28.

15. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н. Советская историография Гражданской войны в России во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. Статья первая. Условия развития советской исторической науки в исследуемый период // Клио. 2017. № 4. С. 46–57.

16. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н. Советская историография Гражданской войны в России во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. Статья вторая. Аналитический обзор историографических источников // Клио. 2017. № 5. С. 32–50.

17. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н. Проблематика истории российской Гражданской войны в советской историографии периода перестройки (вторая половина 1980-х — 1991 гг.) // Клио. 2018. № 6. С. 345–44.

18. Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? — 1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24.

19. Кондрашин В.В. Дискуссионные проблемы крестьянского движения в России в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г. / отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: СО РАН, 2019. С. 16-23.

20. Кондрашин В.В. Крестьянское повстанческое движение 1918–1922 гг.: итоги и направления исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 437–484.

21. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект. М.; Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 1046 с.

22. Купцова И.Б. Филиппова Т.А. Гражданская война в «культурном измерении»: история осмысления // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 544–585.

23. Леонов С.В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // Российская история. 2019. № 1. С. 32–35

24. Леонов С.В. Историография создания советской государственности // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 23–58.

25. Литвин А.Л., Поликарпов В.Д., Спирин Л.М. Гражданская война: ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят. 13 бесед / под ред. В.С. Лельчука. М.: Политиздат, 1988. С. 46–83.

26. Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.

27. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 613 с.

28. Разиных М.Е. О необходимости создания типологии гражданских войн для исторической науки // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 1. Архангельск, 2014. С. 40–47.

29. Разиных М.Е. Типология гражданских войн — Евразия (1900–1950 гг.): из дневника исследователя // Там же. Вып. 2. Архангельск, 2015. С. 112–123.

30. Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 608 с.

31. Солдатенко В.Ф. Гражданская война в Украине в современном историографическом дискурсе // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: [ГЦМСИР], 2018. С. 32–41.

32. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. 851 с.

33. Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В.В. Калашников. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. 432 с.

34. Foglesong D.S. Revolutionary Russia in American Eyes // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «История». 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 957–971.

35. Goldin V.I. Origins and Phenomenon of the Civil War in Russia: Glance Through a Hundred Years // Bylye Gody. 2015, Vol. 36, Is. 2. Pp. 382–387.

36. Engelstein L. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. New York: Oxford University Press, 2017. 856 p.

37. Moffat I. The Allied Intervention in Russia, 1918–1920: The Diplomacy of Chaos. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 317 p.

38. Smele J. Historical Dictionary of the Russian Civil Wars. 1916–1926. In two vols. New York; London: Rowman & Lifefield Publishers, 2015. 1421 p.

39. Smele J.D. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. London: Hurst, 2015. 423 p.

40. Smith S. Revolution and the People in Russia and China: A comparative history. Cambridge: Gardners Books, 2008. 249 p.

41. Wade R.A. The Bolshevik Revolution and Russian Civil War. Westport: Greenwood Press, 2001. 220 p.

42. Wright D. Churchill’s Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20, Solihull: Helion & Company, 2017. 504 p.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

Победа большевиков в России в октябре 1917 г. привела к тому, что проблемы внешней и внутренней политики тесно переплелись. В.И. Ленин писал, что положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач советской власти². На вооружение большевистским руководством был взят классовый подход в его марксистско-ленинской трактовке к явлениям внутренней и международной жизни. Поставив себя вне мировой системы международных отношений, Советская Россия, тем не менее, считала своими внешнеполитическими задачами выход из изоляции и восстановление отношений со всеми государствами. Однако уровень развития как политических, так и экономических взаимоотношений ограничивали идеологические установки. На двойственной основе базировалась и внешнеполитическая доктрина советского государства: с одной стороны, это был курс на «мировую революцию», а с другой — на обеспечение мирных условий существования возникшего строя.

Исторические исследования, посвященные данному периоду российской истории, в том числе и ее международный аспект, как в отечественной, так и в зарубежной историографии весьма многочисленны. Однако проблемы внешней политики Советской России, ее взаимоотношений с внешним миром столь многомерны, что остаются актуальными, требуя объективного осмысления [1; 2].

Целью внешней политики большевистского правительства был выход России из войны и установление мира в той форме,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 35. С. 24.

в какой оно считало необходимым. В числе первых декретов, принятых 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов, был Декрет о мире, указавший на готовность нового правительства вступить в переговоры о справедливом, демократическом мире со всеми странами, в том числе и Германией. Декрет был направлен 21 ноября послам союзных держав как формальное предложение перемирия на всех фронтах и открытия мирных переговоров. Правительства воюющих держав проигнорировали и декрет, и содержащиеся в нем предложения.

Стратегический внешнеполитический курс государства и тактические приемы его реализации утверждались высшей партийной инстанцией. Для осуществления практических связей с внешним миром к концу 1917 г. был в основном сформирован аппарат Народного комиссариата иностранных дел РСФСР (НКИД). Возглавил его Л.Д. Троцкий. Подавляющее большинство работавших за рубежом дипломатов, не признав Октябрьской революции, отказались сотрудничать с новой властью. Приказом НКИД от 9 декабря 1917 г. [5, с. 35] они были освобождены от своих обязанностей.

С момента своего создания НКИД был подчинен высшему политическому руководству страны. Позднее, в конце февраля 1918 г., ЦК РСДРП(б) принял решение, выдвинутое Троцким, об отделении НКИД от политического руководства внешней политикой: «Текущие дела может вести Чичерин, а политическое руководство должен взять Ленин»³. Этот принцип и лег в основу советского подхода к механизму внешнеполитических решений. Ни один значительный вопрос в области внешней политики не мог быть принят НКИД без согласования и утверждения ЦК РКП(б). В марте 1919 г. ЦК как центр принятия внешнеполитических решений уступил место вновь созданному Политбюро. Сменивший в марте 1918 г. Троцкого нарком иностранных дел Г.В. Чичерин вынужден был подчиняться указаниям Политбюро, нередко затруднявшим работу дипломатов.

Державы Антанты новую власть не признали. Вместе с тем они и не отзывали послов из Петрограда, сохраняя канал для диалога с большевиками, которых безуспешно пытались убедить

³ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918: Стенографический отчет. М., 1962. С. 273.

продолжать войну с Германией. Практическая политика вынуждала их прибегать к неформальным контактам с советским правительством на деловой основе. Возможность формального признания, в обмен на важные уступки в области демократизации государственного устройства, стала средством влияния на ситуацию в России.

В 1918 г. Советская Россия пребывала в крайне тяжелом международном и внутреннем положении. Территория страны рассматривалась Антантой в первую очередь как театр военных действий мировой войны. Этой логике союзники следовали, начиная военную интервенцию и пытаясь восстановить Восточный фронт против Германии, который был ликвидирован после заключения 3 марта 1918 г. Брестского мира. Пока шла мировая война, германская угроза в глазах союзных стран оставалась опаснее угрозы большевизма. Свержение большевиков представлялось условием для достижения иной цели — восстановления Восточного фронта. Если во Франции на это смотрели с сугубо военной точки зрения, то британцы руководствовались геополитическими интересами, приняв наиболее активное участие в организации и материальной поддержке русских антибольшевистских сил. Военно-политическая и экономическая помощь стран Согласия Белому движению затрудняла борьбу советского правительства против экспансии со стороны стран Четверного союза. Германия, став первой державой, установившей дипломатические отношения с Советской Россией, первой нарушила Брестский мир. «Состояние войны, при формально заключенном мире»⁴ продолжалось.

Опасаясь того, что страны Согласия в конечном счете договорятся с Четверным союзом и заключат мир на Западном фронте, большевикам приходилось вести политику балансирования между Германией и Антантой. Так, 5 марта 1918 г. советское правительство передало в США ноту с запросом о возможной поддержке в борьбе против Германии в случае, если Всероссийский съезд Советов откажется ратифицировать Брестский договор⁵. Ответа на ноту получено не было.

Ратификацию Брестского договора на Западе восприняли как капитуляцию России на условиях Германии, ликвидацию

⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 312.

⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 208–209.

Восточного фронта. Признание советского правительства даже де-факто стало невозможно. Державы Антанты взяли курс на широкое вмешательство во внутренние дела советского государства.

Между тем стать основой нормальных отношений между Россией и Германией Брестский договор не мог: обе стороны рассматривали его как тактический и временный. Но к разрыву советско-германских отношений не привело даже убийство германского посла В. фон Мирбаха 6 июля 1918 г., поскольку Брестский мир отвечал интересам обеих стран: для Германии — как шанс на успешное завершение мировой войны, для Советской России — жизненная необходимость в условиях разгоравшейся Гражданской войны и вмешательства в нее союзных держав.

Попытки НКВД ослабить напряженность в отношениях с Англией и Францией (договориться о судьбе солдат Российского экспедиционного корпуса, об отказе от набора российских граждан в армию Великобритании, о прекращении помощи чехословакам) были безрезультатны. Так, отвечая на телеграмму Г.В. Чичерина о захвате Францией военных кораблей русского Черноморского флота, Р. Пуанкаре отметил, что, будучи непризнанным, советское правительство не полномочно требовать их возвращения⁶. Не дали результатов и попытки советской стороны наладить торгово-экономические связи с этими державами.

Начатые в мае 1918 г. переговоры между советским и германским правительствами завершились подписанием 27 августа Добавочного договора, состоявшего из трех соглашений: политического, финансового и частнопроводного⁷. По финансовому соглашению Россия брала на себя обязательство выплатить Германии 6 млрд марок⁸, в эту сумму входила оплата содержания российских военнопленных, возмещение убытков, понесенных Германией в результате аннулирования займов и национализации германской собственности в России. Советская Россия произвела две выплаты в сентябре 1918 г., передав Германии 120 799 240 р. 03 к. золотом и 204,5 млн думскими и романовскими деньгами.

⁶ Архив внешней политики РФ. Ф. 136. Оп. 2. Д. 6. П. 1. Л. 2.

⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 437-453; Там же. С. 692-703.

⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 446.

Общий вес полученного немецкими представителями золота составлял 93,5 тыс. кг.⁹

Соблюдая принятые на себя по договору и соглашениям обязательства, Россия требовала того же и от Германии. Однако последняя их грубо нарушала, затягивая вывод войск с территории РСФСР и подвергая разграблению районы эвакуации.

В Советской России создалось невиданное в дипломатической истории положение: в стране находились пользовавшиеся неприкосновенностью официальные представители держав, открыто высаживавших вооруженные отряды для борьбы с правительством, с которым не порывали связи и при котором их послы были аккредитованы [3, с. 389]. Но «посольская неприкосновенность» сводилась на нет непризнанием советского правительства. Отъезд послов, по международному праву, символизирует перерыв дипломатических отношений и прекращение существования мира. Исходя из этого, бывшие союзники вступили во враждебные отношения с Россией 25 июля 1918 г., с отъездом послов из Вологды. Однако страны Антанты не только не объявили о военных действиях против Советской России, но и всячески отрицали, что ведут против нее войну.

Осенью 1918 г. изменилась международная обстановка: в октябре-ноябре поражением Германии и ее союзников завершилась Первая мировая война; под ударами национально-освободительного движения народов перестала существовать Австро-Венгерская империя Габсбургов, революция в Германии смела кайзеровскую монархию. Руководители Советской России внимательно следили за развитием ситуации, надеясь, что первая годовщина их власти будет ознаменована началом всемирной пролетарской революции. Политика правительства строилась в надежде на революцию в обоих лагерях: в англо-французском и германском. Ключ к новой системе международных отношений, по мнению Ленина, лежал в Берлине. Советское правительство выполняло там не только дипломатические и пропагандистские функции, но было и координатором революционных сил. В целом международная политика большевиков несла в себе печать идеологической зашоренности и противоречивости. Требование безопасности усложняло их попытки совместить рево-

⁹ Архив внешней политики РФ. Ф. 418. Оп. 4. Д. 17. П. 27. Л. 1.

люционность с необходимостью нормализации отношений со странами внешнего мира.

Послевоенная ситуация оказалась для России противоречивой: с одной стороны, поражение Германии открывало путь к восстановлению утраченных позиций в Европе; с другой — время лавирования между двумя коалициями закончилось и державы Антанты получили свободу действий не только в отношении Германии, но и России. Так, в ст. 12 Компьенского перемирия (11 ноября 1918 г.) предусматривалось, что германские войска останутся в оккупированных ими районах до тех пор, пока антантовские союзники будут считать это необходимым¹⁰.

Незадолго до капитуляции Германия разорвала дипломатические отношения с Советской Россией. 5 ноября 1918 г. полпред А.А. Иоффе и сотрудники его миссии были высланы из страны. Выступая 13 ноября 1918 г. на сессии ВЦИК с докладом, посвященным аннулированию Брестского договора, Л.Б. Каменев заявил, что правительство Вильгельма было право, когда «высылало тов. Иоффе, ссылаясь на то, что Советское посольство занималось деятельностью, направленной к ниспровержению императорского режима в Германии»¹¹.

В записке от 1 ноября 1918 г. Ленин просил главу дипломатической миссии в Швейцарии Я.А. Берзина не жалеть денег для пропаганды во Франции, предписывая ему все приготовить на случай, если Антанта заставит Швейцарию его выслать¹². 8 ноября 1918 г. последовало решение о высылке советской миссии из страны. Из полпредов за границей в Стокгольме оставались В.В. Воровский и в Копенгагене Я.З. Суриц. Официального признания они не получили, завязывая контакты с разного уровня государственными деятелями. Однако после их высылки из Дании и Швеции на рубеже 1918-1919 г. Советская Россия оказалась в полной дипломатической изоляции, лишившись возможности «легально» продвигать революцию в европейских странах.

Перед Советской Россией встал вопрос о поиске новых методов существования на международной арене, формировании

¹⁰ Системная история международных отношений в 4 т. 1918-2000. М., 2000. Т. 2. Документы 1918-1940-х гг. С. 21.

¹¹ Архив внешней политики РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 71. Д. 1013. Л. 6-7.

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 50. С. 201.

мирных условий для восстановления экономики и разрешения основных проблем ее государственного устройства.

Рассматривая усилившуюся интервенцию Антанты как необъявленную войну, советское правительство в последние месяцы 1918 г. пыталось дипломатическим путем добиться прекращения военных действий, открыть переговоры о заключении мира. Так, в ноте НКИД от 24 октября 1918 г. президенту США В. Вильсону советское правительство, выразив готовность вступить в мирные переговоры с союзными державами, запрашивало у США и стран Антанты условия заключения мира с советским государством¹³. 3 ноября 1918 г. НКИД обратился от имени советского правительства к странам Антанты и Японии с предложением начать переговоры о ликвидации военного конфликта; 6 ноября V Всероссийский чрезвычайный съезд Советов принял постановление обратиться к правительствам США, Англии, Франции, Италии и Японии с предложением открыть переговоры о заключении мира и уполномочил НКИД предпринять необходимые в этом направлении шаги¹⁴. 23 декабря 1918 г. М.М. Литвинов обратился с нотой к посланникам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США в Швеции, в которой содержалось официальное предложение заключить мир с Советской Россией. С аналогичной нотой он обратился к президенту США В. Вильсону¹⁵. Однако все адресаты либо ничего не ответили на эти призывы, либо заняли уклончивую позицию.

1919 г. принес Советской России господство внутри страны, но поставил перед ней задачу собственного выживания, лишив поддержки рабочих в Европе: потерпели поражение революции в Берлине, Баварии и Венгрии; окончились неудачей забастовки во Франции и Италии; прекратились межгосударственные связи между Россией и Германией. Усилия НКИД были направлены на спасение нового государственного строя в стране. Чичерин вновь обратился к правительствам стран Согласия с нотами о начале переговоров по урегулированию спорных вопросов (17 января, 4 и 18 февраля, 7 мая 1919)¹⁶.

¹³ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 531-539.

¹⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 549; Там же, С. 556.

¹⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 626-630.

¹⁶ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. II. С. 57-60; Там же, С. 78-79; Там же, С. 154-160; Там же, С. 739.

Большевистское правительство, не признанное державами-победительницами, не было приглашено на Парижскую мирную конференцию (18 января 1919 г. — 21 января 1920 г.). При этом великие державы сознавали невозможность создания стабильного международного порядка, полностью игнорируя российские интересы. Территориально-государственное урегулирование Европы было возможно лишь после стабилизации положения в России и окончания там Гражданской войны, исход которой должен был определить ее место в послевоенной системе международных отношений.

Между тем возможность достичь перемирия в Гражданской войне была упущена. В январе 1919 г. державы Согласия в «Обращении к российским политическим группировкам» предлагали заключить перемирие, направив представителей для участия в конференции под эгидой Антанты на Принцевых островах. В ноте от 4 февраля 1919 г. советское правительство не только заявило о согласии принять участие в этой конференции, но и выразило готовность пойти на уступки по наиболее острым вопросам: признать дореволюционные долги России и начать их выплату в форме поставок сырья, предоставить концессии державам Антанты, взять обязательство о невмешательстве в их внутренние дела¹⁷. Все небольшевистские правительства инициативу союзных стран отклонили.

В марте 1919 г. в Москву с секретной миссией был направлен член делегации США на Парижской конференции У.К. Буллит. В ходе его переговоров с Лениным был разработан проект соглашения о перемирии и основах отношений между советским правительством и антисоветской коалицией¹⁸. Однако после возвращения в Париж Буллита произошли политические изменения «за кулисами» конференции и о проекте соглашения с Россией «забыли». Вместо него был поддержан выдвинутый Ф. Нансеном в апреле 1919 г. план подвоза продовольствия в Россию. Советское правительство выразило готовность приступить к переговорам по этому плану, но ответа не получило.

Для ограждения Европы от большевизма у западных стран после поражений белых в Гражданской войне появились дру-

¹⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. II. С. 59–60; FRUS. 1919. Russia. P. 2–3.

¹⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. II. С. 602–603.

гие методы: экономическая и дипломатическая блокада России, «санитарный кордон» и надежда на эволюцию советского режима. 10 октября 1919 г. Верховный Совет Антанты объявил о начале экономической блокады большевистской России. Германия и ряд нейтральных государств от участия в блокаде отказались. Советское правительство, в свою очередь, 20 октября сообщило Германии, что будет считать враждебным актом присоединение к блокаде и примет ответные меры¹⁹. Такая же нота была послана Швеции, Норвегии, Дании, Голландии и Швейцарии.

В основе международной политики Советской России лежало стремление соединить ожидание и содействие мировой революции с усилиями по созданию мирной обстановки вокруг советского государства²⁰. Призывы Москвы к миру, успехи Красной армии наряду с осознанием лидерами европейских стран необходимости нормализовать торгово-экономические отношения с Россией начали давать свои результаты. 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты принял резолюцию, согласно которой разрешался обмен товарами между Россией, союзными и нейтральными странами, т. е. фактически отменялась экономическая блокада. Правда, в резолюции содержалась оговорка, что общая политическая линия стран Антанты остается неизменной²¹.

Ленин назвал решение стран Антанты «крупным фактом международного значения», означавшим, что Россия оказалась «в сфере всемирных межгосударственных отношений»²². Это заявление было излишне оптимистичным. Только после разгрома армии Врангеля и ликвидации Южного фронта в конце ноября 1920 г. страна вступила в новый этап, когда существование Советской республики было отвоевано, и во главу угла ставился хозяйственный «фронт». В идейно-теоретической области постепенно вырабатывались и к 1921 г. были закреплены два принципа международной деятельности советского государства — мирного сосуществования стран с различным социальным строем и пролетарского интернационализма.

¹⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. II. С. 265.

²⁰ Восьмая конференция РКП(б). М., 1961. С. 54.

²¹ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. II. С. 748.

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 40. С. 88–89.

Победа большевиков в Гражданской войне заставила страны Антанты выработать новую тактику в отношении Советской России: признание большевиков фактическим правительством России при одновременном проведении линии на дискриминацию РСФСР и ограничение ее роли в международных отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: ИРИ РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с.
2. Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет. Историографические процессы. Мурманск, 2012; и др.
3. История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М. — Л., ОГИЗ-Госполитиздат, 1945. 423 с.
4. Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., Наука. 2004. 325 с.
5. Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802–2002: в 3 т. Т. 2. М., ОЛМА, 2002. 617 с.
6. Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг.: очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969. 439 с.

ЛИКВИДАЦИЯ 5-Й ПОЛЬСКОЙ ДИВИЗИИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПОД КРАСНОЯРСКОМ В 1920 ГОДУ. ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ 5-Й ПОЛЬСКОЙ ДИВИЗИИ

Можно сказать, что 5-я польская дивизия, действующая на территории Сибири в 1919–1920 гг., явилась исключительно детищем международной интервенции, осуществившей военное вмешательство в Гражданскую войну в России (1918–1922 гг.). Ее отец-основатель — французский генерал М. Жанен, главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке (с января 1919 года), «генерал без чести», виновник смерти адмирала А.В. Колчака.

В январе 1919 г. французские интервенты приняли решение из всех польских формирований, имеющих в составе союзных войск, создать отдельную дивизию. В тот момент под политическим контролем Польского национального комитета (с 23 февраля 1918 г.) три польские дивизии генерала И. Галлера уже несли службу во Франции, четвертая — на Кубани (генерала Л. Желиговского), соответственно, новая польская дивизия получила пятый номер и официальное название — «5-я польская стрелковая дивизия». Ее основной задачей была охрана жизненно важной артерии — Транссибирской железнодорожной магистрали от «красных» партизан на участке Новониколаевск — Красноярск (вместе с ответвлениями данного участка). С марта 1919 г. главным местом дислокации 5-й польской дивизии стал город Новониколаевск (ныне Новосибирск).

Дивизия формировалась в период с января по май 1919 г. Ее численность составила более 11 тыс. человек, представляющих собой совершенно разнородную массу. Это бывшие военнопленные, воевавшие на стороне Германии и Австро-Венгрии (более чем 70 %), сибирские поляки, настроенные враждебно к большевикам, а также бывшие «красные», вступившие «добровольцами» во избежание возможных преследований. Таким образом, личный состав сформированной 5-й польской дивизии можно было

неофициально разделить на две основные группы — польско-ориентированную, чуждую интересам Белого движения и безразличную к судьбе России (представлял начальник штаба полковник В. Чума), и русско-ориентированную из местных поляков (представлял командир дивизии полковник К. Румша). Адмирал А.В. Колчак получил на Восточном фронте совершенно не предсказуемых в своем поведении союзников, способных подвести в любой момент и, как оказалось в дальнейшем, дискредитирующих «колчаковский» режим многочисленными грабежами населения.

В конце 1919 г., после серий военных неудач Сибирских армий адмирала А.В. Колчака на Восточном фронте, союзники осознали бесперспективность Белого движения и бессмысленность своего дальнейшего пребывания в России. Под натиском Красной армии столица «белой» Сибири — город Омск пал 14 ноября 1919 г. Эвакуация 5-й польской дивизии из Новониколаевска в сторону Владивостока началась 7 декабря 1919 г. К моменту эвакуации дивизия насчитывала 1050 офицеров, 11 200 солдат, 3000 членов семей, а также более 2 тыс. голов лошадей с запасом фуража и продовольствия на четыре месяца. Полковник К. Румша приказал доставить вагоны с углем, которого должно было хватить на проезд дивизии до Ачинска [4, с. 90]. Транссибирская магистраль позволяла двигаться с многочисленными остановками (в результате поломки паровозов) и исключительно с низкой скоростью, так как была почти парализована огромным количеством вагонов, захваченных интервентами в ущерб отступающим на восток Сибирским армиям адмирала А.В. Колчака и русским беженцам. Так, за три чешскими дивизиями числилось свыше 20 000 вагонов. Польская дивизия, сформированная французской миссией генерала Жанена, захватила свыше 5000 вагонов. [3, с. 84]. От начала исхода и до момента ликвидации 5-й польской дивизии оставалось около месяца, чему предшествовали небезызвестные красноярские события.

При подходе польских эшелонов к Красноярску выяснилось, что по причине политического переворота «колчаковской» власти в столице Енисейской губернии уже не существует (с 24 декабря 1919 г.). Мятежный красноярский гарнизон (1-я Сибирская армия «белых») стал угрожать отступающими к Красноярску основными силами Сибирских армий адмирала А.В. Колчака под коман-

дованием генерал-лейтенанта В.О. Каппеля, но по отношению к полякам и другим белогвардейским союзникам, следующим через Красноярск транзитом, гарнизон занял нейтральную позицию. Комфортному пребыванию в городе поляки большей частью были обязаны своему соотечественнику — командующему войсками красноярского гарнизона и Енисейской губернии генерал-майору Б.М. Зиневичу, примкнувшему к эсерам.

Даже после красноярского большевистского переворота (в ночь с 3 на 4 января 1920 г.) союзники продолжали оставаться в городе в нейтральном статусе, не оказав военной помощи белогвардейцам по захвату города. Более того, на встречу «каппелевцам», штурмующим станцию Красноярск, утром 5 января 1920 г. был направлен польский бронепоезд «Краков», огня, правда, не открывавший. Красно-белый польский флаг в суматохе и усталости был перепутан с красным. «Белые» отступили, планы изможденных «каппелевцев» по захвату города Красноярска провалились. Сегодня нет единого мнения по поводу мотивов польского бронепоезда. Возможно, что это была разведка местонахождения своих «заблудших овец» — арьергарда, который фактически застрелял западнее Красноярска на станции Минино, а может, и злой умысел.

Генерал-лейтенант В.А. Кислицын, представители дивизии которого атаковали город, в своих мемуарах высказал мнение о «коварных целях» поляков. «Из гор. Красноярска выходил в это время, очевидно с коварными целями, польский броневик. Он прошел сквозь наши цепи, видимо собирая для ген. Зиневича сведения о наших силах и расположении, и вернулся назад» [3, с. 94]. Что касается генерала Зиневича, то здесь генерал Кислицын допустил ошибку, так как Зиневич в это время был под арестом, а если и были «коварные цели» поляков собрать сведения о «каппелевцах», то делали они это для большевиков красноярского Военно-революционного комитета.

После неудачной попытки взятия Красноярска остатки Сибирских армий («каппелевцы»), кто на санях, кто в конном, а кто и в пешем порядке, были вынуждены обойти город со всех сторон, чтобы дальше продолжить свой путь на восток. В условиях суровой сибирской зимы от Красноярска они прошли самый сложный этап Великого Сибирского Ледяного похода, дойдя до Читы — вотчины атамана Г.М. Семёнова.

В период между 5 и 6 января 1920 г., вслед за уходом последних чехословацких эшелонов, у поляков также появилась возможность покинуть Красноярск (вместе с эшелонами 1-го Добровольческого полка сербов, хорватов и словенцев имени майора Благодича) и двинуться далее на восток. Однако прорваться через Красноярск удалось не всем представителям 5-й польской дивизии. В это время некоторая часть хвостовых эшелонов поляков застряла на станции Минино (западнее Красноярска) в результате затора, образованного брошенными эшелонами «каппелевцев». Возможно, что кто-то остановился еще западнее, в том числе за пределами Енисейской губернии.

Ориентировочно в 23 часа 6 января 1920 г. передовые части 5-й Красной армии вошли в город. Для преследования белогвардейских союзников был назначен 264-й стрелковый полк «красных».

Следуя из Красноярска на восток, поляки смогли продвинуться не далее станции Клюквенной (ныне Уяр), что ориентировочно в 100 км от города. По состоянию на 9 января 1920 г. основное количество польских эшелонов, проскочивших Красноярск, вынужденно стояли без движения, растянувшись между станциями Балай и Клюквенная. Причиной тому оказался огромный затор, образованный чехословацкими эшелонами из-за недостатка топлива и неисправности нескольких паровозов. Примечательно, что чехословацкие легионеры, тщательно покушаясь на исправные польские паровозы, чуть было не довели дело до вооруженного конфликта.

10 января 1920 г. поляки по-прежнему топтались на месте, испытывая трудности с передвижением по Транссибу. Уже не было никаких сомнений, что 5-я польская дивизия окончательно попала в ловушку. С запада появились «красные», а дальнейший путь на восток был заблокирован неисправными паровозами с пустыми вагонами, которые чехословацкие легионеры бросили, пересев на исправные. В это время физическое состояние и боевой дух польской дивизии оставляли желать лучшего. Бушевала эпидемия тифа. Тот бой, который произошел с «красными» 23 декабря 1919 г. на станции Тайга, поляки повторить были не в силах.

Основная масса польских военнослужащих была согласна на капитуляцию, но на приемлемых, как вспоминали, «не по-

зорных» условиях, позволяющих вскоре всем отправиться по домам. Очевидно, что военный комиссар 264-го стрелкового полка тов. Янов, уставший от многочисленных боев, также был не против компромисса. Это именно Янов провел с поляками переговоры и заключил соглашение, согласно которому легионеры сложили оружие [3, с. 145]. С польской стороны в процессе переговоров участвовал начальник штаба В. Чума. Позднее Реввоенсовет 5-й Красной армии осудил несогласованные действия военного комиссара 264-го стрелкового полка. В результате проведенного разбирательства приказом по войскам отдельной 5-й армии от 15 марта 1920 г. за № 287 тов. Янову был объявлен «выговор» [3, с. 145].

Как только обезоруженные поляки перестали представлять для красноармейцев какую-либо серьезную угрозу, условия достигнутого соглашения были сразу нарушены. Ни о какой свободе действий и скорого отъезда домой в Польшу не могло быть и речи. Польская беженка Стефания Витольдова-Лютык писала, что польских часовых заменили на красноармейцев, произвели изъятие имущества, продуктов, содержимого складов. После проведенных обысков гражданским лицам из вещей оставили только по две пары белья, остальное также изъяли (очевидно, кроме верхней одежды). От солдат отделили офицеров, посадили в вагон и отвезли в Красноярск. Только одним польским рабочим было предложено идти работать в депо.

Так в январе 1920 г. в Восточной Сибири под Красноярском бесславно закончила свой «боевой» путь 5-я польская дивизия.

Действия созданной интервентами 5-й польской дивизии явились одной из главных причин поражения Сибирских армий адмирала А.В. Колчака во время судьбоносной «красноярской операции». Тогда предательство поляков не оставило «камня на камне» от вчерашних союзнических отношений с «белыми». Нейтралитет с красноярскими мятежниками, неоказание военной помощи штурмующим Красноярск «каппелевцам» и, более того, срыв данного штурма сделали невозможным для белогвардейцев восстановление Восточного фронта на рубеже реки Енисей, вынудили остатки Сибирских армий разрозненными группами, лишенными боеприпасов, артиллерии, обмундирования и продовольствия, пробираться в обход Красноярска на восток, испытывая при этом чудовищные лишения.

Нежелание 5-й польской дивизии в Красноярске объединить с «капеллецами» военные усилия позволило существенно ослабить мощь антибольшевистских сил перед лицом авангардных частей Красной армии. Вместо того чтобы в Красноярске сделать временную остановку и совместно с «капеллецами» сорвать наступление Красной армии, 5-я польская дивизия на станции Ключвенная (ныне Уяр) загнала себя в ловушку, что и привело к ее последующей ликвидации, тяжелой судьбе польских военнослужащих и членов их семей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск: изд-во ООО «Версо», 2008. 416 с. ил.
2. Нам И. Российское правительство Колчака и польские воинские формирования (ноябрь 1918 — январь 1920). Вестник Томского государственного университета. № 312. 2008.
3. Овчаров В.В. Красное на Белом: к столетию окончания Гражданской войны в Красноярске. Красноярск: ООО ИД «Класс Плюс», 2019. 212 с. + 8 с. вкл.
4. Островский Л.К. Польские военные в Сибири (1904–1920 гг.). Вестник Томского государственного университета. № 316. 2008. С. 88–92.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ КРАСНОГО КОМАНДАРМА

В 2018 г. в коллекцию Музея русской культуры в Сан-Франциско (МРК) поступил машинописный текст воспоминаний полковника Н.Д. Всеволодова «Минувшее»¹.

Эти важные воспоминания Всеволодов написал на склоне лет в США. На титульном листе указано: Лос-Анджелес, Калифорния. Поскольку мемуарист упоминает, что ему исполнилось 85 лет, воспоминания следует датировать 1964 г. Мемуарист описал события революции и Гражданской войны, свою жизнь в Петрограде, арест ЧК, освобождение, службу в Красной армии, бегство к белым, жизнь на юге России, эмиграцию, а затем и свои беженские скитания в Турции, Венгрии, Австрии, Парагвае, Аргентине и США.

Общий объем мемуаров — 220 страниц. Воспоминания сохранились у Мариам Ивановой-Улагай среди книг ее библиотеки, поступившей на хранение в МРК в сентябре 2018 г.

Николай Дмитриевич Всеволодов родился 4 мая 1879 г., происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии, окончил кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1898), Николаевскую академию Генерального штаба в 1905 г., а также годичный курс Офицерской кавалерийской школы (1906). Последний чин в старой армии — полковник, хотя многие однокашники Всеволодова встретили начало Гражданской войны уже в генеральских чинах. Вероятно, это отставание связано со служебными проблемами, которые возникли у офицера. К тому же в 1917 г. Всеволодова медицинская комиссия признала негодным к военной службе² [1].

Всеволодов был носителем офицерской психологии и противником большевиков, тем более отношения с новой властью у него не складывались. Осенью 1918 г., после освобождения из-под аре-

¹ Всеволодов Н.Д. Минувшее (Музей русской культуры в Сан-Франциско (МРК). 60050 М. Выражаю глубокую благодарность И. Франккену за возможность ознакомиться с этим важным историческим источником.

² Российский государственный военный архив. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 269.

ста, он пытался пробраться на Дон, но это у него не получилось. В октябре 1918 г. Всеволодов поступил на службу в Красную армию, но служить там не стремился. Тем не менее в октябре-ноябре 1918 г. им был сформирован штаб 9-й советской армии. Позднее приказом Троцкого от 8 июня 1919 г. Всеволодов был назначен командующим 9-й армией, после чего бежал к белым.

Бегству Всеволодова предшествовали драматические события. В тылу его армии успешно действовали казаки-повстанцы, соседние армии отступали под ударами белых. Белым он сообщил, что отдал ряд вредительских распоряжений. Впрочем, сослуживцы злословили, отмечая благоволение белых к Всеволодову, «вся заслуга которого состояла в том, что он сорвал операцию не по умыслу, а по своей безграмотности»³.

Переход Всеволодова к противнику представляется ситуативным, вызванным как арестом Всеволодова в 1918 г., так и неблагоприятной для него обстановкой и угрозой репрессий летом 1919 г. Всеволодов попытался представить белому командованию свою деятельность как активную подрывную работу в РККА, но, по-видимому, это вымысел. Совокупность известных характеристик позволяет считать, что приоритетом для Всеволодова был не служебный долг, а личное благополучие. В этом сходятся и белые и красные, об этом же свидетельствовал и он сам на страницах своих воспоминаний.

Одним из последствий отступления 9-й армии и измены Всеволодова стал отход соседней 10-й армии, а также взятие частями Кавказской армии белых под командованием генерала П.Н. Врангеля 30 июня Царицына — стратегически важного пункта на Волге, необходимого для связи с антибольшевистскими силами Востока России. Всеволодов передал белым сведения, позволившие деникинцам овладеть городами Балашовом и Борисоглебском.

У белых Всеволодов карьеры не сделал. Около полугода он пробыл под следствием, после чего был реабилитирован. Для содержания семьи бывший командарм спекулировал нитками⁴, а также нашел себя на ниве военной журналистики. Белые газеты охотно печатали его воспоминания, военные и политические обзоры. В марте 1920 г. вместе с семьей Всеволодов выехал из Но-

³ Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 4.

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

вороссийска на остров Лемнос. Позднее обосновался в Константинополе, после чего при содействии русского военного агента в Турции переехал в Венгрию (Будапешт). В Венгрии он дожил до конца Второй мировой войны, затем перебрался в Австрию, Парагвай и Аргентину, а позднее в США, где и окончил свои дни не ранее 1964 г.

Биография Всеволодова после 1920-х гг. до обнаружения его воспоминаний известна не была. Мемуары позволили уточнить сведения о деятельности Всеволодова и проследить его жизненный путь до 1960-х гг. Впрочем, дата смерти офицера остается неустановленной.

Чем важны его воспоминания? Прежде всего тем, что их автор в Гражданскую войну прошел необычный служебный путь, успев послужить командующим одной из советских армий, затем оказался у белых и имел возможность сравнить порядки в противоборствующих лагерях. Воспоминания красных командармов эпохи Гражданской войны — большая редкость. Тем более ценно, что в данном случае речь идет о мемуарах человека драматической судьбы — одного из командармов, изменивших советской власти.

Достоверность воспоминаний подтверждается их содержанием, совпадением разнообразных фактов и множества деталей, которые могли быть известны только участнику событий, с имеющимися в нашем распоряжении документами. Наконец, воспоминания рисуют портрет их автора, совпадающий с теми личностными особенностями Всеволодова, которые нам известны из документов.

Своей задачей мемуарист считал прежде всего освещение событий революции и Гражданской войны, в которых он участвовал, поскольку в советской литературе эти факты, по его мнению, искажались. На страницах воспоминаний он рассказал о своей жизни в Петрограде в революционный и послереволюционный период, в том числе оставил описание захвата власти большевиками. Всеволодов ностальгировал по прежней жизни в России. Например, он подробнейшим образом описывал вечер у цыган. Мемуарист явно озабочен финансовым вопросом, причем без стеснения писал об этом в воспоминаниях. К примеру, в тексте можно встретить такую фразу: «В моем уме уже мелькала пачка ассигнаций, по крайней мере, тысяч в десять, которые должны

заплатить комиссары за дальний проезд. Я ехал и улыбался от удовольствия»⁵.

Судя по всему, это был человек авантюрного склада характера и, по-видимому, не особенно умный. В основном, искавший везде личную выгоду и терявшийся в обстановке Гражданской войны.

Воспоминания содержат множество неточностей, нестыковок и ошибок памяти. Это и неудивительно, поскольку писались они в конце жизни. Присутствует в них и налет хлестаковщины. Среди курьезов — Всеволодов отозвался о себе как о бывшем гусаре, но по документам служил не в гусарских, а в драгунских полках. О себе он пишет как о генерале Генерального штаба, хотя в действительности был лишь полковником. При этом он не скрывал свою склонность к хлестаковщине, свидетельствуя, в частности, как выдавал себя перед петроградскими красногвардейцами для солидности за начальника штаба Красной армии, хотя в действительности был лишь начальником штаба муниципального отряда.

Всеволодов довольно неубедительно пишет о своем стремлении бежать из Петрограда, тогда как в первой половине 1918 г. он сравнительно неплохо устроился шофером и начальником штаба муниципального отряда. Чтобы покинуть Петроград, Всеволодов в конце концов решил обзавестись украинским паспортом, однако реализовать этот замысел не удалось из-за ареста, случившегося в конце июля 1918 г.

Офицер содержался сначала в Петроградской ЧК, затем в Доме предварительного заключения на Шпалерной улице и в Петропавловской крепости. Всеволодову пришлось сидеть вместе с рядом знаменитых арестантов, включая великих князей Павла Александровича, Николая Михайловича, Дмитрия Константиновича, генералов Хана Гуссейна Нахичеванского и А.А. Поливанова. Мемуары содержат описание приезда в тюрьму председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого и другие интересные свидетельства. Освободился Всеволодов в конце сентября 1918 г.

Странное впечатление оставляет описание скитаний автора между Петроградом и Москвой по освобождении, попытке ехать в Варшаву, чтобы попасть к белым на Дон, отправиться в Персию

⁵ Всеволодов Н.Д. Минувшее (Музей русской культуры в Сан-Франциско (МРК). 60050 М. С. 20.

или в Сибирь. К тому же эти свидетельства противоречат служебным документам Всеволодова.

Осенью 1918 г. состоялось зачисление Всеволодова на службу в РККА. Как отмечал мемуарист, рассуждая о событиях того периода: «В этот начальный период Гражданской войны каждый порядочный офицер — за редким исключением — помышлял о бегстве к белым. Лишь несколько позже, когда к нам дошли слухи о репрессиях белого командования, число желающих бежать значительно сократилось. Многие офицеры, испуганные суровой расправой и даже самосудом, допускаясь к белым, отсрочили надолго свой побег, а многие — и вовсе отказались от него»⁶.

Всеволодов составил целую портретную галерею советских военных деятелей, с которыми ему довелось служить. Среди них управляющий делами Наркомата по военным делам Н.М. Потапов, командующий 8-й армией М.Н. Тухачевский и командующий 9-й армией А.И. Егоров, начальник штаба 9-й армии армии П.Е. Княгницкий, члены РВС 9-й армии В.А. Барышников, П.В. Дашкевич, Г.Я. Сокольников (Бриллиант), начальник 14-й стрелковой дивизии А.С. Ролько, начальник 15-й стрелковой дивизии Ю.С. Гузарский, начальник 16-й стрелковой дивизии В.И. Киквидзе, начальники 23-й стрелковой дивизии А.Г. Голиков и Ф.К. Миронов, заместитель начальника 14-й стрелковой дивизии А.К. Степин, вр.и.д. начальника штаба 9-й армии Н.Н. Карепов, начальник административного отдела штаба 9-й армии И.И. Гарькавый, начальники оперативного отдела штаба 9-й армии А.И. Корк и И.В. Яцко.

Характеристики сослуживцев по Красной армии не лишены позитивной составляющей. Мемуарист отметил сильный характер А.И. Егорова, храбрость, ум и гуманизм П.Е. Княгницкого, образованность и интеллект Г.Я. Сокольникова, ум, спокойствие и добродушие П.В. Дашкевича, деятельную натуру А.С. Ролько, ум, природную сметку, исполнительность А.Г. Голикова, хозяйственность И.И. Гарькавого. Негативных оценок удостоились В.А. Барышников, Ю.С. Гузарский, В.И. Киквидзе и А.К. Степин. А.И. Егорова, А.И. Корка и М.Н. Тухачевского Всеволодов прямо назвал «прекрасными, выдающимися офицерами, большого ума

⁶ Всеволодов Н.Д. Минувшее (Музей русской культуры в Сан-Франциско (МРК). 60050 М. С. 77.

и воли»⁷. Н.М. Потапова Всеволодов не раз называл своим другом, отмечал помощь с его стороны в поступлении на службу в РККА и в бытовых вопросах. Любопытно, что видного советского военачальника А.И. Корка Всеволодов считал противником коммунистов и даже предлагал ему бежать к белым, но тот отказался⁸. Всеволодову присущ антисемитизм, что выразилось в негативных оценках комиссаров-евреев.

Мемуары Всеволодова содержат описание приезда в штаб 9-й армии в Балашов в начале 1919 г. председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого. Троцкий действительно приехал в Балашов 11 января 1919 г. Впрочем, достоверность описания вызывает сомнения. Несмотря на демонизацию Троцкого, изображение его садистом, невозмутимо требующим чашку кофе после собственноручного убийства подчиненного, он в мемуарах показан все же с некоторыми положительными чертами. В частности, он по-доброму общался с сыном Всеволодова и даже похвалил его за точную ориентировку по карте⁹. Кроме того, Троцкий в инциденте с неподчинением начдива В.И. Киквидзе приказам представлен справедливым военным администратором, принявшим сторону Всеволодова. Из свидетельства Всеволодова следует, что именно мемуарист обратил внимание Троцкого на неисполнение приказов со стороны Киквидзе. По версии Всеволодова, Троцкий лично застрелил Киквидзе. Однако это не соответствует действительности.

Всеволодов отмечал, что даже в апреле 1919 г. у него не было твердого намерения бежать к белым. Более того, военспецу явно льстили высокие назначения в Красной армии¹⁰. Прежде чем перейти к белым, Всеволодов сообщил о своем намерении белому командованию через скрывавшихся казаков. После побега в штабе I Донского отдельного корпуса Всеволодов представился генералу Н.Н. Алексееву. Прием был уважительным. Всеволодов подробно изложил обстановку, сообщил расположение частей РККА, планы его и соседних армий. Затем Всеволодова отправили в Екатеринодар, откуда он вместе со Ставкой генерала А.И. Деникина переехал в Таганрог.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ Всеволодов Н.Д. Минувшее (Музей русской культуры в Сан-Франциско (МРК). 60050 М. С. 105.

¹⁰ Там же. С. 117-118.

Чтобы прокормить семью, Всеволодов достал теплушку, приобрел в Новороссийске ходовые товары (булавки, гребенки, ленты, ситец, спички, шпильки, щетки), которые привез в Таганрог и продавал на базаре. Интересны проявления офицерской психологии Всеволодова, предполагавшей пренебрежительное отношение к рыночным торговцам по соседству¹¹.

Так прошло около полугода. В конце 1919 г. состоялся военно-полевой суд над Всеволодовым. Интересно, что к этому времени к белым перешли уже несколько военспецов из его окружения, включая бывшего начальника штаба 9-й армии Н.Н. Карепова (бывшего генерал-лейтенанта), а также бывшего начальника 14-й стрелковой дивизии А.С. Ролько (бывшего штаб-капитана). Среди перебежчиков был и некий полковник П., имя которого Всеволодов не афишировал. После оправдания судом Всеволодов получил назначение начальником штаба обороны Таганрогского района¹². Впрочем, белые уже отступали. Вскоре был оставлен и Таганрог. Сам Всеволодов при этом едва не попал в плен к красным, что могло бы окончиться для него плохим. Затем в Новороссийске Всеволодова назначили начальником штаба обороны Новороссийского района, но сделать что-либо на этом посту он не мог. Тем более что вокруг города свободно действовали отряды зеленых. В итоге уже в марте 1920 г. Всеволодов уехал с семьей в Грецию, а оттуда — на остров Лемнос и в Константинополь.

Сведения, приводимые Всеволодовым по слухам или с чужих слов, не всегда точны. К тому же мемуарист заметно сгущал краски, рисуя жестокие порядки в Советской России. Неубедительно изображение петроградского чекиста В.С. Шатова как настоящего исчадия ада. Недостоверен и рассказ о попытках чекистов шантажировать балерину М.Ф. Кшесинскую в Петрограде в 1918 г., тогда как на самом деле Кшесинская еще в 1917 г. уехала в Кисловодск. Всеволодов не только значительно преувеличил численность жертв красного террора, но и демонизировал советских вождей. Как уже отмечалось, Троцкий, по его версии, лично застрелил начдива В.И. Киквидзе и угрожал автору воспоминаний. Едва ли это соответствует действительности.

¹¹ Там же. С. 144.

¹² Всеволодов Н.Д. Минувшее (Музей русской культуры в Сан-Франциско (МРК). 60050 М. С. 145-146.

В другом месте Всеволодов отмечал, что изменник генерал А.Л. Носович в Царицыне оказался под арестом на барже, где его пытали, а К.Е. Ворошилов видел в нем конкурента на командные посты и хотел ликвидировать. Однако на самом деле Носович не содержался на барже, а такой видный партийный деятель, каким был Ворошилов, едва ли мог считать его своим соперником. Много домыслов и в описании событий в СССР в 1930-е гг. Прежде всего — большого террора, о котором Всеволодов мог знать только из газет. Например, Всеволодов написал, что маршалу В.К. Блюхеру на допросе нарком Н.И. Ежов выстрелил в живот, а после лечения Блюхера расстреляли. Это не соответствует действительности.

Весь текст мемуаров свидетельствует об озабоченности Всеволодова вопросами своего материального благосостояния, сохранения имущества, питания, по существу о крохоборстве. Мемуарист не раз скрупулезно перечисляет утраченное в результате различных бедствий имущество, описывает свои коммерческие предприятия, связанные с автомобильным делом. И у красных, и у белых Всеволодов стремился заработать денег вне военной службы. Шоферил, торговал, спекулировал. Насколько можно судить из текста, в период его военной службы эти вопросы преобладали над служебными.

Описывая константинопольский период, Всеволодов вновь перечислял понесенные убытки. На этот раз от ограбления англичанами. В Константинополе Всеволодов купил автомобиль и открыл свое дело. Поселился с семьей в домике, сколоченном из ящиков. Однако бизнес не задался из-за разгула криминала, покрываемого турецкой полицией. Тогда Всеволодов открыл чайную на площади Таксим, но и это предприятие пришлось свернуть из-за недобросовестной конкуренции со стороны турок. После этого якобы из-за угрозы жизни со стороны большевиков Всеволодовы срочно уехали в Венгрию с эшеленом галлиполийцев, умудрившись увезти с собой и автомобиль.

В Венгрии Всеволодовы поселились в Будапеште. Мемуарист стал работать таксистом. Далее в воспоминаниях офицера длительный пропуск, примерно с 1920 до 1936 г. К тому времени он занимался уже другим делом — организовал хор для озвучивания немого кино, а позднее создал свой балалаечный, а затем джазовый оркестр. В оркестре играли и двое сыновей Всеволодова — Борис и Юрий. Сам бывший командарм играл на рояле.

С оркестром Всеволодов выступал в Италии. При этом ему повсеместно мерещились советские агенты, якобы разыскивавшие его по итогам Гражданской войны. Позднее в Венгрии Всеволодов с дочерью Татьяной создал джазовый дуэт.

В годы Второй мировой войны Всеволодов организовал магазин, в котором торговал чаем, кофе, фруктами, закусками. Из-за издержек этот бизнес пришлось закрыть. Всеволодов уехал в курортный городок Борсек в Карпатах, где вновь занялся музыкой. В конце войны Всеволодов попытался из Венгрии уехать в Швецию, но это не удалось.

В октябре 1944 г. семья разделилась. Супруга Всеволодова, сын Николай с семьей и сын Юрий остались в Будапеште (удивительно, но Всеволодов практически не упоминает, почему они с супругой расстались). Мемуарист с дочерью уехали в Шопрон к сыну Борису. Далее Всеволодов с дочерью отправились в Австрию. Затем им удалось уехать в Бразилию на пароходе, а оттуда в Парагвай, куда прибыли 15 сентября 1945 г. В Парагвае их встретил русский генерал Н.Ф.Эрн. После нескольких лет жизни в Парагвае Всеволодов, видимо в марте 1951 г., уехал в Аргентину. Работал на фабрике роялей, а затем открыл свой кондитерский магазин. Затем Всеволодов с дочерью уехал в США.

Завершал свои мемуары Всеволодов фактически апологией американской жизни. Он отметил, что в США «обеспечивают свободную и счастливую жизнь каждому гражданину. Здесь все предусмотрено до мельчайших деталей, и обыватель может жить, работать и творить уверенно и спокойно в противоположность гражданам Советского Союза, где нет никакой свободы и никто не знает, что с ним случится завтра»¹³.

Воспоминания Всеволодова представляют собой прежде неизвестный источник по истории Гражданской войны в России. В сочетании с другими свидетельствами они позволяют проанализировать ряд важных событий эпохи 1917–1920 гг., лучше понять поведение представителей офицерского корпуса в чрезвычайных условиях Гражданской войны. Освещают мемуары и последующую жизнь их автора, что также интересно для специалистов. В настоящее время воспоминания Всеволодова готовятся к печати.

¹³ Всеволодов Н.Д. Минувшее (Музей русской культуры в Сан-Франциско (МРК). 60050 М. С. 220.

Н.Д. Всеволодов — противоречивая историческая фигура. На страницах его мемуаров при явном неприятии террористических методов большевиков, при нелюбви к характерным представителям советского режима («матросне», комиссарам-евреям), приверженности идеалам Белого движения прослеживаются и явные симпатии к деятелям Красной армии, в особенности к военным специалистам — таким же, как сам Всеволодов, бывшим офицерам.

По-видимому, испытания революцией и Гражданской войной оказались слишком тяжелы для Всеволодова. Не все участники тех событий были героями. Не был таковым и автор мемуаров, оказавшийся вынесенным волей случая на высшие командные посты в Красной армии. При этом он прошел через череду драматических испытаний и удивительных приключений, лишился прежнего общественного положения, имущества, попал под арест, что было немыслимо для представителя военной элиты до революции, оказался свидетелем пугающих реалий ЧК эпохи красного террора, не раз находился на волосок от смерти. Затем был вынужден скитаться, неоднократно рисковать собственной жизнью и жизнью близких, торговать на базаре вместе с людьми иного социального статуса. Всеволодов смог уехать из России и пострадал меньше многих других офицеров, метавшихся между противоборствующими сторонами. Однако фактически в эмиграции ему пришлось начинать с нуля. Штаб-офицер русской армии работал таксистом, ресторатором, играл в оркестре. Та же участь была уготована и его детям. Не берясь судить поведение офицера, отметим, что речь идет о трагедии самого Всеволодова и его близких. Основываясь на анализе воспоминаний, вполне возможно предположить, что к концу жизни, сменив шесть стран, оказавшись очевидцем, участником и жертвой трех войн, мемуарист был уже не вполне здоровым человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Измена командарма Н.Д. Всеволодова / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 72–93; № 5. С. 71–91.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ИНТЕРВЕНЦИЯ И ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ КАРЕЛИИ

Весной 1918 г., на завершающем этапе Первой мировой войны, после выхода из нее России и обретения независимости Финляндией, российская Карелия из тылового и относительно стабильного района начала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем оказалась одним из первых очагов военной интервенции и Гражданской войны на Севере России. Мемуары очевидцев о событиях военной интервенции и Гражданской войны позволяют исследовать память «эмоционального сообщества» населения карельского приграничья.

В период революционных потрясений 1917 г. и общественно-политических перемен в Олонецком крае и Кемском уезде Архангельской губернии происходила массовая дестабилизация социальной идентичности людей. В годы Гражданской войны Российская Карелия оказалась территорией массового применения военных и чрезвычайных методов управления, отличавшихся особой жестокостью. В индивидуальной и коллективной памяти городских и деревенских жителей нашли отражение их тогдашние эмоциональные реакции в условиях экстремальных ситуаций, становившихся повседневностью, — страх и ненависть к «чужому», переживание голода, боли, потери устоявшихся ориентиров, ностальгии по «своему» утраченному традиционному укладу жизни [2; 10].

Источниковую основу исследования составили выходявшие в 1932, 1957 и 1963 гг. сборники воспоминаний участников российской революции 1917 г. и Гражданской войны в Карелии¹. Особый интерес представляют хранящиеся в Научном архиве

¹ В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л., 1932; В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957; За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963.

Карельского НЦ РАН подготовительные материалы к этим публикациям [12]. Значительная часть рассказов, собранных в 1930-е, послевоенные и в 1950-е гг., не увидела свет из-за того, что их содержание, включая сведения об эмоциональном настрое участников и очевидцев событий, слишком расходились с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране.

Документами, повествующими «о времени и о себе», становились биографические записи интервьюеров и автобиографические рассказы участников и очевидцев событий о том, что происходило в период российской революции 1917 г. и в последующее время, прежде всего в губернских и уездных центрах Русского Севера. В Национальном архиве Республики Карелия (НАРК) и в Научном архиве КарНЦ РАН хранятся многочисленные воспоминания очевидцев и участников событий революционного и военного времени, записанные в 1930-е гг. как историками, так и фольклористами, выезжавшими в карельское приграничье, в Поморье, в глубинку бывшей Олонецкой губернии. К ним относятся и «Рассказы о Гражданской войне в Карелии», обнаруженные в материалах фольклорной экспедиции ленинградской исследовательницы А. М. Астаховой. Разумеется, экспедиции собирателей фольклора и воспоминаний о происходившем в Карелии в 1917–1920-х гг. обращались к памяти лишь одной из сторон — к победителям, участвовавшим в революционных событиях и сражениях Гражданской войны. Среди них бывшие красные партизаны, красноармейцы и те из жителей приграничья, кто поддерживал советскую власть.

В 1930-е гг. по инициативе сотрудников, работавших в историко-революционной секции Карельского научно-исследовательского института под руководством Ээро Хаапалайнена, осуществлялся сбор воспоминаний о революционных событиях в Финляндии и Карелии. В период революции 1918 г. и гражданской войны в Финляндии Хаапалайнен был уполномоченным по внутренним делам в правительстве «красных» финнов и занимал должность главнокомандующего Красной гвардии. Став руководителем историко-революционной секции, он хорошо понимал значение сбора и публикации свидетельств очевидцев о том, что происходило в годы его тревожной молодости [6, с. 82].

В записях рассказов о Гражданской войне, сделанных А. М. Астаховой в Карельском Поморье в 1930-е гг., можно выделить традиционные для фольклора мотивы «нетипичного поведения врага». Часовой-белогвардеец, т. е. «чужой», предупреждает «своего» — красного партизана — о грозящей ему в деревне опасности. Аналогично: врач, служивший у белых, спасает красноармейца от ареста, поскольку оказался его однополчанином в годы Первой мировой войны². В воспоминаниях сорокалетнего А.П. Вавилина о пребывании в плену у белых в 1919 г. в районе ст. Кяппесельга Мурманской железной дороги рассказывается, как автору удалось избежать расстрела благодаря тому, что арестованный вместе с ним товарищ-поляк оказался родственником начальнику контрразведки: оба поляка вместе служили «в царское время», к тому же были женаты на сестрах³. Приведенный пример стирания, казалось бы, непреодолимой границы между «своими» и «чужими» подтверждает заключение И. А. Разумовой о том, что установление родства в любой форме — от свойства до бывшего братства по оружию — способствует преодолению критического положения, являясь средством «спасения» и психологической компенсации [9, с. 320–324].

Сегодня все чаще обнаруживается стремление исследователей, изучающих раннесоветский период российской истории, опираться на «живые свидетельства» прошлого, которые, конечно, уже не могут «представлять» видение времени из 1920–1930-х, но все же позволяют обратиться к «человеческому измерению» времени, увидев его в «антропологическом ракурсе» [1, с. 7–13].

Примечательны в этом отношении воспоминания жителя г. Олонца Петрова о военном детстве, проведенном в одной из деревень Южной Карелии, поблизости от российско-финляндской границы. Спустя многие десятилетия, в 1970-х гг., он рассказал, как семилетним мальчиком оказался очевидцем непонятных для него частых ночных отъездов из дома его отца, охотника-любителя. Тот отлучался вместе с односельчанином-соседом и брал с собой ружье. После того как однажды отец привез мешок ржи, ребенку все же удалось добиться объяснения таких постоянных

² Научный архив Карельского НЦ РАН (НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 86–118. Л. 304.

³ НА КарНЦ РАН. Л. 301–302.

отлучек: «Вот что, сынок, мы живем недалеко от границы, там другое государство, и вот они приезжают сюда оттуда, везут разные тряпки, особенно курево и т. д., а от наших зажиточных крестьян берут хлеб, т. е. рожь, которой у нас не хватает. Вот дядя Петя и устраивает захваты этих контрабандистов, а как оружия у нас нет, вот он меня и берет с собой с этим 12-ти калиберным, ... вот мы их и пугаем, этих незваных заграничных гостей...»⁴.

Воспоминания, которые условно можно сопоставить с материалами по «устной истории», свидетельствуют об обстановке катастрофической нехватки продовольствия в уездах Олонецкой губернии. Еще с 1917 г. здесь действовал запрет губернских властей вывозить продукты в соседнюю Финляндию. Самочинные крестьянские меры по «восстановлению справедливости» все же оказывались поступками сомнительного свойства, и крестьяне это осознавали. Не случайно упоминание мемуариста о том, что «отец долго не хотел говорить» о характере своих поездок и уступил лишь тогда, когда сын «настойчиво не давал ему покоя»⁵. Однако в дальнейшем подобные акты, явно противоречившие представлениям мирного времени о законности, получали совершенно иную интерпретацию.

Актуализировалось желание самому остаться в памяти «своих» соратников, хотя бы даже ценой мученической гибели, сближавшей предвидение человеком собственной судьбы с традиционными представлениями о «святых» и «страстотерпцах». Судьба «маленького человека» оказывалась, таким образом, возвышенной до аналогий с главными святынями христианства, хотя декларируемый отказ от христианских ценностей вел к демонстрации «вседозволенности».

Семилетний Петров оказался свидетелем того, как в канун праздника Пасхи 1919 г., за день до вторжения в Южную Карелию финских добровольческих отрядов, в одной из деревень красноармейцы-пограничники шумно веселились. Они составили оркестр из всего, что попало под руку: гармошки, гитары, балалайки, «даже от печки взяли заслонку и начали играть, и такую

⁴ Петров. О двух дядях Петях // НА КарНЦ РАН. Фольклорная коллекция. Воспоминания о Гражданской войне 1918–1919 гг., записанные олонецким Петровым в 1960-х гг.

⁵ Там же.

шумную затеяли игру, что наш деревянный домик ходуном заходил, а я от радости кружился по полу как волчок». В ответ на увещания бабушки, которая попыталась прекратить эту потеху, затеянную в Страстную Субботу, приятель автора воспоминаний — «дядя Петя» — парировал следующими словами: «Знаете что, старуха, у вас завтра Пасха, Иисус Христос воскреснется, а нас наоборот, если что, мы никогда не воскреснемся, а люди, вот как твой внук, будут вспоминать, какие мы Иисусы Христы»⁶.

Неудивительно, что нарочитая демонстрация безразличия к отвергаемым духовным ценностям и неуважения к религиозным чувствам населения не добавляли авторитета сторонникам переустройства деревенской жизни в глазах взрослых. Как пишет Петров, «тут бабушка рассердилась, хватя меня за ухо», потащила «на второй этаж и бурчит: ты тоже хочешь быть такими антихристами, как эти?»⁷. Разделение земляков на «нас» и «этих», «своих» и «чужих» в условиях острейшего общественного противостояния было типично для обеих сторон. В воспоминаниях А. П. Поповой, матери расстрелянного в д. Нюхча председателя местного сельсовета Ивана Васильевича Попова, обращает на себя внимание рассказ о том, как она предостерегала сына от недовольства зажиточных односельчан его деятельностью: «Вот и дает мужицку записку, што пойдешь к богатому мужику, он даст жито тебе поле засеять, а я рассчитаюсь ему пшонкой. А им казалось мало пуд на пуд, дешево. Вот на него бранились и ворчали. Я ему и говорю: “Вот, Ваня, ты с бедным связался, а тебя богатые расстреляют”. А он: “Э, мама! Ты не дело говоришь. Полдела — кабы за бедных расстреляли, только бы не за богатых. Тогда бы был я памятником”. А я не спросила: “Ваня, каким бы ты был памятником?” Вот теперь памятником и стал. Товарищи три раза в год ходят и поминают»⁸.

Источник зафиксировал пример одновременного конструирования и последующей демонстрации как социальной иден-

⁶ Петров. О двух дядях Петях // НА КарНЦ РАН. Фольклорная коллекция. Воспоминания о Гражданской войне 1918-1919 гг., записанные олончанином Петровым в 1960-х гг.

⁷ Там же.

⁸ Научный архив Карельского НЦ РАН (НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 86-118. Л.232.

тичности, которая, по наблюдениям Ш. Фицпатрик, означает отождествление себя с некоей группой или категорией, так и идентичности персональной, с целью «установить степень своей личности внутри категории» [11, с. 4].

В рассказах членов семьи И.В. Титова из Ньюхчи, записанных А.М. Астаховой в 1930-е гг., присутствуют фольклорные мотивы «чудесного спасения» и «неокончательной смерти» участников кровопролитных событий. Так, по свидетельству информантки, в одном из домов односельчанка сумела спасти ее брата от ареста следующим образом: «В окошко-то увидали и бегом из квартиры через сенник, но по дороге встретился бы неминуемо с Рублевским» (белым офицером. — Е. Д.), если бы «жонка» хозяина «не закрыла его юбкой: она, распустив юбку, встала между ним и Рублевским, и брату удалось бежать». Другому жителю деревни, уцелевшему во время расстрела, удастся выбраться из-под горы трупов и скрыться⁹.

На основе опубликованных и неопубликованных источников личного происхождения можно проследить эмоциональные аспекты военного опыта «маленького человека» — воина, санитарки, «красного» партизана, мирного жителя русской и карельской деревни, горожанина. Запись А.М. Астаховой сохранила воспоминание заонежанина А.П. Вавилина о трех красногвардейцах, посаженных белыми в карцер «за святотатство». «Когда они находились в поповском доме, из ряс нашили себе кисетов, один пояс сделал. А другой — курева не было — так евангелю на бумагу для курева разорвал. Так вот их и привлекли»¹⁰. Подобные извращенные образы «мучеников» заменили в сознании жителей Карелии привычные и «намоленные» образы.

Сбор воспоминаний, проводившийся в качестве грандиозного государственного проекта с начала 1920-х гг., создал источниковую базу для исследования памяти о войне и ее героях, в частности о национальных героях Карелии и их репрезентации в национальной памяти: уроженцах Беломорской Карелии — Григории Лежоеве, Николае Ругоеве, Ристо Богданове, ухтинце Ииво Ахава — георгиевском кавалере, бывшем офицере российской армии. Однако те воспоминания, которые содержат упоминания об инициативе «чужих» — англичан, оказавшихся

⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 86–118. Л. 232–333.

¹⁰ Там же. Л. 300.

организаторами защиты Беломорской Карелии от вторжения финнов, долгие годы не вводились в научный оборот. Они мало соотносились с базовым мифом о Гражданской войне, который ко времени создания СССР уже принадлежал к основным мифам возникшего многонационального советского государства [7; 8]. Такими же «неудобными» оказывались подробности, связанные с историей созданного в 1918 г. «Карельского полка», действовавшего под британским командованием [3, с. 170–171].

Этот полк («Легион» или «Отряд», как его называли карелы) ставил целью изгнание «белых финнов» из Карелии и первоначально насчитывал не более двух — четырех сотен бойцов. Он был сформирован в июле 1918 г. карельскими добровольцами и командованием английских интервенционистских войск, весной того же года высадившихся на Мурмане. Как свидетельствуют мемуары участника и очевидца событий 1918 г., британского профессионального военного и политика Филиппа Дж. Вудса¹¹, в начале июля 1918 г. фактическими хозяевами Беломорской Карелии стали англичане. Белые сформировали для борьбы с большевиками Российскую народную армию, их главные силы действовали в зоне Мурманской железной дороги, а станция Кемь стала местом пребывания коменданта тыла Мурманского района.

Из деревень Беломорской Карелии, занятых финскими экспедиционными отрядами, к командирам английских частей приходили бежавшие добровольцы-карелы и обращались с просьбой дать им оружие и военную подготовку, чтобы они могли выступить против финнов. К июлю число бойцов отряда достигло 300 человек¹². Он был создан благодаря сотрудничеству местных жителей и англичан, движимых одной целью — изгнать финнов из Карелии. Из карелов были назначены и офицеры, хотя они командовали лишь формально, фактическое командование осуществлялось англичанами. Отряд организовался под лозунгом «Прочь финны из Карелии», «Карелия для карел»¹³ [5, с. 434–435].

¹¹ Полковник Филипп Дж. Вудс. Карельский дневник // Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары / Н. Барон; [пер. с англ. А. Голубева]. СПб., 2013. С. 19–168.

¹² Лежоев И.Ф. Воспоминания // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 98.

¹³ Лесонен Ф. А. Борьба с белофиннами в Калевальском районе в 1918–1920 гг. «Карельский добровольческий отряд» // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140. Л. 56.

По словам одного из авторов воспоминаний, находились желающие вступить в отряд и среди русских рабочих Кеми, Сорони и других рабочих поселков, но вербовщики их не принимали и говорили, что возьмут только карелов. Такие свидетельства не очень вписываются в долгие годы господствовавшие в исторической науке представления о едином фронте трудящихся Карелии, поднявшихся на борьбу против иноземных захватчиков для защиты завоеваний нового строя. В 1950-е гг. совсем не подходящим для публикации и вычеркнутым из редактируемого текста оказалось воспоминание Федора Лесонена о военном обучении бойцов отряда английскими офицерами. Учеба «усиленно велась до лета» (1919 г. — Е. Д.), и «нам было ясно, что готовят нас против Красной Армии и Советской власти»¹⁴.

Обращает на себя внимание фрагмент воспоминаний Ф.А. Лесонена о том, как реагировали командиры полка, узнав о намерении бойцов установить контакт с «Финским легионом», также сформированным англичанами, действовавшим на Мурмане и состоявшим из бежавших из Финляндии после подавления революции 1918 года сторонников финских «красных». Те отказывались воевать против Красной армии. В ответ на попытку батальона «Карельского полка» связаться с одной из красноармейских частей командиры собрали батальон на ст. Кемь, окружили его вооруженными сербами и англичанами, «выступали с речами и требовали, чтобы мы выехали на фронт». Один из них «показал нам кусок черного хлеба, испеченный для животных, и кричал, что «вот такой хлеб едят красноармейцы, конец которых уже близок». Примечательна ремарка автора воспоминаний, характеризующая недовольство, а вместе с тем подавленность и запуганное состояние бойцов батальона: «Мы все молчали и возмущались... Большинство молчало и думало о возвращении домой, к семьям»¹⁵.

Когда батальон все же отказался выехать на фронт, англичане сменили политику «кнута» на политику «пряника». Они открыли склады обмундирования и продовольствия, которые карелы прозвали «складами-приманками». Оттуда «любой из нас мог “свободно” получить все, что требуется для солдата, — две пары белья,

¹⁴ Там же. Л. 22.

¹⁵ Лесонен Ф.А. Борьба с белофиннами... Л. 59.

обувь и верхнюю одежду, но требовали при получении показать свой номер, которым наградили нас», присвоив его как «своим подчиненным, солдатам-слугам». Кроме того, «каждый должен был оставить в их бумагах отпечаток своего указательного пальца», пишет Ф.А. Лесонен. «Даже пайки продовольствия давались нашим семьям», — продолжает автор воспоминаний, — но «когда кое-кто воспользовался этой “добротой” интервентов и скрылся с оружием, то “склады-приманки” были ими сожжены», англичане «усилили охрану дорог и отобрали оружие у всех нас»¹⁶. Связи с «Финским легионом» установить не удалось, началось дезертирство. «В числе первых бежал Г. И. Лежоев (командир отряда. — Е. Д.) с группой солдат», но бежать удалось не всем. Многих из оставшихся «посадили в тюрьму или в лагерь, находившиеся на Попов острове. Часть отряда насильно и обманом посадили в теплушки и вместе с сербами отправили на фронт»¹⁷ [4, с. 142].

По сравнению с частями Красной армии Белые войска и «Карельский полк», снабжавшиеся продовольствием из стран Антанты, находились в более выгодном положении и могли избежать массовых реквизиций у населения. Однако, вспоминая о службе в полку, Ф.И. Лесонен неожиданно сообщает следующее. Находясь на охране границы, его отряд получал английский паек, который в воспоминаниях 1930-х гг. автор называет «скудным», между тем как «семьи многих голодали». «Неурожай и недостаток продовольствия вынудили нас создать комбеды в ряде деревень. Через них мы конфисковали излишки хлеба у местных кулаков. Хлеб был роздан для нужд отряда и беднейшего крестьянства»¹⁸.

В этом «свидетельстве», вероятно, нашло отражение не только желание автора воспоминаний максимально «приблизить» боевой путь «Карельского полка» с его «сомнительным», с точки зрения общества победителей, прошлым к реалиям жизни частей Красной армии. Непредставимые в Беломорской Карелии «комбеды» из рассказа Ф.И. Лесонена все же наводят на мысль, что отношения бойцов «Карельского полка» с населением родных деревень не были такими уж безоблачными и что в годы Гражданской войны не одни красноармейские части оказывались перед необходимо-

¹⁶ Там же. Л. 22.

¹⁷ Там же. Л. 24

¹⁸ Лесонен Ф. А. Борьба с белофиннами... Л. 22, 58.

стью заниматься самоснабжением. Хотя, конечно, в северо-карельском приграничье не было массовых насильственных реквизиций, подобных тем, которые становились чуть ли не повседневностью в населенных пунктах южной Карелии и которые приводили многих из ее жителей в стан противников советской власти.

В воспоминаниях, записанных в 1930-е — 1950-е гг., Первая мировая война и порожденная ею российская революция 1917 года выступают как события, получившие статус «поворотных моментов истории», с которых начиналась новая эпоха и которые маркировали полный разрыв с прошлым. К этому времени в обществе уже не оставалось поколения, не отравленного войной. Если в начале XX века жители края имели представление о «военном лихолетье» в карельском приграничье лишь по легендам и преданиям, а Первая мировая война непосредственно коснулась далеко не всех, то ко времени Гражданской войны и интервенции своя память о нем была у каждого. Это облегчало властям осуществление дальнейшей милитаризации городского и сельского сообщества в 1920–1930-е гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безрогов В. Г. Культура памяти: мифологизация и/или историзация пережитого? // Культура исторической памяти: невосстановленный опыт. Матер. всерос. науч. конф. Петрозаводск: ПетрГУ, 2003. С. 7–13.

2. Буддаков В. П. Революция и гражданская война как травма исторической памяти // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2007. Вып. 4. С. 98–132.

3. Витухновская-Кауппала М. А. Гражданская война в карельских регионах России: проблемы и перспективы изучения // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 152–184.

4. Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: Изд-во МГУ, 1993. 200 с.

5. Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.

6. Дубровская Е.Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2016. 110 с.

7. Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917 ? — 1922 ?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24.

8. Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 222–223.

9. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: «Индрик», 2001.

10. Трошина Т.И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: «ИД САФУ», 2014. 347 с.

11. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России. М.: РОССПЭН, 2011.

12. Polyakova T. The Memoirist and the Redactor: Writing the History of the Russian Civil War in Karelia // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Вып. 1. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://nbsr.petrSU.ru/journal/article.php?id=482>

А.В. КАРТАШЕВ В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В 1919 Г.

Антон Владимирович Карташев известен прежде всего как выдающийся богослов, историк русской церкви, последний обер-прокурор Святейшего Синода, министр исповеданий Временного правительства. В годы Гражданской войны он не остался в стороне от политической деятельности и активно участвовал в Белом движении.

В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. А.В. Карташева арестовали в Зимнем дворце вместе с другими министрами Временного правительства и отправили в Петропавловскую крепость. После освобождения из заключения в конце января 1918 г. он включился в активную борьбу с большевиками. Карташев перебрался в Москву, перешел на нелегальное положение, стал одним из организаторов антисоветского подполья. Весной 1918 г. по инициативе группы кадетов возник Правый центр, объединивший все правые антисоветские группировки. Карташев в качестве члена ЦК кадетской партии стал одним из лидеров Правого центра [1, с.101].

В июне 1918 г. часть кадетов вышла из Правого центра из-за его пронемецкой ориентации и организовала другую подпольную организацию — Национальный центр, ставший как бы боевым штабом кадетской партии в годы Гражданской войны. Через него осуществлялась связь кадетской партии с Белым движением и представителями Антанты. Цель Национального центра заключалась в объединении всей антибольшевистской общественности. По словам видного общественно-политического деятеля Н.В. Устрялова, он «возглавлял и одухотворял все наше антибольшевистское вооруженное движение» [11, с. 114]. Карташев стал одним из его руководителей. «Была полная конспирация, — вспоминал впоследствии видный кадет Н.И. Астров. — Собирались тайно, в маленьких квартирах, максимально человек 10-20»¹.

Постепенно организация росла, пополнялась все новыми членами, становилась широкой и разветвленной. В Сибирь Национальный центр командировал члена кадетского ЦК В.Н. Пепеляева, ко-

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 101, л. 17.

тому предстояло сыграть одну из главных ролей в колчаковской эпопее. Туда же осенью 1918 г. предполагалось послать и А.В. Карташева вместе с Н.К. Волковым и П.В. Герасимовым, но, по словам самого Карташева, «не хватило техники», чтобы организовать эту поездку². Зная дальнейшую судьбу В.Н. Пепеляева, расстрелянного вместе с А.В. Колчаком, стоит признать, что технические неполадки, возможно, спасли жизнь будущему историку русской церкви.

В конце 1918 г. А.В. Карташев перебрался в Петроград, надеясь через Прибалтику покинуть Советскую Россию. К тому времени руководившие Петроградским отделением Национального центра кадеты В.И. Штейнингер и П.В. Герасимов организовали с помощью Я. Лившица через финских контрабандистов нелегальную переброску своих сторонников в Финляндию. В начале декабря по этому пути ушел соратник Карташева П.Б. Струве с группой своих сотрудников для организации в Финляндии информационного органа Национального центра [7, с. 337]. Воспользовавшись этим путем, в ночь на новый, 1919 год Карташев переправился в Финляндию, чтобы оттуда через Прибалтику перебраться на юг, к А.И. Деникину. Однако в Финляндии, как писал впоследствии Карташев, неожиданно «для всех нас оказалась значительная русская организация и заманчивые перспективы»³. Поэтому после встреч и бесед с местными политическими деятелями и Струве он изменил свое решение и включился в активную работу по объединению русских антибольшевистских сил в Финляндии для организации похода на Петроград.

В 1918 г. в Финляндии насчитывалось около 20 тыс. русских (из них по разным подсчетам от 2 до 5 тыс. офицеров), большая часть которых компактно проживала в Выборгской губернии. В ноябре здесь оказался бывший главнокомандующий войсками Кавказского фронта генерал Н.Н. Юденич. Осенью 1918 г. бывший премьер-министр царского правительства А.Ф. Трепов образовал Особый комитет по делам русских в Финляндии, признанный в декабре того же года финляндским правительством. Трепов сформировал беспартийное правительство и планировал с помощью К.Г. Маннергейма взять Петроград [10, с. 65]. Кроме того, важную роль среди

² Письмо Карташева, министра внутренних дел правительства Колчака, Пепеляеву // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 136-146.

³ Там же.

русской диаспоры в Финляндии играли Объединение промышленников и финансистов и близкая к нему группа правых кадетов (Е.И. Кедрин, Д.Д. Гримм и др.). Объединение всех групп было невозможным, так как треповская группа делала ставку на Германию, а кадеты — на Антанту; для промышленников Трепов был чересчур правым, его считали черносотенцем. Поражение Германии в Первой мировой войне и появление в ночь на новый, 1919 год английского флота в западной части Финского залива предопределили поражение треповской группы и обновление Особого комитета.

14 января 1919 г. по инициативе П.Б. Струве и А.В. Карташева в Выборге прошел съезд русских торгово-промышленных деятелей, на котором присутствовало около 200 человек. По воспоминаниям журналиста, видного общественного деятеля Белого движения на Северо-Западе России Г.Л. Кирдецова, «это был не съезд по выборам с участием всех группировок русского населения в Финляндии, а своего рода “чашка чая” по приглашению». Формально речь шла об избрании общерусского комитета, который финское правительство должно было наделить представительскими правами и консульскими функциями. В реальности же инициаторы и участники съезда «имели в виду образование чисто политического органа для осуществления предстоящих общерусских задач» [4, с. 39]. Участники съезда высказались за ориентацию на Антанту. Съезд проходил вяло, прения ограничивались, некоторые участники, недовольные процедурой выборов, покинули зал заседаний. Почти без прений избрали комиссию из 20 человек по составленному президиумом списку, в которую по предложению Струве при общем одобрении включили Карташева. Комиссия, в свою очередь, выдвинула 12 членов Особого комитета (известен также как Русский комитет и Национальный русский комитет). На чрезвычайном заседании комитета 16 января 1919 г. А.Ф. Трепов отказался от поста председателя, и вместо него избрали Карташева, получившего официальный пост «главноуполномоченного Северо-Западной границы России» [10, с. 70].

Избрание А.В. Карташева нельзя назвать случайным — в тот момент он оказался самой значительной политической фигурой в Финляндии, приемлемой как правыми, так и левыми кругами антибольшевистской общественности. Бывший министр Временного правительства, член ЦК кадетской партии, он должен был символизировать, по словам самого Карташева, «нестароре-

жимный курс» [3]. После его избрания видные русские промышленники и финансисты согласились участвовать в работе Особого комитета и субсидировать его. Как иронизировал по этому поводу Г.Л. Кирдецов, «торгово-промышленной группе просто приятно было иметь своим главой профессора, ученого и министра Временного правительства», да и других «людей с именем под рукой не было» [4, с. 43]. Январь и февраль 1919 г. ушли у комитета на организацию «бюрократической стороны дела». Особое значение придавалось агитационно-пропагандистской деятельности, для руководства которой при комитете была создана комиссия по делам печати во главе с Карташевым. Первый номер официоза Особого комитета, газеты «Русская жизнь», вышел в свет 2 марта 1919 г.

Особо важными делами комитета ведали генерал Н.Н. Юденич, его начальник штаба генерал В.Н. Горбатовский и представитель флота контр-адмирал В.К. Пилкин. В их руках было военное управление и отчасти гражданская власть. При Юдениче был организован военно-политический центр во главе с А.В. Карташевым, в который вошли правые кадеты, представители промышленных кругов и военные.

А.В. Карташев с помощью своих единомышленников в Париже и Сибири активно поддерживал кандидатуру Н.Н. Юденича на пост главнокомандующего Северо-Западной армией. В письме В.Н. Пепеляеву он писал: «Струве и я создали Юденичу репутацию приемлемого для Парижа и Лондона “генерала”», ориентировавшегося на Антанту и признававшего политическую платформу А.В. Колчака. Самого Юденича Карташев оценивал как «по существу правого», но «благоразумного и умеренного», отмежевавшегося от «крайних правых»⁴. В письмах А.В. Колчаку и В.Н. Пепеляеву он подчеркивал, что «по совести и убеждению всеми средствами содействовал созданию авторитета генерала Юденича» [цит. по 1, с. 229]. Карташев призывал оказать Юденичу материальную поддержку и признать его юридически. Наша политическая линия, писал Антон Владимирович, сводится «в общем, к самоутверждению здешней военной политической организации, возглавляемой Юденичем, и к созданию обстановки, логическим выводом

⁴ Письмо Карташева, министра внутренних дел правительства Колчака, Пепеляеву // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 136-146.

из которой будет быстрое и прочное освобождение от ига большевиков Петрограда и всей Северной области»⁵.

Поход на Петроград с территории Финляндии требовал не только привлечения финских войск, но и кардинального решения вопроса о будущем государственном статусе недавно образованной страны. В Белом движении существовали различные мнения по поводу независимости Финляндии. Если оказавшиеся в этой стране российские политические деятели, видя реальную расстановку сил, признавали полностью или с оговорками государственное самоопределение Финляндии, то находившиеся в Сибири и Париже лидеры Белого дела (А.В. Колчак, С.Д. Сазонов, П.Н. Милюков и др.) не были готовы пойти на «расчленение России» [10; 13].

Позиция А.В. Карташева по этому вопросу была неоднозначна. Формально и он, и Особый комитет, и Н.Н. Юденич признавали независимость Финляндии, но шли на это как на большую и несправедливую жертву. Карташев писал В.Н. Пепеляеву, что купить помощь Финляндии «можно будет лишь ценой невероятно тяжелых уступок, мучительных для национального сознания и нашей совести. И в этом для нас заключается необычайный драматизм нашего положения. С одной стороны, избавление Петрограда и Севера, с другой — ужас согласия на дневной грабеж самых коренных прав России»⁶. 1 мая 1919 г. Карташев в «Русской жизни» опубликовал за своей подписью декларацию Особого комитета, в которой говорилось, что «как Комитет, так и отдельные его члены неизменно стояли на принципе признания государственной самостоятельности и независимости Финляндии и невмешательства во внутренние финляндские дела»⁷. Однако Карташев считал, что независимость Финляндии будет нуждаться в санкции Всероссийского Учредительного собрания [4, с. 82].

При таком подходе его позиция выглядела лишь как тактический ход, необходимый для получения помощи от Финляндии, что признавал и сам Карташев. Так, он говорил русскому посланнику в Швеции К.Н. Гулькевичу: «Наша боевая организация готова на всякие политические жертвы, в надежде на исправление

⁵ Там же.

⁶ Письмо Карташева, министра внутренних дел правительства Колчака, Пепеляеву // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 136–146.

⁷ Русская жизнь. Гельсингфорс, 1919. 1 мая.

их будущей сильной Россией. Вот почему Юденич и его офицеры готовы стихийно ринуться к освобождению Петрограда какой угодно ценой» [2, с. 85–86]. Тем самым Карташев допускал в будущем различные варианты решения финляндского вопроса.

Формально декларация А.В. Карташева от 1 мая 1919 г. о признании независимости Финляндии создавала хорошие условия для соглашения с финляндским правительством о поддержке инициатив Белого движения. В мае 1919 г. Н.Н. Юденич начал переговоры с регентом Финляндии К.Г. Маннергеймом о проведении совместной операции по взятию Петрограда, что требовало создания некоего официального органа государственного управления на Северо-Западе России. 20 мая А.В. Карташев составил проект декларации об образовании Совета, основанного на принципах военной диктатуры, подчиненного А.В. Колчаку и имевшего определенную самостоятельность в решении вопросов как местной, так и общегосударственной жизни. 24 мая Юденич утвердил положение о «Политическом совещании при старшем русском военном начальнике Северо-Западного фронта». Термин «совещание» использовался по аналогии с Особым совещанием при А.В. Деникине и Русским политическим совещанием в Париже.

В компетенцию Совещания входили вопросы, связанные с изысканием денежных средств и их распределением, снабжением и снаряжением войск, заготовкой продовольствия и пр. Кроме чисто хозяйственных вопросов Совещание собиралось заниматься и решением политических проблем. Объясняя необходимость создания нового органа власти, А.В. Карташев в письме В.Н. Пепеляеву писал: «Первейшая задача Политического совещания — это быть представительным органом, берущим на себя государственную ответственность в необходимых переговорах с Финляндией, Эстонией и прочими новоявленными малыми державами. Без таких ответственных переговоров и договоров невозможна никакая кооперация наша с ними против большевиков. Второй задачей совещания является роль зачаточного и временного правительства для Северо-Западной области»⁸.

В состав Политического совещания Н.Н. Юденич назначил 5 человек. А.В. Карташев возглавил сношения с иностранными

⁸ Письмо Карташева, министра внутренних дел правительства Колчака, Пепеляеву // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 136–146.

и антибольшевистскими правительствами и с Русским политическим совещанием в Париже. Он занимался также вопросами религии и благотворительности. Впоследствии его избрали заместителем председателя Совещания, а с 3 июля 1919 г. в его ведение перешли печать, информация и агитация [10, с. 225].

Деятельность А.В. Карташева в Политическом совещании вызвала неоднозначную реакцию современников. Государственный контролер Северо-Западного правительства В.Л. Горн полагал, что «по общеполитическим вопросам Карташев вел какую-то двойную линию, и часто чрезвычайно было трудно разглядеть его подлинное политическое лицо» [14, с. 60]. Насколько справедливым было это утверждение? Меньшевик (плекхановец) Горн представлял левое, демократическое крыло Белого движения на Северо-Западе России. Для него, как и для большинства членов созданного в августе 1919 г. Северо-Западного правительства, Карташев казался слишком правым, слишком «реакционным» (хотя его не смешивали с явными «черносотенцами» типа Н.Е. Маркова 2-го). А для консервативного крыла Белого движения, представленного прежде всего Н.Н. Юденичем и его генералами, он казался слишком левым, слишком «либеральным».

В такой ситуации фигура Карташева представляла собой политический компромисс между различными антибольшевистскими группировками, и вынуждала Антона Владимировича проводить соответствующую компромиссную политику, которая со стороны действительно могла восприниматься как «двойная линия». Однако это не означает, что у Карташева не было четкой политической позиции. Она заключалась в конструировании Белой власти в лице Политического совещания на исключении «партийно-коалиционного представительства (а следовательно, и зависимости от партий) и на принятии военной диктатуры» [3].

Естественно, что поддержка А.В. Карташевым принципа военной диктатуры отталкивала от него демократическое крыло антибольшевистского движения, а его стремление прописать в программных документах Политического совещания идеи народовластия вызывало неприятие офицерских кругов. В этом смысле показательна судьба составленной А.В. Карташевым в начале августа 1919 г. декларации «К населению русской территории Северо-Западного фронта». В ней провозглашался «решительный отказ от возврата к старому режиму», предлагался после разгро-

ма большевиков созыв Всероссийского Учредительного собрания «на началах всеобщего избирательного права», давалась гарантия равенства всех перед законом и соблюдение общегражданских свобод. Внутреннее управление страной должно было опираться на органы земского и городского самоуправления, земля передавалась «трудящемуся землевладельческому населению для закрепления в собственность», интересы рабочего класса защищались специальными законами. Единство России должно было сочетаться с утверждением «за всеми народностями, обитающими на ее исторической территории права развивать свою национально-культурную жизнь» в формах самостоятельности, соответствующих их вкладу в борьбу с большевизмом [7, с. 45–46]. Консервативно настроенный Н.Н. Юденич отказался подписать эту декларацию, предлагая ограничиться заявлением о поддержке им программы А.В. Колчака [5, с. 186].

В частных разговорах с соратниками А.В. Карташев не раз высказывался о негативном влиянии правых кругов на политический курс Белого движения. В письме Пепеляеву он писал, что «за истекшие пять месяцев пришлось пережить немало волнений и вынести борьбу с крайними правыми, с германофилами и просто интриганам»⁹. Столкновения с правыми происходили как по идеологическим, так и по кадровым вопросам. Так, после приезда в Финляндию редактора кадетской газеты «Речь» И.В. Гессена Карташев хотел включить его в состав Политического совещания, но правые не позволили этого сделать из-за того, что Гессен — еврей по национальности [5, с. 138]. О размахе антисемитизма в Белом движении говорит показательный случай с помощником Карташева, евреем Я. Лившицем, направленным в июле 1919 г. в действующую армию для организации пропаганды. Там его немедленно арестовали как «красного агента» — для правых офицерских кругов понятия «еврей» и «большевик» являлись синонимами. Освободив с большим трудом Лившица, Карташев в частных разговорах не раз жаловался на самоуправство офицерства, приводя в пример этот случай [9, с. 378]. Но публично он воздерживался от какой-либо критики в адрес белых генералов. Позднее, в эмиграции Карташев так охарактеризовал свою позицию: «Я сам, будучи политическим

⁹ Письмо Карташева, министра внутренних дел правительства Колчака, Пепеляеву // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 136–146.

сотрудником ген. Юденича, при разности моего политического воспитания и политической идеологии, был своего рода оппозицией ген. Юденичу. Но это была “оппозиция Его Величества”, оппозиция дружеская и спасающая, а не враждебная и низвергающая» [3].

В августе 1919 г. наступление Н.Н. Юденича на Петроград было остановлено. Тогда англичане потребовали замены слишком откровенной диктатуры Юденича новым демократическим правительством. 10 августа 1919 г. большинство членов Политического совещания были вызваны в Ревель в английскую военную миссию, где их ждали представители Антанты. Английский бригадный генерал Ф.Г. Марш произнес короткую речь, в которой указывал на катастрофическое положение на фронте и на необходимость его немедленного изменения. Выход он видел в поддержке со стороны эстонских войск, для чего требовалось признание независимости Эстонии, которое должно было исходить от нового русского правительства. «Русские, — говорил он, — сами ни на чем между собой сговориться не могут. Русские только говорят и спорят. Довольно слов — нужно дело».

Марш вручил приглашенным составленный заранее список будущего кабинета и дал им срок — 40 минут — на то, чтобы, не выходя из комнаты, сформировать правительство. В противном случае, заявил он, «мы вас будем бросать» [7, с. 5]. Оценив подобные действия как «незаслуженный удар по национальному самолюбию и по национальному достоинству», и не соглашаясь с признанием независимости Эстонии, А.В. Карташев отказался войти в состав сформированного англичанами кабинета [7, с. 10].

Новое Северо-Западное правительство создавалось как коалиционное — с участием эсеров и меньшевиков. А.В. Карташев, который своими руками создавал диктатуру Н.Н. Юденича, считал, что «устраивать власть на основах партийной коалиции в период анархии и революции — это государственное преступление». Поэтому он выступал категорически против Северо-Западного правительства, полагая, что оно «должно умереть у ворот Петрограда»¹⁰. В Финляндии Карташев организовал «Отделение русского национально-государственного объединения (блока) для Северо-Западного фронта». Программа блока сводилась к непримиримой борьбе с большевизмом, признанию военной дик-

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 221, л. 1-2.

татуры как единственного пути восстановления порядка до Учредительного (Национального) собрания.

Такая позиция вызвала как резкую критику Карташева со стороны левого крыла антибольшевистского движения, так и его поддержку со стороны всех сторонников военной диктатуры. В октябре 1919 г. С.Д. Сазонов предлагал А.В. Колчаку отстранить Северо-Западное правительство, передать всю власть Н.Н. Юденичу, придав ему «помощника по гражданской части», на должность которого намечался Карташев [12, с. 780]. Однако все эти планы так и остались нереализованными. В 1920 г. после поражения Северо-Западной армии Карташев перебрался в Париж и активно включился в политическую деятельность по консолидации различных антибольшевистских сил.

А.В. Карташева нельзя назвать типичным кадетом. В письме А.В. Тырковой-Вильямс он писал: «Для меня кадетство никогда не могло быть “мировоззрением”! Моя совесть была лишь в блоке с ним» [6, с. 822]. Тем не менее в годы Гражданской войны он прошел путь типичный для многих правых кадетов. В своих взглядах Карташев сдвигался вправо, эволюционируя от христиански окрашенного либерализма к православно-консервативным убеждениям. На встрече в Ревеле 6 июня 1919 г. с представителями русской общественности Антон Владимирович заявил: «Мы уже не те кадеты, которые раз выпустили власть, мы теперь сумеем быть жестокими» [14, с. 39]. В.К. Пилкин так охарактеризовал политические взгляды Карташева в октябре 1919 г.: «Он за военную диктатуру... Он умный человек, но демократ по недоразумению, т. е., в сущности, вовсе не демократ» [9, с. 198].

В своем дневнике за октябрь 1920 г. Пилкин привел характерный разговор с Карташевым: «“Да ведь вы идеи Победоносцева пропагандируете, Антон Владимирович”, — говорю я ему, когда он начинает утверждать, что народ не может сам решать свою судьбу, а судьбу эту решают за него образованные люди. “А что же такого? — отвечает Антон Владимирович, — все дело в том, как будет решаться эта судьба”. Да, но кто может сказать, что владеет истиной! Ведь и Победоносцев, вероятно, считал, что он решает судьбу России наилучшим образом» [9, с. 381].

Связав свою судьбу с Белым движением, А.В. Карташев закрыл глаза на многие его жестокости и «реставраторские» тенденции, так объяснив свою позицию: «Другой армии, других во-

енных, кроме старорежимных, в природе вещей не было. Нужно было брать их в их реальном существовании, или малодушно, из боязни реакции, отказываться от белой борьбы, к чему последовательно и пришли наши социалисты и “учредивовцы”. “Волков бояться — в лес не ходить”, бояться офицерской правизны — значило просто бояться успеха их оружия... Или надо отринуть вообще принцип вооруженной фронтовой борьбы, или принять ее со всеми ее грубыми и диктаторскими неудобствами и последствиями, лишь бы достичь главной цели» [4]. Подобная позиция вполне естественно сделала Карташева в эмиграции одним из идеологов принципа «непримиримости» по отношению к советскому строю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М.: Наука, 1982. 416 с.
2. Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 58–117.
3. Карташев А.В. Северо-Западный фронт ген. Юденича // Россия и славянство. Париж. 1931. 22 августа.
4. Кирдецов Г.Л. У ворот Петрограда (1919–1920). М.: Кучково поле, 2016. 352 с.
5. Маргулиес М.С. Год интервенции. Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. Т. 2. 327 с.
6. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2012. 1111 с.
7. Образование Северо-Западного правительства. Объяснения членов Политического совещания при главнокомандующем Северо-Западного фронта В.Д. Кузьмина-Караваева, А.В. Карташева и М.Н. Суворова. Гельсингфорс, 1919. 48 с.
8. Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 680 с.
9. Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М.: Русский путь, 2005. 640 с.
10. Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. 439 с.
11. Устрялов Н.В. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 888 с.

12. Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1917-1919 гг. М.: Яуза-Каталог, 2019. 1056 с.

13. Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918-1919 гг.). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.

14. Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров / Под ред. П.Е. Щеголева. Л.: «Красная газета», 1927. 256 с.

К ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОЕКТ Б.А. ВИЛЬКИЦКОГО, КООПЕРАТОРОВ И ПРОФЕССОРА БРОКА (1920 Г.)

Северному морскому пути посвящена обширная по хронологическому охвату, тематике и жанрам научная литература [4; 5]. И тем не менее расширение документальной базы открывает нам новые факты истории Карских экспедиций, деятельности адмирала Б.А. Вилькицкого, роли норвежцев в организации судоходства арктическими морями к устью сибирских рек. К их числу относится эпизод, имевший место в 1920 г., в завершающую фазу Гражданской войны на Севере и в Сибири. Непосредственными его участниками были полярный исследователь Б.А. Вилькицкий¹ и норвежский профессор-славист и общественный деятель Олаф Брок². Суть дела отражена в их переписке, сохранившейся в бумагах проф. Брока³ и фоново — в воспоминаниях адмирала [1]. Настоящая статья предлагается вниманию читателей в сокращенном и заново отредактированном виде. Впервые она была опубликована на сайте «Наука. Общество. Оборона» (см.: Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). 2019. № 1 (18).

В личном архиве Брока выявлены десять писем и телеграмм, датируемых с 12 марта по 20 июня 1920 г. Шесть из них — письма Б.А. Вилькицкого норвежскому профессору. Одна телеграмма, направленная Броку из Лондона председателем правления «Закуп-

¹ Борис Андреевич Вилькицкий (22 марта [3 апреля] 1885, Пулковое — 6 марта 1961, Брюссель) — русский морской офицер, гидрограф, геодезист, исследователь Арктики, контр-адмирал.

² Олаф Брок (норв. Broch Olaf; 1867, Хортен, Норвегия — 1961, Осло, Норвегия) — норвежский филолог, славист, переводчик, историк, фонетист. Член академии наук Норвегии (1896), иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1916, с 1917 — РАН, с 1925 — АН СССР).

³ Nasjonalbiblioteket i Oslo (NBiO). Brevs. № 337. Professor Olaf Broch papers.

сбыта» К.И. Морозовым⁴, одна записка помощника адмирала и, что неожиданно, копия радиограммы первого руководителя советской Северной научно-промысловой экспедиции Р.Л. Самойловича знаменитому Ф. Нансену с предложением возглавить ее научную часть⁵.

Воспоминания Б.А. Вилькицкого написаны автором в сентябре 1942 г. в оккупированной Бельгии в один из критических для СССР периодов Великой Отечественной войны. Документ, несмотря на краткость (44 стр.), сложный. Он нуждается в источниковедческом анализе и комментариях исследователей. Но даже при беглом взгляде заметны противоречия. Кажется, что главной задачей автора было ответить на обвинения представителей радикального крыла белой эмиграции в сотрудничестве с Советской властью (три эпизода) и недостаточно активном участии в вооруженной борьбе против большевиков.

Вилькицкий, главным образом, доказывал свое последовательно враждебное отношение к революции, большевикам и Советам. Он акцентировал близкие отношения с антибольшевистскими деятелями (Е.К. Миллер, В.Н. Пепеляев, Г.Е. Чаплин и др.) и сотрудничество с представителями спецслужб Антанты в Петрограде и военных властей на Севере (британец, морской офицер Фрэнсис Кроми; француз, контрразведчик граф Жан де Люберсак; бельгиец, «коммандант» Михаил Никэз).

Одновременно адмирал бегло осветил работу в качестве начальника гидрографической экспедиции на Севере в 1918–1920 гг., на обязанности которого лежало изучение и обслуживание северного морского пути, содействие кораблям для плавания в районах Новой Земли и льдов Карского моря.

Между тем Б.А. Вилькицкий уже перед войной являлся опытным офицером-гидрографом. В 1908–1912 гг. он выполнил ряд гидрографических и геодезических работ на Балтийском море и Дальнем Востоке. В начале 1913 г. его назначили командиром ледокольного парохода «Таймыр» и помощником

⁴ Морозов Константин Иванович — член и председатель правления «Закупсбыта» — сибирского объединения кооператоров (1916–1923).

⁵ Копия радиограммы попала Олафу Броку от Ф. Нансена, который поддерживал тесные связи с профессором, считавшимся в Норвегии экспертом по «русским делам».

начальника гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана П.А. Новопащенко (командира транспорта «Вайгач»)⁶.

Экспедиция впервые прошла по Северному морскому пути из Владивостока в Архангельск, открыла Землю Императора Николая II (ныне — Северная Земля), остров Цесаревича Алексея (Малый Таймыр) и остров Старокадомского.

После трехлетнего плавания, пишет Вилькицкий, он приостановил исследование полярных морей, чтобы принять участие в боевых действиях русского флота на Балтике. Однако разразившиеся в 1917 г. революционные события потрясли страну и заставили его оставить службу. Офицер пришел к выводу, что на флоте ему больше делать нечего, потому что «его [флота. — авт.] песенка спета» [1, с. 5-6].

Коллегу радушно приняли в Главном гидрографическом управлении, где он рассчитывал приступить к разработке архивов своей трехлетней арктической экспедиции и переждать смутное время. Вилькицкий полагал, как и многие его сослуживцы, что «утопичный режим» большевиков или «сам провалится», или будет «опрокинут здоровыми силами страны» [1, с. 6].

Меж тем советское правительство в это время было озабочено угрозой голода в нечерноземном центре и на Европейском Севере страны вследствие развала ж.-д. транспорта и потери Украины как житницы. В Сибири же имелся переизбыток продуктов, которые могли быть доставлены Северным морским путем. Генерал-лейтенант Е.Л. Бялокоз, начальник Главного гидрографического управления⁷, считал, что с такой задачей лучше Вилькицкого с его опытом и знаниями не справится никто.

Вилькицкий был с этим согласен. «Я осознавал, — писал он, — первостепенную важность для экономической жизни Сибири Северного морского пути, над исследованием и оборудованием

⁶ Петр Алексеевич Новопащенко (1881-1950) — русский военно-морской деятель, капитан 1-го ранга. Участник Белого движения на Северо-Западе России.

⁷ Евгений Людвигович Бялокоз (польск. Bialokoz Eugenijusz) (1861, Москва — 1919, Петроград) — генерал-лейтенант корпуса гидрографов флота, начальник Главного гидрографического управления флота (1917-1919).

когого работал мой отец⁸, и... полагаю, что в ту пору... в этом вопросе у меня соперников не было» [1, с. 7].

Вместе с тем автор подчеркивал, что с самого начала главной целью поставил «перекинуться на Север и связаться с Сибирью», дабы иметь возможность принять участие в формировании контрреволюционных сил и борьбе с большевиками в сотрудничестве с державами Антанты.

Однако насколько он был искренен? Ведь есть слова, а есть дела и поступки. А последние свидетельствуют об осторожности Вилькицкого, занимавшего, как и многие офицеры в то сложное и опасное время, скорее выжидательную позицию. К большевизму он действительно не испытывал симпатии и доверия, но в то же время и не торопился компрометировать себя в глазах советских властей.

Судя по воспоминаниям, офицер всячески старался беречь людей. Под благовидными предложениями он не раз уклонялся от непосредственного участия в боевых действиях братоубийственной и кровопролитной гражданской войны. Очевидно, что его главной целью было продолжить изучение и оборудование Карского маршрута.

Получив от большевистских властей, как руководитель экспедиции, самые широкие полномочия, а также и «ассигновку» в 1 млн руб. (между прочим, решением председателя совнаркома В.И. Ленина), Вилькицкий приступил к подготовительной работе. Выхав в Архангельск в начале июля 1918 г., т. е. незадолго до белого переворота и высадки интервентов, он сумел убедить делегатов-моряков «матросского съезда» закрепить за экспедицией ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач», а также старое посылное судно «Бакан» (ранее имевшее ранг военного транспорта) [1, с. 10].

После переворота и высадки интервентов в Архангельске 2 августа 1918 г. Вилькицкий немедленно направил в Петроград

⁸ Андрей Ипполитович Вилькицкий (1858–1913) — русский гидрограф-геодезист, полярный исследователь. С 1894 по 1896 г. возглавлял гидрографическую экспедицию, исследовавшую морское побережье на участке от устья Печоры до Енисея, в Енисейском заливе и Обской губе. В 1898–1901 г. руководил исследованиями устьев рек Печора, Енисей, южной части Карского моря, составил подробные карты этого района. Начальник Главного гидрографического управления в 1907–1913 гг.

начальнику Главного гидрографического управления рапорт следующего содержания. Советские власти эвакуировали город; он занят французскими и британскими войсками; члены экспедиции при перевороте не пострадали; корабли, имущество остались в сохранности; сам Вилькицкий, командный состав экспедиции и команды судов «исполнили свой долг». Последнюю, двусмысленную фразу своего рапорта, писал офицер, он генералу Бялокозу и его советскому начальству «предоставлял понимать, кто как хочет». [1, с. 14–15].

Более того, Вилькицкий настоял, чтобы новые власти отпустили с рапортом в большевистский Петроград его заместителя по экспедиции (капитана первого ранга А.М. Косинского). Ранее того он принял в штат экспедиции комиссара береговой радиостанции морского генерального штаба в Петрограде. Это был знакомый ему по службе на транспорте «Таймыр» радиотелеграфист. А позже еще и комиссаров военного порта Архангельска и оперативной части штаба Флотилии Северного Ледовитого океана (из числа унтер-офицеров). Последним двум это спасло жизнь от расстрела, грозившего им после белого переворота.

Уже через два дня после прихода к власти в Архангельске белых, т. е. 4 августа 1918 г., Вилькицкий поспешил отправиться с экспедицией через льды Карского моря в устье Енисея, где благополучно получил заранее заготовленное для нее продовольствие и собрал сведения о происходившем в Сибири, на Урале и в Поволжье. В Дудинке, куда доходила телеграфная связь, им была устроена радиостанция, поддерживавшая обмен с радиостанциями, обслуживавшими навигацию в Карском море. Таким образом, была обеспечена связь Сибири с Архангельском, а полярные береговые станции экспедиции получили снабжение, необходимое для работы [1, с. 16–17].

Попытка практического использования Северного морского пути для переправки грузов в Сибирь и вывоза оттуда сырья и продовольствия для Северной области была предпринята белыми властями в 1919 г. Распоряжением А.В. Колчака 23 апреля при министерстве торговли и промышленности был создан Комитет Северного морского пути [7]. Председателем комиссии по организации морской экспедиции в Сибирь стал командующий Флотилией Северного Ледовитого океана контр-адмирал

Л.Л. Иванов⁹. Б.А. Вилькицкому, как начальнику гидрографической экспедиции, поручили руководить безопасным движением судов во льдах Карского моря [12, с. 154].

Хозяйственную и коммерческую часть экспедиции обеспечила самая влиятельная в Сибири экономическая организация — «Закупсбыт»¹⁰. Она являлась, свидетельствует Вилькицкий, «одной из основ» экономической политики правительства П.В. Вологодского и Колчака [1, с. 19–20]¹¹. Ее отделения действовали в США, Японии, столицах Западной Европы: в Лондоне (главная контора), в Стокгольме, в Копенгагене, в Париже. Общий товарооборот в мае 1918 г. достигал 52 млн руб. [9, с. 191–197; 8]¹². Важным финансовым фактором явилась поддержка Московского народного банка (МНБ), который поддерживал кооперацию Сибири. Представительства банка имелись в Лондоне, Шанхае, Нью-Йорке. Это позволяло сибирской кооперации, по данным исследователя, развернуть успешную международную торговую деятельность [2, с. 106]. Одновременно с «Закупсбытом», действовал заграничный Центросоюз (Сибирское отделение).

В Сибирь за продовольствием и сырьем направили свободный тоннаж Северной области. Из Англии и Швеции также шли пароходы с импортными грузами для Сибири. Их общая стоимость составляла, по данным исследователя, примерно 100 млн руб. [9, с. 196]. Б.А. Вилькицкий руководил навигационной проводкой девятнадцати пароходов в устья Оби и Енисея через льды Карского моря. В знак высокой оценки его работы начальник гидрографической экспедиции в октябре того же года он был произведен в контр-адмиралы¹³.

Осенью 1919 г. интервенты эвакуировали свои силы из Архангельска. В феврале 1920 г., когда красные прорвали фронт белых в Северной области, Вилькицкий оказался одним из тех, кому по-

⁹ NВiO. Brevs. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо от 12 марта 1920 г.

¹⁰ «Закупсбыт» — объединение сибирских кооперативных союзов (1916–1923).

¹¹ Петр Васильевич Вологодский (1863–1925) — русский государственный и общественный деятель. С 30 июня 1918 года возглавлял Временное сибирское правительство. 5 ноября 1918 года назначен председателем Совета Министров России (под руководством А.В. Колчака).

¹² Руководителем Лондонской конторы «Закупсбыта» был К.И. Морозов.

¹³ Полное название: начальник гидрографической экспедиции Западно-Сибирского района Северного Ледовитого океана.

ручили организовать эвакуацию морем в Норвегию. Он был назначен комендантом флагманского корабля «Ярославна», на котором находился штаб командующего Флотилией Северного Ледовитого океана Л.Л. Иванова¹⁴. «Я, — пишет Вилькицкий, — отдал последний приказ по экспедиции Северного Ледовитого океана, сдав должность одному из сотрудников..., и поручив охрану имущества командам, предпочитавшим остаться в России, выплатил им жалование за несколько месяцев вперед и вступил в новую должность» [1, с. 21-22].

Эвакуация военных и гражданских лиц, как свидетельствует ее очевидец и участник, проводилась в большей спешке и сопровождалась беспорядками и паникой [11, гл. 12, 13]. Неисправность машин заставила руководителей перевести вооружение и людей с «Ярославны» на ледокол «Минин». Попытка преследователей, пустившихся на ледоколе «Канада» вдогонку вернуть беглецов, не удалась.

Беженцы благополучно прибыли в Норвегию, были размещены и интернированы близ Тронхейма.¹⁵ Однако мысль о перспективах продолжения полярных исследований и навигационной работы на Северном морском пути не отпускала Б.А. Вилькицкого.

Уже 12 марта он обратился с письмом к профессору университета Олафу Броку [6, с. 144-151]. Адмирал спрашивал, ссылаясь на рекомендацию атташе по коммерческим делам российской дипломатической миссии в Стокгольме Б.А. Никольского¹⁶, о возможности реализовать с помощью Скандинавии обслуживание Северного морского пути из Европы в Сибирь через Карское море. «Если бы Вы согласились оказать свое любезное содействие нашему делу, — писал он норвежскому профессору, — я был бы Вам очень признателен»¹⁷.

¹⁴ Леонид Леонтьевич Иванов (1875-1940) — военно-морской деятель, контр-адмирал, участник китайской кампании 1900-1901, Русско-японской и Первой мировой войн, Гражданской войны в России.

¹⁵ Местечко Øianmoen в Stjørdalen.

¹⁶ Никольский Борис Александрович (? — 1969) — помощник посланника в Стокгольме К.Н. Гулькевича, выпускник экономического отделения Петербургского политехнического института Императора Петра Великого, автор ряда российских и зарубежных научных публикаций.

¹⁷ NBiO. Brevs. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо от 12 марта 1920 г.

Обращение не было случайностью. Брок пользовался известностью не только как ученый-лингвист. Он заслужил в Норвегии репутацию знатока и друга России, сблизился с царским посланником в Христиании во время Первой мировой войны К.Н. Гулькевичем. В мае 1917 г. дипломат был переведен на пост посланника в Стокгольм. Во время гражданской войны он, как член Русского Политического совещания (послов) в Париже¹⁸, был озабочен оказанием поддержки армиям генералов Н.Н. Юденича и Е.К. Миллера. Именно по настойчивой просьбе Гулькевича Брок с ноября 1918 г. тесно сотрудничал с заграничным Центросоюзом¹⁹, а в 1920 г. стал содиректором учрежденной кооператорами в Христиании акционерной компании²⁰. Заграничный Центросоюз (Иноцентр) в Лондоне планировал и после гражданской войны продолжать экономическую деятельность по снабжению населения Северной области и Сибири.

Вилькицкий указал Брокку в письме на экономическое будущее Северного морского пути, а также на собственный опыт и знания, которые позволяли ему надеяться продолжить работу и исследования в Арктике, обслуживая то или другое коммерческое предприятие, имеющее отношение к делу. Политическая обстановка, прозорливо считал адмирал, такова, что через месяц или два установятся торговые отношения с Советской Россией и вопрос о Северном пути будет поднят вновь. «Мне представляется, — высказал он предположение, — что в деле торговых сношений с Россией именно Скандинавские страны, экономическое состояние которых меньше всего потрясено войной, займут преобладающее положение»²¹.

¹⁸ Русское политическое совещание в Париже (РПС) — русская политическая структура, созданная в Париже в конце 1918 года как объединенное представительство зарубежных дипломатических структур бывшей Российской империи, не признавших советскую власть, для международного представительства и проведения в жизнь внешнеполитического курса Белого движения.

¹⁹ Объединение российских кооператоров. После Февральской революции 1917 года Московский союз потребительских обществ был переименован во Всероссийский центральный союз потребительских обществ — Центросоюз. После Октябрьской революции возникла оппозиция большевикам в заграничных структурах Центросоюза. Главой заграничного (лондонского) и Сибирского филиалов Центросоюза и членом его правления являлся А.М. Беркенгейм (1878, Москва — 1932, Варшава).

²⁰ Centrosojus A/S — NBiO. Brevs. № 337. Professor Olaf Broch papers.

²¹ Centrosojus aksjeselskap (A/S) — NBiO. Brevs. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо от 12 марта 1920 г.

Понимая, что потребуются рекомендации со стороны авторитетных и известных Брокю деятелей, Вилькицкий сослался на близкое знакомство с предпринимателем норвежского происхождения И.И. Лидом, норвежским капитаном О. Свердрупом, профессором Ф. Нансенем, директорами общества «Сибирикум» В. Сандерсом и Т. Шварцем.

Профессор немедленно (уже 15 марта) откликнулся на обращение Вилькицкого, что говорит о внимании, с каким в Норвегии, в т. ч. Ф. Нансен и О. Брок, наблюдали драматические события, развернувшиеся в Архангельске и на Мурмане после бегства белых. Узнав о сообщении, Нансен через Брока попросил русского адмирала сообщить ему сведения о судьбе доктора Б.Ф. Соколова²². Беспокойство было оправданным. Ходили имевшие основания слухи о суровых репрессиях красных в отношении тех, кто сотрудничал с белыми властями на Севере²³.

Суть сделанного Вилькицким предложения вызвала живой практический интерес профессора Брока и Ф. Нансена к условиям коммерческой эксплуатации Карского маршрута. Его позитивная реакция побудила Вилькицкого 18 марта в новом письме развернуто дать свою оценку перспективам использования арктического ледового маршрута к устьям Сибирских рек.

Брок отвечал адмиралу. Содержание письма нам неизвестно, кроме одного упомянутого в нем обстоятельства. Профессор обратил внимание Вилькицкого на возможность с помощью Ф. Нансена получить согласие правительства в Христиании обеспечить Сибирскую экспедицию 1920 г. шпицбергенским углем. На это указывает

²² Соколов Борис Федорович (1893, Санкт-Петербург — 1979, США) — врач, ученый-медик, писатель и общественный деятель, близкий трудовикам и эсерам, представитель Красного Креста в Архангельске в 1919–1920 гг. Являлся делегатом Всероссийского Учредительного, председателем его военной секции, организатором вооруженной защиты Учредительного собрания, участником его заседания 5 января. В 1918 г. стал членом *Комуча*, затем уехал во Францию. Вернувшись в Россию, входил в состав правительства Северной области. Позже эмигрировал.

²³ Вилькицкий направил Ф. Нансену телеграмму, в которой выражал уверенность в безопасности доктора. В действительности Б.Ф. Соколов в феврале 1920 г. был высажен генералом Е.К. Миллером с ледокола «Минин» на оставленное во льдах судно «Русанов», а позже арестован советскими органами и провел «в ожидании расстрела» в Бутырской тюрьме Москвы более трех месяцев. См.: Соколов Борис Федорович. На берегах Невы. — Бристоль, типографская компания Бартон манор — Ст. Филипс. Перевод с англ. Джона Галепено, 1973. (Вступление).

переданная Нансеном Броку копия радиограммы начальника советской Северной научно-промысловой экспедиции, полученной из Архангельска²⁴. Р.Л. Самойлович предлагал Ф. Нансену возглавить научную часть руководимой им экспедиции и содействовать согласию норвежских властей снабдить ее углем.

Вилькицкий идею принял: «Благодарю Вас, — писал он, — за любезное письмо, полученное мной вчера. С доводами, приведенными в этом письме, я вполне согласен, и считаю, что содействие Ваше в получении угля чрезвычайно ценно, и должно оказать серьезную услугу при разговорах с Советским правительством об организации Сибирской экспедиции»²⁵. Действительно, в 1920 г. в связи с нехваткой хлеба в Европейской России советские власти приняли решение о доставке продовольствия из Сибири по Карскому морю. В апреле 1920 г. при Сибревкоме был сформирован Комитет Северного морского пути [7]²⁶.

Между тем Вилькицкий поторопился выехать из Норвегии для переговоров с кооператорами в Лондон, где находилась главная контора «Закупсбыта». 13 апреля, получив британскую визу, он на одном пароходе с руководителем заграничного Центросоюза А.М. Беркенгеймом отплыл в Англию. Переговоры в Лондоне шли успешно. 5 мая Вилькицкий писал об этом Броку: «Глубокоуважаемый Олаф Иванович, совместная экспедиция в Карское море “Закупсбыта” и Центросоюза определенно намечена, и вся подготовительная организация идет полным ходом. <...> По моему предположению предполагается на разведку льдов снарядить две парусно-моторные яхты обычного типа норвежских зверо-промышленных судов приспособленных для плавания в опущке льдов. Во избежание больших расходов на плавание имеется в виду эти яхты использовать одновременно для производства морского промысла в Баренцевом и Карском морях, где это допускается международным правом. Эти суда предполагается отправить в плавание под норвежским флагом, или, если окажется

²⁴ Там же. Копия радиограммы (англ.) Из Архангельска. 3 апреля 1920 г. Ф. Нансену. Норвегия.

²⁵ Там же. Письмо от 12 апреля 1920 г.

²⁶ В августе 1920 г. из Архангельска в Сибирь отправилась советская транспортная экспедиция в составе 4 ледокольных пароходов, 8 пароходов и 4 лихтеров.

более удобным, под английским или русским. Купить или зафрахтовать эти суда лучше всего в Норвегии»²⁷.

Отправить экспедицию Вилькицкий планировал из портов Северной Норвегии не позднее начала или середины июня 1920 г. Он надеялся (ссылаясь на решение совещания руководителей Центросоюза 3 апреля) на участие в экспедиции тральщиков Центросоюза или других судов из Архангельска.

Увы, его планам не было суждено сбыться. Вмешалась большая политика. Еще 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты постановил снять экономическую блокаду Советской России и разрешить «обмен товарами на основе взаимности между русским народом и союзными и нейтральными странами» [3, с. 556-557]. Это означало признание Советской России де-факто.

Первоначально Антанта пыталась вести торговлю напрямую с русскими кооперативными организациями, напрямую, т.е., «через голову» правительства большевиков.

Ответным шагом большевиков стало формирование советского Центросоюза — объединения кооперативов, находившихся под их полным контролем и руководством. Его правление объявило, что с согласия советского правительства готово немедленно вступить в торговые отношения со странами Западной Европы и Америки, и предложило организовать поездку за границу своих уполномоченных.

Английские власти оказались вынуждены дать согласие на приезд делегации советского Центросоюза в Лондон. В ее состав вошел на правах руководителя Л.Б. Красин, нарком торговли и промышленности и одновременно нарком путей сообщения РСФСР. 27 мая 1920 г. советская делегация во главе с Л.Б. Красиным прибыла в Лондон. 31 мая состоялась первая беседа Л.Б. Красина с Ллойд Джорджем в присутствии других членов правительства. Имело место и много неофициальных встреч.

Британские власти сознавали, что переговоры с Л.Б. Красиным, являвшимся одновременно членом советского правительства, по необходимости «не могут не принять политического характера». Само наименование делегации Центросоюза вскоре перестало употребляться в переговорах и заявлениях. Оно было заменено термином «русская торговая делегация» [3, с. 556-557].

²⁷ NBiO. Brevs. № 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо от 5 мая 1920 г.

11 июня 1920 г. в Лондоне советской делегацией была учреждена и зарегистрирована в английском министерстве торговли как частная компания «АРКОС» для ведения торговли между РСФСР и Англией²⁸. Заграничный Центросоюз и «Закупсбыт» потеряли шанс перехватить у большевиков руководство советско-британской торговлей и, таким образом, остались не у дел. А проект Вилькицкого стал просто одной из страниц истории Северного морского пути. Сам адмирал неоднократно получал приглашения, исходившие от советской стороны (в т. ч. лично Л.Б. Красина), вернуться на родину для продолжения полярных исследований, но предпочел на них не ответить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вилькицкий, Борис. Когда, как и кому я служил под большевиками. Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. Архангельск: Изд. центр Северного государственного медицинского университета, 2001.

2. Гаврилов А.А. Внешнеторговые операции сибирских кооперативных союзов (1917–1920) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2003. Вып. № 3–4.

3. Дипломатический словарь. В 3 томах. Гл. ред. А.А. Громыко. Том 3. М.: Политиздат, 1973.

4. Дмитриев, Александр Алексеевич. История мореплавания по трассе Северного морского пути в XX и начале XXI века [Текст] : в 3 т. / А.А. Дмитриев, Ю.А. Горбунов, В.Т. Соколов ; под ред. канд. геогр. наук Н.М. Адамовича ; М-во природ. ресурсов и экологии Рос. Федерации [и др.]. Санкт-Петербург : Морская энциклопедия, 2015.

5. История открытия и освоения Северного морского пути: В 4 томах / Под ред. Я.Я. Гаккеля, А.П. Окладникова, М.Б. Черненко. М.; Л., 1956–1969.

6. Карелин В.А. Профессор Олаф Брок — друг либеральной России (из истории русско-норвежских культурных и общественно-политических связей начала XX столетия) // Баренц-сборник.

²⁸ Англ.: Arcos, All Russian Cooperative Society Limited — Всероссийское кооперативное акционерное общество.

Вып. 1 (1). 2013. Региональное межвузовское научное издание. 20-летие Баренцева Евро-Арктического сотрудничества: Сборник статей и материалов. Мурманск: изд. МГТУ, 2013. С. 144-151.

7. Ламин В.В. Карские экспедиции. [Электронный ресурс]. Сайт «Библиотека Сибирского краеведения» (БСК). Режим доступа: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/karskie-ekspedicii> — 01.04.2016

8. Николаев А.А. Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза (1916-1923 гг.). Новосибирск, 1999.

9. Пивоваров Н.Ю. Торговая деятельность Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыта) в мае 1916 — декабре 1919 г. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов II Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск, 2012. С. 191-197.

10. Соколов Б.Ф. На берегах Невы. Бристоль, типографская компания Бартон манор — Ст. Филипс / Перевод с англ. Джона Галепено, 1973.

11. Соколов Б.Ф. Падение Северной области // Гражданская война в России: Война на Севере. М: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Тегга Fantastica, 2004.

12. Шепелева Т. Использование интервентами Северного морского пути (1918-1919) // Красный архив. Исторический журнал. Том первый (сто четвертый). М.: ОГИЗ, 1941.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И КОМСОМОЛ (1918 Г.)

От первых боёв
до последних
мы шли
без хлебов и без снов —
союз
восемнадцатилетних
рабоче-крестьянских сынов.
В. Маяковский

Казалось бы, тема «Гражданская война и комсомол» — достаточно хрестоматийная тема. В свое время каждый вступающий в комсомол, изучая его историю, знал о том, что комсомол, рожденный Октябрьской революцией, первую закалку получил в горниле Гражданской войны.

Главная задача молодого Союза рабочей и крестьянской молодежи тех лет — отстоять социалистическое Отечество. Комсомол провел три Всероссийские мобилизации комсомольцев и молодежи на фронт с врагом. Сотни молодых добровольцев вливались в ряды Красной армии и партизанские отряды, становились участниками подполья. Многие комсомольские организации в полном составе уходили на фронт. На дверях комитетов комсомола можно было прочесть объявление «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

Так зарождалось добровольчество, вскоре появилось крылатое выражение «комсомольцы-добровольцы». Наверное, знаменательно, что сегодня не только в лексиконе, но и в реальной деятельности молодежи и людей «серебряного века» появилось движение волонтеров (добровольчество).

Молодым были известны имена будущих писателей Николая Островского и Аркадия Голикова (Гайдара), командиров бронепоезда Людмилы Макиевской и 30-й дивизии Альберта Лапиня, комиссаров Александра Кондратьева, Анатолия Попова, Татьяны Соломахи, вожака дальневосточных комсомольцев Виталия Баневура, организаторов узбекского комсомола Абдуллы Набиева

и армянского комсомола Гукаса Гукасяна, молодых героев Триполья и Одесского подполья...

Настольной книгой молодого поколения XX в. стал роман Николая Островского «Как закалялась сталь», а его герой Павел Корчагин являлся образцом стойкости и преданности своей Родине. О днях Гражданской войны автор писал: «Вместе с комсомольским билетом мы получали ружье и двести патронов».

Источниками знания об участии комсомола в событиях Гражданской войны становились неоднократно изданные очерки «Ленинский комсомол», «История ВЛКСМ», учебные пособия «Наш Ленинский комсомол», исследования А.Н.Ацаркина, В.В. Привалова, В.А. Сулемова, А.С. Трайнина, Н.В. Трущенко и др. [1] Уже в период Гражданской войны выходят материалы о коммунистическом движении молодежи. В частности, в 1920 г. издается сборник статей «Коммунистическое движение молодежи в России» [2].

В 1921 г. (т. е. еще в период Гражданской войны) по решению ЦК РКСМ был создан Истмол — комиссия по изучению истории ВЛКСМ и юношеского движения в СССР. «Истмол занимался собиранием, изучением и изданием материалов и документов по истории молодежного движения в России и СССР. Опубликовал... документальные сборники, сведения о комсомольцах, погибших в революционной борьбе и на фронтах Гражданской войны. Издал большое количество очерков и популярных брошюр, заложив основы научной историографии молодежного движения и комсомола в стране. Прекратил существование в начале 30-х гг.» [3, с. 548]. Многие документы стали недоступны. Изымались и многие публикации, особенно тех комсомольских работников и пропагандистов, что были репрессированы.

Ситуация, сложившая с отношением к историческим фактам в 90-е гг. прошлого века, приведшая к фальсификации многих страниц комсомольской истории, достаточно четко выражена историком Б.А. Ручкиным в год 90-летия комсомола: «Казалось бы, полученное наследство должно вызывать чувство благодарности. Однако отношение к социалистическому прошлому, атрибутам власти и общественным организациям у наших современников неоднозначное. Негативная струя в освещении истории не утихает до сих пор. Фальсификации подвергаются история советской страны, ее руководители, политическая система, этапные события... Забвение положительного историче-

ского опыта создает почву для отчуждения молодого человека от прошлого своей страны, восприятия истории советского периода, в том числе и истории комсомола, как череды трагедий, и не более... Раскрытие исторического опыта ВЛКСМ предполагает объективные оценки как опыта в целом, так и отдельных периодов его накопления. Речь идет об изучении опыта не только положительного, но и негативного, ибо само осознание ошибочности тех или иных действий имеет позитивное значение для извлечения уроков из истории...» [4].

Прошедшее в 2018 г. столетие комсомола показало, что историческая память, преемственность поколений — не пустые слова, если они подтверждаются сохранением наследия, вниманием к архивным материалам, исследовательским поиском, созданием новых выставок, изданием книг, встречами ветеранов и молодежи, вниманием государственных служб и общественных объединений. К сожалению, определенные силы продолжают попытки фальсифицировать, переписывать советскую историю, вбрасывать искаженные факты, в том числе и комсомольской истории.

Современная ситуация — Россия и молодежь, Россия и мир — в каких-то аспектах схожа с ситуацией столетней давности. Вот почему разговор о великих и памятных датах, радостных и скорбных событиях для страны и каждого ее гражданина (особенно поколения, входящего в жизнь) является важным и ответственным.

Исследования страниц истории Гражданской войны, роли комсомола в этот период, судьбы комсомольских вожаков той поры, появляющиеся в XXI в. издания (к сожалению, немногочисленные) отражены в работах научной школы Высшей комсомольской школы — Московского гуманитарного университета: И.М. Ильинского, А.А. Королёва, В.К. Криворученко, М.М. Мухамеджанова, Б.А. Ручкина, Л.С. Цветлюк, диссертационных исследованиях Н.И. Морозова, В.С. Соколова, О.В. Татарина, работах А.А. Слезина и его научной школы в Тамбове, неоднозначных очерках Л.М. Млечина и исследовании П.П. Александрова-Держаченко, книге первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е.М. Тяжельникова и некоторых других [5].

Важно и такой факт, что практически в ходе и сразу после окончания Гражданской войны проявлялось стремление сохранить факты истории для потомков. Создавались мемориальные

знаки, уже в 20-е гг. начались (как будут названы позже) походы по местам боевой славы, проводились встречи с ее участниками, формировались музейные экспозиции.

Свидетельством памяти могут служить слова из обращения Центрального Комитета ВЛКСМ в десятую годовщину Красной армии: «Время стирает могильные холмы. Но никакие силы не могут стереть, сгладить и уничтожить память о неустрашимых борцах, смелых красноармейцах, павших героями за дело рабочего класса».

В 1928 г. (год десятилетия) в ознаменование боевых заслуг, за беспримерный героизм в годы гражданской войны и иностранной интервенции комсомол награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Особо можно отметить Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам боевой славы советского народа — движение, начавшееся летом 1965 г. Маршруты похода пролегли не только по местам сражений Великой Отечественной, но и Гражданской войны. В полувековой юбилей Октябрьской революции и ВЛКСМ закладывались «капсулы памяти» с письмами, обращенными к будущему поколению. Так, послание потомкам 2017 г. от участников Архангельского областного слета «Дорогами отцов-героев» было заложено на острове Мудьюг, где во время интервенции находился один из концентрационных лагерей, а место получило неофициальное название «остров смерти».

Столетний юбилей комсомола вновь поставил задачу: показать молодому поколению, как это все начиналось... Многие региональные комсомольские организации уточняли даты рождения своих организаций, первые имена комсомольских вожakov, первые дела зарождающихся союзов молодежи, издавали новые книги, статьи, методические материалы. Современными источниками стали сайты, в частности «Комсомол в моей судьбе» (www.komsomol-100.clan.su).

Тот опыт, что накоплен комсомолом в процессе знакомства со страницами истории страны, сегодня может и должен быть востребован в работе по воспитанию новых поколений молодежи. И одним из важнейших факторов становится обращение к источникам, бережное отношение к тексту, в частности к материалам съездов комсомола, которые необходимо изучать в историческом контексте.

Анализ документов первого съезда РКСМ, состоявшегося 29 октября — 4 ноября 1918 г. (не только стенограммы, но, комментарии, примечаний, вступительной статьи) [6], позволяет не просто узнать, а почувствовать, что съезд собрался в сложный период для молодой Советской республики.

Это был съезд представителей Союзов рабочей и крестьянской молодежи, которые, как указывает автор предисловия профессор А.С. Трайнин, «возникали и развивались при поддержке и руководстве большевиков весной и летом 1917 г. в крупных промышленных центрах страны — в Петрограде и Москве, Центральной промышленной области и Поволжье, на Урале и Украине, то есть там, где была сосредоточена основная масса промышленного пролетариата...» (с. 6)¹.

Новый этап в развитии пролетарского юношеского движения был связан с решениями VI съезда РСДРП(б), высказавшем свое отношение к союзам молодежи. «В канун Октябрьской революции завершилась работа по организации союзов рабочей молодежи в Киеве, Харькове, Екатеринославле, возникли новые союзы в ряде городов Центральной России, Поволжья, Урала и Восточной Сибири (Красноярск и Иркутск). Большой размах пролетарское юношеское движение приняло в Закавказье... Осенью 1917 г. возникли первые революционные союзы и кружки крестьянской молодежи. Организовались и первые большевистские союзы учащихся...» (с. 9-10).

«В 1918 году массовое революционное юношеское движение получило широкий размах. Союзы рабочей молодежи создавались почти во всех губерниях европейской части России, районах Украины, Белоруссии, Закавказья, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии...» (с. 11).

Следует отметить, что создание пролетарских союзов молодежи шло в борьбе с молодежными организациями кадетов, эсеров, меньшевиков, с получившей достаточно широкое распространение в России организацией скаутов. Вот почему так значимы работы, которые исследуют не только деятельность комсомола, но и широкий спектр молодежного движения начала XX в.

¹ В круглых скобках здесь и далее даны ссылки на страницы издания, указанного в п. 6.

Для понимания необходимости создания союзов молодежи и созыва 1-го съезда важным становится знание исторического контекста. Начавшаяся интервенция и гражданская война прерывают или задерживают организацию новых революционных союзов молодежи.

В такой ситуации многие местные организации обращаются в Москву с предложением создать единую молодежную организацию со своим уставом и программой.

По инициативе ЦК РКП(б), Московской и Петроградской партийных организаций в конце июля создается Оргбюро по созыву Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи. В его состав вошли представители Петроградского Союза социалистической рабочей молодежи (ССРМ) М.Я. Глебов и Е.Я. Драбкина (с. 124), от Москвы и Московской области — Н.Н. Пеньков и Е.В. Цетлин (с. 121–122), представитель Уральского ССРМ Н.М. Хазан (с. 126). Оргбюро возглавил секретарь Московского комитета Союза рабочей молодежи (СРМ) Ефим Цетлин.

Работать приходилось в сложнейших условиях интервенции и гражданской войны, когда многие созданные организации прекращали свою деятельность и уходили на борьбу с врагом. Огромные территории России были оккупированы, и союзы на Украине, в Латвии, за Уралом, на ряде других территорий продолжали действовать в подполье.

Но создание молодежных организаций продолжается.

16 августа 1918 г. проходит городское собрание молодых рабочих и передовых учащихся и создается Вятский ССРМ «III Интернационал».

25 августа был создан Астраханский союз пролетарской молодежи.

В сентябре возникает такое формирование, как Западная коммуна (включает Смоленскую губернию и неоккупированные части Белоруссии), от имени которой будут выступления на первом съезде комсомола.

Но даже в таких условиях организационная работа Оргбюро позволила провести выборы делегатов на первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи.

Так, 1 октября в Перми состоялась 2-я Уральская областная конференция ССРМ (второй Уральский съезд), принявшая решение о роспуске всех непролетарских молодежных организаций

на Урале, избравшая делегатов и новый состав областного комитета.

15 октября в Тамбове прошел I губернский съезд ССРМ. В середине октября Иваново-Вознесенский союз «III Интернационал» избирает делегатов. Отдельно проходит конференция Кинешемского уезда.

20-22 октября в Петрограде состоялась конференция (съезд) союзов рабочей и крестьянской молодежи Северной области (объединения, которое в период с июня 1918 по февраль 1919 г. включало Петроградскую, Псковскую, Новгородскую, Олонецкую, Вологодскую, Архангельскую, Северо-Двинскую и Череповецкую губернии, — С. К.). Вероятно, здесь могли быть представители Велико-Устюгского уезда недавно созданной Северо-Двинской губернии. Конференция приняла Программу и Устав Коммунистического союза молодежи и поручила избранным делегатам отстаивать это наименование на съезде.

22 октября года прошла Московская городская конференция Союза рабочей молодежи «III Интернационал».

23-24 октября состоялась I губернская конференция Союза рабочей и крестьянской молодежи Курской губернии.

Вечером 29 октября от имени Оргбюро Ефим Цетлин открыл I Всероссийский съезд рабочей и крестьянской молодежи. Избирается президиум: Цетлин и Шацкий (Москва), Рывкин и Герр (Петербург), Безыменский (Центрально-промышленный район), Попов (Юг), Ахманов (Западная область), Сорвин (Урал), Дугачев (Северная область) (с. 18-19).

На съезд прибыли 196 делегатов, представлявшие 22 100 членов союза. Автор уже цитированного предисловия указывает: «Эта цифра говорит лишь о численности союзов молодежи, представленных на съезде. Однако далеко не все организации смогли послать на съезд своих делегатов. Многие юношеские организации на Украине, Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке работали на захваченных белогвардейцами и интервентами территориях...» (с. 14).

По опубликованным спискам (с. 116-126) делегаты съезда представляли молодежные организации 22 российских губерний и 3 областей (Астраханской, Северной, Уральской), а также Киева, Латвии, Финляндии. Самыми многочисленными были делегации Москвы и Московской губернии (56 чел.), Петроград-

ской (22 чел.), Калужской (8), Владимирской (7), Иваново-Вознесенской, Тамбовской и Тульской (по 6 делегатов). Представителей Архангельской губернии на этом съезде не было: и в силу того, что территория губернии была оккупирована интервентами и белогвардейцами, и потому, что часть территории современной Архангельской области входила в состав Вологодской и Северодвинской губерний. Возможно, что в работе съезда принимали участие молодые коммунисты города Котласа (тогда Северодвинской губернии) Алексей Логачёв и Василий Тюкавин [7, с. 6 и с. 11], но документально это не подтверждено.

Отражение событий гражданской войны мы находим в выступлениях делегатов с мест, в докладе о текущем моменте. Приводя выступления делегатов, обращаем внимание, как строилась их речь, об участии в каких событиях гражданской войны они говорили.

Первым при открытии съезда с приветствием выступил делегат от Киевского союза молодежи Н.Е. Клоссовский: «Киевская молодежь, находясь в центре черной реакции, неустанно работает над возрождением нашего движения. Несмотря на все усилия гетмана Скоропадского, движение молодежи заглушить не удастся... Но пусть спокойно спят павшие в борьбе товарищи, мы будем продолжать их великое дело... Наш лозунг: да здравствует великая гражданская война!» (с. 21). А уже на следующий день он выступил с внеочередным заявлением: «Сегодня в “Известиях ВЦИК” я прочел ужасное сообщение: белый террор работает на Украине вовсю; он достиг громадных размеров... Я предлагаю почтить вставанием память всех жертв украинской контрреволюции. (Собрание встает.)... Я предлагаю послать товарищам молодым рабочим и крестьянам Украины приветствие от имени Съезда. Пусть они знают, что они не одни, что мы помним о них, что мы протестуем против действий их врагов (Громкие аплодисменты.)» (с. 28).

Клоссовский выступит еще раз с докладом с мест (от ССРМ молодежи Киева, который был создан еще 22 октября 1917 г.): «...с самого начала была выдержана упорная борьба... Центральная рада попробовала нас выгнать из занимаемого помещения. Мы открыто заявили, что умрем, а помещение не очистим. Нас временно оставили в покое... Мы боролись и дальше... С момента занятия Киева немецкими войсками мы ведем подпольную работу

и не забываем наших лозунгов о всемирном распространении наших идей... С момента царствования Скоропадского... были массовые аресты наших руководителей. До сих пор до 15 наших представителей томятся в Лукьяновской тюрьме. Мы не прерывали своей работы и продолжали по-прежнему собираться, уходя за 20-25 верст за город... В Одессе наш Союз (800 человек) организовал восстание, но произведенные аресты помешали исполнению наших планов... В Полтаве, Харькове были тоже организованы подпольные Союзы... Главный лозунг был “борьба до полной победы советской власти”» (с. 32-33).

Делегат от Борисоглебска М.И. Арш в своем приветствии отметил: «...контрреволюция объединяется. Теперь больше, чем когда-либо, нам нужны администраторы, революционеры, беззаветные бойцы за новую жизнь. Мы должны их дать» (с. 22).

Последовавшие затем доклады с мест, кроме организационной, культурно-просветительной, физкультурно-спортивной работы Союзов, отразили ситуацию войны.

О.Л. Рывкин (Петербург — так в документе. — С. К.): «Работа Союза была прервана немецким наступлением. Молодежь фабрик и заводов не могла, конечно, остаться равнодушной к судьбам революции. Большинство членов Союза ушло на фронт. Петербургским Комитетом был организован специальный боевой отряд из работников Союза, который и был отправлен на фронт. Вышедшие тогда номера газеты “Юный пролетарий” были полны призывов к защите революции...» (с. 24).

Л.А. Шацкин (Москва): «...Октябрь прошлого года, Дон, Украина, немецкое наступление в начале 1918 г., чехословацкий мятеж взяли много наших лучших сил. Многие погибли, но, когда решаются судьбы мира, наши потери естественны, и мы, теряя часть работников, готовим, хотя и с трудом, новых борцов» (с. 27).

К.П. Матвеев (Пермская губ.): «...на защиту революции уходят в Красную Армию почти все члены Союза; они идут сражаться против Дутова и других белогвардейских генералов... наша губерния находится в сфере неприятельских действий, многие Союзы не могли послать на эту конференцию (Пермского Союза. — С. К.) своих представителей...» (с. 29).

Е.И. Кочкина (Вятская губ.): «...до восстания чехословаков не было никаких организаций. При восстании рабочие сплотились, появились организации» (с. 30).

Н.М. Хазан (Уральская обл.): «... Когда на Урале начали вспыхивать восстания, почти вся молодежь ушла на защиту свободы. Повсюду начали организовываться в отряды, в состав которых в некоторых местах вступили все Союзы в целом. Так откликнулась уральская молодежь на призыв защищать революцию. На фронт рвались все, уходили даже из Областного Комитета. Такое стремление плохо отразилось на наших еще неокрепших организациях, и Союзы стали распадаться...» (с. 30).

В.П. Бабушкин (Владимирская губ.): «... когда в Муроме вспыхнула контрреволюция, оттуда был дан знак ракетой, и Ковровский Союз Молодежи был в Муроме почти тотчас же. Казань была взята Владимирским отрядом, в котором было много членов Союза, правда, при этом он почти весь выбыл из строя...» (с. 34-35).

М.Г. Дугачев (Северная область): «...20 октября состоялся Съезд Союзов рабочей и Крестьянской Молодежи, на котором были представители 20-25 организаций... Из доклада представителей Петроградской губернии выяснилось, что работу Союзов пришлось довести до минимума, так как почти вся молодежь отправилась на фронт...» (с. 36-37).

Н.И. Забродин (Вологодская губ.): «...Союз выделил около 60 человек в боевой отряд, который готов отдать свою жизнь на защиту рабочей и крестьянской революции... Наша цель выковырять молодых коммунистов, готовых на защиту Советской власти» (с. 38).

А.И. Ломакин (Курская губ.): «...началось наступление немцев, и почти все члены нашего Союза вступили в Красную Армию. Работников не осталось...» (с. 39).

Я. Крузе (о деятельности Союзов в Латвии): «...уже в апреле месяце 17 года в Риге начали организовываться Союзы Молодежи... в июне месяце того же года состоялся съезд социалистической рабочей молодежи. 2-й съезд состоялся 15-го января (1918 г.)... Рига была занята немцами. В настоящее время нам приходится работать в подполье» (с. 42).

После докладов с мест на вечернем заседании 30 октября с докладом «Текущий момент» выступил представитель ЦК РКП(б) Е.М. Ярославский. Он подчеркнул, что «беглый обзор года революции» позволяет говорить о том, что «наша революция не исчерпала своих сил, не ослабла...», за год есть достижения: «дворянство убито», «все крупные заводы, фабрики и орудия производства —

орудия эксплуатации (орфография сохранена. — С. К.), нами национализированы», «радикально разрешен вопрос об отделении церкви от государства и школы от церкви», «успели реформировать школу», передали «всю землю в руки трудящегося крестьянства», «создаем новую армию, на совершенно новых началах», «доверчивое, сознательное отношение (пролетариата) к нам крепнет». «Мы имеем миллионную закаленную в боях армию... Мы обязаны успеху тем, что ввели в армии политическое воспитание и объясняли, чем является для солдат социалистическая революция». И далее, говоря об опасности новых наступлений врагов, о попытках разрушить Советскую Россию, докладчик заявляет: «Мы хотим лишний раз подтвердить, что мы поддержим мировую революцию и придем ей на помощь, не только словами, но и делом» (с. 50).

В примечаниях составители цитируемого издания укажут: «В докладе Е. Ярославского, а также в других выступлениях, отчетливо проявились распространенные в это время среди большевиков и значительной части рабочих надежды на приближение неизбежной победы мировой революции. Однако пути развития мирового революционного процесса оказались, как известно, намного сложнее» (с. 123).

В резолюции по текущему моменту достаточно эмоционально было сказано, что съезд «выражает свою полную солидарность с рабоче-крестьянской властью в ее борьбе за коммунизм. Мировая контрреволюция, зреющая на юге, найдет в нашей среде достаточный отпор. Весь свой революционный пыл, все свои молодые силы мы отдадим на борьбу с ней. Наш голос разнесится над всей землей, сзывая под свои знамена революционную молодежь всего мира. Близится последний и решительный бой. Ни шагу назад! Да здравствует грядущая революция! Да здравствует III Интернационал! Да здравствует Советская власть!» (с. 164).

Подчеркнем, что съезд обсудил и принял главные документы будущей организации: Программу и Устав, избрал Центральный Комитет и провозгласил создание Российского коммунистического союза молодежи. Таким образом, уже не отдельные союзы рабочей, крестьянской и учащейся молодежи (союз учащихся-коммунистов вошел в состав РКСМ в апреле 1919 г. — С. К.), а единый союз пролетарской молодежи продолжил свою работу в условиях Гражданской войны.

В день окончания съезда делегацию (президиум) принял В.И. Ленин. Он обратил внимание руководителей на решение главных проблем молодежи, обещал поддержку и помощь партии. Уже в ноябре 1918 г. ЦК РКП(б) направил в партийные организации циркулярное письмо о поддержке и помощи партийных организаций в организации деятельности коммунистических союзов молодежи.

Началось активное создание и преобразование не только первичных, но и уездных, городских и губернских организаций РКСМ. Их создание для сегодняшней истории нередко определяет «день рождения *регионального* коммунистического союза молодежи». Нижеприведенная таблица отражает динамику формирования организаций РКСМ в 1918 г.

Ноябрь	Петроградский Союз социалистической рабочей молодежи (ССРМ) практически сразу был преобразован в Петроградскую организацию РКСМ
Ноябрь	Прошла общегородская конференция союзной молодежи Москвы, а 28 февраля — 1 марта 1919 г. — 1-й Московский губернский съезд Союзов молодежи.
13 ноября	Первое общегородское собрание рабочей молодежи Витебска. Образована витебская городская комсомольская организация. В витебский комсомол влились Югенд-Ферейн и культурно-просветительный кружок юных коммунистов
14 ноября	Общее собрание членов Союза рабочей молодежи Воронежа, на котором прежняя организация официально переименована в Союз коммунистической молодежи
24 ноября	Организовался Коммунистический союз молодежи города Котласа — первая комсомольская ячейка на территории современной Архангельской области
Декабрь	Оформилась Калужская губернская комсомольская организация
8 декабря	Митинг рабочей молодежи положил начало комсомольской организации Самары
15-17 декабря	Первый Владимирский губернский съезд РКСМ
Декабрь	Создается Саратовский городской комитет комсомола

25 декабря	Культурно-просветительский кружок рабочей молодежи станции Нижний Новгород и Выставки был переименован в Российский Коммунистический союз рабочей молодежи
------------	--

Образование Российского коммунистического союза молодежи потребовало создания массовой комсомольской печати. 15 декабря 1918 г. вышел первый номер журнала «Юный коммунист» — первый печатный орган ЦК РКСМ (в 1939–1953 гг. — «Молодой большевик», с 1954 — «Молодой коммунист»). Вслед за ним появляются издания местных комитетов комсомола: 11 декабря 1919 г. — газета «Юный коммунар» («Московский комсомолец»), а 18 декабря того же года в Петрограде вышла газета «Смена». Так начала складываться не просто юношеская, а российская комсомольская печать.

Первые комсомольские съезды состоялись в феврале 1919 г. в Латвии, в сентябре 1922 г. в Эстонии, в октябре 1924 г. в Литве.

Так в условиях Гражданской войны рождался комсомол.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ацаркин А.Н. Пролетарская революция и молодежь. Рождение комсомола. М. : Мол. гвардия, 1981. 256 с.; Смирнов И.А. Они были первыми / Ленинский комсомол. Очерки по истории ВЛКСМ. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 107–172; История ВЛКСМ: Живая летопись в трех тетрадах. Тетрадь первая 1917–1928. М.: Мол. гвардия, 1966. 192 с.; История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина / Под ред. д.и.н., профессора В.А. Сулемова. М.: Просвещение, 1983. 368 с.; Трущенко Н.В. В боях за власть Советов // Наш Ленинский комсомол: учебное пособие. М.: Мол. гвардия. 1972. 480 с. С. 40–63.

2. Коммунистическое движение молодежи в России. Сборник статей. М.: Государственное издательство. 1920. 68 с.

3. Алексеева Г.Д. Истмол // Большая советская энциклопедия. В 30 томах. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1972.

4. Ручкин Б.А. Комсомол: уроки прошлого и опыт для современного молодежного движения // Молодежь и инновационное развитие России. Научная конференция. Москва, 13 ноября

2008 года. Доклады и материалы. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета. 2008. С. 124–139.

5. Криворученко В.К. Проблемы молодежного движения: история, опыт, перспективы. М., 1991; Криворученко В.К., Цветлюк Л.С. Молодёжь. Комсомол. Общество: От Октябрьской революции до Отечественной войны / М., 2012. 438 с.; Молодежное движение в России и Советском Союзе: уроки истории / В.К. Криворученко, В.А. Родионов, О.В. Татаринов. М.: Социум, 1997. 191 с.; Млечин Л.М. Вожди комсомола. 100 лет комсомола в биографиях лидеров. М., 2018. 340 с.; Морозов Н.И. Историография молодежного движения в России, февраль 1917 г. — начало 1930-х гг. М., 2002. 365 с.; Соколов В.И. Российское молодежное движение: от многообразия к унитаризму (1917–1925 годы). М., 1996; Татаринов О.В. Молодежь и юношеское движение: из опыта советской политической системы. 1917–1941 гг. М., 2002; Александров-Деркаченко П.П. Русское молодежное движение и советский комсомол: 1905–1937 гг. // Русский мир. 2002. № 6; Тяжельников Е.М. Они были первыми. Лидеры Ленинского комсомола (1918–1968). М.: Молодая гвардия, 2013. 190 с.

6. I съезд РКСМ, 29 октября — 4 ноября 1918 г.: Протоколы (Сост. А.С. Трайнин, Г.С. Алаева, А.В. Афонин. Предисл., коммент. А.С. Трайнин). М.: Мол. гвардия, 1990. 191 с.

7. Главное, ребята, сердцем не стареть! Комсомол Котласа в истории края. 1918–2018 годы / авт.-сост. А.Н. Барышев, Т.А. Ширшова. Котлас, 2018. 244 с.; Корюкаева М.П. Юность комсомольская моя. Летопись Котласской районной комсомольской организации. Котлас. 2014. 508 с.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ И НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В КОНТЕКСТЕ КЛАССОВОГО ПРОТИБОБОРСТВА

«Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [8, т. 23, с. 47].

Вековые юбилеи революций 1917 г. и последующих за ними Гражданской войны и интервенции в России вызвали повышенный интерес к осмыслению их причин и последствий, стремление извлечь уроки из этих исторических событий. Целью данной статьи является рассмотрение истоков и содержания российской Гражданской войны в контексте классового противоборства. Методологическим основанием такого анализа являются ленинские слова, приведенные в качестве эпиграфа. Автор далек от мысли абсолютизировать классовый подход к анализу исторических процессов, но рассмотрение таких многоплановых явлений, как Гражданская война в России в сопряжении с иностранной военной интервенцией, в контексте классового противоборства, на наш взгляд, позволяет понять глубинные причины социальных потрясений вековой давности и извлечь поучительные уроки для современников.

Примером диалектического анализа истоков, содержания и последствий великих потрясений первых двух десятилетий XX века является исследовательская деятельность одного из авторитетнейших современных специалистов по истории Гражданской войны и интервенции в России и на Русском Севере В.И. Голдина. Особого внимания заслуживает неоднократно высказанная архангельским историком «мысль о необходимости исследовать генезис Гражданской войны в России с позиций как “короткой”, так и “длинной” истории» [3, с. 17-18].

Представляется, что и в первом, и во втором случае одним из важнейших внутренних противоречий российского бытия,

развитие которого привело к революционным потрясениям и Гражданской войне, являлось противоборство антагонистических социальных групп на протяжении многих десятилетий и даже веков. Данное противоречие «проявлялось в авторитарности власти, с одной стороны, и многочисленных крестьянских войнах, восстаниях, вооруженных выступлениях, национально-освободительных движениях и иных акциях неповиновения, с другой» [3, с.18].

Прологом революционных потрясений 1917 г. и последующей Гражданской войны стала Первая русская революция 1905–1907 гг., результатом которой, несмотря на ее поражение, стали определенные позитивные изменения в политическом режиме и положении эксплуатируемых классов: было ограничено самодержавие и положено начало развитию парламентаризма, отменены выкупные платежи крестьян, повышена зарплата наемных рабочих и сокращен их рабочий день и др. Но главное, события 1905–1907 гг. «дали опыт революционной борьбы, поляризовали социальные интересы и политические силы, вызвали рост политического сознания масс, изменили социальную психологию и мировосприятие многих жителей городов и сёл. “Незыблемость” самодержавия и авторитет царя были сильно подорваны» [11, с.209].

В последующее за первой русской революцией десятилетие, несмотря на налаживание экономической жизни, приведшее к существенному росту промышленного и сельскохозяйственного производства, социальное напряжение в обществе не было снято. Напротив, развитие капитализма в России по тупиковому пути, ведущему к превращению ее в страну «периферийного» капитализма, усиливало все свойственные ему социальные противоречия: между правящей элитой и трудовыми классами рабочих и крестьян; между старой аристократической элитой и контрэлитой, представленной либеральными оппозиционными кругами; между молодой буржуазией и не желающим терять свой статус и земельные владения классом феодалов в лице помещиков.

Особое значение для обострения антагонистического противоречия между правящей элитой и народными массами имело осознание крестьянами, составляющими 80 % населения России, что само монархическое государство сознательно и целенаправ-

ленно стремится разрушить основу их жизни — общину. Об этом свидетельствуют результаты многих исследований — от В. Данилова до С.Г. Кара-Мурзы, единогласно утверждающие, что после 1907 г. русская деревня разочаровывалась в идеале самодержавия [10]. Нужен был только толчок в виде кризиса, чтоб крестьянское движение за свое освобождение вошло в заключительную фазу. И этот толчок произошел в начале 1917 г. в виде бедствий, обрушившихся на деревню в виде катастрофических последствий участия России в Первой мировой войне и разрушения самодержавного государства в результате Февральской революции 1917 г., которая стала абсолютно закономерным явлением. Вместе с тем ее плодами воспользовались не демократические слои, не рабочие и крестьяне, принимавшие активное участие в революционных событиях, а буржуазия, перехватившая власть. Она ставила задачу добавить к экономической власти, которую и так имела с избытком, еще и власть политическую.

Деятельность Временного правительства, пришедшего к власти в результате Февральской буржуазной революции, привела к тому, что, кроме введения ряда демократических свобод (и то, официально свобода союзов и собраний была введена только в апреле), ни один принципиальный вопрос — аграрный, национальный и вопрос выхода из империалистической войны — не был решен. Более того, в своей декларации Временное правительство прямо объявило о том, что будет вести войну до победного конца и останется верным всем обязательствам, заключенным с союзниками. Это означало, что финансовая кабала, в которую загнали Россию дореволюционные правители, будет сохранена. «Временное правительство, — пишет Л.И. Олыштынский, — теряло управление государством в условиях продолжающегося наступления германских войск. <...> Близился экономический паралич. <...> Российское общество охватил глубокий общенациональный социально-политический кризис, грозящий перейти в анархию. В условиях мировой войны страна в таком состоянии неминуемо стала бы объектом империалистического раздела и ареной вооруженной борьбы между воюющими блоками» [11, с. 255–256].

Большевики во главе с В.И. Лениным, в отличие от других левых партий, уловили требования момента, настроения широких народных масс, фактически спасли Россию от полного разрушения и погружения в пучину анархии, выдвинув идею

перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической. И эта идея никак не была связана с обязательной гражданской войной как средством достижения целей социалистической революции. Напротив, Ленин делал все, чтобы ее избежать. В работе «Апрельские тезисы» он обосновал возможность мирного перехода власти от Временного буржуазного правительства к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В такой возможности Ленин был уверен вплоть до середины 1917 года, но 4 июля, после расстрела мирной демонстрации рабочих, солдат и матросов, все изменилось. «Лозунг: “Переход всей власти к Советам”, — писал В.И. Ленин в этой связи, — был лозунгом ближайшего шага... Это был лозунг мирного развития революции, которое было с 27 февраля до 4 июля возможно и, конечно, наиболее желательно, и которое теперь, безусловно, невозможно» [8, т. 34, с. 11].

Но даже в новых условиях Ленин не теряет надежды на мирный переход власти к Советам. В начале сентября 1917 г. в статье «О компромиссах» он пишет: «Если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее» [8, т. 34, с. 135]. В середине сентября в статье «Русская революция и гражданская война» Ленин утверждал: «Исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной» [8, т. 34, с. 222]. Ленинскую позицию о переходе власти к Советам и формировании эсеров-меньшевистского правительства поддерживали 80 крупных и промышленных городов, но меньшевики и эсеры не пошли на отказ от альянса с буржуазией, и возможность мирного развития революции была упущена. Партии большевиков 25–26 октября 1917 г. пришлось реализовать свой план вооруженного восстания, которое прошло практически бескровно.

Октябрьская революция по своему содержанию была «рабоче-крестьянской». Именно так ее определил В.И. Ленин в своем историческом выступлении на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 года [8, т. 35, с. 2]. С победой Октябрьской революции в стране была установлена диктатура пролетариата в форме Советов, ставшая властью, которую поддерживало абсолютное большинство россиян. Убедительным свидетельством тому является утвержде-

ние советской власти за короткий срок (по март 1918 г.) на основной части территории бывшей Российской империи, и в «подавляющем большинстве губернских и других крупных городов (в 73 из 91) это произошло мирным путем». [11, с. 272].

Октябрьскую революцию поддержали фронтовые съезды действующей армии и моряки Балтийского и Черноморского флотов. На Севере и Дальнем Востоке большевики не получили большинства в Советах, что впоследствии стало одним из факторов, способствующих началу интервенции в этих регионах.

Наиболее активное военное противодействие утверждению Советской власти оказали вооруженные формирования казачества на Дону и в Оренбуржье, но к марту 1918 г. эти и другие незначительные очаги военного сопротивления контрреволюции в основных регионах страны были подавлены, и в России повсеместно утвердилась советская власть. Примечательно, что в этот начальный период строительства советского государства, который не являлся абсолютно мирным, В.И. Ленин главное внимание уделял разработке мер по проведению в жизнь социалистической политики по развитию экономики и социальной сферы. Об этом наглядно свидетельствуют более чем пятьсот декретов советской власти, принятых до конца мая 1918 г., то есть до начала полномасштабной Гражданской войны, спровоцированной восстанием Чехословацкого корпуса.

В.И. Ленин, реагируя на нападки на советскую власть в буржуазной прессе и оценивая масштаб предстоящих задач мирного строительства, в конце 1917 г. пишет в статье «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое»: «Большевики только два месяца у власти, а вместо социалистического рая мы видим ад хаоса, гражданской войны, еще большой разрухи». Так пишут, говорят и думают капиталисты вместе с их <...> сторонниками. Большевики только два месяца у власти, <...> а шаг вперед к социализму сделан уже громадный... Не умеют понять исторической перспективы те, кто придавлен рутинной капитализма, оглушен могучим крахом старого, треском, шумом, “хаосом” (кажущимся хаосом), разваливающимися вековых построек царизма и буржуазии, запуган доведением классовой борьбы до крайнего обострения...» [8, т. 35, с. 191]. И действительно, мысли большевистского лидера и вся его государственная работа были направлены на удовлетворение насущных нужд народа.

Доказательством тому являлись первые декреты советской власти: «О мире» (26.10.1917), «О земле» (26.10.1917), «О полноте власти Советов» (28.10.1917), «О восьмичасовом рабочем дне» (29.10.1917), «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» (10.11.1917), «О национализации банков» (14.12.1917), «О социализации земли» (19.02.1918), «О социальном обеспечении трудящихся» (31.10.1918) и др. [12]

Анализ деятельности лидера большевистской партии и возглавляемого им правительства молодого Советского государства в первые месяцы после победы Октябрьской революции показывает, что она была направлена на созидание и это отвечало коренным интересам подавляющей части населения России. В этой связи трудно не согласиться с выводом исследователя ленинской темы С. Кремлёва: «То, что потом стало известно как НЭП..., фактически должно было стать основой экономической политики Советской России как переходный период уже с лета 1918 года — если бы враги Ленина и России не развязали Гражданскую войну» [7, с. 622].

Известный ленинский лозунг «о превращении войны империалистической в войну гражданскую», на который ссылаются критики большевиков, обвиняя их в развязывании Гражданской войны в России, был выдвинут В.И. Лениным в начале Первой мировой войны и означал призыв народов воюющих стран к пролетарской революции. Этот лозунг подчеркивал лишь то обстоятельство, что в условиях начавшейся империалистической войны гражданская война означает революцию. С победой Октябрьской революции и выходом России из войны этот лозунг терял смысл. Поэтому 23 апреля 1918 г. в речи в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Ленин заявил: «Можно с уверенностью сказать, что гражданская война в основном закончена» [8, т. 36, 233–234]. Развязывание Гражданской войны, таким образом, не отвечало классовым интересам Советского государства. И напротив, разжигание Гражданской войны силами контрреволюции при поддержке иностранных интервентов отвечало интересам свергнутых эксплуататорских классов.

События Гражданской войны затронули практически все регионы России, в том числе они происходили и на Севере России. Результаты их изучения в нашем регионе отражены в первом

томе «Поморской энциклопедии» [13], в работах известного архангельского историка В.И. Голдина. Подробное описание режима, установленного интервентами и белогвардейцами на Севере России, воссоздание картины репрессий и террора в архангельском регионе содержится в книге «Интервенция на Русском Севере, 1918–1920», опубликованной в Архангельске в 1939 г. и переизданной в 2018 г. [5]

Правда истории состоит в том, что вторжение войск из стран Антанты в Северную область и другие регионы молодого Советского государства в 1918 г. имело целью расчленение и закабаление России. Данная цель получила конкретное выражение в решениях англо-французской конференции в декабре 1917 г., на которой было подписано секретное англо-французское соглашение о совместной интервенции и разделе сфер влияния в европейской части России и в «районах будущих операций союзных войск». В основу этого соглашения положены экономические интересы союзных стран. В соответствии с данной договоренностью, северная часть России подпадала под влияние Англии [14, с. 119].

Интервенция принесла огромные страдания жителям Северной области. Интервенты установили поистине колониальный режим и относились к русским как к диким «туземцам». По числу мест заключения Северная область, занимавшая сравнительно небольшую площадь, по концентрации этих мест на единицу территории опережала многие другие регионы, где правили антисоветские («белые») режимы. Афишируя свою приверженность «демократии», интервенты насаждали сами и заставляли марионеточную власть насаждать режим тотального «белого» террора. «Высшим “достижением” их совместных действий в этом деле, — пишет П.А. Голуб, — стали страшные “фабрики смерти”, организованные на Мудьюге и в Иоканье и явившиеся прообразом гитлеровских концлагерей Освенцима и Бухенвальда, — с той лишь разницей, что фашистские палачи расправлялись со своими жертвами при помощи более модернизированных технологий и в гораздо больших масштабах, в то время как палачи Мудьюга и Иоканьи орудовали средневековыми методами и на небольшой территории, которую им удалось захватить» [4]. Но по жестокости и изощренности истребления человеческих жизней и те и другие были равны. Можно не сомневаться, что в случае

успеха военной интервенции стран Антанты таких страшных мест, как Мудьюг и Иоканьга, для утверждения «демократии» по северному образцу в России появилось бы очень много.

По неполным подсчетам бывшего узника мест заключения в период интервенции и белогвардейского террора П.П. Рассказова, «через тюрьмы, концлагеря и каторгу в нашем северном регионе только за время со 2 августа 1918 г. по 25 сентября 1919 г. из трехсот тысяч населения на территории, занятой “союзниками”, 28847 человек, т. е. 10 процентов всего населения, прошли через одну Архангельскую губернскую тюрьму, посидели в ее застенках, побывали в ее казематах, около 4000 человек расстреляно по приговорам так называемых “военно-полевых судов”» [5, с. 15]. Власть при Миллере, ставленнике интервентов, именовалась военной диктатурой.

В период интервенции на Севере (как, впрочем, и во всех других российских регионах) наглядно подтверждено марксистское положение о том, что у крупного капитала нет отечества, а есть один бог — максимальная нажива. Местные собственники, рука об руку с заморскими, ринулись к разграблению богатств Отечества с целью сбыть товар за границей, чтобы получить заветную прибыль. Так, со 2 августа по 31 декабря 1918 г., согласно материалам таможи, из Архангельска в Англию, Францию и США государственными и частными экспортерами было вывезено товаров общим весом в 7 миллионов пудов. Это были: пиломатериалы, меха, лен, пенька, много марганцевой и медной руды, смолы и др. товаров на сумму 153 млн рублей золотом. В навигацию 1919 г. было вывезено 4,3 млн пудов товаров на сумму 48 млн рублей золотом [4]. Таким образом, при содействии миллеровской марионеточной власти шел грабеж богатств Севера.

Положение рабочих в условиях интервенции было нетерпимым. Газета «Возрождение Севера» писала: «Цены на предметы первой необходимости поднимаются с невероятной быстротой, в то время как зарплата остается той же, что была полгода назад. Закрываются заводы, ликвидируются предприятия и рабочих выбрасывают на улицу в буквальном смысле этого слова, так как увольняемые рабочие немедленно выселяются предпринимателями из занимаемых ими помещений. Такие случаи имели место на лесопильных заводах “Альциуса” и Волкова на Маймаксе и на других заводах». Сообщение заканчивалось криком отчая-

ния, обращенным к хозяевам предприятий: «Где же ваш патриотизм, господа?» [2]

Оккупационная власть в лице генералов Пуля — Айронсайда и марионеточное правительство не уставали заявлять, что они воюют только против большевиков. Но это было фарисейское прикрытие их войны против всех, кто отвергал оккупационный режим. А таких оказалось большинство. Лживость официальной пропаганды помогают вскрыть следующие цифры. На 1 августа 1918 г. в Архангельске, по данным партийной статистики, насчитывалось только 600 членов РКП(б), а всего в губернии к моменту переворота было лишь немногим более одной тысячи членов большевистской партии [1, с. 500-501]. Часть из них отступила с советскими воинскими частями и учреждениями и продолжала воевать на фронте. В тылу на оккупированной территории осталось лишь несколько сотен коммунистов. Репрессиям же подверглись не только эти мужественные люди, но и десятки тысяч беспартийных граждан, объявленных большевиками за сочувствие советской власти и неприятие оккупационного режима. Их преследовали не за какие-то незаконные (с точки зрения режима) действия, а за убеждения, за приверженность идеям справедливости и народовластия. А таких оказалось большинство. Репрессиям подверглись не только коммунисты, но и десятки тысяч беспартийных граждан, объявленных большевиками за сочувствие советской власти и неприятие оккупационного режима. Марионеточный режим на Севере объявил войну большинству русского народа, его отвергавшему, и тем самым подписал себе смертный приговор. То же самое произошло и с «белыми» режимами в других областях и губерниях страны. По этой же причине вынуждены были убраться с российской территории и войска интервентов. Это вынужден был признать перед всем миром премьер Великобритании Д. Ллойд Джордж. «Стало ясно, — писал он в мемуарах, — что стремление “белых” режимов к власти обречено на неудачу, что русский народ отдает свои симпатии большевистскому режиму. Наш уход стал неизбежен» [9, с. 98].

Осмысление взаимосвязи Гражданской войны и иностранной интервенции дает основание сделать следующие выводы. Во-первых, вмешательство иностранных интервентов во внутренние дела русского общества послужило детонатором

Гражданской войны в России (мятеж белочехов был скоординирован с контрреволюционными офицерскими организациями в Рыбинске, Ярославле, Владимире и Муроме) [6, с. 15]. Во-вторых, без помощи иностранных государств силам контрреволюции и непосредственного участия интервентов в боевых действиях Гражданская война не приобрела бы такого размаха и имела бы гораздо меньше потерь. В-третьих, военные действия интервентов были обусловлены геополитическими интересами: овладеть конкретными регионами России, богатыми природными ресурсами. В-четвертых, одной из важнейших целей военной интервенции была защита капиталов иностранных собственников, которые в случае утверждения советской власти попадали под ее юрисдикцию. И наконец, в-пятых, у господствующего класса иностранных государств было серьезное опасение распространения «большевистской заразы» в другие страны мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникеев В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917–1918 годах. М. 1974.
2. Возрождение Севера, 10 октября 1918 г.
3. Голдин В.И. Гражданская война и интервенция в России и на Русском Севере: актуальные и дискуссионные проблемы // *Historia Provinciae* — Журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 4. С. 16–49.
4. Голуб П.А. Интервенция и белый террор на Севере России // *Политическое просвещение*. 2010. № 2.
5. Интервенция на Русском Севере, 1918–1920. Архангельск: Кира, 2018. 115 с.
6. Кидяров А.Е. Ярославский мятеж 1918 г. в контексте Гражданской войны в России. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2010. 24 с.
7. Кремлёв С. Ленин. Спаситель и созидатель. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. 1008 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 томах. 5-е изд. М.: Политиздат, 1941–1960.
9. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М. 1933. Т. 6.

10. Неизвестная революция // Советская Россия. 2008 г., 13 ноября. [Электронный ресурс]: <http://www.sovgross.ru/articles/251/4365> (дата обращения: 09.03.2020)/

11. Ольштынский Л.И. Курс отечественной истории IX — начала XXI веков. М.: ИТРК, 2012. 656 с.

12. Перечень основных декретов 1917–1918 гг. и их краткое описание. [Электронный ресурс]: <https://www.artiks.ru/cons/DOC/spravinfo-esu-171101.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).

13. Поморская энциклопедия в пяти томах. Т. 1. История Архангельского Севера, Архангельск, Поморский Государственный университет, Архангельск, 2001. 483 с.

14. Шубин С.И., Рогачев И.В., Опрышко А.И. Первая мировая война как форма европейского сдерживания развития России: взгляд из Архангельска // Арктика и Север. 2015. № 18. С. 114–121.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

Важнейшей темой истории Гражданской войны является экономическая политика противоборствующих сторон. В какой степени она повлияла на исход их борьбы, в чем было ее отличие на территориях, подконтрольных красным и белым? Ответы на эти вопросы сохраняют свою актуальность и до настоящего времени. В частности, в историографии продолжается начатая в начале 1990-х гг. дискуссия о причинах и особенностях феномена «военного коммунизма» — экономической политики советской власти в годы Гражданской войны. Причем акцент делается на негативные последствия этой политики для экономики и населения страны, определяющем воздействии на ее характер большевистской идеологии [2]. Ряд авторов даже называют «военный коммунизм» «экономической чумой» (!) [25]. В настоящей статье автор высказывает свою позицию относительно причин, содержания и результатов политики «военного коммунизма» советской власти в указанный период, которая не претендует на бесспорность, но основана на анализе всего комплекса опубликованной литературы и источников. Тезисно ее можно представить следующим образом.

Сам термин «военный коммунизм» был заимствован В.И. Лениным у его идейного противника А.А. Богданова, который ввел его еще до Октября 1917 г. для характеристики экономической политики воюющих в Первой мировой войне стран, правительства которых перенесли «военно-коммунистическую организацию» фронта, представлявшего собой «обширную потребительскую коммуны», на тыл. По мнению А.А. Богданова, Ленин и большевики также стали проводить в годы Гражданской войны сходную с вышеупомянутой «военно-коммунистической» политикой капиталистических стран политику «военного коммунизма» [1].

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

Автор статьи разделяет данную позицию и считает, что данный сюжет нуждается в дальнейшем исследовании (использование большевиками зарубежного опыта государственного регулирования экономики в военное время. — В. К.).

По мнению автора, утвердившаяся в рассматриваемый период экономическая политика большевиков в виде «военного коммунизма» была обусловлена самой Гражданской войной. Идеология большевизма (марксизма) и его доктринерские планы оказали существенное влияние на эту политику лишь в первые месяцы советской власти, но в дальнейшем они не были основной причиной укоренения и распространения «военно-коммунистических» методов управления экономикой, особенно в условиях расширения масштабов Гражданской войны.

Именно таким образом объяснял мотивы и содержание «военного коммунизма» лидер большевиков В.И. Ленин. Впервые сам термин «военный коммунизм» в качестве характеристики экономической политики советской власти в годы Гражданской войны был использован им в апреле 1921 г. в статье «О продовольственном налоге» [21]. Причем главным в этой политике В.И. Ленин назвал вызванные Гражданской войной действия советской власти по принудительному изъятию у крестьян («в долг», «за бумажные деньги») хлеба для рабочих и армии ради победы над врагом. Таким образом, с точки зрения руководства Советского государства, «военный коммунизм» был средством решения труднейших проблем экономики страны в период Гражданской войны. Автор статьи поддерживает подобную оценку.

В рамках дискуссии о соотношении идеологии большевизма и практики Гражданской войны в утверждении на подконтрольной советской власти территории «военно-коммунистической» модели экономической политики следует помнить, что в огромной степени эта экономическая политика определялась доставшимся большевикам «наследством» от царского самодержавия и Временного правительства. То есть «военный коммунизм» возник не на пустом месте. Его элементы были присущи и всем странам — участницам Первой мировой войны, поскольку поразивший их экономический кризис имел общую природу и требовал примерно одинаковой схемы действий: максимального усиления роли государства в производстве, снабженческо-распределительной сфере, в мобилизации трудовых ресурсов и т. д.

Именно по этому пути в годы Первой мировой войны шло царское правительство, регулируя экономику государственными заказами, фиксированными ценами, ограничением свободы торговли, введением хлебной разверстки. Затем эту традицию продолжило Временное правительство, объявившее в условиях продовольственного кризиса хлебную монополию. Им рассматривался вариант усиления регулирующего участия государства в ведущих отраслях промышленности, фиксации цен на основные товары и т. п. Однако он не реализовался из-за противодействия промышленных кругов, стремившихся сохранить свои прибыли в неприкосновенности [7, 22]. Результатом стала большевистская революция, победившая в условиях кризисного состояния экономики страны.

Таким образом, истоки «военного коммунизма» следует искать в экономической политике предшествующих большевикам политических режимов. Данный тезис нуждается в обосновании на новых материалах, в том числе на региональном уровне.

После захвата власти перед большевиками встала первоочередная задача преодоления захватившего страну экономического кризиса, что предусматривало в первую очередь сохранение действующего производства, рациональную организацию распределения имевшихся продовольственных и сырьевых запасов [5].

И если говорить о большевистской идеологии как факторе «военного коммунизма», то ее влияние на экономическую политику большевиков было очевидным и в ряде случаев даже преобладающим, по сравнению с другими обстоятельствами, как уже отмечалось, только в первые месяцы советской власти. В период с декабря 1917 г. по май 1918 г., следуя ей, для решения экономических проблем большевистским руководством была предпринята попытка так называемой «красногвардейской атаки на капитал», включавшей в себя элементы «военного коммунизма»: национализацию средств производства, тотальную регламентацию экономической и общественной жизни, ставку на «классовое насилие» и т. д.

Следует указать, что целью «красногвардейской атаки на капитал» было не только желание большевиков действовать в рамках доктринерской идеи марксизма об уничтожении частной собственности, как главного условия строительства социализма, но и в значительной степени стремление сломить противодей-

ствии части банкиров и предпринимателей политике советской власти [8, с. 78–81, 230]. При этом взятые темпы «красногвардейской атаки на капитал» во многом объяснялась идеализмом большевиков, полагавших, что трудящиеся массы окажутся способными управлять экономикой и государством.

В данном контексте, обращаясь к одной из самых дискуссионных тем истории Гражданской войны — причинам и масштабам красного террора и феномене большевистской диктатуры, следует подчеркнуть, что на начальном этапе «военного коммунизма» «военно-коммунистическое» забегание вперед не мыслилось большевиками в каких-то агрессивных формах, в том числе и в виде жесткой диктатуры партии. Хотя для большевиков государственное насилие и террор определялись марксистской теорией классовой борьбы, требующей уничтожения «эксплуататорских классов», конкретный ход событий в первые месяцы советской власти говорил об обратном. Большевики постепенно втягивались в террор, и применение государственного насилия в указанный период в большинстве случаев было ответной мерой против действий антибольшевистских сил (погромы винных складов в Петрограде и т. д.).

В это время В.И. Ленин, не ставя под сомнение руководящую роль большевистской партии в создании новой России, считал, что необходимо было «предоставить полную свободу творчества народным массам», что Россия вообще «выросла из того, чтобы кто-то управлял ею», и большевикам следует создать «коалицию с огромным большинством населения» [19, с. 27, 46, 199, 276; 20, с. 64].

Но «красногвардейская атака на капитал», проводимая при активном участии рабочих, не оправдала надежд большевиков. На практике декрет о рабочем контроле на частных и национализированных предприятиях, отдавший их рабочим комитетам в управление, привел к тому, что рабочие коллективы стали в первую очередь решать свои материальные проблемы, «проедать» финансовые счета предприятий, особо не заботясь о судьбе производства. Более того, были случаи сговора фабзавкомов с администрацией и бывшими владельцами предприятий с целью выкачки капитала со счетов предприятий из национализированных советских банков для личных нужд. Налицо были и другие издержки первого этапа национализации промышленности: закрытие предприятий, падение производства. Особенно болез-

ненным был отток из промышленности квалифицированных управленцев и кадров специалистов. В этой ситуации В.И. Ленин в брошюре «Очередные задачи Советской власти», напечатанной 28 апреля 1918 г. в газете «Правда», выступил против дальнейшего форсирования национализации как магистрального направления политики «военного коммунизма». Более того в большевистском руководстве обсуждались варианты минимизации негативных последствий первой волны «красногвардейской атаки на капитал» путем привлечения к управлению промышленностью бывших владельцев и спецов [20, с. 165-208]. Это свидетельствовало о прагматизме экономической политики большевиков в данный период, их озабоченности состоянием экономики, отсутствии у части руководства партии, включая В.И. Ленина, идеологического фанатизма в решении экономических проблем. Хотя данный сюжет, по нашему мнению, и нуждается в дальнейшем изучении, в том числе на региональном уровне, к маю 1918 г. налицо была тенденция ослабления «военно-коммунистических» методов управления экономикой страны. Фактически речь шла о новой экономической политике, поскольку старая и идеологизированная не привела к разрешению экономического кризиса в стране, а лишь обострила его с точки зрения функционирования основных отраслей народного хозяйства.

Таким образом, можно заключить, что идеология как таковая не была главным фактором утверждения в советской России в указанный период политики «военного коммунизма», хотя и оказывала на экономическую политику советской власти значительное влияние.

В целом экономическая политика большевиков с момента захвата ими власти и до мая 1918 г. содержала в себе как элементы «военного коммунизма», обусловленные марксистской доктриной и желанием большевиков ускорить «строительство социализма», так и экономического прагматизма. Причем последний фактор стал доминировать. В частности, никаких планов «завинчивания гаек» и укрепления чисто «военно-экономических» методов управления промышленной отраслью экономики у большевистского руководства весной 1918 г. не было, несмотря на активную полемику в его рядах о дальнейших судьбах революции.

И если в промышленности налицо были элементы ослабления методов «военного коммунизма», то в сельском хозяйстве

ситуация складывалась принципиально иной. Существовавшие проблемы с аграрным сектором экономики и крестьянством в целом создавали условия для усиления «военно-коммунистических методов» в экономической политике. Но эта тенденция определялась не идеологией как таковой, а прежде всего задачами разрешения сохранявшегося в стране продовольственного кризиса.

Доставшийся большевикам от Временного правительства, он так и не был преодолен, несмотря на все усилия советской власти. Например, с декабря 1917 г. по май 1918 г. из намеченных по плану 137 млн пудов хлеба для снабжения столиц и промышленных центров было получено только 18,4 млн пудов, или около 14 %. Это означало, что из положенных в месяц рабочему 25 фунтов хлеба реально он получил только 3,5 фунта [24, с. 89]. Подобная ситуация во многом объяснялась проблемами на транспорте: работу железных дорог и водного транспорта парализовали стихийная демобилизация армии, а также падение трудовой дисциплины железнодорожных служащих [24, с. 134].

Большевики активно боролись с разрухой на транспорте и угрозой голода. В январе 1918 г. были введены строгие меры по борьбе со спекуляцией, вплоть до расстрела «мешочников» в случае их сопротивления при изъятии продуктов. В деревню были направлены первые вооруженные отряды для реквизиции продовольствия. 26 марта 1918 г. Совнарком принял декрет и инструкцию «Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок», в которых вводилась коллективная ответственность волостей за сдачу хлеба агентам наркомпрода и делалась ставка на бедноту как на главную опору большевиков в деревне [24, с. 134].

Эти и другие меры лишь смягчили общую кризисную ситуацию со снабжением хлебом городов, но не решили ее кардинально. В мае 1918 г. она резко ухудшилась из-за потери большевиками житниц Украины, Северного Кавказа, Поволжья и Сибири в результате захвата их антибольшевистскими силами (чехословаками, белыми и т. д.). Данное обстоятельство подтолкнуло большевиков к ужесточению продовольственной политики и использованию чисто «военно-коммунистических» методов для ее осуществления. 13 мая 1918 г. выходит декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продо-

вольствию, 11 июня — об организации комитетов деревенской бедноты [26, с. 250, 254].

Таким образом, темпы укоренения «военного коммунизма» в экономике советской России зависели от комплекса факторов: идеологии большевиков, сопротивления их противников, продовольственного кризиса, начавшейся фронтовой Гражданской войны. Именно под их влиянием большевики шли по пути «военного коммунизма» в рассматриваемый период. Но как законченная структура «военный коммунизм» сложился не сразу. Его основные элементы вызревали и укоренялась постепенно. Решающим фактором утверждения «военного коммунизма» в качестве инструмента экономической политики советской власти в рассматриваемый период стала фронтовая Гражданская война.

Эта война, начавшаяся весной 1918 г. и завершившаяся в 1920 г. польской кампанией, не только подстегнула большевиков к ужесточению продовольственной политики, но и заставила их резко активизировать процесс национализации промышленности, несмотря на его очевидные издержки. 28 июня 1918 г. был принят декрет о национализации крупной промышленности [12], чуть раньше — сахарной и нефтяной. В итоге в руках Советского государства оказались сосредоточены основные промышленные предприятия и транспорт. Для их управления была введена жесткая централизованная система главков (трестов), отвечавших за конкретные отрасли промышленности и подчинявшихся Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ). Главкизм в промышленности — характерная черта экономики «военного коммунизма» периода Гражданской войны.

По глубокому убеждению автора, в годы фронтовой Гражданской войны вся экономическая политика советской власти определялась только военным фактором, а не коммунистической идеологией и другими причинами. Главной целью «военного коммунизма» была максимальная концентрация всех ресурсов промышленности и сельского хозяйства для военных нужд. Абстрактные цели «строительства социализма» или «мировой революции» отошли на второй план. Решающим фактором экономической политики выступали прагматизм, учет объективных обстоятельств фронтовой Гражданской войны. «Все для фронта, все для победы» — такова была суть политики «военного коммунизма».

Именно потребности фронта и военной промышленности предопределили утверждение в экономике советской России самого главного элемента «военного коммунизма» — развёрстки (декрет Совнаркома от 11 января 1919 г.) [10, с. 292-294]. Последовательный, из года в год рост заготовок продовольствия с помощью принудительной развёрстки позволил большевикам не только накормить Красную армию, но и обеспечить на самом минимальном уровне выживание рабочих крупных промышленных предприятий, связанных с военным производством.

Одним из звеньев «военного коммунизма» в годы Гражданской войны стала российская кооперация, полностью огосударствленная в данный период. Сложившаяся и эффективно действующая еще в дореволюционный период сеть торгово-закупочных и снабженческих подразделений отраслевых кооперативных союзов оказалась наиболее удобной формой для проведения закупок и заготовок продуктов и сырья, а также их распределения в потребительских общества (коммунах), к которым было приписано все трудоспособное население на подконтрольной советской власти территории, особенно задействованное на военном производстве и в государственных структурах советской власти [6, с. 45].

Самым близким по форме и содержанию к коммунистической идеологии проявлением политики «военного коммунизма» было сведение к минимуму товарно-денежных отношений и даже их фактическая ликвидация в ряде важных сфер экономической жизни. Но и эти меры были связаны не с идеологией, а с фактическим крахом финансовой системы в стране, показателем которого стала бешеная инфляция и обвальный рост цен на продукты и товары первой необходимости [28, с. 30]. Именно по причине обесценивания денег в конце 1920 — начале 1921 г. произошла натурализация хозяйственных отношений: вместо денежной оплаты были введены натурпайки, бесплатные коммунальные услуги, бесплатное снабжение рабочих производственной одеждой и обувью, бесплатная выдача продуктов питания детям в крупнейших фабрично-заводских центрах, бесплатная перевозка грузов, а также лиц, следующих по государственным надобностям, рабочих и служащих, едущих на работу и обратно, и т. д. Данная форма отношений обеспечила функционирование госаппарата и его учреждений, а также предприятий, связанных с военными заказами.

С целью концентрации в руках советского государства всех ресурсов и борьбы с получившей огромный размах спекуляцией на подконтрольной большевикам территории в период Гражданской войны была ликвидирована частная торговля [12]. Взамен учреждался Главпродукт и его структуры на местах в виде Губснабов, облпродкомов и т. п., которым вменялась в обязанность организация снабжения населения продуктами и товарами через сеть кооперативных потребительских лавок. На практике главной проблемой сразу же стал дефицит основных продуктов питания и товаров первой необходимости в этих лавках. Были моменты, когда в городах снабжение прекращалось вовсе. В это время, несмотря на жесткие меры власти, пышным цветом расцвела неформальная или теневая экономика в форме нелегального товарооборота на местных рынках. Небывалые масштабы получило мешочничество — самостоятельные поездки городских жителей за продуктами в сельскую местность и крестьян в города для обмена продуктов на промышленные товары [11, с. 55]. Хотя в количественном отношении большинство мешочников были крестьяне (до 49 %), мешочничеством оказались охвачены все социальные группы на всей территории страны (почти четверть взрослого населения) [23, с. 384]. Вклад мешочников в продовольствование горожан в годы Гражданской войны составлял не менее 56 % [3, с. 143]. Подобный феномен свидетельствовал о прагматизме большевиков, допустивших мешочничество в условиях жесточайшего продовольственного кризиса и контролировавших его масштабы до приемлемого уровня, особенно в наиболее трудные 1918–1919 гг.

Апогеем политики «военного коммунизма» в годы Гражданской войны стала милитаризация труда — законодательное принудительное прикрепление трудоспособного населения к предприятиям и учреждениям, а также использование на хозяйственном фронте воинских частей Красной армии. Программа всеобщей милитаризации труда в экономике советской республики была разработана при самом активном участии Л.Д. Троцкого. Подобные меры советской власти были не случайными. В 1918–1919 гг. из-за голода и хозяйственной разрухи происходил постоянный отток рабочих с крупных промышленных предприятий в сельскую местность. Провинциальные фабрики и заводы, как правило, вообще не работали в период сельхозработ из-за ухода рабочих

в деревню. Всеобщая милитаризация отраслей экономики, работавших на военные нужды, началась с железнодорожного транспорта: все железнодорожники были объявлены мобилизованными, т. е. должны были не покидать свои рабочие места без особого разрешения, были отменены отпуска рабочих и служащих железных дорог впредь до особого распоряжения, для борьбы с прогульщиками и беглецами с «трудового фронта» были организованы специальные комиссии по борьбе с трудовым дезертирством на транспорте и т. д. [4, с. 117]. В 1920 г. из частей Красной армии были сформированы трудовые армии. Всеобщая трудовая повинность позволила обеспечить работу транспорта и военной промышленности в тяжелейшие периоды Гражданской войны.

В историографии доказано самое негативное влияние на крестьянские хозяйства и аграрную отрасль экономики в целом продразверстки. Она отягощалась массовым привлечением крестьян на выполнение различных натуральных повинностей (трудовой, гужевой и др.), также подрывавших их хозяйства. В конечном итоге все это привело к массовому крестьянскому повстанческому движению в 1920–1921 гг. и голоду в 1921–1922 гг. [17]

В немалой степени жесткие действия большевиков в годы Гражданской войны против советской деревни определялись общим антикрестьянским настроем В.И. Ленина и большевистского руководства, рассматривавшего крестьян как «неудобный» для строительства социализма класс [18]. Данный аспект также заслуживает внимания исследователей на региональном уровне. Но и имеющиеся в нашем распоряжении факты позволяют заключить, что, несмотря на указанное обстоятельство, крестьянство в целом поддержало большевиков в их борьбе с белыми и выполнило перед советской властью свой «долг союзника», о чем свидетельствуют объемы заготовленного продовольствия в ходе продразверсточных кампаний 1919–1920 гг., а также поведения крестьян в прифронтовых губерниях в период наступления армии Деникина в 1919 г. [17, с. 315–332]. Об эффективности продразверстки говорят следующие цифры: в период с июня по декабрь 1918 г. было заготовлено около 60 млн пудов хлеба, крупы и зернофуража, с августа 1918 г. по август 1919 г. — 107,9 млн пудов, в 1919/20 г. — 212,5 млн пудов, в 1920/21 г. — 367 млн пудов хлеба (в 6,1 раза больше, чем в заготовительную кампанию 1918 г.) [15, с. С. 116–117, 120–121, 123, 125].

Тем не менее именно пагубное влияние продразверстки на сельское хозяйство страны и на отношение крестьян к советской власти стало причиной осознания большевистским руководством бесперспективности политики «военного коммунизма», ее неэффективности с точки зрения обеспечения населения продовольствием, а промышленности сырьем. Л.Д. Троцкий в начале 1920 г. открыто призвал В.И. Ленина отменить продразверстку и установить фиксированный продналог и восстановить свободную торговлю [17, с. 167].

Причины нежелания В.И. Ленина и большинства в руководстве большевистской партии сделать это в 1920 г. нуждаются в дальнейшем исследовании. Но, видимо, важнейшей из них было осознание еще не устраненной угрозы со стороны белых армий на Украине и Юге страны, т. е. необходимость продолжения политики «военного коммунизма», пока Гражданская война не закончилась. Другим мотивом могла быть эйфория от превращения страны в единый военный лагерь, построенный на «военно-коммунистических» принципах, оказавшийся эффективным с точки зрения борьбы с врагами советской власти. Это облегчало дальнейшее «строительство» социализма после окончания войны. Может быть, именно в этом факте и проявилось влияние марксистской идеологии на экономическую политику большевиков в годы Гражданской войны, их нежелание «добровольно» отказаться от нее. О том, что идеология влияла на экономику, хотя и не в значительной мере, свидетельствуют и попытки большевиков с завидным упорством, несмотря на неудачи и крестьянское недовольство, насаждать в деревне коммуну, колхозы и совхозы, как наиболее приемлемые для них хозяйственные формы с точки зрения будущего социалистического строя, ради строительства которого они и захватили власть.

В целом экономическая политика советской власти в годы Гражданской войны при всех ее негативных моментах (валовая продукция промышленности в ценностном выражении уменьшилась в 7,6 раза и не достигла даже шестой части довоенного уровня производства. — В. К.) позволила ей победить основных противников в ходе ожесточенного и бескомпромиссного противостояния. С помощью «военного коммунизма» были мобилизованы все ресурсы подконтрольной большевикам экономики и направлены на военные нужды. Так, например, несмотря на огромные трудности

с обеспечением военного производства сырьем, продовольствием, фактами высокой смертности рабочих от недоедания и болезней, низкой трудовой дисциплины на военных заводах и предприятиях, связанных с выполнением военных заказов, созданная большевиками система управления военной промышленностью в годы Гражданской войны оказалась дееспособной. Она обеспечила Красную армию оружием и боеприпасами, хотя и не в полном объеме [27, с. 8–10]. То же самое можно сказать и о всей советской промышленности в целом. Несмотря на кризисное состояние, она продолжала функционировать и выполнять возложенную на нее властью задачу: давать продукцию фронту. С этой точки зрения «военный коммунизм» оказался эффективной и оптимальной «военно-мобилизационной» моделью экономики. Только такая экономическая политика и могла обеспечить победу советской власти во фронтовой Гражданской войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов А.А. Вопросы социализма. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1918. 36 с.
2. Булдаков В.П., Кабанов В.В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 40–58.
3. Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 1920-е годы: Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М.: Наука, 1989. 310 с.
4. Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М.: Собрание, 2006. 288 с.
5. Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах // Большевик. 1925. № 8.
6. Веселов С.В. Кооперация и Советская власть: период «военного коммунизма» // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 25–37.
7. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 483 с.
8. Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. 625 с.
9. Декреты Советской власти. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1959. 699 с.
10. Декреты Советской власти. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1968. 731 с.

11. Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М.: Наука, 1986. 252 с.
12. Известия ВЦИК. 1918. № 134. 30 июня.
13. Известия ВЦИК. 1918. № 257. 24 ноября.
14. Известия ВЦИК. 1918. № 262. 30 ноября.
15. История советского крестьянства. В пяти томах. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. М.: Наука, 1986. 455 с.
16. Коган Л.А. Военный коммунизм: утопия и реальность. // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 122–135.
17. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 575 с.
18. Кондрашин В.В. О телеграммах В.И. Ленина в Пензу в связи с крестьянским восстанием в с. Кучки // Российская история. 2020. № 2. С. 90–95.
19. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 35. 599 с.
20. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 36. 741 с.
21. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 43. 561 с.
22. Мау В.А. Реформы и догмы. М.: Дело, 1993. 256 с.
23. Орлов Н.А. Продовольственная работа Советской власти. М.: Издание Народного комиссариата продовольствия, 1918. 398 с.
24. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество — Историк, 1997. 272 с.
25. Присяжный Н.С. Экономическая чума: Военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ. 1918–1921 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Рост. Ун-та, 1994. 452 с.
26. Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1920. 442 с.
27. Советское военно-промышленное производство (1918–1926): сб. док. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2005. 766 с.
28. Таргулов Я. Новая экономическая и финансовая политика Советской власти. Пг. [б.и.], 1921. 50 с.

КОНЕЦ БЕЛОЙ БОРЬБЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ И ПЕРЕГОВОРЫ О МИРЕ МЕЖДУ БОЛЬШЕВИКАМИ И ЭСТОНИЕЙ

В конце сентября 1919 года командованием Северо-Западной армии под началом генерала Н.Н. Юденича было принято решение, что, несмотря на то, что подготовка и реорганизация армии еще не закончена, откладывать наступление на Петроград больше нецелесообразно. Успешное наступление белых продолжалось с 9 до 23 октября. Однако красное командование успело к этому времени перебросить к Петрограду полк с Карельского фронта¹ и части из-под Архангельска². Кроме того, видя бездействие эстонских частей под Псковом, красные перебросили на борьбу с Юденичем три полка 10-й дивизии и готовили сделать то же с 3-й бригадой 1-й стрелковой дивизией³. 15 октября на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение «снять с общесоюзной работы... в центре и на местах максимальное количество коммунистов и сочувствующих», а также упростить гражданское управление «в целях освобождения наибольшего количества пригодных для военной работы лиц»⁴. 16 октября в Петроград прибыл Троцкий, начавший организацию обороны города. 19 октября эшелон с переданными Троцкому войсками из Москвы дошел до Твери⁵.

19 октября на крайнем левом фланге белой армии под прикрытием артиллерии кораблей, прибывших из Кронштадта, красные повели успешное наступление, оттеснив белых из Ропши. 20 октября Троцкий объявил наступление по всему фронту, сосредоточив при этом главные силы для удара флангового удара и наступления

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 156.

² Там же. Л. 167.

³ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 2 (март 1919 — апрель 1920). М., 1974. С. 139–145.

⁴ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). Сборник документов. М., 1969. С. 345.

⁵ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 157.

между белыми группами в Красном Селе и Гатчине — Царском Селе. Под угрозой окружения группа белых в Красном Селе отказалась от движения на Стрельну и Петроград, развернувшись к югу.

Тем временем центральная гатчинская группа вела бои в направлении Пулково. 23 октября, когда передовые части белых были уже в Пулково, прикрывавшая с фланга группировка красных неожиданно сумела взломать фронт на стыке 2-й и 3-й дивизий и обратить Вятский полк белых в бегство. 2-я дивизия, под угрозой атаки с тыла и при полном отсутствии резервов, даже для разведки, оставила Царское Село и Павловск⁶.

Усиленные и воодушевленные, красные войска начали масштабное наступление на Красное Село. Вечером 25 октября штабом Юденича было решено отступить в сторону Дудургофа. «3 ноября части Северо-Западной армии покинули Гатчину» [4, с. 107]. В штабе армии в Нарве царила растерянность перед переменной военной судьбы армии. Почти все английские танки вышли из строя, фронт оказался растянут на 300 верст при 15 тыс. штыков⁷. Отношения с эстонским правительством, немного улучшившиеся в дни побед, снова стали натянутыми. 5 ноября правительство Финляндии окончательно отказалось начинать военные действия против Петрограда с севера [3, с. 360]. Ясно обозначилась предстоящая катастрофа Северо-Западной армии.

25 октября 1919 г., когда положение под Петербургом стало склоняться в сторону Красной армии, эстонское правительство возобновило дипломатические переговоры с советским правительством относительно заключения мира, отправив большевикам телеграмму: «...Эстонское Правительство не изменило своего отношения к вопросу о мире, и было бы готово вступить в переговоры после 25 октября. О точной дате встречи сообщим возможно скорее»⁸. 26 октября Чичерин телеграфировал А. Пийпу, попросив разъяснений относительно участия эстонских вооруженных сил в наступлении Юденича. В телеграмме Чичерин заявил, что в случае отступления войск Юденича на территорию Эстонии,

⁶ Родзянко А. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921. С. 425-427.

⁷ Там же. Л. 183.

⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 2. (1 января 1919 г. — 30 июня 1920 г.). М., 1958. С. 256.

туда будут вынуждены войти и красные войска⁹. Пийп ответил, что готов обсуждать условия перемирия.

6 ноября «Политбюро РКП(б) приняло постановление, которое разрешало красноармейским частям вступать на территорию Эстонии для завершения разгрома белых» [5, с.108], и в тот же день отослало новую телеграмму от имени главы советского НКВД правительству Эстонии. В ответ 10 ноября эстонское правительство провело заседание, посвященное обсуждению советских мирных предложений и судьбы белой армии. Было решено прекратить все военные связи с Северо-Западной армией, на территорию Эстонии ее части не допускать, а солдат, перешедших границу, — разоружать¹⁰. На совещании с представителями Антанты в тот же день Лайдонер оправдывал решение правительства тем, что, перейдя границу, белые начнут реквизиции, поскольку вопрос со снабжением у белых поставлен плохо. Помимо этого, сам факт нахождения русских солдат на территории Эстонии возбудит недовольство населения, возможно, начнутся вооруженные конфликты. Поэтому разоружение русских является необходимым шагом [7, Lk. 424]. 11 ноября правительство дало Лайдонеру указание прекратить помощь Юденичу в боях на российской территории, а при попытках пересечь границу — разоружать солдат и офицеров, но при этом «действовать максимально корректно и гуманно»¹¹.

13 ноября началось очередное наступление большевиков, и на следующий день был взят Ямбург. Белые части, переправившись через Лугу, взорвали мост. Северо-Западная армия оказалась прижатой к эстонской границе. Там же скопилось огромное число тыловых работников, всего на довольствии армии к 22 ноября оказалось 90 тысяч человек¹². На самой эстонской границе скопилось кроме массы тыловых частей до 20 тысяч беженцев со всей Петроградской губернии и 12 тысяч пленных красных¹³. При этом имелся единственный целый мост через Нарву¹⁴. 15 и 16 ноября

⁹ Там же. С. 266–267.

¹⁰ Государственный архив Эстонской Республики (ГАЭР). Ф. 31. Оп. 1. Д. 130. Л. 83.

¹¹ ГАЭР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 130. Л. 84.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5936. Оп. 1. Д. 370. Л. 30.

¹³ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 267.

¹⁴ Там же. Л. 235.

красные части достигли в некоторых местах рубежа реки Нарвы и, несмотря на имевшийся приказ от 14 ноября о занятии всего берега Нарвы и возможном временном форсировании реки, приостановили наступление ввиду отъезда в Тарту 15 ноября М. Литвинова для переговоров с министром иностранных дел Эстонии Пийпом [6, с. 529]. 16 ноября в Тарту состоялась личная встреча Пийпа и Литвинова [2, с. 286].

17 ноября на встрече Пийпа и Литвинова в Тарту стороны договорились об обмене заложниками и гражданскими пленными и взаимном ненарушении границы¹⁵. Пийп сообщил при этом, что часть заложников эстонцев взята войсками Эстляндской коммуны, но Пийп настоял, чтобы считать правительство коммуны частью «системы правительственных органов Советской России» [2, с. 287]. 19 ноября соглашение было подписано¹⁶.

В самом эстонском правительстве тем временем произошли изменения. Поскольку в Эстонском Учредительном Собрании социалисты не имели большинства, а ситуация, ввиду поражения Юденича, вела к непредсказуемым для Эстонии событиям, 18 ноября кабинет социалиста О. Штрандманна подал в отставку, и было сформировано коалиционное правительство, которое возглавил Я. Тыниссон [2, с. 287]. Военным министром был назначен А. Ханко, одной из главных задач которого стало отстранение Лайдонера от решения основных вопросов в отношении судьбы белой армии. 18 ноября Лайдонеру было рекомендовано прекратить сношения с Юденичем и все стратегические вопросы о переходе армии в Эстонию передать на усмотрение военного министра¹⁷.

19 ноября 1919 г. правительство Эстонии приняло решение начать 1 декабря переговоры о мире с большевиками без участия других прибалтийских стран¹⁸. После этого разоружение белых войск, на чем настаивало советское правительство, стало единственным возможным вариантом решения проблемы Северо-Западной армии. 21 и 22 ноября продолжились переговоры эстонцев с Литвиновым в Таллине в режиме секретности. На них присутствовал Я. Тыниссон, новый министр иностранных дел А. Бир-

¹⁵ ГА ЭР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1570. С. 1-2.

¹⁶ ГА ЭР. Ф. 957. Оп. 11. Д. 84. Л. 508.

¹⁷ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 242.

¹⁸ ГАЭР. Ф. 495. Оп. 10. Д. 13. Л. 473.

ка и А. Пийп. Стороны договорились об отводе красных войск на 10–20 верст от эстонской границы. Это создало коридор для войск Северо-Западной армии, пока решалась их судьба [7, лк. 428]. При этом Я. Тыниссон на заседании правительства заявил, что «если Эстония не получит от Антанты признания де юре и значительной военной помощи... придется принять пограничные условия большевиков» [2, с. 294].

2 декабря эстонское правительство назначило Я. Поска главой делегации на переговорах с большевиками. Главой советской делегации стал член Реввоенсовета Л. Красин. 5 декабря в Тарту переговоры начались в режиме закрытых дверей. Публиковались лишь подготовленные эстонской делегацией реферативные бюллетени. Советской делегации не было предоставлено прямой телеграфной и телефонной связи с Москвой [2, с. 294–295]. На первом заседании 6 декабря Красин представил советские условия мира: взаимное признание независимости сторон, прекращение состояния войны, заявление Эстонии об отсутствии союза с государствами и правительствами, ведущими войну с Советской Россией.

В отношении армии Юденича большевики требовали ее интернирования¹⁹. Эстонцы затронули вопрос об аннулировании Советами признания Эстляндской трудовой коммуны. Советская делегация констатировала тот факт, что правительство Эстляндской коммуны перестало существовать²⁰. Основные споры на переговорах вызвал вопрос о границе. Эстония предлагала установить границу по фактической линии фронта, делегация большевиков — по реке Нарве, причем уступая Эстонии острова на ней. Споры велись в ходе нескольких заседаний [4, с. 35–43].

15 декабря переговоры были прерваны советской стороной до 22 декабря для консультаций с центром. Красин уехал в Москву, передав права старшинства на переговорах А. Иоффе [2, с. 297–298]. 18 декабря Чичерин телеграфировал Иоффе в Тарту: «Происходит концентрация финских добровольцев на карельской границе, реорганизация армии Глазенапа и переход латвийских частей в Эстляндию для помощи ей. По-видимому эстонцы боятся нашего вторжения и опасаются того, не являются ли переговоры с нашей стороны маскировкой, между тем как наше нападение

¹⁹ ГА ЭР. Ф. 957. Оп. 10. Д. 27. Л. 10.

²⁰ Там же. Л. 11.

на Нарву вызвано необходимостью обезопасить себя от Юденича. Логика взаимных опасений и вытекающих из них мероприятий может повести к новому столкновению, для нас нежелательному; мы должны рассеять опасение эстонцев и в то же время показать, что мы хотим немедленного мира»²¹. После этого Чичерин дал указание согласиться на территориальные уступки эстонцам, добившись от них гарантий в отношении армии Юденича. После этого следовало немедленно заключить перемирие²².

23 декабря переговоры были возобновлены. Эстонская делегация согласилась создать двустороннюю комиссию по вопросам границы и дала гарантии неиспользования территории Эстонии в качестве плацдарма для нападения на РСФСР. Присутствовавший на переговорах офицер британской военной миссии через Иоффе сделал предложение советскому правительству «начать переговоры о прекращении враждебных действий в Балтике против нас как со стороны Антанты, так и со стороны прибалтийских государств, также о прекращении оказания помощи антисоветским реакционным армиям и силам, активно действующим в Балтике против нас, при условии разоружения нашего Балтийского флота»²³. Это предложение говорило о том, что мир между Советами и Эстонией Антантой будет воспринят положительно. 28 декабря адмирал Ковен, глава английской эскадры в Балтийском море, покинул Таллин²⁴. В рядах эстонской армии усилилась советская агитация, имевшая определенный успех. В некоторых частях начались волнения и даже стрельба между эстонскими солдатами²⁵.

31 декабря 1919 г. был подписан «Договор о приостановке военных действий между армиями Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, с одной стороны, и армиями Эстонской Демократической Республики — с другой стороны»²⁶. Дополнительно были подписаны гарантии безопасности, вошедшие позже в неизменном виде в мирный договор. Начала работу согла-

²¹ Документы внешней политики СССР... Т. 2. С. 310.

²² Там же. С. 310-311.

²³ Там же. С. 314.

²⁴ Пилкин В.К. Дневник 1918-1920: В Белой борьбе на Северо-Западе. М., 2005. 656 с. С. 270.

²⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 485. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-2.

²⁶ Документы внешней политики СССР... Т. 2. С. 317-319.

сительная эстонско-русская смешанная комиссия, председателем от красных войск был назначен военком 56-й стрелковой дивизии Булин, от эстонцев — командир 9-го эстонского полка Штернбек²⁷.

8 января части Красной армии начали наступление на южном участке эстонской границы с целью обхода нарвской группировки и захвата территории до реки Нарвы. На этом участке фронта войска 3-й дивизии Северо-Западной армии отразили наступление. Часть эстонских военных, в основном офицеров, не была заинтересована в прекращении боевых действий. Совместные эстонско-русские силы несколько раз переходили в наступление, красные в ответ пытались форсировать Нарву и перенести войну на эстонскую территорию. При этом в ходе переговоров в Тарту делегаций Эстонии и Советов стороны признавали отсутствие взаимной агрессии. Самовольные действия командиров эстонских полков вызвали негативную реакцию в столице, и Лайдонер издал специальное разъяснение, в котором обещал офицерам эстонской армии приличное трудоустройство «в государственных и частных учреждениях, где они будут материально обеспечены». При этом он предупреждал офицеров о прекращении самовольных боевых действий, которые будут использоваться красными, чтобы «разбить наше войско и таким образом вполне подчинить нас своей власти» [1, с. 332].

9 января Эстонское правительство заявило о своем решении подписать мир с Советской Россией при отсутствии для этого препятствий международного характера. 15–22 января по инициативе Эстонии в Хельсинки была проведена конференция прибалтийских стран, Польши и Финляндии, на которой было принято решение, что отношения с РСФСР должны строиться в согласии с позицией Антанты. Тем временем 14–16 января 1920 г. Верховный Совет Антанты провел ряд заседаний, на которых рассматривался вопрос об эффективности экономической блокады России. На первом из заседаний Ллойд Джордж заявил: «...С точки зрения обмена и цен русские поставки жизненно необходимы» [3, с. 376]. 16 января Совет

²⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2786. Анненков К.Н. Воспоминания бывшего командира 10-й отдельной бригады об участии бригады в борьбе против Юденича в 1919 г., о Нарвской операции в декабре 1919 — январе 1920 гг. и о работе эстонско-русской примирительной комиссии в 1920 г. Л. 38.

принял решение о возобновлении торговых отношений с русскими посредством частных кооперативов, без участия правительства [3, с. 377]. Снятие блокады дало Эстонии ясный знак того, что мир с Советами не будет рассматриваться союзниками враждебно.

25 января на заседании эстонского правительства было принято решение подписать мир, и делегации в Тарту было выслано соответствующее распоряжение [2, с. 300]. 2 февраля 1920 г. состоялось торжественное подписание договора²⁸, а вечером был дан прием обеих делегаций иностранным журналистам [2, с. 301]. Тартуский мир ознаменовал начало нового этапа эстонско-российских отношений, на котором его подписанты предстали как совершенно самостоятельные и взаимно признанные участники международного политического процесса. Поскольку все парафированные в перемирии условия о гарантиях безопасности были без изменения включены в договор о мире, лидеры белого движения перестали быть в политическом и военном отношении значимыми участниками в дальнейшей истории эстонско-российских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горн В.С. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин: Гамаюн, 1923. 416 с.
2. Граф М.Э. Эстония и Россия 1917-1991: анатомия расставания. Таллинн: Арго, 2007. 536 с.
3. Интервенция на Северо-Западе России / отв. ред. В.А. Шишкин. СПб.: Наука, 1995. 395 с.
4. Маттисен Э. Эстония — Россия: История границы и ее проблемы. Таллинн: Ило, 1995. 209 с.
5. Михайлов А.А., Михайлов В.В. Крах планов командования Северо-Западной армии по захвату Петрограда в 1919 г. (по материалам архивов России и Эстонии) // Материалы международной научно-практической конференции «История Гражданской войны в России 1917-1922 гг.». (Москва, 24–25 мая 2016 г.) М.: ЦМВС РФ, 2016. С. 102-110.
6. Розенталь Р. Северо-Западная армия: хроника побед и поражений. Таллинн: Арго, 2012. 704 с.
7. Rosental R. Laidoner — väejuht. Tallinn: Argo, 2008. 768 Lk.

²⁸ Документы внешней политики СССР... Т. 2. С. 339-352.

МОРЯКИ ТОРГОВОГО ФЛОТА АРХАНГЕЛЬСКА В ГОДЫ ИНТЕРВЕНЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Перед Первой мировой войной паровой флот Севера состоял из 70 пароходов: один пассажирский, 23 грузо-пассажирских, 26 грузовых и 20 вспомогательных, в основном буксиров. Этим флотом владели 32 судовладельца. Наибольшее количество пароходов принадлежало частным судовладельцам. 9 пароходов имел И. Бурков, по 2 парохода имели 4 судовладельца и 13 имели по одному пароходу. 28 пароходов имели акционерные компании. Самым крупным было действовавшее с 1875 г. Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства, имевшее 16 судов. Остальные 6 компаний имели 12 судов. 9 судов, из которых 5 буксиров, принадлежали торговым домам и совладельцам. Из учреждений свой флот из 3 пароходов имел Соловецкий монастырь [7].

Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства в годы войны пополнилось 6 интернированными германскими судами, не успевшими покинуть российские порты до объявления войны. Сначала они были затоплены, но затем подняты, отремонтированы и переданы Товариществу для работы. Однако это было нарушением международного морского права, так как их следовало законсервировать до окончания войны.

Это были грузовые суда, недавно построенные и относительно большей грузоподъемности, чем имевшиеся суда. За годы войны 4 из них погибли на минах, выставленных германскими подводными лодками. Кроме этих 4 судов Товарищество потеряло в войну еще 3 судна: одно из них погибло во время шторма и два потопили германские подводные лодки.

Для продления навигации в Архангельском порту в зимнее время было принято решение об организации ледокольной флотилии, для чего за границей было приобретено 9 ледоколов, 1 ледорез, 7 портовых ледоколов, 2 гидрографических судна и 5 ледокольно-грузовых судов. Всего 24 судна. Но уже в конце войны погибли ледокол и два ледокольных грузовых судна [5, с. 152–153].

Первым шагом нового советского правительства в области морского транспорта был декрет Совнаркома от 24 ноября 1917 г. «О воспрещении продажи, заклада и отдачи под чартер-партии русских торговых судов в руки иностранных подданных или учреждений» [8, с.13]. Этот декрет должен был предотвратить угон морских судов за границу. Однако продолжающаяся практика ухода морского тоннажа за границу вынудила советское правительство ускорить передачу торгового флота государству. Потому 23 января (5 февраля) 1918 г. был подписан декрет СНК «О национализации торгового флота» [8, с. 19].

В Архангельске для проведения национализации и управления национализированным флотом Архангельский Совет создал Коллегию по национализации и Управление морским транспортом Беломорского района, а также Управление речным флотом и водными путями Северной области. Несмотря на сопротивление судовладельцев, к лету 1918 года было национализировано около 50 морских паровых судов 8 различных пароходств и частных лиц¹.

Летом 1918 г. планировалась хлебная экспедиция в устья Оби и Енисея. В Архангельске на 14 июля 1918 г. было намечено совещание капитанов и старших механиков судов этой продовольственной экспедиции. Намечалось отправить ледокол «Соловей Будимирович» и ледокольные суда «Сибиряков», «Дежнев» и «Седов»². Также планировалась гидрографическая экспедиция в Арктику. Были выделены суда, оборудование, а из Петрограда были направлены моряки. Но накануне выхода судов в море в Архангельске высадились интервенты. Имущество и суда экспедиции были ими захвачены [2, с. 10].

Весной и летом 1918 г. национализированный торговый флот почти полностью оказался в руках интервентов. Именно с морских окраин страны началась интервенция стран Антанты. Ареной Гражданской войны и интервенции стал и Европейский Север. 6 марта был занят Мурманск. 2 августа 1918 г. был захвачен Архангельск. Чтобы задержать продвижение интервентов на подступах к Архангельску были затоплены в устье Северной Двины пароход «Уссури» и ледоколы «Святогор» и «Микула Селянино-

¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 191. Оп. 1. Д. 129. Л. 1.

² Там же. Д. 3. Л. 1.

вич» [4, с. 16]. Но, затопленные впопыхах и на мелком месте, эти суда вскоре были подняты интервентами.

Уже в августе 1918 г. правительство Н.В. Чайковского отменило декрет о национализации, а 2 сентября объявило денационализацию, возвратив суда прежним судовладельцам. Одновременно были ликвидированы и все судовые комитеты. В 1919 г. по настоянию судовладельцев были арестованы активные участники национализации флота. Военно-окружной суд приговорил их к каторге на срок от 4 до 15 лет³.

Но борьба за советскую власть на Севере не прекращалась. В тылу интервентов был образован подпольный комитет. Из моряков гидрографического судна «Таймыр» была создана группа содействия подпольному комитету. Через радиостанцию «Таймыра» передавались военные сводки для наступающей Красной армии.

По настоянию британского командования хлебная экспедиция в Сибирь была отменена. Но под командованием Б.А. Вилькицкого в Карское море были направлены ледокольные суда «Вайгач» и «Таймыр» для сопровождения прохода «Соломбала» с французской военной миссией для установления связи с белыми в Сибири [1, с. 61, 62]. При этом «Вайгач» наскочил в тумане на подводную скалу и затонул у мыса Ефремов Камень.

Упомянутый Борис Андреевич Вилькицкий (1885–1961) был известным моряком и ученым. В 1913 г. он являлся помощником начальника Гидрографической экспедиции в Северном Ледовитом океане на судах «Вайгач» и «Таймыр», открывшей архипелаг Северная Земля. Эта экспедиция была первой русской экспедицией, которая впервые прошла Северный морской путь из Владивостока в Архангельск за две навигации. В 1918–1919 гг. Вилькицкий был начальником Гидрографической экспедиции. В 1920 г. он эмигрировал. В 1923 и 1924 гг. Вилькицкий приглашался руководителем 3-й и 4-й Карских экспедиций, затем многие годы работал гидрографом в бывшем Бельгийском Конго. Его именем назван пролив, соединяющий Карское море с морем Лаптевых⁴.

В ноябре 1918 г. представители промышленности и торговли Сибири обратились с просьбой организовать сообщение с Сиби-

³ Волна. 1923. 8 февраля. Приложение. Однодневная газета «Штурвал», посвященная 5-летию национализации флота.

⁴ Советская военная энциклопедия. Т. 2. М., 1976. С. 139.

рю через Северный морской путь. Летом 1919 г. была организована Сибирская экспедиция. На средства сибирских кооператоров зафрахтовали английский пароход «Байминго» и шведский пароход «Хальмар». Из Архангельска было отправлено 8 судов в устье Оби и 4 судна в устье Енисея, а также 2 вышеупомянутых иностранных судна. Они доставили в Сибирь к Колчаку 3 генералов и 99 офицеров, в том числе 12 инженеров и 6 летчиков [6, с. 160]. Суда везли около 100 тыс. пудов военного снаряжения из английской военной помощи, в том числе 50 000 винтовок [6, с. 161].

В начале сентября суда прибыли в устье Оби, куда речники доставили 493 тыс. пудов зерна и 28 тыс. пудов меди с Урала. Но во время грузовых операций пришло сообщение о поражении Колчака в Сибири. Перегрузочные операции были прекращены, речной караван отзывался вверх по Оби в Томск. Много груза осталось невыгруженным и на морских, и на речных судах. С парохода «Байминго» пришлось выбросить за борт котлы для лесопильных заводов Сибири [6, с. 171–173].

5 октября 1919 г. генерал Миллер выразил Колчаку глубокую благодарность за доставку в Архангельск из Сибири морскими судами продовольственных грузов: 118 585 пудов пшеницы, 2025 пудов муки, 2326 пудов масла, 130 пудов сыра, 1208 пудов мяса и 2190 пудов валенок⁵. Пароход «Байминго» ушел в Англию с пушниной и другими экспортными грузами, а пароход «Хальмар» с грузом меди — в Швецию. Опыт Сибирской экспедиции 1919 г. был использован советским правительством в 1920 г. при организации Карской экспедиции. Тем более что в ней приняли участие моряки и суда, получившие опыт плавания в 1919 г.

В 1919 г. потребкооперация заготовила в районе Индиги оленину, навагу и дичь для населения Севера. 22 января 1920 г. из Архангельска в Индигу был направлен ледокольный пароход «Соловей Будимирович». На его борту находились также офицеры, направлявшиеся в Мурманск. Но через несколько дней судно попало в ледовую ловушку и льдами было вынесено в Карское море. Судно находилось в дрейфе до 19 июня 1920 г., пройдя во льдах более 1000 миль. Капитан неоднократно обращался за помощью в правительство Северной области, но оно бросило его на произвол судьбы⁶.

⁵ Подсчитано по: ГААО. Ф. 178. Оп. 2. Д. 55. Л. 9–17.

⁶ Правда Севера. 1976. 16 марта.

Тем временем генерал Миллер со своим штабом 19 февраля 1920 г. на ледоколе «Козьма Минин» покинул Архангельск. Интервенты покинули Архангельск еще осенью 1919 г. В Белом море «К. Минин» подошел к ледокольному пароходу «Сибиряков» и стал перегружать с него уголь. Попытки силой увести это судно успеха не имели. Также отказались уходить экипажи рядом стоящих судов «Русанов», «Таймыр» и «Полярный». В Архангельск моряки отправили радио: «Ждем распоряжений Советской власти»⁷.

Моряк-подпольщик, капитан М.В. Николаев, захватив с группой моряков радиостанцию в Исакогорке, пытался организовать погоню за уходящим ледоколом. Им был послан ледорез «Канада». Между судами в вечерней темноте состоялся скоротечный артиллерийский бой, но «Минину» удалось скрыться. 23 февраля с «Канады» пришла радиограмма: «...просим сообщить населению, что в добровольческом отряде на “Канаде” во время боя с белогвардейскими бандами потерь не было. Все благополучно. Ждем благоприятной погоды вблизи Мудьюга»⁸.

20 февраля 1920 г. в 23:00 в Архангельск прибыл поезд с частями Красной армии. В городе была восстановлена советская власть. Первым шагом новой власти стало спасение ледокольного парохода «Соловей Будимирович». Вывести его из льдов мог только мощный ледокол «Святогор», угнанный в Англию. Правительство РСФСР обратилось к Англии и Норвегии с просьбой организовать спасательную экспедицию за счет РСФСР. С такой же просьбой к знаменитому полярнику норвежцу Ф. Нансену обратился М. Горький.

Только в начале июня, после уплаты всех просимых Англией расходов, ледокол вышел в море. Из Архангельска на помощь ему был направлен ледорез «III-й Интернационал» (бывший «Канада»). 20 июня ледоколы встретились в Карском море и вывели ледокольный пароход «Соловей Будимирович», который 3 июля прибыл в Архангельск. Такова была первая необычная международная гуманитарная акция в Арктике, несмотря на продолжающую Гражданскую войну в России.

Оставшиеся в Архангельске работники Архангельско-Мурманского срочного пароходства 21 февраля на общем собрании

⁷ Морской флот. 1968. № 2. С. 9.

⁸ Известия Временного комитета профессиональных союзов. 1920. 25 февраля.

избрали Временный комитет предприятия для управления оставшимся флотом и установления контакта с советской властью. Временный комитет сообщил в Архангельский губернский совет народного хозяйства о наличии 11 морских пароходов. 5 судов пароходства были отправлены на ремонт в Англию и там оставлены. Директор-распорядитель Антоновский, его заместитель и помощник выехали в эмиграцию⁹. Интересно отметить, что моряки парохода «М. Сидоров» (бывший «Император Николай II») сумели, используя стоянку в Норвегии, перебраться на Родину [3. с. 27].

Постепенно шло восстановление управления и сбор судов. 28 февраля публикуется приказ командующего морскими силами и командира порта Архангельск: «До прибытия комиссии по национализации флота предлагается всем судовладельцам производить ремонт судов. Ответственность за готовность к навигации возлагалась на судовладельцев»¹⁰.

Восстанавливалась работа союза работников водного транспорта Беломорско-Мурманского района, разогнанного в 1918 г. Восстанавливала работу и партийная организация.

Между тем в январе 1920 г. Верховный Совет Антанты решил прекратить экономическую блокаду РСФСР. Предстояло готовиться к открытию навигации.

19 апреля 1920 г. было организовано Управление морского транспорта Белого моря (Беломортран). Возглавил его военный моряк В.Н. Черкасов, уполномоченный Наркомата путей сообщения. В апреле-мае была проведена повторная национализация морского флота. Всего было в наличии 24 судна: 10 от бывшего Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, 5 от И.И. Буркова, 2 от Соловецкого монастыря, 3 от прочих судовладельцев и 4 от службы «Лед»¹¹.

Интервенция и Гражданская война принесли на Север разруху и голод. Все государственные склады в Архангельске и Мурманске были пусты. Железная дорога Москва — Архангельск почти не работала. Единственным средством помощи голодающему Северу мог только стать привоз хлеба морем из Сибири. Решить

⁹ ГААО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 19. Л. 107.

¹⁰ Известия Временного комитета профессиональных союзов. 1920. 28 февраля.

¹¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 1.

эту проблему в условиях всеобщей разрухи было очень трудно. Предложение о проведении сибирской хлебной экспедиции внес 15 марта 1920 г. начальник Архангельской охраны водного района и морского транспорта М.В. Николаев, назначенный позднее начальником экспедиции.

Михаил Васильевич Николаев (1870–1926) — моряк-гидрограф, ледовый капитан. Он начал службу на флоте под командованием адмирала С.О. Макарова. В 1914–1918 гг. Николаев являлся старшим помощником капитана на ледокольных судах. Вел подпольную работу в 1918–1920 гг. В 1919 г. Николаев занимал должность помощника начальника Сибирской морской экспедиции, в 1920, 1922 и 1925 гг. — начальник Карских экспедиций, в 1921 г. — заместитель начальника Карской экспедиции, с 1922 г. — начальник ледокольной флотилии Балтийского моря и одновременно капитан ледокола «Ленин»¹².

Решение о проведении экспедиции было принято в мае 1920 г., и ее организация была возложена на Беломортран. Первой задачей было отремонтировать имеющиеся суда. Эта задача была возложена на Соломбальский судоремонтный завод и судоремонтные мастерские Лайского дока, и рабочие этих предприятий с ней с честью справились.

Следующая проблема заключалась в том, чтобы найти уголь. В Архангельском порту имелось в ту пору всего 1000 т, а требовалось 4000 т. Уголь подняли с помощью водолазов с судов, потопленных в горле Белого моря в годы Первой мировой войны. Подняли 6400 т первоклассного английского угля¹³. Для обеспечения экспедиции всем необходимым Беломорский областной комитет по перевозкам принял решение: «Ввиду важности экспедиции предложить всем ведомствам и учреждениям, в особенности Военному порту, Архгубсоюзу и Губторгурсу, снабдить экспедицию всеми материалами»¹⁴.

Беломортран сформировал два отряда из 15 судов. В первый отряд вошли ледокольные пароходы «Г. Седов» и «В. Русанов», 4 грузовых судна («Колгуев», «Кереть», «Север» и «Маймакса») и

¹² Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского Севера, 2001. Архангельск. С. 268.

¹³ Моряк Севера. 1977. 1 марта.

¹⁴ ГААО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 178. Л. 12.

2 лихтера. Второй отряд составили ледакольные пароходы «Малыгин» (бывший «Соловей Будимирович») и «А. Сибиряков», 3 транспорта («Николай», «Идья» и «Пролетарий») и 2 лихтера.

Первый отряд вышел из Архангельска 8 августа и 18 августа достиг благополучно Обской губы, где до 28 августа ожидал речной караван. Погрузка с речных судов на морские закончилась 20 сентября. Было принято 526 тысяч пудов ржи, 939 пудов пшеницы и 57 338 пудов экспортного груза (кожа, волос, шерсть и т. п.).

Второй отряд вышел из Архангельска 20 августа. В Усть-порт на Енисее прибыли только «Малыгин» и «Маймакса». Остальные суда отряда ушли в Обскую губу, и на Енисее погрузили 44 042 пуда льна. 8 сентября они ушли в Архангельск и 1 октября благополучно вернулись. Обская группа судов добиралась обратно в сложных погодных условиях — снег, туман, шторм. 3 октября они все же пришли в Архангельск. Пароходы «Илья» и «Пролетарий» были направлены в Мезень, населению которой грозил голод.

Всего суда экспедиции доставили на Печору 138 006 пудов, в Мезень — 53 040 пудов и в Архангельск — 373 613 пудов зерна и 5440 пудов пшеницы. Население Архангельской губернии было спасено от голода. Кроме этого, было доставлено экспортных товаров на 12 млн рублей [1, с. 59–66].

От имени трудящихся Севера Президиум Архангельского губисполкома выразил благодарность всем участникам экспедиции за энергичную и добросовестную работу, и всем выдали премию — по пуду муки каждому [2, с. 105]. При проведении экспедиции морякам пришлось преодолеть огромные трудности: в плавании приняли участие разнотипные, плохо оборудованные суда, малоприспособленные к плаванию. На многих судах еще не было радио, на некоторых не было даже электричества, многие экипажи судов не имели опыта плавания в Арктике. Тем не менее плавание в 1920 году прошло успешно, без единой аварии.

Многие участники экспедиции стали впоследствии известными ледовыми капитанами: В.И. Воронин — капитан парохода «Пролетарий», Д.Т. Чертков — капитан парохода «В. Русанов», Н.М. Сахаров — капитан парохода «Илья» и др.

На Севере началась первая навигация после его освобождения. 13 мая 1920 г. из Мурманска с грузом муки пришли паро-

ходы «Русанов» и «А. Сибиряков», а также ледокол «И. Сусанин». Постепенно возрождались и внешняя торговля. Инициативу проявили соседи — норвежские моряки. В Архангельск пришло парусно-моторное норвежское судно с грузом рыбы. Капитан судна обменял ее на лес. Затем пришло еще 6 небольших норвежских судов с рыбой, приобретенной Внешторгом в обмен на лес. Несколько архангельских судов совершили рейсы с лесом в Вардё [2, с. 82].

Всего в 1920 г. было доставлено в Норвегию 210 стандартов леса из Архангельска и 1021 стандарт из Мурманска. Было закуплено в Норвегии 28 320 пудов рыбы и 38 100 т угля¹⁵. Оставшиеся после ухода основного флота в Сибирь небольшие суда «Кия», «Чижа», «Соловки» и «Жижгин» работали на перевозках угля из Вардё в Архангельск, а также обслуживали нужды Северного края в перевозках. Судов было мало, а неотложных перевозок много. Поэтому на местных перевозках широко использовался парусный флот. В навигацию 1920 г. во все порты Архангельской губернии пришло 305 судов (включая и парусники) и было привезено 2 млн пудов грузов. Вышло из портов 341 судно, они вывезли 1761 тыс. пудов грузов¹⁶.

Таким образом, в тяжелейшие годы Гражданской войны и интервенции, несмотря на экономическую разруху и голод, моряки торгового флота Архангельска смогли сохранить для страны часть торгового флота и ледокольного флота, вспомогательный и технический флот. Такого повального разорения морского флота в те годы, как на Черном море и Дальнем Востоке, на Севере не было.

Сохранение морского флота на Севере объясняется двумя причинами. Во-первых, климатические условия: во время бегства белых в Архангельске стояла зима, Белое море замерзло и вывести флот не было возможности. Во-вторых, лояльная позиция моряков по отношению к советской власти, не пожелавших уйти за границу. Моряки с оставшимися судами сумели организовать важнейшую для Архангельской губернии Карскую хлебную экспедицию, сделали первые шаги в деле возрождения внешней торговли с соседней Норвегией.

¹⁵ ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 2. Л. 69.

¹⁶ Известия Архгубисполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и губкома РКП(б). 1921. 15 января.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. В 4 т. Т. 3. Советское арктическое мореплавание. 1917-1932. М.: Морской транспорт. 1959. 510 с.
2. Булатов В.Н. КПСС — организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917-1980). М.: Изд-во МГУ, 1989. 156 с.
3. Власова В.И. Жизнь капитана-полярника (по семейным архивам) [О Б.Е. Ушакове]. Архангельск, 2005. 136 с.
4. Дорога в океан: Очерки по истории флота Северного морского пароходства, 1920-1970 гг. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1970. 102 с.
5. Залесский Н.А. Флот Русского Севера в годы первой мировой и гражданской войны // Летопись Севера. Вып. VI. М., 1972. С. 130-161.
6. Марголин А.Б. Международная интервенция 1918-1920 годов и Северный морской путь // Летопись Севера. Вып. I. М., 1949. С. 160-173.
7. Русский торговый флот. Список судов к 1 января 1913 г. СПб., 1913.
8. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917-1959. М., 1961. С. 780.

ШАМХОРСКИЙ ИНЦИДЕНТ И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ

После публикации большевиками Декрета о мире в Баку стала массово прибывать солдаты Кавказского фронта, часть которых была включена в состав вооруженных сил ВРК. Перемирие с Турцией, заключенное 18 декабря 1917 г., предусматривало прекращение боевых действий, установление демаркационной зоны, запрет на пересечение пограничных и нейтральных зон [7, с. 53-57]. Турция обязалась заставить «курдов в точности выполнять условия <...> договора» [7, с. 55]. Время действия перемирия устанавливалось вплоть до окончательного мирного договора. Стихийный отход русских войск с Кавказа, начавшийся после Февральской революции, принял организованные формы. По словам историков Аллена и Муратова, российская армия «самодемобилизовалась» [22, с. 457].

Для охраны границ, по совету комиссара Штаба Кавказского фронта эсера полковника Д. Донского, было решено свести армию в соединения по национальному признаку: сформировать армянский, грузинский, мусульманский (т. е. азербайджанский), украинский и русский корпуса. Эти действия комиссариата вызвали негативную реакцию большевистского Бакинского Совета, который считал, что ликвидация централизованных воинских формирований и замена их национальными формированиями ставит «на карту существование кавказских народов» [2].

Однако национализация армии встретила с трудностями. Генерал Вышинский писал главнокомандующему: «Украинизация и армянизация частей в районе явно обречены на неудачу... В настоящее время все увлечены одной идеей — поскорее уйти в тыл» [16, л. 9]. С другой стороны, председатель мусульманского военного шуро Асадуллаев требовал «увеличить общую численность предполагаемых мусульманских частей, дабы они не сильно отставали от аналогичных грузинских и армянских» [11, с. 143].

Многие русские части Кавказской армии вообще не признавали власти Закавказского комиссариата. Единства в армии не было, некоторые части были распропагандированы большевиками, другие стремились к демобилизации и уходу с Кавказа, причем зна-

чительные силы сохраняли дисциплину и военный порядок, не поддаваясь на политические веяния. При этом, покидая армию по приказу о демобилизации либо самовольно, солдаты решительно отказывались сдавать оружие. Это вооружение присваивалось как комиссариатом, так и пробольшевистскими отрядами [14, с. 145–146]. Председатель Кеприкейского комитета армянского воинского союза прапорщик Петросянц писал в Военный Совет: «Огромное количество интендантского имущества, многочисленные военные организации подвергаются расхищению в буквальном смысле этого слова... Пришлите интеллигентные силы, пусть наша просьба не будет гласом вопиющего в пустыне. Помните, что промедление — смерти подобно» [16, л. 46]. Устранение единого, подчиненного общearмейскому командованию Кавказского фронта «стало катализатором большинства сложных и бурных процессов политической жизни Закавказья в 1917–1918 гг.» [12, с. 181].

К началу 1918 г. бакинские большевики, по словам Шаумяна, практически «установили контроль над войсковыми частями, в которых всего семь месяцев назад главенствовали меньшевики» [19, с. 67–68]. Бакинские коммунары старались идти в русле общепольшевистской политики. В первой же резолюции новый Совет объявлял поддержание диктатуры пролетариата в Баку и других регионах расположения армии приоритетом, а борьбу с «представителями капитала» — главной задачей вооруженных сил. Меньшевики отказались принять эти резолюции, в результате чего преимущество большевиков в Совете стало подавляющим. Также коммунары имели большинство в матросских советах Каспийской военной флотилии, обеспечив себе в Баку подавляющее силовое преимущество, и уже в феврале начали организовывать регулярные части Красной гвардии. Возглавили работу по их созданию Григорий Корганов и его заместитель Борис Шеболдаев.

Деятельность Азербайджанского национального совета в Баку была не столь успешной, однако конфликт мусульманских партий с большевиками нарастал, причем, фоном этого нарастания служили межнациональные противоречия [13, с. 61–62]. 30 января 1918 г. газета «Бакинский рабочий» писала: «Баку представляет теперь два больших вражеских стана, противостоящих друг другу и готовых наброситься на противника в любое время. “Мусават” и “Дашнакцутюн”, вот две антигосударственные, контрреволюционные силы, которые, вооружая и натравливая пролетарские

массы друг против друга, хотят построить свое националистическое здание на руинах рабочего движения. Столкновение неизбежно» [10, с. 74]. Особо указывалось на вооруженные «бандитские отряды головорезов», под которыми понимались мусульманские силы самообороны [10, с. 74].

Впрочем, попытки бакинских коммунаров установить власть большевистских Советов на всем Закавказье провалились. С. Шаумян 31 января 1918 года призывал: «...единственное средство предотвратить ужасы межнациональных войн и взаимного истребления народов Кавказа, если уже не поздно — это создание на Кавказе Советской власти...» [19, с. 187]. Однако советское правительство в Москве, по сути, шло к национализации регионов. Так, российское управление по делам Кавказа в Петрограде постановлением от 20 января 1918 г. было ликвидировано, а его функции и дела были переданы в комиссариат по делам национальностей [6, с. 375].

В январе 1918 г. произошел так называемый Шамхорский инцидент, который серьезно подорвал доверие солдат к Закавказскому комиссариату. Шамхор был узловой станцией, куда переправлялись демобилизованные части Кавказской армии и далее шли на Тифлис либо Баку. В окрестных селах солдаты часто мародерствовали, что подтверждает современник событий В. Станкевич, который писал, что русская армия, отступая с Кавказского фронта, грабила в основном мусульманское население [17, с. 245].

Это вызывало частые протесты делегатов-мусульман, и в конце концов ситуация привела к конфликту. Большая группа российских солдат, покидавшая фронт по железной дороге, по приказу Н. Рамишвили была заблокирована в районе станций Шамхор и Далляр, после чего произошло вооруженное столкновение солдат с отрядом азербайджанской самообороны. Объясняя этот инцидент, Н. Жордания послал частям Кавказской армии телеграмму: «Ввиду того, что воинские части, уходящие в Россию, забирают с собой оружие... Краевой центр... постановил предложить всем Советам принять меры к отобранию оружия у отходящих частей» [8, с. 276]. Мусульманские отряды решили, воспользовавшись этим приказом, пополнить свои собственные арсеналы, тем более, как жаловался один из лидеров мусульманской фракции, А. Сафикюрдский, «грузинов и армян, “младших братьев” в Закавказье вооружили, а “старшему брату” — мусульманам оружия не дали» [3, с. 69]. Этот приказ встретил яростное сопротивление

солдат, сумевших отстоять свои винтовки. В справке, представленной в Бакинский Совет и Бакинскую городскую думу по прибытию эшелонов в Баку, «Описание событий, имевших место 9–13 (22–26) января 1918 года на участке Акстафа — Аджикабул Закавказской железной дороги», сообщалось о 53 убитых и 212 раненых солдатах [4, л. 26]. Мусульманский совет утверждал, что число убитых с обеих сторон исчислялось сотнями.

С. Шаумян в эти дни выехал в Тифлис для вступления в должность чрезвычайного комиссара по Закавказью. Его поезд был задержан 8 января на железнодорожной станции Гянджа. Здесь с Шаумяном встретился один из лидеров Мусульманского национального совета Ф.Х. Хойский, который предложил ему направиться в Шамхор для возможного урегулирования ситуации с войсками. Испугавшись, что ему, как армянину, грозит опасность от вооруженной азербайджанской толпы, Шаумян с помощью местных членов партии большевиков на фаэтоне бежал из Гянджи и сумел с большими приключениями добраться 22 января до Тифлиса.

«Спутники рассказывали, как на самом опасном участке пути из Чардахлу в Бадакен пришлось пойти на хитрость и, инсценируя свадьбу, с зурной пройти через занятые мусаватистами села» [15, с. 123–124]. Помимо этого, по пути группе Шаумяна удалось поднять на восстание против местных землевладельцев крестьян нескольких сел Гянджийского района [9, с. 230]. Тем временем Хойский от имени мусульманской фракции комиссариата выпустил обращение к мусульманам, а с командованием эшелона заключил договор, по которому военные передавали азербайджанцам артиллерийскую батарею с вооружением и снаряжением [3, с. 70].

Бакинские большевики воспользовались этим инцидентом, развернув агитацию против национальных закавказских лидеров. Как пишет историк Дж. Гасанлы, «мощная пропагандистская кампания, развернутая Бакинским советом вокруг шамхорских событий, была связана с рядом факторов. Во-первых, обвиняя закавказское правительство, подвести общественное мнение к идее советизации всего региона. Во-вторых, демонстрируя заботу об отступающей русской армии, способствовать ее переходу на службу Бакинскому совету. Эта огромная военная сила обещала бы торжество Советов во всем Азербайджане. В-третьих, используя эти события, разоружить мусульманское население, а под лозунгом борьбы с контрреволюцией устроить бойню му-

сульман и очистить город от мусульманской “контрреволюции”» [3, с. 71].

Под предлогом того, что дорога на Тифлис представляет опасность, большевики начали концентрировать в Баку войска бывшего Кавказского фронта, в основном армян [10, с. 86–87]. Бакинский ВРК направил на станции Шамхор и Далляр делегацию во главе с И. Вацеком. Солдаты, разагитированные большевиками, истребили несколько ближних азербайджанских сел. В ходе переговоров делегации ВРК, уполномоченных 13 эшелонов, блокированных в Шамхоре, и представителей Закавказского комиссариата часть эшелонов была приведена в Баку. Как писали современники, «рядом с медленно движущимися составами шли войска, выстроенные в боевом порядке... Дело, однако, не обошлось без артиллерийской перестрелки» [15, с. 124].

Большевики этим не удовлетворились, направив в Гянджу «два бронепоезда и красногвардейский отряд во главе с большевиками Б. Сардаровым и С. Хмаладзе. Командование бронепоездов добилось от Гянджинского мусульманского национального совета освобождения арестованных за большевистскую пропаганду солдат и офицеров. Бронепоезда вернулись в Баку только после того, как через Гянджу проследовали последние воинские эшелоны» [5, с. 97]. Всего в Баку прибыло 8 эшелонов. Это серьезно усилило вооруженные силы Бакинской коммуны.

В свою очередь, азербайджанцы завладели в Шамхоре почти 15 тыс. винтовок, около 70 пулеметов и 20 орудий [19, с. 185]. О состоянии азербайджанских отрядов в начале весны 1918 г. доносил военный атташе Болгарии в Константинополе: «Турция снабжает оружием и офицерским составом татарские четы. Многие турецкие офицеры, отпущенные из русского плена, руководят этими четами. Оружия много, на четника по три винтовки. Имеется артиллерия и картечь» [20, с. 330].

Немало вооружения досталось и армянским вооруженным силам. Часть армянских отрядов в количестве более тысячи, вооружившись, была направлена в Баку с большевистскими командирами. Однако большая часть войск проследовала по намеченному командованием Кавказской армии пути на север, минуя Баку [18, с. 41]. В город были привезены тела убитых в стычках солдат, похороны которых «социалистическими организациями были обставлены с большой помпой и произвели на татар-

ское население угрожающее впечатление... Настроение в городе... было тревожное и ждали погрома татар» [1, с. 114].

Москва не упустила этот эпизод, и И. Сталин в двух номерах «Правды» от 26 и 27 марта 1918 г. обстоятельно изложил большевистскую точку зрения на события в Шамхоре. «Мы заявляем, что в числе виновников Елисаветпольских событий должен быть назван прежде всего бывший когда-то вождь кавказской социал-демократии, ныне так называемый “Отец грузинской нации” — Ной Николаевич Жордания... Обвинение, которое мы бросаем в лицо Жордания, распространяется на всю партию меньшевиков, на краевой центр, на Закавказский Комиссариат, где господа Чхенкели и Гегечкори в тесном и открытом блоке с мусульманскими беками и ханами делают все для того, чтобы погубить революцию. Мы говорим о Жордании и Рамишвили, поскольку их имена связаны с телеграммами, с приказами, отправкой “разбойничьего” бронированного поезда. С них должно быть начато следствие для выяснения истины» [8, с. 274–278].

Шамхорские события как в зеркале отражают особенности последующих послереволюционных событий и событий вступившей в активную фазу весной 1918 г. Гражданской войны. Национальные противоречия, сильное влияние Кавказского фронта и его развала, политическая нестабильность и неграмотность основной части населения Закавказья — эти характерные черты вооруженных конфликтов в 1918–1921 гг. были в основном преодолены лишь после воссоединения региона с большевистской Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байков Б.Л. Воспоминания о революции в Закавказье // Архив русской революции. Т. 9. Берлин: Слово, 1923. С. 91–194.
2. Гасанлы Д. Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости (1917–1920). М.: Флинта, 2011. 664 с.
3. Дарабади П. Военные проблемы политической истории Азербайджана начала XX века. Баку: Элм, 1991. 203 с.
4. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 626 с.
5. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 1. М.: ГИПЛ, 1959. 772 с.

6. Документы по истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941. 544 с.

7. Исмаилов Э. Степан Шаумян — обреченный на забвение. Портрет «легендарного коммунара» без ретуши. Баку: «Şərq-Qərb», 2011. 446 с.

8. Каземзаде Ф. Борьба за Закавказье. 1917-1921. Стокгольм: SA&CC Press, 2010. 327 с.

9. Михайлов В.В. «Мусульманский вопрос» и Российская революция: Турция, Россия и Закавказье в период с февраля 1917 г. по март 1918 г. // Клио. 2016. № 9 (117). С. 140-146.

10. Михайлов В.В. Османская интервенция первой половины 1918 г. и отделение Закавказья от России // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции. Архангельск: Солти, 2008. 339 с. С. 181-187.

11. Михайлов В.В. Особенности политической и национальной ситуации в Закавказье после октября 1917 года и позиция мусульманских фракций закавказских правительств (предыстория создания первой независимой Азербайджанской Республики) // Клио, 2009. № 3 (46). С. 59-65.

12. Михайлов В.В. Развал русского Кавказского фронта и начало турецкой интервенции в Закавказье в конце 1917 — начале 1918 гг. // Клио. 2017. № 2 (122). С. 143-152.

13. Мравян В.А. Встречи с Шаумяном // О Степане Шаумяне. Воспоминания, очерки, статьи современников. М.: Политиздат, 1988. 271 с.

14. Станкевич В. Судьба народов России. Белоруссия, Украина. Литва. Латвия. Эстония. Армения. Грузия. Азербайджан. Финляндия. Польша. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1921. 376 с.

15. Токаржевский Е.А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку: АН АзССР, 1954. 332 с.

16. Шаумян С.Г. Избранные произведения в 2-х тт. Т. 2. М.: Политиздат, 1978. 511 с.

17. Българо-Турски военни отношения през Първата Световна война (1914-1918) Сборник от документи. София: ИК „Гутенберг“, 2015.

18. Allen W.E.D., Muratoff P. Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border. Cambridge: Cambridge: Camb.Univ.Press, 1953. 616 p.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В РОССИИ (1917–1918 гг.): ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Многомерность социально-политического пространства революции 1917 г. и гражданской войны прослеживается не только в конфликтах, но и в наличии социального и политического сотрудничества. На современном этапе накопился значительный исследовательский потенциал, требующий обобщения и интерпретации. В этой работе мы постарались показать основные этапы формирования и эволюции взглядов на социально-политический диалог, не прерывавшийся даже в годы испытаний 1917–1922 гг.

Историографические периоды изучения вопроса:

1. Для 1920-х — 1930-х гг. характерно известное многообразие взглядов, исходивших из разного политического прошлого, из наличия собственного революционного опыта, из отсутствия строго выраженного контроля за историописанием в 1920-е гг., а также из наличия историков-эмигрантов, позволяющие воссоздавать картину диалогового процесса часто «из первых рук». Таковы «истории русской революции» Л.Д. Троцкого и П.Н. Милюкова, в которых мы видим оценки событий, развитые последующей научной историографией. Скажем, Л.Д. Троцкий писал, что до июля 1917 г. идея мирного диалога преобладала в правительственной политике по отношению к недовольному населению [54, с. 10]. Эти же оценки видим в работах историков 1960-х — 1980-х гг. Публикация в 1923 г. воспоминаний И.М. Майского о «демократической контрреволюции», имевшей шансы на примирение с большевиками, не только породила дискуссию современников, но и оказалась принципиальной для историков 1960-х гг. [19]. Можно также упомянуть дискуссию о «саботаже» интеллигентами большевистской революции. Упрощенным представлениям,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00115\19.

возобладавшим с конца 1920-х гг., о том, что буржуазия и старая интеллигенция это фактически одно и то же, предшествовали публикации, в которых интеллигенция определялась как неоднородная и по природе склонная пойти на примирение после поражения «меньшевистско-эсеровской» верхушки [2, с. 4-7]. Изучению подвергались коалиционные органы советского и «контрреволюционного» лагеря [59].

Вместе с тем политическая полемичность, деление решений партий и правительств на правильные и неправильные, оценка социальной активности классов и групп в терминах «победы-поражения», сложившиеся в 1920-е гг., не изжиты и теперь. Такая ситуация препятствует объективному рассмотрению исторического процесса.

2. 1950-е — конец 1980-х гг. — наследие историков этого периода можно объединить стремлением объяснить происходившее, используя марксистско-ленинскую идеологическую модель. Среди дискуссий следует назвать полемику по вопросу формирования однопартийной диктатуры, а следовательно, переговоров большевиков с другими партиями. Публикации В.В. Комина, К.В. Гусева и др. [16; 24] вызвали оживленное обсуждение в научной периодике. Изучая сужение партийного поля в стране, советские историки стремились представить формирование однопартийной коммунистической диктатуры объективной закономерностью. Одновременно ленинские представления о сотрудничестве с эсерами, меньшевиками внимательно исследовались и комментировались [29, с. 60]. Изучались «соглашательство» меньшевиков и эсеров с кадетами, ситуация с колебаниями Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, условия вхождения левых эсеров в состав Совета народных комиссаров. Не оставлялось без внимания наличие эсеров и меньшевиков в советской реальности периода гражданской войны. В дискуссии по поводу «третьего пути» революции высказывалась мысль о том, что антибольшевистские правительства в 1918 г. оказались неоднородными и опирались в т. ч. на «доверие части трудящихся» [19].

Большое значение имеют работы В.Ф. Морозова, показавшего многообразие моделей прихода к власти большевиков, их стремление идти на компромиссы в 1918 г. [33] Э.Н. Бурджаловым указано, что Петроградский комитет большевиков принял резолюцию о поддержке Временного правительства, «поскольку дей-

ствия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа», исследовал «соглашательскую политику» меньшевиков и эсеров, взаимоотношения Московского Совета с Временным правительством [4, с. 385; 5, с. 68–81, 359–363]. В.И. Старцев изучил пропагандистские кампании Временного правительства, направленные на формирование доверия населения, отметив, что партии и организации, включая анархистов, такое доверие ему декларировали [50, с. 130–163]. Следует понимать, что большинство советских историков настаивали на формальном характере блоков внутри РСДРП и большевиков с другими партиями. Например, критике подверглось утверждение историков Северной Осетии, что объединительная тактика была вызвана сложностью политической обстановки, требовавшей «концентрации всех сил социалистических партий в интересах обеспечения мира и дружбы между народами Терека» [37, с. 38].

Уделялось внимание сюжетам, связанным с взаимоотношениями власти, партий с социальными группами, с отношениями между этими группами. Изучалось поведение буржуазии, ее контакты с рабочими и правительством [6; 7]. Для объяснения поддержки рабочими меньшевиков и эсеров был выдвинут тезис о мелкобуржуазности пролетарских слоев в 1917 г. как последствия изменения социальной базы пролетариата в годы Первой мировой войны [4, 367; 33, с. 106–108]. Из этого тезиса происходил революционный для советской историографии вывод об отсутствии к 1917 г. антагонизма между рабочими и буржуазией. Помимо исследований по самоорганизации солдат и матросов, их связям с большевиками, внимание уделялось активности офицеров [43]. В монографии Г.Л. Соболева находим информацию о резолюциях поддержки Временного правительства, исходившие от рабочих и солдат петроградского гарнизона, деятельности партий по налаживанию контактов с гарнизоном [49]. Анализу подверглась крестьянская политика Временного правительства. В оборот были введены материалы о земельных комитетах, законодательных актах, направленных на умиротворение деревни [25]. Значительные усилия предпринимались в изучении поведения крестьянского и казачьего населения на юге России [8; 21; 56]. Некоторое внимание уделялось интеграции прежних элит в новую революционную реальность [32, с. 60].

Одним из итогов периода является пессимистический вывод о том, что сотрудничество было обречено на провал, поскольку носило сугубо тактический характер. Подчеркивалась «злокозненность» буржуазии, Временного правительства, «компромиссных инициатив» октября 1917 — февраля 1918 гг., деклараций о необходимости прекращения «братоубийства», целью которых было лишь обмануть трудящихся; нежизнеспособность альтернатив, неизбежность и желательность установления в стране большевистской диктатуры.

3. Конец 1980-х — 2010-е гг. — одним из заметных явлений конца 80-х — 90-х гг. стала дискуссия об альтернативности развития исторического процесса. Здесь разбиралась работа Демократического совещания, позиция В.И. Ленина в августе — сентябре 1917 г., ситуация на втором съезде Советов, переговоры с Викже-лем, созыв Учредительного собрания [1]. Основным содержанием стал поиск ответа на вопрос, можно ли было договориться многообразным сторонам революционного процесса в условиях начинавшейся гражданской войны.

Ставятся вопросы, связанные с идеологической близостью разных политических сил. Либертарные идеи сближали анархистов, неонародников и радикальных социал-демократов [31, с. 272-274, 544; 47]. В 1917 г. происходило идеологическое сближение либералов и социалистов [9, с. 206-207]. Почти все партии родила идея возможности применения насилия в политике [11; 48, с. 42-48, 132, 150-152].

Изучаются роль меньшевиков в примирительном процессе, сотрудничество большевиков с анархистами, левыми эсерами, действия ПСР по слиянию с другими неонародническими партиями и блокированию на выборах, отношение к коалиции кадетов [10; 27, с. 362, 377-383; 35, с. 170, 189-190; 42, с. 132-139 ; 44; 46, с. 661-686; 58, с. 204-243]. Называются имена лидеров, способных вести целенаправленную политику компромиссов (Л.Б. Каменев, Н. Осинский, И.Г. Церетели, Н. Череванин, Ю.О. Мартов, В.М. Чернов, А.Ф. Керенский). Обращается внимание на интерес монархистов к либералам и даже большевикам [22; 52].

Подверглась переосмыслению конфликтная концепция двоевластия. Исследовался процесс вырастания легитимного Временного правительства из солидарных действий Государственной Думы и Петросовета, надклассовая роль обществен-

ных исполнительных комитетов, вопрос о вхождении большевиков в коалиционные органы в ноябре — декабре 1917 г., коллегиальность антибольшевистских органов конца 1917–1918 г. [12; 26; 28; 36].

Введено в оборот понятие «революционная субкультура», предполагающее контакты революционеров разных направлений на неформальной основе [34]. Социокультурными моментами объясняются некоторые примирительные или альтруистические действия. Близкие связи между представителями противоборствующих сил допускали «исключения» в отношении родни [15, с. 54–55]. В работах Б.И. Колоницкого, Д.А. Бажанова, А.В. Резника применено понятие «политическая культура», в рамках которого интегрируются знания о политических взаимоотношениях [3; 23; 45]. Изучена культура поддержки правительства в виде приветственных посланий, понятие «политическая адаптация» [18; 39].

Изучая отношения буржуазии с Временным правительством и СНК, авторы подчеркивают стремление наладить диалог, определяют политику Временного правительства как надклассовую, пишут об элементах консенсуса между рабочими, предпринимателями и инженерными кадрами, переговорах рабочих с партиями [41, с. 83–86, 132–135; 57, с. 11–33]. Изучаются контакты офицеров с социально-политическими силами, их самоорганизация; поддержка правительства, партий, солидарность с различными категориями населения, элементы автономного действия солдат [14, с. 278–333; 40, с. 331–352; 53]. Продолжилось исследование взаимоотношениям крестьян и казаков, попыток донских правительств решить существовавшие проблемы [13, с. 73–78, 95–97; 60, р. 110–112, 141–142].

Правительство и партии искали возможности для налаживания отношений с крестьянами. Это проявлялось в деятельности земельных комитетов, реализации идеи волостных земств, умиротворении крестьян методами переговоров даже осенью 1917 г. Показательно, что и крестьяне надеялись на властные структуры, стремились решать свои проблемы через них [30, с. 180–185, 208–209; 38]. Общим местом стало утверждение о том, что крестьяне слабо контролировались какой-либо партией, при этом большевистская власть в деревне в социальном отношении определяется как коалиционная [55, с. 139, 147–150, 154, 157–159].

Интеллигенция использовала открывшиеся уже Февралем возможности для университетского строительства, в разработке государственной политики и программных установок партий. Ненасильственное сопротивление советской власти позволило интеллигенции в дальнейшем установить контакты с советским режимом [17; 20, с. 295-337; 51, с. 143-148].

Постсоветская историография характеризуется попытками поиска вариантов примирения политических и социальных сил как в дооктябрьский, так и в послеоктябрьский период. При этом изменился моральный императив поисков — вместо оправдания большевистской политики перешли к осуждению гражданской войны.

Говоря о перспективах исследований, отметим необходимость объединения существующих достижений в единую комплексную работу, проведение сравнительных межрегиональных исследований, изучение социокультурных сюжетов, определение сущности политических коалиций (тактический прием или искреннее стремление примириться). Важно ответить на вопрос: почему усилия по примирению не увенчались успехом? Существуют и более «далекие» перспективы. Нужно понять — каким образом можно было использовать попытки к сближению для урегулирования ситуации, для чего необходимо привлекать теоретические наработки политологии и конфликтологии. Необходимо осознать «границы сотрудничества» правительства и общенациональных партий с национальными проектами. Реальностью гражданских войн является вмешательство иностранных государств. Нужно определить границы сотрудничества с интервентами, т. е. ту грань, где заканчивается возможность конструктивного взаимодействия с иностранными державами и начинается предательство национальных интересов или идеи справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтернативы Октября. Круглый стол «Петербургского исторического журнала». Тарасов К.А. Категория альтернативности в изучении Революции 1917 года // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 120-124.

2. Анисимов В.Д. Ненасильственное сопротивление интеллигенции и служащих установлению большевистской власти в России, октябрь 1917 — весна 1918 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. 237 с.

3. Бажанов Д.А. «Свободу нам проповедуя...»: свобода как категория мировоззрения балтийских моряков весной — летом 1917 г. (на материалах периодической печати Гельсингфорса) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / отв. ред. А.Б. Николаев. СПб.: ИПЦ СПГУДТ, 2013. С. 152–165.

4. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Издательство «Наука», 1967. 407 с.

5. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971. 464 с.

6. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М.: Мысль, 1964. 360 с.

7. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 484 с.

8. Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Борьба партии за трудовое казачество. Грозный: Чечено-Инг. кн. изд-во, 1980. 151 с.

9. Гайда Ф.А. Партийная идеология и политическая практика кадетов весной-летом 1917 г. // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева / ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев, 2011. С. 199–209.

10. Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М.: Издательство «Республика», 1993. 431 с.

11. Герасименко Г.А. О взаимосвязи демократии и диктатуры в годы революции 1917 г. и гражданской войны // Гражданская война в России (1919–1920). Международная научная конференция / под общ. ред. А.Ф. Киселева. М.: МГПУ, 1995. С. 5–9.

12. Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России. Общественные исполнительные комитеты 1917 г. М.: Ника, 1992. 350 с.

13. Герман О.Б. Казачье-крестьянские отношения на Дону в 1917 — начале 1918 гг. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 192 с.

14. Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 528 с.

15. Гольцева Г.К. Опыт археографического прочтения мемуаров старых большевиков (на примере воспоминаний И.Ф. Выше-

городцева) // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. / под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 48–69.

16. Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М.: Соцэкгиз, 1963. 259 с.

17. Еремеева, А. Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017. 208 с.

18. Журавлев В.В. Политическая адаптация в гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома В.И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 121–144.

19. Камынин В.Д. Альтернативы гражданской войне в современной историографии // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале) / под ред. И.В. Нарского. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1999. С. 4–11.

20. Канищев В.В. Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Октябрь 1917–1920 г. (по материалам Центра России). Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1998. 551 с.

21. Кириенко Ю.К. Крах калединщины. М.: Мысль, 1976. 245 с.

22. Клепикова В.В. В.М. Пуришкевич в 1917 году: консерватор между либералами и большевиками // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / отв. ред. А.Б. Николаев. СПб.: ИПЦ СПГУДТ, 2013. С. 25–33.

23. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.

24. Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Изд-во Московский рабочий, 1965. 644 с.

25. Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М.: Наука, 1975. 336 с.

26. Кружинов В.М., Сокова З.Н. Органы многопартийной социалистической власти на Урале осенью 1917 г. // Российская история. 2017. № 5. С. 62–72.

27. Леонтьев Я.В. 6 июля 1918 года: региональный аспект // Гражданская война в России: События, мнения, оценки. Памяти Ю.И. Кораблева / сост. Е.Ю. Кораблева [и др.]. М.: Раритет, 2002. С. 362-388.

28. Лобанов В.Б., Пученков А.С. Донской атаман Алексей Максимович Каледин в 1917-1918 гг. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / отв. ред. А.Б. Николаев. СПб.: ИПЦ СПГУДТ, 2010. С. 134-147.

29. Малашко А.М. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. Минск: Издательство БГУ им. В.И. Ленина, 1969. 322 с.

30. Мещеряков Ю.В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 — август 1918 гг. Тамбов: Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 2012. 424 с.

31. Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2004. 608 с.

32. Морев П.Г. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции (март — октябрь 1917 г.). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1961. 104 с.

33. Морозов В.Ф. Борьба большевистской партии за установление советской власти в губерниях Центральной России. Октябрь 1917 г. — март 1918 г. Саратов, Пенза: Приволжское книжное издательство, 1967. 532 с.

34. Морозов К.Н. Феномен субкультуры российского революционера начала XX века // Человек и личность в истории России, конец XIX — XX вв.: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 7-10 июня 2010 г.). СПб.: Нестор-История, 2013. С. 134-148.

35. Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М.: Новый хронограф, 2012. 600 с.

36. Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная Дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 695 с.

37. Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии / под ред. А.И. Млечина. Орджоникидзе: Ир, 1973. 299 с.

38. Погорелый Д.Н. Земельные комитеты Тамбовской губернии. 1917-1918 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002. 259 с.

39. Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. 248 с.

40. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 366 с.

41. Поршнева О.С., Фельдман М.А. Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Очерки истории и историографии. Екатеринбург: Ури-РАН ХиГС, 2013. 356 с.

42. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 368 с.

43. Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1978. 192 с.

44. Протасова О.Л. К вопросу о возможностях создания в России единой неонароднической партии // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Г.Н. Мокшина. Воронеж: Истоки, 2019. Вып. 3. С. 162-180.

45. Резник А.В. Троцкий и товарищи. Левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923-1924. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2017. 382 с.

46. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. 744 с.

47. Сапон В.П. Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917-1918 гг.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2008. 332 с.

48. Смирнов В.И. Большевики и насилие в революции. 1917 — начало 1918 гг.: на материалах меньшевистской печати. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2003. 163 с.

49. Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л.: Наука, 1973. 330 с.

50. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л.: Наука, 1980. 256 с.

51. Станциани А. Экономика и статистика между политикой и технократией (1861-1930) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. С. 133-150.

52. Стогов Д.И. Дискуссия о существовании «большевистско-черносотенного симбиоза» в период Гражданской войны в современной историографии // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В.В. Калашников. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2018. С. 323–335.

53. Тарасов К.А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 — март 1918 г.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 376 с.

54. Троцкий Л.Д. История русской революции: В 2 т. М.: ТЕРРА, Республика, 1997. Т. 2. Ч. 2. 400 с.

55. Фефелов С.В. Диктатура большевиков и крестьянство в 1918–1921 гг.: у истоков левого тоталитаризма. На материалах Центрального Черноземья России: дисс. ... докт. ист. наук. Орел, 2000. 478 с.

56. Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над Тихим Доном. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1984. 176 с.

57. Шацилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 — начало 1920-х годов. М.: Наука, 2008. 342 с.

58. Шелохаев В.В. В правительственной коалиции с социалистами // Политическая история России XX века: к 85-летию профессора Виталия Ивановича Старцева / ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. С. 204–243.

59. Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Севкавказ, 1927. Т. 2. 157 с.

60. Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, London: Harvard university press, 2002. 359 p.

АРХГУБЧЕКА. КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ...

Первые месяцы после образования Всероссийской чрезвычайной комиссии при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем вся ее деятельность была сосредоточена на ликвидации угроз новой власти в столице. Решение о создании чрезвычайных комиссий на местах ВЧК принимает только 22 марта 1918 г. В конце марта в губерниях и уездах согласно директиве из столицы приступили к созданию местных чрезвычайных комиссий.

Меры по упрочению советской власти на Севере России, предпринимаемые местными коммунистами и эмиссарами, направленными в Архангельск из столицы, ЦК РКП(б) никак не устраивали. В первой половине мая 1918 г. в Архангельск на усиление прибывает личный посланец Я.М. Свердлова Петр Игнатъевич Лукьянов. Интересна процедура его вхождения во власть. Вот как описывает это сам Лукьянов: «... явился в горком партии к Виноградову (Василию. — А. М.), встал на учет. В. Виноградов представил председателю Губисполкома Андрею Попову, Новикову, Павлину (Паулю) Виноградову, председателю союза моряков и портовых рабочих Матвееву. Приняли сразу же в профсоюз портовых рабочих и от него избрали на губернский съезд Советов. Еще до этого кооптировали в Губисполком...» [1, с. 159].

В июне, по инициативе Ф.Э. Дзержинского, было решено провести в Москве Всероссийскую конференцию чрезвычайных комиссий. Архангельскую губернию на ней, по решению президиума губисполкома, представлял П.И. Лукьянов. 8 июня, перед отъездом, на пленарном заседании Архгубисполкома, он был спешно утвержден в должности комиссара по борьбе с контрреволюцией. На состоявшейся 11-14 июня 1-й Всероссийской конференции ЧК было принято решение об ускорении образования повсеместно губернских чрезвычайных комиссий. 22 июня в Архангельск для оказания содействия в организации местной губчека прибывает член Коллегии, заведующий инструкторским отделом ВЧК Д.Г. Евсеев с группой сотрудников. В числе других — И.В. Пульяновский и следователь Г.Ф. Рудаков-Линдеман, назна-

ченный впоследствии заместителем (товарищем) председателя созданной комиссии.

24 июня 1918 г. на базе отдела губисполкома по борьбе с контрреволюцией создается Архангельская губернская чрезвычайная комиссия. Членами коллегии были определены П.И. Лукьянов, Г.Ф. Рудаков-Линдеман, Ф.Х. Педо, М.С. Новов, О.И. Валюшис. На первом заседании созданной Губчека был намечен план работы на ближайшее время, подобраны заведующие отделами. На втором заседании произошло столкновение интересов прибывших из Москвы большевиков и местных левых социалистов-революционеров. Последние не желали видеть в качестве председателя Архгубчека П.И. Лукьянова и выдвигали на этот пост свою кандидатуру. Настроенный решительно и видя, что его доводы не принимаются во внимание, председательствующий Д.Г. Евсеев прервал совещание, объявил о закрытии губернского и городского отделов по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией и пошел в горком РКП(б).

Обсудив там создавшуюся ситуацию, большевики решили, что если левые социалисты-революционеры не хотят видеть председателем Лукьянова, то Архгубчека обойдется без левых эсеров. В этот же день Д.Г. Евсеев и И.В. Пуляновский, как представители ВЧК, направили в губисполком записку, в которой отмечали, что П.И. Лукьяновым создана губчека в количестве пяти членов и секретаря. Эта коллегия ими, как представителями ВЧК, утверждена, и высказана просьба заслушать на очередном заседании П.И. Лукьянова и ознакомиться с положением о губернских чрезвычайных комиссиях. В состав первой коллегии Архгубчека в конечном счете вошли: Васильченко, Педо, Валюшис, Буревалов, Лукьянов и Виленчик (секретарь) — все, как их характеризовал Евсеев, «видные коммунисты Архангельска». Во избежание непонимания местными товарищами «текущего момента», Евсеев «постоянно для руководства» оставил своего сотрудника Г.Ф. Линдемана, ставшего заместителем (товарищем) председателя комиссии. Разместилась губернская «чрезвычайка» по адресу: ул. Лютеранская, дом № 6 (ныне ул. К.Маркса. — А. М.), а с 22 июля по 1 августа находилась в доме № 7 на этой же улице.

Поначалу предполагалось сформировать Архгубчека в составе 37–40 сотрудников. Губернская ЧК состояла из отделов по борьбе с контрреволюцией, по борьбе со спекуляцией, иногороднего, ко-

мендантского, следственной комиссии, общей канцелярии и секретной части. В качестве вооруженной силы комиссии придали отряд латышей, находившийся до этого в ведении губисполкома. Несколько человек на работу в ЧК направили моряки (по воспоминаниям ветеранов, среди них были П. Веселков и П. Циварев. — А. М.), экстренно командировались в распоряжение комиссии рабочие лесозаводов и портовые грузчики. В короткие сроки штат следователей, комиссаров и разведчиков был укомплектован.

Первыми архангельскими чекистами волею судьбы стали: М. Шумовский, И. Розанов, И. Лещев, П. Синицын, П. Кудрявцев, Н. Кашарин, А. Масленников, Юрцик. По рекомендации члена исполкома Архгубсовета Якова Тимме в состав комиссии приняли латышей: Ж. Рекстина, А. Киселиса, Э. Земеля, Я. Цирса, П. Брандта, А. Бальвича, В. Кронберга и А. Блума. Первые женщины — сотрудницы губчека: Серафима Третьякова (Циварева) и две латышки — Шарлотта Бальвич и Ольга Зельзит-Масленникова. Впоследствии в качестве машинистки взяли сестру начальника милиции Архангельска М.А. Валявкина — Марию. Следует отметить, что основополагающим принципом комплектования Архгубчека была рекомендация партийной организации или протекции кого-либо из партийных функционеров.

В начале июля были созданы отделения Архгубчека: «...портовое на Бакарице — заведующий тов. Виноградов, железнодорожное на ст. Исакогорка, заведующий — член партийного комитета станции. В предместье Соломбала назначен комиссаром начальник Красной Гвардии. В Маймаксе поручено организовать отделение штабу Красной Гвардии и партийному комитету» [3, с. 62]. В соответствии с циркуляром ВЧК решено было приступить к созданию в губернии уездных ЧК. Но до начала интервенции успели образовать лишь уездную ЧК в Холмогорах.

Все проводимые чекистами мероприятия в обязательном порядке согласовывались и координировались с губкомом и губисполкомом, а также партийными организациями. Решения принимались на Коллегии ЧК большинством голосов и были обязательны для всех сотрудников. Председатель имел право вето. В первое время информация в Губчека поступала эпизодически — от случая к случаю. Ее источниками были парторганизации, члены Губкома и Губисполкома, приезжающие из уездов, волостей и деревень коммунисты.

Одним из первых дел, порученных Архгубчека в июне 1918 г., было расследование крупных хищений импортных грузов в порту Бакарица, а также злоупотреблений, допущенных новоявленными советскими чиновниками. Так, торговый дом А.Я. Бера при содействии Чрезвычайной комиссии по разгрузке Архангельского порта (ЧКОРАП) умудрился изъять на Бакарице без документального оформления и отправить на станцию Сухона 16 вагонов тюленьего жира. Представитель ВЧК Д.Г. Евсеев, консультировавший архангельских чекистов, так описывает увиденное: «...в Бакарице были обнаружены полнейший хаос и беспорядок: брали, воровали, таскали... целые тюки товаров перекидывались через заборы и пропадали бесследно. Были арестованы: Арапов, Довженко, Паули и другие, которые препровождены в Москву. В настоящее время в порту приступило к работе отделение чрезвычайной комиссии, которое будет собирать материалы дальнейших злоупотреблений, а губернская комиссия, согласно моему предложению, примет соответствующие меры» [3, с. 61]. С первым заданием чекисты справились блестяще. Порядок в порту был восстановлен.

Постепенно работа Архгубчека стала носить системный характер. За каждым членом коллегии был закреплен конкретный круг обязанностей. Комиссары стали работать на порученных им направлениях и объектах. Они же вели расследования, осуществляли следственные действия (так, как их понимали. — А. М.) и выносили заключения по делу. Заведующий отделом на основе заключения комиссара делал на Коллегии губчека доклад, после чего и принималось окончательное решение.

Располагая информацией о возможной высадке в Архангельске войск союзников, губчека через военкомат приступила к регистрации наводнивших город офицеров. На вопрос, что с ними делать, из ВЧК был получен ответ, смысл которого сводился к тому, что вывезти их из Архангельска просто некуда, поэтому решать эту проблему следует самостоятельно. Одной из первых значимых операций, проведенных Архгубчека, было разоружение в начале июля сербских и итальянских солдат. Значительная часть их под разными предлогами застряла в Архангельске и даже самовольно заняла под жильё казарменные помещения на Быку и на ул. Воскресенской. Для Архангельска эти вооруженные отряды стали представлять большую угрозу, во что бы то

ни стало, их необходимо было удалить из города. Иностранцев экстренно разоружили, погрузили в эшелон и отправили в центральные районы России.

Немногом ранее, 27 июня, был арестован бывший начальник Архангельского губернского жандармского управления генерал-майор в отставке Николай Илларионович Мочалов. Во время обыска на его квартире было найдено много документов и рукописей важного характера. Мочалов доставлен в губернскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Архангельском губисполкоме.

Последние дни июля Архангельск жил в тревожном ожидании. Обыватели в «открытую» говорили о скором прибытии в город войск союзников. Обостряющаяся с каждым днем обстановка на Севере России, несомненно, тревожила Москву. В Архангельск, в помощь Губчека, направляется сотрудник иногороднего отдела ВЧК Вигант. Располагая информацией о готовящемся восстании, но, не имея опыта серьезных агентурных разработок, чекисты не сумели своевременно нащупать руководящее ядро заговора, ошибочно полагая, что он ими раскрыт и достаточно лишь арестовать выявленных его участников. В докладе, направленном вскоре в Москву, Вигант писал: «Мы 28-го июля открыли заговор меньшевиков, эсеров и кадетов, которые организовали восстание 29-31/УИ. Это восстание им не удалось, потому что мы энергично приступили к арестам офицеров и видных меньшевиков и эсеров. Аресты продолжались три дня подряд, но самый главный штаб остался неоткрытым, потому, что Комиссия не имела опытных следователей, которые могли бы умело вести следствие. Хотя эти аресты были очень неорганизованны, но все-таки помешали им» [2, с. 6].

В ночь с 1 на 2 августа из Архангельска были эвакуированы государственные учреждения, банк, все отделы Советов. В числе прочих на речные суда погрузились и архангельские чекисты. Чуть больше месяца просуществовала в Архангельске новорожденная губернская ЧК, закончился первый, совсем незначительный период ее истории. Несмотря на временные неудачи, упущенные возможности и отсутствие опыта, все же удалось сформировать коллектив единомышленников, зародилась материальная и документальная база чрезвычайной комиссии. Стало окончательно ясно, что в июне-июле 1918 года в Архангельской

губернии реально сформировался специальный орган, предназначенный для борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями. На процесс дальнейшего организационного строительства оказала влияние начавшаяся иностранная военная интервенция и Гражданская война.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 23 нояб. 2017 г.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, ОмГТУ; М-во культуры Ом. обл., БУ ИСА; М-во обороны Рос. Федерации, ОАБИИ [редкол.: А.В. Сушко (отв. ред.) и др.]. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 256 с.: ил.
2. Исторические чтения на Лубянке, 2002 год. Научное издание / Федер. служба безопасности РФ [редкол.: А.А. Зданович и др.]. М.: Федер. служба безопасности РФ, 2003. 111 с.
3. На страже безопасности Поморского Севера / Гл. ред. Б.В. Борисов; отв. ред. О.Н. Семков. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2003. 207 с.: ил.

«ДЕЛО ЛОНЧАРА»: К ВОПРОСУ О КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ В 1-Й АРМИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА ЛЕТОМ 1918 Г.

Начало широкомасштабной Гражданской войны в России летом 1918 г. и создание фронтовых, армейских и дивизионных формирований Красной армии потребовало от военного руководства проведения грамотной кадровой политики в области назначения на должности командующих фронтами, армиями, начальников дивизий и т. д. способных специалистов. Однако из-за целого ряда факторов командующими дивизиями иногда становились совершенно случайные люди. Об одном из них как раз и пойдет речь.

П.Я. Лончар — личность довольно загадочная и практически неизвестная в историографии. Несмотря на то, что летом 1918 г. он командовал двумя территориальными группами войск и пехотным корпусом в составе 1-й армии Восточного фронта, имя П.Я. Лончара в исследованиях фактически не встречается, за исключением редких упоминаний в документальных сборниках. Примечательно, что работа с материалами Российского государственного военного архива, позволившая немного приоткрыть своеобразную завесу тайны, окутавшую имя указанного человека, способствовала появлению еще большего количества вопросов и нестыковок, которые сопровождали буквально каждый этап военной карьеры П.Я. Лончара.

Из показаний адъютанта Пензенского чехословацкого революционного полка А. Шилека от 28 июля 1918 г., допрошенного в связи с событиями, о которых подробно будет сказано ниже, известно, что П.Я. Лончар «окончил Сербское военное училище в Одессе и был за Керенского произведен в прапорщики». В начале 1918 г. вместе с А. Шилеком он занимал должность инструктора отряда интернациональной гвардии в Одессе. Однако впоследствии за выступления против советской власти на Украине он был арестован, но в итоге освобожден¹.

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 106. Оп. 7. Д. 10. Л. 19-20 об.

Мятеж Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. застаёт П.Я. Лончара в Пензе, где он занимает должность заведующего передвижением войск Пензенского железнодорожного узла. С этого времени он активно участвует в процессе организации управления частями и отрядами, которые прибывали в Пензу из разных губерний для подавления указанного выступления. Так, 31 мая в городе состоялось довольно представительное заседание местного военно-революционного комитета, на котором помимо П.Я. Лончара присутствовали командиры отрядов из Саратова, Балашова, Калуги и Козлова. На этом собрании было принято решение координировать действия указанных отрядов путем формирования военного совета в составе начальников подразделений².

После этого упоминания имя П.Я. Лончара вплоть до 20-х чисел июня 1918 г. практически не встречается в документах. За это время в Среднем Поволжье произошло достаточно много важных событий, связанных с формированием воинских объединений и соединений, а также неудачными попытками подавления выступления Чехословацкого корпуса. Назначенный центральным военным руководством командующий Чехословацким фронтом А.Ф. Мясников для более удобного управления войсками разделил их на две территориальные группы — Симбирскую и Сызранскую, последняя из которых принимала активное участие в наступлении на Самару и обороне Сызрани. Однако в середине июня 1918 г. из-за неопытности командного состава и солдатской массы, а также нехватки всего необходимого для ведения боевых действий Сызранская группа войск начинает отступление в западном направлении. Ситуация усугублялась также отсутствием командующего группой А. Маршина, который, по всей видимости, покинул расположение войск. Именно в этот момент управление отрядами, действующими в районе Кузнецка и Пензы, взял в свои руки П.Я. Лончар, что вызвало недовольство как местного, так и вышестоящего военного и гражданского начальства.

Согласно телеграмме начальника связи Федорчука от 22 июня, направленной командующему Восточным фронтом М.А. Муравьеву, наркомвоену Л.Д. Троцкому, заведующему Оперативным отделом Наркомвоена С.И. Аралову и командующему 1-й армией

² Известия Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918 г. 2 июня.

А.И. Харченко, П.Я. Лончар действовал самовольно, «без всякого на то приказа и разрешения»³. Совершенно очевидно, что командиры частей и отрядов отказывались выполнять распоряжения заведующего передвижением войск, предпочитая принимать решения на общих собраниях. Об этом в телеграмме в Москву от 23 июня сообщал председатель Пензенского губисполкома В.В. Кураев⁴. Вполне возможно, что подобное недоверчивое отношение командного состава вынудило П.Я. Лончара ввести еще одну должность командующего Кузнецким фронтом, на которую назначил Крылова, командира местного батальона социалистической армии. Более того, сомневающимся начальникам П.Я. Лончар заявил, что он якобы имеет руководящие полномочия от военно-революционного штаба Кузнецка и, соответственно, заслуживает доверия. Данное заявление изменило настроение войск, которые в итоге пошли в наступление. Тем не менее, согласно очередной телеграмме В.В. Кураева от 25 июня, «каждую минуту все отряды в панике могут бежать в Пензу, и тогда ее ожидает участь Сызрани»⁵. Главный же недостаток «командующего» Кузнецкой группой войск, по словам авторов телеграмм, заключался в отсутствии у него необходимого опыта руководства войсками⁶.

Неудивительно, что в указанных документах содержались требования прислать нового командующего. Например, начальник связи Федорчук в телеграмме от 22 июня просил вышестоящее начальство немедленно «назначить командующего Кузнецким фронтом с необходимым для ведения операций штабом... Если еще некоторое время руководство будет принадлежать ему (П.Я. Лончару. — Е. Н.), то Пенза будет взята, так же, как и Сызрань, без организованного наступления со стороны противника. На этом участке нет штаба, нет связи, общего руководства». Из этой телеграммы также становится известно, что «устранить Лончара» приказывал и сам М.А. Муравьев⁷. Аналогичное требо-

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28. Л. 190 об.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 232. Л. 277.

⁵ Там же. Оп. 4. Д. 41. Л. 311-315.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 232. Л. 277; Там же. Оп. 2. Д. 28. Л. 190-190 об.; Там же. Оп. 4. Д. 41. Л. 311-315;

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 28. Л. 190-190 об.

вание «удалить Лончара» и прислать «более опытного человека» содержалось в донесениях В.В. Кураева от 23 и 25 июня⁸.

После столь массивной бомбардировки наркомвоена телеграммами 26 июня 1918 г. заведующий Оперодом С.И. Аралов сообщил М.А. Муравьеву, что «получены сведения о полной дезорганизации фронта Сызрань — Инза — Симбирск. Примите экстренные меры. Смените, если нужно, командный состав. Вышлите оперативный штаб, так [как] ничего нет»⁹. Однако в распоряжении командующего фронтом и командующего армией подходящего руководителя на тот момент не было. Поэтому М.Н. Тухачевский, назначенный 26 июня на должность командующего 1-й армией, в которую вошла данная группа войск, вынужден был обратиться за помощью в Пензенский губисполком и военный комиссариат с просьбой о выдвижении кандидата на должность начальника группы. В итоге, по совету В.В. Кураева, командующим Кузнецкой (Пензенской) группой войск 30 июня был назначен командир латышского отряда Я.П. Гайлит¹⁰.

Несмотря на то, что П.Я. Лончар довольно неоднозначно проявил себя на должности командующего Кузнецкой группой войск, его военная карьера на этом не закончилась. Вскоре он был назначен на очередной достаточно важный пост. Приказом по 1-й армии № 13 от 8 июля 1918 г. П.Я. Лончар получил должность командующего Петровско-Вольской группой войск, которой давались «самые широкие полномочия для подавления восстания белогвардейцев»¹¹. Несмотря на то, что приказ был подписан М.Н. Тухачевским, есть документальные свидетельства того, что инициатором данного назначения был М.А. Муравьев. Об этом сообщалось в телеграмме Саратовского военного комиссара Молдавского и губернского руководителя Антонова в Москву от 18 июля¹². Однако данный факт противоречит приведенному выше отрывку из телеграммы Федорчука от 22 июня, в котором М.А. Муравьев настоятельно требовал «убрать» Лончара.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 232. Л. 277; Там же. Оп. 4. Д. 41. Л. 311-315.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 28. Л. 210.

¹⁰ Там же. Ф. 157. Оп. 2. Д. 569. Л. 143-145; Там же. Оп. 3. Д. 31. Л. 21-21 об.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 609. Л. 11.

¹² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 119.

Менее чем 10 дней спустя, 17 июля 1918 года, П.Я. Лончар был назначен на еще более важную и ответственную должность командующего 1-м Восточным корпусом, который состоял из Петровско-Вольской группы и Пензенской дивизии. Можно предположить, что указанные назначения были вызваны отсутствием подходящих военных специалистов, в результате чего командование было вынуждено использовать лиц, имеющих хотя бы минимальный опыт руководства войсками. Однако в следственных документах по делу П.Я. Лончара, который в итоге был арестован, содержится весьма интересное объяснение данных событий. В телеграмме Председателя ЧК 1-й армии К. Ратнека в РВС фронта и ЧК от 5 августа сообщалось о переводе П.Я. Лончара из Пензы в Казань, так как «атмосфера симпатий со стороны некоторых лиц штаба 1-ой армии не дает возможности вести спокойно расследование»¹³. Вероятно, К. Ратнек говорил о симпатиях штабных работников по отношению к П.Я. Лончару, которые по непонятной пока причине могли способствовать продвижению его по карьерной лестнице.

Перевод П.Я. Лончара на должность корпусного командира вновь вызвал настоящий взрыв непонимания со стороны гражданского и военного руководства. Прежде всего обращалось внимание на нехватку военных навыков у нового командующего. Так, в телеграмме в Москву от 18 июля военный комиссар Саратовской губернии Молдавский и военный руководитель Антонов сообщали, что «товарищ Лончар — человек очень молодой, совершенно неопытный и не может занимать такой ответственный пост»¹⁴.

Наибольшее количество претензий звучало со стороны политических комиссаров. Так, комиссар Пензенской дивизии А. Зиновьев в показаниях от 25 июля ставил под сомнение официальный характер данной кадровой перестановки, о которой штаб соединения даже не получил соответствующей телеграммы¹⁵. Политический комиссар 1-й армии О.Ю. Калнин 17 июля также телеграфировал М.Н. Тухачевскому: «Нас смущает последнее время ваше распоряжение, в котором вы назначили бывшего коман-

¹³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 10. Л. 5.

¹⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 119.

¹⁵ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 10. Л. 23-24.

дующего дивизией Лончара на какую-то неопределенную должность при дивизии»¹⁶. Впоследствии О.Ю. Калнин неоднократно высказывал М.Н. Тухачевскому свое неодобрение относительно данного выбора. Удивление «по поводу назначения его на такой ответственный пост» выражал председатель Пензенского губернского совета А.Е. Минкин¹⁷.

Следующая претензия, которая не устраивала А. Зиновьева, заключалась в том, что при командире корпуса отсутствовал политический комиссар, который мог бы контролировать его действия¹⁸. При этом отношение П.Я. Лончара к большевикам и советской власти, которое он не стеснялся публично высказывать, определенно требовало осуществления над ним контроля. Так, заведующая отделом детских приютов и член коллегии социального обеспечения Пензенской губернии Т.Г. Кузнецова в показаниях заявила: «На мой вопрос, почему Лончар не состоит в партии, он ответил, что он стоит на платформе Советской власти, но не состоит потому в партии, что в партии большевиков коммунистов нет деятельных лиц, которые были бы знакомы с военными действиями»¹⁹. А. Шипек сообщал, что «он никакой [не] идейный большевик, так как он говорил, что он националист, потом интернационалист, после чего стал он анархист и наконец, революционер»²⁰.

Отсутствие политического контроля, оригинальные взгляды, высокая должность и возможная поддержка из штаба армии привели к тому, что П.Я. Лончар стал вести себя вызывающе. Так, А.Е. Минкин в показаниях сообщал, что П.Я. Лончар «часто бравитурует своим положением и страдает манией показать свое величие»²¹.

Неудивительно, что вскоре после его назначения в Москву и штаб 1-й армии вновь стали направляться телеграммы с просьбами об его отставке. Например, военный комиссар Саратовской губернии Молдавский и военный руководитель Антонов в цити-

¹⁶ Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 39. Л. 39-40.

¹⁷ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 10. Л. 13-14.

¹⁸ Там же. Л. 24.

¹⁹ Там же. Л. 15-15 об.

²⁰ Там же. Л. 19-20 об.

²¹ Там же. Л. 13-14.

руемой выше телеграмме от 18 июля просили «аннулировать вышеозначенные приказы о назначении товарища Лончар, назначив на этот пост опытного знающего дело военнотружущего или предоставив Саратову»²². В разговоре с политическим комиссаром Пензенской дивизии А. Зиновьевым от 23 июля О.Ю. Калнин согласился, что «т. Лончар безусловно не соответствует своему назначению и скоро будет устранен»²³.

Очевидно, что в подобных условиях военное и политическое руководство, находившееся в подчинении у П.Я. Лончара, воспринимало его распоряжения с большим недоверием, в результате чего начдивы и работники местных властей вынуждены были периодически обращаться за разъяснениями тех или иных приказов в штаб 1-й армии. Так, подобную реакцию вызвали единоличные распоряжения П.Я. Лончара об отправке штаба Пензенской дивизии, за исключением начдива и хозяйственной части, из Пензы в Кузнецк, а также об отставке начальника Пензенской дивизии Я.П. Гайлита от 23 июля. Начальник оперативной части Пензенской дивизии в показаниях от 24 июля сообщал, что на требование Я.П. Гайлита получить «основательное, формальное бумажное предписание об отправлении штаба и сдачи должности другому», П.Я. Лончар заявил «в повышенном тоне: вы меня знаете, и я вас знаю, и вы должны немедленно исполнить мое словесное распоряжение иначе я с вами буду говорить по другому»²⁴.

Впоследствии, согласно показаниям председателя Пензенского губернского совета А.Е. Минкина от 26 июля, ввиду того, что указанный «приказ был дан неофициально, без подписи комиссара», Я.П. Гайлит и А. Зиновьев вынуждены были уведомить об этом местные власти и запросить штаб 1-й армии о целесообразности данного распоряжения. Однако уже в 7 часов вечера в штаб дивизии прибыла 3-я рота 4-го продовольственного отряда в количестве 30 человек, направленная П.Я. Лончаром для ареста Я.П. Гайлита «за неисполнение приказаний» о наступлении²⁵. Вместе с ним, несмотря на «неоднократные заявления о неприкосновенности личности комиссара, находящегося при исполне-

²² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 119.

²³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 10. Л. 24.

²⁴ Там же. Л. 28-28 об.

²⁵ Там же. Л. 13-14.

нии своих прямых служебных обязанностей», был арестован сам А. Зиновьев. Вскоре Я.П. Гайлиту и А. Зиновьеву предъявили еще одно обвинение в пьянстве, которое в итоге было опровергнуто²⁶.

Против самовольного ареста Я.П. Гайлита и А. Зиновьева выступил назначенный 24 июля политический комиссар корпуса М. Алексеев, потребовавший их освобождения, считая действия П.Я. Лончара «незаконными» и «преступными»²⁷. Однако армейское и фронтовое руководство отреагировало на аресты достаточно спокойно, выражая тем самым полное доверие действиям П.Я. Лончара. Так, в телеграмме И.И. Вацетису от 24 июля М.Н. Тухачевский сообщал, что он одобряет столь «решительный шаг» командующего корпусом²⁸. Аналогичную позицию занял командующий фронтом, который в ответной телеграмме от 25 июля писал, что считает поступок П.Я. Лончара правильным и приказывал «назначить следствие над арестованным начдивом»²⁹. Более того, несмотря на то, что политический комиссар О.Ю. Калнин приказа об аресте Я.П. Гайлита не подписывал, штаб 1-й армии все же поддержал действия П.Я. Лончара³⁰.

Однако подробные протоколы дознания А. Зиновьева от 25 июля и А.Е. Минкина от 26 июля, составленные в рамках проведения следствия, поставили под сомнение правомочность приведенных выше обвинений. Так, по словам А. Зиновьева приказ о наступлении Пензенской дивизии 22 июля не был отдан не потому, что Я.П. Гайлит отказался повиноваться П.Я. Лончару, а ввиду того, что в его распоряжении отсутствовало уточнение, на какой именно населенный пункт стоит наступать. В результате Я.П. Гайлит ограничился приказом о высылке вперед разведки, а также запросом в штаб корпуса с требованием определить нужное направление движения. П.Я. Лончар, по всей видимости, расценил данное поведение как неповиновение и в ночь с 22 на 23 июля лично сообщил Я.П. Гайлиту об его отставке³¹. В итоге Я.П. Гайлит и А. Зиновьев были освобождены из-под ареста. Од-

²⁶ Там же. Л. 22–22 об.

²⁷ Там же. Л. 17–17 об.

²⁸ Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 57. Л. 169.

²⁹ Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 55. Л. 90.

³⁰ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 10. Л. 13 об. — 14.

³¹ Там же. Л. 23–23 об.

нако на прежнюю должность Я.П. Гайлит не вернулся, 30 июля сдав дела мобилизованному в Пензе бывшему офицеру А.И. Воздвиженскому³².

Несмотря на возможную поддержку со стороны армейского командования и штаба 1-й армии, пребывание П.Я. Лончара на должности командующего 1-м Восточным корпусом было недолгим. Политический комиссар соединения М. Алексеев при проверке финансовой отчетности обнаружил хищение на сумму 45 687 рублей 50 копеек (по другим данным — 46 567 рублей). Главным обвиняемым был объявлен адъютант П.Я. Лончара П.С. Бузов, который вскоре был задержан³³. Согласно протоколу допроса от 30 июля, П.С. Бузов отрицал свое участие в этом деле, перекладывая всю вину на своего бывшего начальника³⁴. В итоге в начале августа П.Я. Лончар и П.С. Бузов были задержаны за самовольный арест Я.П. Гайлита и А. Зиновьева, а также финансовые махинации. Согласно отношению председателя армейской ЧК К. Ратнека от 5 августа в РВС Восточного фронта, арестованные под конвоем препровождались во фронтовую ЧК в Казань³⁵. Тогда же было принято решение о возвращении к прежней организационной структуре 1-й армии. Приказом по 1-му Восточному корпусу от 4 августа Вольская группа войск выходила из его состава и передавалась 4-й армии. Пензенская дивизия вновь становилась самостоятельным соединением 1-й армии, а штаб корпуса был расформирован³⁶.

Таким образом, кадровая политика на Восточном фронте, проходившая летом 1918 г. под знаком острого дефицита опытных военных специалистов, носила довольно хаотичный и даже случайный характер, в результате чего на важные командные должности попадали люди, имеющие к военному делу далекое отношение. Проанализировав опыт пребывания П.Я. Лончара на командных должностях, можно выделить особый, «авантюристический», тип представителя командного состава, обладающего характерным набором определенных признаков. Неслучайно

³² Там же. Ф. 157. Оп. 6. Д. 3. Л. 16.

³³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 10. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Там же. Л. 5, 7.

³⁶ Там же. Ф. 157. Оп. 6. Д. 3. Л. 16.

основные черты биографий командующего Восточным фронтом М.А. Муравьева, за которым в историографии закрепились репутация одного из главных авантюристов начального этапа Гражданской войны, и П.Я. Лончара довольно схожи — наличие военного образования, опыт участия в Гражданской войне на Украине, неоднозначные политические взгляды и отношение к советской власти, аресты, быстрое продвижение по карьерной лестнице, недовольство указанными назначениями со стороны военных и гражданских властей, невысокий уровень военной подготовки, вызывающее поведение, конфликты с политическими комиссарами, недолгое пребывание на должности в связи очередным арестом или убийством и т. д.

Одной из причин назначения подобного типа специалистов на командные должности являлось порой безграничное доверие фронтового и армейского командования, а также штабных работников к бывшим офицерам, которые осуществляли свою деятельность практически без контроля со стороны политических комиссаров, что становилось причиной множества конфликтных ситуаций, имевших довольно серьезные последствия.

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ (1918–1920) И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ НОРВЕГИИ

1917–1920-е гг. стали во многом переломными в отношениях России со странами Европы, в том числе и с Норвегией. Сегодня среди норвежцев бытует такое мнение, что представление о русской военной угрозе для Норвегии как раз возникло в результате Русской революции и советского коммунизма. Но это на самом деле не так. Русофобия в Норвегии намного старше 1917 г. и уходит корнями еще в эпоху наполеоновских войн. С поражением Наполеона и внезапным появлением русской армии в Западной Европе в 1813–1814 гг., сначала в сражении под Лейпцигом в октябре 1813 г., а затем при вступлении в Париж 31 марта 1814 г. во главе с императором Александром I, буржуазия Европы предположила, что Россия якобы угрожает европейской цивилизации. Многие представляли себе, что Россия вскоре возьмет контроль над континентом, чтобы провести русификацию всей Европы [9, с. 31].

В Норвегии русофобия появилась чуть позже, в 1830-е гг. Тогда возникли опасения, что России нужны незамерзающие порты на побережье Северной Норвегии, необходимые для развития российского военно-морского флота. Такое представление стало определяющим для шведско-норвежской политики по отношению к России вплоть до 1905 г., когда шведско-норвежская уния распалась и Норвегия стала самостоятельным государством [10, с. 451–478]. Однако страх перед российской великой державой не исчез в Норвегии и после 1905 г., но, можно сказать, он стал более приглушенным. Даже в 1915 г. норвежский генеральный штаб отмечал, что Россия — это единственная страна, которая могла бы атаковать Финнмарк, т. е. самую северную губернию Норвегии, граничащую с Россией [4, с. 135]. Между тем, когда император Николай II два года спустя отрекся от престола, ведущие норвежские политики незамедлительно заявили, что старая, царская Россия, которая теперь погибает, на самом деле была мирным соседом, что между Норвегией и Россией никогда не было войны и т. д.

Они прямо беспокоились о том, что Норвегия может потерять такого хорошего соседа на северо-востоке, где две страны с 1826 г. имели общую границу [4, с. 155, 158].

Вместо того чтобы рассматривать 1917 г. как источник норвежской русофобии, было бы правильнее посмотреть на революционные события того времени как на период временного прекращения страха (позже, к концу 1930-х гг., он опять вернулся). Прежде всего, отметим, что в результате революции и последовавшей за ней Гражданской войны Россия оказалась сильно ослаблена в военном отношении и Норвегии явно нечего было бояться. Зато Финляндия в этот период стала независимым государством и вскоре пробила себе дорогу к Северному Ледовитому океану. В результате этих изменений с 1920 г. у Норвегии уже не было общей границы с Россией, которая фактически отодвинулась дальше на восток. Близость и связи с Россией стали значительно слабее, и в последующие годы страна все реже и реже фигурировала в норвежских военных сценариях.

Как бы взамен традиционной русской угрозе, ставшая независимой Финляндия сразу была воспринята как очередная и очень серьезная угроза для Норвегии. Правда, страх перед финским экспансионизмом существовал и раньше, в XVIII-XIX вв., из-за большой волны иммиграции в Северную Норвегию так называемых квенов, т. е. выходцев из Финляндии. Первоначально беспокойство по поводу квенов рассматривалось как аспект русской угрозы, поскольку квены были подданными Российской империи. Но когда Финляндия отделилась от России в декабре 1917 г., она оказалась уже самостоятельной проблемой для безопасности Норвегии. После отделения норвежцы считали возможной финскую экспансию в направлении Северного Ледовитого океана, которая могла бы также затронуть Норвегию. Но главной целью нового финского правительства, как полагали в Норвегии, являлось включение территории Печенги (по-фински — Петсамо) в состав новой, независимой Финляндии.

Финские политики уже давно бросали свои взоры на Печенгу. Еще в 1864 г. Александр II подписал указ об обмене «территориями» между Россией и Финляндией, когда завод по производству винтовок, расположенный в Сестрорецке, на Карельском перешейке, был переведен в Петербургскую губернию. В связи с этим Финляндии вроде бы была обещана полоска земли на Мурман-

ском берегу [7, с. 155–156]. В результате этого интерес к Печенге среди финских политиков существенно возрос и все чаще упоминался тот плачевный факт, что Финляндия в итоге норвежско-русского разграничения и установления границы в 1826 г., в котором Финляндия не участвовала, оказалась совсем отгорожена от Северного Ледовитого океана. Вопрос о границах был вновь поднят Улеаборгским губернатором в 1882 г., а затем и финским парламентом. Однако притязания финнов были решительно отвергнуты и сняты с повестки дня российским Министерством внутренних дел. Вопрос о выходе к Северному Ледовитому океану был снова поднят финнами только в 1917–1920 гг., когда революционные события 1917 г. и Гражданская война в России сделали финскую мечту уже более реалистичной.

По мнению норвежцев, финский экспансионизм в северном направлении мог вполне затронуть Норвегию. Так, книга финского педагога и историка Гуннара Сарвы «Доступ Финляндии к Ледовитому морю», изданная на норвежском языке в 1918 г., вызвала большой переполох в Норвегии [12]. В ней Г. Сарва повторил, в частности, сожаления о том, что при разграничении Норвегии и Российской империи в 1826 г., Финляндия потеряла все свои старинные права у берега Северного Ледовитого океана. В Норвегии такое высказывание было воспринято как утверждение того, что в высших кругах финского общества есть люди, которые смотрят на Южный Варангер и часть Мурманского берега как на земли, способные удлинить Финляндию. В том же 1918 году социал-демократ и политик Вейно Войонмаа издал другую книгу, «*Suomi Jäämerellä*» («Финляндия у Ледовитого океана»), где он подтверждал, что у Финляндии есть несомненные «исторические, национальные и экономические права» на то, чтобы добраться до Северного Ледовитого океана. «Вопрос о Ледовитом океане является важным делом для всей Финляндии», — утверждал Войонмаа. В дополнение он написал о возможном строительстве финского порта в Южном Варангере, т. е. на норвежской территории, и о необходимости проложить в перспективе в данной местности железную дорогу [14, 4, с. 137].

Появление столь откровенных финских изданий было воспринято как открытая угроза Норвегии, которая в такой ситуации якобы рисковала потерять Южный Варангер. Не помогло даже то, что высокопоставленные политики Финляндии, в том

числе, премьер-министр П.О. Свинхувуд, опровергли представления норвежцев о «финской угрозе» как полностью необоснованные. Однако норвежские власти не доверяли финнам и усилили пограничную охрану на севере страны. То, что менее известно, так это секретные планы норвежских властей провести превентивные мероприятия, которые заключались в территориальной экспансии в том же районе, который финны планировали захватить.

Инициатором территориальных устремлений Норвегии стал Фредрик Ведель Ярлсберг, посланник Норвегии в Париже и в то же время двоюродный брат Фритъофа Нансена [15]. Норвежские историки Кнут Эйнар Эриксен и Эйнар Ниemi, которые в 1981 г. издали новаторскую книгу «Den finske fæte» (Финская угроза), отмечают, что эти планы были не только оборонительные, но и несли в себе отпечаток норвежского этноцентризма и национализма, т. е. тех же черт, которые в межвоенный период, между прочим, привели к норвежским территориальным аннексиям в Арктике и Антарктике. Норвежский национализм, который до 1905 г. в основном оставался либеральным, в 20-е и 30-е г. XX в. приобрел явные черты правого толка [5, с. 25-52].

Когда мы читаем об этих планах и высказываниях сегодня, спустя сто лет, кажется, тем не менее, что норвежские ведущие политики вели достаточно осторожную линию в вопросе о границе на северо-востоке. Это прежде всего объясняется тем фактом, что вопрос решительно касался не только двухсторонних норвежско-финских отношений, но и России, которая как бы притаилась где-то за кулисами. Кроме того, зимой 1918 г. полыхала финская Гражданская война. В таких условиях норвежские политики и чиновники с беспокойством все чаще обращали свои взоры на северное приграничье. Могла ли борьба между красными и белыми финнами затронуть норвежские территории?

К счастью, этого не случилось, хотя имели место маленькие стычки в долине Пасвик, совсем рядом с норвежской границей. Был риск, что все гражданское население, проживавшее тогда на русской стороне долины Пасвик, было бы вынуждено искать убежище в Норвегии [4, 134-135]. Но этого не случилось. Однако российские саамы, так называемые скольты (коренные жители приграничных территорий), в большинстве своем были вынуждены действительно бежать в Норвегию во время продвижения

финнов в Печенгу в 1920 г. Они оставались в Норвегии в течение нескольких месяцев, прежде чем вернулись обратно в свои дома.

Одновременно с происходящими событиями на приграничных территориях через северные гавани в Норвегию начали прибывать русские эмигранты. Пик их появления пришелся на конец февраля 1920 г., когда ледокол «Козьма Минин», прибывший из Архангельска, причалил в гавани города Тромсё, столицы норвежского Севера. На борту судна был генерал Е.К. Миллер и возглавляемое им правительство Северной области, а также другие белые офицеры и сторонники Белого движения. Они бежали из Архангельска в последнюю минуту, когда большевики вернулись в город, и взяли курс на Мурманск. Но по дороге беженцы узнали, что красные захватили власть и в этом городе, и поэтому приняли решение туда не заходить, а продолжать движение на ледоколе в норвежские воды [2]. На борту «Козьмы Минина» было более тысячи человек, но по пути в Норвегию часть из них из-за перегруза судна была пересажена на пассажирский пароход «Ломоносов», который шел также в Норвегию — из Мурманска.

Многие пассажиры боялись, что в Норвегии с ними обойдутся сурово, так как они уже слышали раньше, что норвежские рабочие сочувствуют большевикам. На деле это оказалось не так и далеко от правды. Уже в 1919 г. Норвежская рабочая партия, которая организовала под своим началом почти все социалистические силы страны, стала членом Коммунистического Интернационала и, таким образом, отождествляла себя с революционной борьбой. Более того, Норвежская рабочая партия была особенно сильна именно на Севере. Тем не менее, к своему удивлению, российские беженцы по прибытии в города Хаммерфест и затем в Тромсё были тепло приняты проживавшей в них северо-норвежской буржуазией, которая сильно сочувствовала этим жертвам Русской революции и Гражданской войны [8, с. 62-88].

Большая часть пассажиров-эмигрантов, которые прибыли на «Козьме Минине», вскоре покинула Норвегию, устремившись в крупные колонии русской эмиграции, в южные широты Европы. Другая часть пассажиров ледокола вернулась на юг России, где Гражданская война еще не закончилась, чтобы продолжить борьбу с большевиками. Те немногие беженцы, которые остались в Норвегии, оказались способны достаточно быстро интегрироваться в норвежское общество, правда, пережив при этом опреде-

ленную социальную деградацию. В первое время после приезда эмигрантам приходилось терпеть явное недовольство со стороны норвежской рабочей прессы. Она писала, что русские беженцы нетрудолюбивые, привыкли жить за счет работы других в роскоши и что они якобы отбирают работу у норвежских рабочих [13, с. 76-78].

Буржуазия Норвегии, напротив, беспокоилась о том, что норвежские социалисты под влиянием Октябрьской революции могли реально захватить власть в Норвегии. Но данная «красная угроза» была прежде всего внутренней угрозой и отличалась от «русской угрозы», которая ассоциировалась в стране со страхом перед Россией, воспринимаемой как внешняя военная угроза. Между тем, как мы уже отметили, такая угроза более или менее исчезла после революции, потому что Россия была охвачена длительной внутренней революционной борьбой, в ходе которой потеряла общую границу с Норвегией [6, с. 77-84].

Между тем в этот период появились многочисленные вопросы, которые мучали и беспокоили норвежские власти всё больше и больше. Как отнеслись бы квенны к коммунистическому перевороту в Норвегии или к возможному захвату Финляндией норвежской территории на Севере? Будет ли вообще буржуазное правительство Финляндии продвигаться к Северному Ледовитому океану? Займет ли Финляндия не только Петсамо, но и часть норвежской территории, может быть, даже в сотрудничестве с Германией, которая еще не проиграла Первую мировую войну?

В поисках ответов на возникшие вопросы созрели различные планы по расширению территории Норвегии в приграничье, на участке между Норвегией и теми землями, которые все еще считались российской территорией, но на которую активно претендовала Финляндия. Такой наступательный подход со стороны Норвегии, как тогда считалось, мог бы стать эффективной преградой против возможных финских планов по захвату норвежской земли. Поступали разные предложения о расширении норвежской территории. Так, лесничий Магнус Клерк, служивший в приграничье, предупредил, например, о том, что Финляндия будет неприятным соседом на севере, но одновременно подчеркивал экономические выгоды в том случае, если Норвегия становится хозяином обеих сторон долины Пасвик [4, с. 155-156]. Но более серьезным в перечне предложений стал текст телеграм-

мы, которую получил министр иностранных дел Норвегии того времени Нильс Илен от норвежского посланника в Париже, барона Фредерика Веделя Ярлсберга. В послании барон обратил внимание на возможности расширения границ Норвегии, которые могли бы дать стране решения Версальской мирной конференции, собравшейся в январе 1919 г.

Норвегия, правда, не участвовала в Первой мировой войне и, наверно, не имела значительных прав вкушать плоды победы после нее. Однако, по мнению посланника в Париже, Норвегия все же существенно содействовала победе союзников, потому что ее большой торговый флот во время войны помогал странам Антанты. Поэтому, по мнению барона Веделя Ярлсберга, Норвегия в полной мере могла претендовать на новые территории. Ярлсберг был готов требовать не только Шпицбергенские острова, которые имели статус ничейной земли, но и часть Мурманского берега и еще так называемый Финский клин, узкую полосу финской земли, расположенную между Швецией и Норвегией на севере. Посланник даже хотел приобрести для Норвегии бывшую немецкую колонию в Восточной Африке, которая могла бы стать поставщиком сырья для норвежской индустрии. Однако норвежское правительство запретило Веделю Ярлсбергу выдвигать какие-либо требования о колониях в Африке, а также о Мурманском берегу [15, с. 371-372].

Между тем В. Ярлсбергу было дано разрешение работать дальше по Шпицбергенскому вопросу. В итоге в 1920 году был подписан трактат, который дал Норвегии суверенитет над Шпицбергенским архипелагом. Работа в данном направлении оказалась облегчена тем фактом, что охваченная революционными событиями Россия не была приглашена на переговоры, которые проходили в ходе Версальской мирной конференции. Тем не менее норвежские власти хотели заручиться подписью Советской России, прежде чем Норвегия могла бы вступить во владение Шпицбергенскими островами. Только спустя четыре года, в 1924 году, советское правительство пообещало признать трактат по Шпицбергену. Ответным жестом со стороны норвежцев стало признание советского правительства и установление дипломатических отношений с Советским Союзом [3, с. 154-173].

Другая задача, с которой посланник Норвегии в Париже мог работать дальше, касалась как раз требования о получении рус-

ского Пасвика как оборонительного рубежа против финской экспансии в этом районе. Ведель Ярлсберг сообщил норвежскому министру иностранных дел, что державы Антанты сочувствуют норвежским планам о расширении границы на севере. Между тем они подчеркнули, что этот вопрос должен найти свое решение в переговорах между всеми сторонами и не будет рассмотрен на Версальской мирной конференции [15, с. 365-372].

В. Ярлсберг был того мнения, что, несмотря на исход гражданских войн на Крайнем Севере, переговоры с Финляндией надо начать как можно раньше, чтобы опередить финскую оккупацию. Он подчеркивал, что Норвегия должна использовать такой случай, чтобы избавиться от старых сервитутов русских саамов-скольтов на норвежской стороне границы, в частности, их прав на ловлю семги в реках в Южном Варангере. Идеи В. Ярлсберга поддерживал Андреас Тоструп Урбю, в то время посланник Норвегии в Финляндии и бывший губернатор Финнмарка. Урбю тоже был того мнения, что не надо требовать особых регулирований границы, если Россия продолжит быть нашим соседом. Но в отличие от Веделя Ярлсберга Андреас Урбю убеждал руководство страны в том, что Норвегия должна поддерживать Финляндию в этом вопросе, потому что в перспективе лучше иметь как соседа маленькую страну, чем великую державу. В этом мнении его, напротив, не поддерживал другой бывший губернатор Финнмарка Николай Груве Пребенсен, влиятельный на протяжении 1905-1918 гг. первый и последний посланник Норвегии в царской России. Он предупредил, что если Норвегия поддержит требования Финляндии на Мурманский берег, то «Россия, когда страна снова приведет [свои вещи] в порядок, не забудет нам этого» [4, с. 159].

Получается, что в целом Норвегия в 1918-1920 гг. официально поощряла Советскую власть придерживаться Печенги, как бы странно это сегодня ни звучало. Финны, со своей стороны, чувствовали себя оскорбленными и задавали себе вопрос: «Почему Норвегия предпочитает коммунистическую Россию буржуазной Финляндии?» В апреле 1920 г. норвежское правительство отправило Советской России официальную ноту, где заявило, что не потребует урегулирования вопроса о границе на Севере, если Печенга останется русской территорией. А если Советская Россия откажется от Печенги в пользу какого-либо другого государства, то тогда Норвегия все-таки будет требовать решения вопроса

о расширении своей территории в приграничье [4, с. 173]. Заметим, что дипломатический характер действий в этом вопросе был несколько необычным, поскольку у Норвегии в этот период не было дипломатических отношений с Советской Россией. В свою очередь, Финляндия получила только копию посланной в апреле 1920 г. ноты, которую норвежцы отправили России, и не удостоилась собственной ноты, несмотря на то, что между Норвегией и новой самостоятельной Финляндией уже были установлены дипломатические отношения.

Норвежско-финские переговоры о приграничье начались не «как можно раньше», как советовал в свое время посланник Ведель Ярлсберг, а только в 1922 г., два года спустя после Дерптского мира, по которому Советская Россия окончательно отказалась от Печенги в пользу независимой Финляндии. Норвежские власти действовали слишком медленно в этом деле, и Финляндия поставила Норвегию уже перед свершившимся фактом. Задним числом можно констатировать, что такой отрицательный исход дела в перспективе оказался самым удачливым результатом для Норвегии. Во-первых, потому, что Финляндия не трогала границу, которая теперь стала норвежско-финской государственной границей. Во-вторых, как ни парадоксально, потому, что Норвегии не удалось воплотить в жизнь свои наступательные планы по урегулированию границы. Любое изменение в конфигурации границы в пользу Норвегии было бы плохо воспринято российской стороной и могло бы создать дополнительные проблемы в отношениях между Норвегией и Советским Союзом уже после Второй мировой войны, когда Печенга снова стала частью России.

Единственная «выгода», которой Норвегия добилась в переговорах с Финляндией, — это отмена сервитутов русских саамов на норвежской земле, которые были предоставлены им в пограничном трактате 1826 г. и в добавочном протоколе 1834 г. Этот итог стал единственным из предложений посланника Веделя Ярлсберга, которое было осуществлено на практике. Коренное население пограничной зоны, русские саамы-скольты, восприняли этот итог явно как невыгодное для них решение, несмотря на то, что норвежское правительство выплатило небольшую сумму в 12 тыс. крон золотом, предназначенную для русских саамов-скольтов как компенсации за понесенные ими потери [1, с. 154–64].

Итак, с точки зрения норвежских властей последствия от русской и финской гражданских войн 1918–1920-х гг. для Норвегии не стали особо чувствительными. Даже проблемы, связанные с беженцами или эмигрантами из двух соседних стран, России и Финляндии, не оказались очень сложными. Более серьезное беспокойство среди норвежцев, безусловно, было в то время по поводу того, что разложение Российской империи может кончиться тем, что Норвегия получит нового соседа на северо-востоке, т. е. независимую и непредсказуемую Финляндию, — взамен традиционного соседа, царской России. В такой обстановке норвежские власти были вынуждены работать более или менее открыто для того, чтобы препятствовать переходу Печенги к Финляндии, а если этого не удавалось, мешать финнам идти дальше в их возможных планах по захвату части норвежской территории на берегу Северного Ледовитого океана. В связи с этим норвежцы решили в те напряженные годы выдвинуть финнам встречное требование по разделению «добычи», т. е. разделить Печенгу. К счастью, можно сказать, это ни к чему не привело, и в связи с захватом Печенги в 1920 г. финны все равно не тронули норвежские территории. Парадоксально, но таких планов у финских властей, скорее всего, никогда и не было.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Andresen A. Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes: Sør-Varanger Museum, 1989. 192 s.
2. Barr W. General Miller's Flight from Arkhangelsk. February 1920// *Polar Record*, Vol. 20. N125. 1980. Pp. 119–125.
3. Berg R. Norge på egen hånd: 1905–1920. Oslo: Universitetsforlaget, 1995. 401 s.
4. Eriksen K.E., Niemi E. Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo-Bergen-Tromsø: Universitetsforlaget, 1981. 479 s.
5. Fure O-B. Mellomkrigstid 1920–1940. Oslo: Universitetsforlaget, 1996. 434 s.
6. Holtmark S.G. (red.) Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917–2014. Oslo: Pax Forlag, 2015. 748 s.

7. Lähteenmäki M. *The flexible Frontier. Change and Continuity in Finnish-Russian Relations.* Helsinki: University of Helsinki, 2007. 266 s.
8. Mørck S. Pappa — en russisk flyktning. Oslo: Aschehoug, 2010. 173 s.
9. Naarden B. *Socialist Europa and Revolutionary Russia: perception and prejudice 1848-1923.* Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 595 s.
10. Nielsen J.P. (ред.). *Сближение. Россия и Норвегия в 1814-1917 годах.* Москва: Весь Мир, 2007. 708 с.
11. Nyysönen J. *The Finnish Presence on the Murman Coast — the Era of Petsamo 1920-1944* // Yurchenko A., Nielsen J.P. (eds.). *In the North My Nest is Made. Studies in the History of the Murman Colonization 1860-1940.* St Petersburg: European University, 2005, Pp. 197-239.
12. Sarva Gunnar. *Finlands adgang til Ishavet.* Kristiania, 1918. 57 s.
13. Tevlina V.V. *Russian Emigration to Norway after the Russian Revolution and Civil War* // Myklebost K.A., Nielsen J.P., Rogatchevski A. (eds.). *The Russian revolution of 1917. The Northern Impact and Beyond.* Boston: Academic Studies Press, 2020. Pp. 69-78.
14. Voionmaa V. *Suomi Jäämerellä.* Helsinki 1919: Edistysseurojen kustannusoy. 152 s.
15. Wedel Jarlsberg F. *Reisen gjennem livet.* Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1932. 427 s.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЧЕРДЫНСКО-ПЕЧОРСКОМ КРАЕ (СЕНТЯБРЬ 1919 – МАРТ 1920 Г.)

Боевые действия в Чердынско-Печорском крае в конце 1919 — начале 1920 г. — один из эпизодов Гражданской войны, которые в последнее время стали активно исследоваться историками Республики Коми, прежде всего И.Л. Жеребцовым и М.В. Таскаевым. К сожалению, уральские и в том числе пермские историки этому сюжету не уделяют должного внимания, их исследования посвящены в основном военным действиям на Восточном фронте. Это понятно, поскольку именно там решалась судьба России.

Публикации пермских историков о ситуации в северном Прикамье часто грешили неточностями. В частности, утверждалось, что уже 5 июля 1919 г. части Особого Северного экспедиционного отряда под командованием С.В. Мрачковского заняли Чердынь [5, с. 112]. Однако, как следует из донесения командира печорского батальона белых капитана Г.П. Алашева 17 июля 1919 г. в Архангельск, «5 июля сибиряки без боя оставили Чердынь. 10 июля вблизи Чердыни красных еще не было» [4, с. 191]. Пермский губернский революционный комитет направил в Чердынь С.И. Широкина для организации уездного ревкома, который был создан 22 июля в составе С.И. Широкина (председатель), Н.Н. Наумова и Н.И. Ничкова [3, с. 341–342].

К середине июля 1919 г. Западный Урал был очищен от колчаковских войск. Но три верхнепечорские волости: Савиноборская, Шугорская и Троицко-Печорская, входившие в состав Чердынско-го уезда, — перешли под власть белого правительства Северной области, и место колчаковцев заняли части архангельской белой армии. С некоторыми верхнепечорскими селениями (Якша, Мамыль, Порог) Чердынь поддерживала телефонную связь.

Для борьбы с остатками колчаковцев в Чердынском и Усольском уездах 4 августа был сформирован Особый экспедиционный отряд под командованием Г.Ф. Макарова из трех рот. Отряд

разделили на две группы: одна рота для Чердынского и две роты для Усольского уездов [2, с. 370]. Правый участок Северного фронта Усть-Сысольск — Яренск и Чердынское направление — являлся районом действия 6-й армии. Однако ввиду отдаленности Чердынского направления штаб армии оказался не в состоянии обеспечить всем необходимым экспедиционный отряд. Чердынский уезд оказался в полосе действий 3-й армии Восточного фронта, т. е. Чердынско-Печорский край оказался на стыке двух армий, что не могло не сказаться на развитии ситуации.

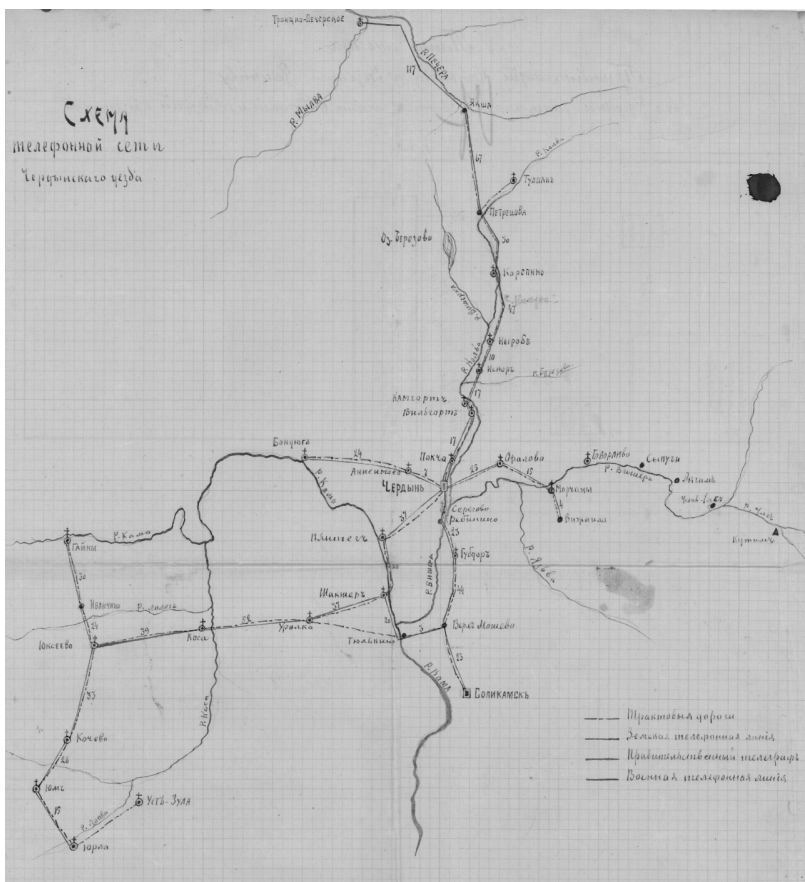

Схема телефонной сети Чердынского уезда (декабрь 1919 г.)¹

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-49. Оп. 1. Д. 348. Л. 16

3 сентября разведгруппа белых из Троицко-Печорска повредила телефон в Якше. Как сообщал в своем рапорте начальник милиции 4-го района, на пристани в Якше «появилась разведка белых бандитов, которые хотели мобилизовать крестьян, но те разбежались. Сами они в английской форме» [3, с. 436-437]. 11 сентября на совещании Чердынского ревкома с представителями уездного военкомата и начальника экспедиционного отряда Г.Ф. Макарова принято решение принять срочные меры для установления телефонной связи с Якшей, усилить разведку в районе Петрецово-Якша и выслать в этот район заставу в количестве 20 человек. Совещание решило ходатайствовать перед губернскими властями об увеличении гарнизона города до одного батальона [3, с. 437]. 16 сентября на очередном заседании Чердынского ревкома с представителями губернского ревкома, губернской ЧК и другими организациями выяснилось, что телефон в Якше «снят неизвестно кем, уведен телефонист и надсмотрщик». Военком и начальник экспедиционного отряда сообщили, что на Якшу отправлено двадцать человек красноармейцев (вероятно, имелась ввиду высланная застава. — Л. О.), «усилить отряд невозможно только потому, что нет теплого обмундирования». Собрание постановило объявить северную часть уезда на военном положении, а именно волости Тулпанскую, Корепинскую, Нырбоскую, Вильгортскую, Искорскую, «на население которых возлагается вся ответственность за порчу телефонов». Кроме того, в уезде объявлялась мобилизация теплых вещей для Красной армии, а уездному бюро РКП(б) предлагалось направить агитаторов и пропагандистов на север [3, с. 437-438]

В сентябре 1919 г. белые сформировали 10-й Северный Печорский полк, 1-й батальон которого размещался в районе Троицко-Печорска. Командиром батальона вскоре был назначен штабс-капитан В. Шульгин. Большинство населения верхнепечорских волостей резко отрицательно относилось к большевикам. Этому в большой степени способствовали действия отрядов М. Мандельбаума, бывшего австрийского военнопленного, перешедшего на сторону большевиков, и братьев Аппога, в конце 1918 — начале 1919 г. наводивших ужас на всю Печору. Массовые расстрелы без суда и следствия, грабежи, издевательства, обосновывавшиеся необходимостью беспощадной борьбы с контрреволюцией, были обычным явлением. Так, после занятия Усть-Цильмы народный

судья Г. Филиппов по приказу братьев Аппога был пропущен «сквозь строй» — на протяжении 250 сажень (более 500 м) судью провели между двумя шеренгами красноармейцев с нагайками в руках. Под конец пути Филиппов не выдержал и упал. Аппоги хотели растоптать его лошадьми, но животные не пошли на человека. Тогда судью добились выстрелами из револьверов [4, с. 117].

13 сентября командир чердынского гарнизона Г.Ф. Макаров направил в Якшу отряд под командованием М.В. Голубева численностью 57 штыков. В конце сентября (29-го или 30-го) отряд занял Якшу. Штабс-капитан Шульгин направил в Якшу сводный отряд численностью 200–250 штыков при двух пулеметах на пароходе «Москва». Нападение белых 5 октября на Якшу оказалось неожиданным, в результате отряд Голубева был разбит, потеряв только убитыми 37 чел., в том числе погиб и Голубев. Несколько человек утонули, пытаясь переправиться на другой берег Печоры. Белые потеряли убитыми только одного солдата [4, с. 250]. В докладе секретно-оперативного отдела при Пермской губернской чрезвычайной комиссии за подписью П. Малкова эти события изложены несколько иначе: «...в районе р. Печоры организовался отряд из бывших белых и местных повстанцев до 700 человек под командой офицеров. Стоявший на пристани “Якшинской” отряд в 50 человек был окружен белыми в количестве 250 человек с пулеметом, бой длился 35 часов и отряд был разбит поголовно, 8 чел. утонуло, 15 спаслось и в разное время собралось в Чердынь, участь остальных неизвестна» [3, с. 446].

Ввиду угрозы с севера 30 сентября уездный ревком совместно с представителями уездной чрезвычайной комиссии и губернского отдела управления приняли решение о формировании в г. Чердыни при уездной ЧК «боевую единицу силою до роты» в целях укрепления власти и «для подавления обнаруженных за последнее время на северных окраинах уезда белогвардейских банд» [3, с. 442].

В середине октября начальником штаба экспедиционного отряда для оперативных действий на севере назначен Н.В. Ладейщиков. Выступая на заседании Чердынского ревкома 20 октября, новый начальник штаба довел до сведения членов ревкома приказ штаба армии о цели и назначении экспедиционного отряда. Согласно приказу, для несения караульной службы и охраны города должно остаться не более полуроты, все излишние силы

должны быть переданы в распоряжение Ладейщикова, как и вся телефонная связь и телефонные аппараты, находящиеся в пределах Чердынского уезда. Местным органам власти вменялось в обязанность содействие в снабжении экспедиционного отряда, поскольку отдел снабжения армии не в состоянии обеспечить всем необходимым из-за дальности расстояния и распутицы. Волисполкомам предписывалось обеспечить отряд подводами, а партийному комитету — проводниками, знающими местность².

В Перми с конца июля 1919 г. начинает формироваться 33-я бригада ВОХР в составе 4 стрелковых батальонов и нескольких отдельных стрелковых рот под командованием бывшего офицера П.А. Петрова. В середине ноября часть батальонов и отрядов бригады была срочно брошена под Чердынь. 20 ноября разведывательный отряд красных между Мамылем и Порогом (севернее Якши. — Л. О.) попал в засаду, но сумел вырваться, потеряв троих убитыми. На сторону белых перешел командир роты большевик Борисов [4, с. 251].

Штабс-капитан В. Шульгин развернул наступление на Чердынском направлении силами трех рот, пулеметных и конных команд и артиллерийской батареи (по другим данным, белые наступали на Чердынском направлении силою до 8 рот). На 24 ноября общие силы красных на участке Чердынь-Петрецово достигали 700 штыков [1, № 114]. Белые выбили советский гарнизон из Петрецово, красные довольно беспорядочно отступили.

В связи с наступлением белых в Чердыни началась паника. 26 ноября на экстренном объединенном заседании президиума исполкома уездного Совета, председателя уездной чрезвычайной комиссии Сунегина, военкома Коровина и комиссара 133-го батальона ВОХР Варова принято решение организовать Чердынский уездный военно-революционный комитет. На этом же заседании была создана эвакуационная комиссия. В первую очередь предлагалось эвакуировать семейства советских служащих, коммунистов, а также существующие в уезде учреждения [3, с. 451-452]. Эвакуация проходила с большими сложностями, прежде всего из-за недостатка подвод, которые с мест присылались слабо. Порой целые волости отказывались подавать подводы. Пришлось принимать

² Государственный архив Пермского края. Ф. р-611. Оп. 1. Д. 1. Л. 39-39 об.

жесткие меры. Предполагалось эвакуировать и волисполкомы, но некоторые волисполкомы не захотели эвакуироваться и просто разбежались. Основная масса эвакуировалась в Соликамск, часть в Мошево, куда была направлена «революционная тройка», выделенная из состава ревкома для работы в тылу [3, с. 456–457].

27 ноября Чердынь объявлена на осадном положении [3, с. 438]. Значительные части 33-й бригады уже находились в Чердыни, подтягивались кавалерийские и артиллерийские подразделения.

Командующий Печорским районом белых полковник Ахапкин 30 ноября доносил в Архангельск: «По направлению на Чердынь левыми флангами 10 полка заняты деревни Усть-Волосница, Курья, Тулпан, Бадья. Взяты походная кухня, лазаретная линейка, документы военкомиссариата, 60 пудов хлеба. 27 ноября заняты деревни Урцево, Кикус. Противник силою до двух рот в панике бежал в направлении на Ныробское, бросив при отступлении убитых и раненых. Подошедшее подкрепление 133-го стрелкового полка (скорее всего, батальон. — Л. О) и 22 отдельного батальона пытались задержать наступление, но нашим артиллерийским и пулеметным огнем были отброшены в паническое бегство. Получив подкрепление из Кунгура, Осы и Соликамска, противник пытался задержаться в соседних с Ныробским селениях, дабы отстоять селение Ныробское, но ничто не могло устоять перед доблестью артиллеристов и стрелков 10 полка. Противник бежал и село Ныробское в 250 дворов занято. Противник, пытавшийся наступать со стороны Искора, разбит. В Искоре оставлены лошади, патроны и пулеметные ленты» [4, с. 251–252]. 30 ноября части Шульгина заняли Искор. На сторону белых в ряде мест переходили группами и поодиночке красноармейцы. За успехи на чердынском направлении Шульгин произведен в капитаны. Решающее сражение между красными и «печорскими бородачами» (как называли в Чердыни белых) произошло 30 ноября. Части Шульгина выступили из Искора на Чердынь, но внезапно были атакованы с тыла батальоном под командованием Чесова, а затем и в лоб значительными силами красных. Комбриг Петров располагал к тому времени 1144 штыками и саблями, имел пулеметы и артиллерию. В двухчасовом бою белые были разбиты, оставили Искор и отступили на Ныроб [4, с. 252].

Председатель Пермской губчека П.И. Малков в донесении Ф.Э. Дзержинскому 2 декабря писал о результатах боя под Чер-

дынью: «Противник вел наступление в несколько раз превосходящими силами под прикрытием бомбометов, минометов, артиллерии, при большом количестве пулеметов. Белогвардейцы широким фронтом подходили на 30 верст к Чердыни. 30 ноября под Искором наши части одержали блестящую победу: противник потерял 200 убитыми, в том числе 15 офицеров, несколько пленных с офицером, один пулемет, несколько винтовок. Наши потери: 20 убитых, 25 раненых»³. По сведениям белых, потери 10-го Печорского полка составили 34 человека убитыми и 12 ранеными, вместо 15 офицеров в бою погибло двое [4, с. 252–253].

С 5 декабря, ввиду минования опасности, началась эвакуация Чердыни.

После короткого боя под Нырбом Шульгин вынужден был продолжить отступление в верховья Печоры, бросив одну тяжелую пушку. 16 декабря части 33-й бригады заняли Нырб и д. Купчик, послали разведотряды на Ксенофонтово и пристань Вогульская Свинка. Боевые действия осложнились морозами, достигавшими до 40 градусов и более. Как сообщалось в сводке губчека «...плохо одетые, в сапогах красноармейцы ежедневно обмораживаются. Нужно срочно 2000 пар валенок, 2000 комплектов теплого обмундирования, а иначе сгруппировавшиеся противники, которые для пополнения рядов производят мобилизацию населения и теплой одежды, при наступлении могут иметь успех» [3, с. 460]. Тем не менее части 33-й бригады продолжая наступление, сумели обойти отступающего противника и по волоку от села Корепино первыми занять Якшу. Белые, обойдя Якшу, пробираясь лесами по правой стороне Печоры, сумели выйти к деревням Порог и Мамыль. По некоторым сведениям, красные окружили часть белых в Порогах и вынудили их сдаться. Офицеры, попавшие в плен, были расстреляны, а солдаты этапированы в Чердынь. 29 декабря две роты 133-го батальона находились в Порогах и Мамыле. 1 января 1920 г. части 33-й бригады заняли Ксенофонтово [4, с. 253].

27 декабря 1919 г. правый участок Северного фронта Усть-Сысольск — Яренск и Чердынское направление переданы вой-

³ В информационной сводке Пермской губчека за второе полугодие 1919 г. приводятся иные цифры: убитыми у противника 300 солдат и 36 офицеров [2, с. 464].

скам ВОХР для ведения боевых действий ввиду отдаленности от 6-й армии. Командовать войсками и руководить операциями назначен начальник Ярославского сектора ВОХР М.Ф. Барандохин, а его помощником и заместителем — председатель Пермской губчека П.И. Малков. М.Ф. Барандохин, приняв командование, отдал приказ прекратить на Чердынском направлении наступательные действия и перейти к активной обороне [1, № 114].

В ночь с 6 на 7 января 1920 г. П.А. Петров сдал Чердынский боевой участок вновь назначенному начальнику обороны Н.В. Лирову⁴.

В середине января 1920 г. капитан Шульгин предпринял контрнаступление и выбил красных из Порог, Мамыля и Якши. В донесении штаба Печорского района в Архангельск эти события описывались следующим образом: «10 января противник количеством 300 штыков был выбит из Порога и бежал на Мамыль, где он имел еще две роты с пулеметами. В 17 час. того же числа с боем была занята д. Мамыль, после чего противник спешно отступает на Якшу в составе 4 рот с пулеметами и кавалерийским отрядом около 30 сабель. Наши разведчики на лыжах преследуя приблизились на 30 шагов и атаковали противника, который в панике бежал, оставив на месте двух убитых и много раненых. Потерь с нашей стороны нет... Нами занята Якша. Отступая, противник увел всех лошадей из Порог, Мамыля и Якши. Отступающими оставлено 2 ствола пулемета, 6 пулеметных лент с патронами» [4, с. 288].

По сведениям разведки белых, красные отошли в Петрецово, куда стали подтягиваться резервы. 20 января командиром 33-й бригады назначен С.А. Окулов. К началу февраля 1920 г. белые контролировали практически всю верхнюю Печору и север Чердынского уезда в районе Тулпана.

21 февраля С.А. Окулов принял командование Чердынским боевым участком. 24 февраля П.И. Малков назначен командующим войсками Вычегодско-Кай-Чердынского края. Началась активная подготовка к наступлению.

Во второй половине февраля красные начали наступление на троицко-печорскую группу белых с юга на Якшу (33-я бригада ВОХР численностью до тысячи штыков, 50 сабель при 11 пулеме-

⁴ ГАПК. Ф. р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 20.

тах) и из-за Урала по тракту Ляпино — Усть-Шугор Северный отряд под командованием Лепехова (500 штыков).

24–25 февраля 33-я бригада ВОХР выбила противника из Вочевского района.

28 февраля командующий троицко-печорской группировкой войск капитан В. Шульгин предложил командованию красных начать мирные переговоры на следующих условиях: «1. Прекращение активных действий с обеих сторон. 2. Не вводить советские войска в Троицко-Печорский район и в пределы реки Печора ... 4. Должны быть даны полные гарантии со стороны советских войск о недопустимости какого бы то ни было террора, как-то убийств, грабежа, насилия, произвола, мародерства, спекуляции, так как таковые нами считаются подсудными преступлениями. 5. Должны быть гарантии всеобщего избирательного права пользующихся авторитетом и доверием от населения лиц...» [4, с. 294–295]. В. Шульгин фактически предложил создать в верховьях Печоры и Вычегды некую «нейтральную зону (так называемую «Печорскую республику»). Советское командование отклонило условия Шульгина.

2 марта части красных с боем заняли Якшу, а 3 марта Порог и Мамьель, развивая наступление на Троицко-Печорск. 6 марта подошли к Троицко-Печорску. По одной из версий, гарнизон села после длительных переговоров сложил оружие [1, № 116]. По другим источникам, бой все же был. Капитан Шульгин с группой офицеров бежал в Усть-Шугор. 9 марта Северный отряд Лепехова окружил Усть-Шугор. Гарнизон белых капитулировал. Офицеры 10-го Печорского полка специальным приказом чрезвычайного уполномоченного штаба обороны Кай-Чердынского района А. Труша под конвоем были отправлены в Чердынь. По дороге группа офицеров была расстреляна в Порогах [4, с. 297]. В плен попал и В. Шульгин, но его дальнейшая судьба неизвестна [6, с. 378–379]. 13 марта командование красных отдало приказ о прекращении боевых действий в Печорском крае.

15 марта начальник штаба войск ВОХР докладывал: «При занятии Троицко-Печорска взяты трофеи: орудий — 3, винтовок разных систем — 1010, пулеметов — 15, патронов — 344 ящика, гранат — 451, пароходов: 3 пассажирских, паровой буксир “Москва”, паровой катер, несколько барж, большое количество продовольствия» [1, № 116].

Отдельные группы белогвардейцев, в частности отряд поручика 10-го Печорского полка А.Рочева, скрылись в лесах и продолжали оказывать сопротивление советской власти до 1922 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев А.В., Шмыров В.А. Кай-Чердынский фронт // Северная звезда. Чердынь 1979. № 110–116.
2. Бурдин Г.М. Малков Павел Иванович // Революционеры Прикамья. Пермь, 1966. С. 366–373.
3. Гражданская война в Прикамье. Май 1918 — январь 1920 гг. Сборник документов. Пермь, 2008. 504 с.
4. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Черные годы (Революция и Гражданская война в Коми крае. 1917–1921). Сыктывкар. 2001. 320 с.
5. Капцугович И.С. Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969. 132 с.
6. Макаров Н.А. Военная интервенция и Гражданская война на Севере России. 1918–1920 гг.: энциклопедический биографический словарь. Архангельск, 2008. 400 с.

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ ЭТАПЕ СОЗДАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ (1917–1918 гг.)

Исторические документы позволяют выделить три основных этапа строительства революционных вооруженных сил молодого Советского государства, происходившего непосредственно в ходе Гражданской войны в России.

Первый этап — это строительство вооруженных сил Советской республики после захвата власти большевиками на основе принципа добровольческого комплектования армии, дальнейшего вынужденного перехода к всеобщей воинской повинности и ведения боевых действий против сил контрреволюции в условиях «эшелонной войны» (ноябрь 1917 — середина 1918 гг.).

Второй этап — это военные неудачи Красной армии (вторая половина 1918 — октябрь 1919 г.). Он проходил в условиях эскалации Гражданской войны, которая потребовала создания фронтов и использования в боевых действиях все большего количества сил и средств. На этом этапе была создана полноценная, централизованно управляемая, единая государственная армия, существующая в России до настоящего времени.

Третий этап — это крупные военные победы красных и окончательный разгром белых (ноябрь 1919 — ноябрь 1920 г.).

В первом этапе выделяются два диалектически взаимосвязанных периода:

первый период — наличие в распоряжении советской власти в качестве вооруженной силы отрядов рабочей Красной гвардии и полупартизанских формирований и попытка построения Красной армии на принципах добровольчества (ноябрь 1917 — апрель 1918 гг.);

второй период — вынужденный переход к всеобщей воинской повинности, мобилизации военных специалистов и ведения боевых действий в условиях «эшелонной войны» (май 1918 — август 1918 г.).

Захватив государственную власть, партия большевиков в ноябре 1917 года вместе с ней получила тяжелое наследство: продолжавшееся участие в мировой войне и старую, окончательно разложенную Временным правительством армию.

Декрет о мире, принятый 8 ноября 1917 г., отражал желание большинства населения России, четко определял позицию правящей партии и указывал на стремление выполнить обещания мира, данные народу. Однако анализ документа показывает: большевики понимали, что процесс заключения мира может затянуться. Новому правительству России прекращение войны было жизненно необходимо, поэтому, предложив справедливый и демократический мир, оно указало на готовность рассмотреть всякие иные условия. Полагая, что политические взгляды большевиков не найдут поддержку у правительств воюющих держав, они обращаются напрямую ко «всем воюющим народам» [2, с. 12].

Декрет предлагал сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества всесторонней и решительной деятельностью помочь успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации. Это можно рассматривать как прямой призыв к революциям в европейских странах. Следовательно, именно Декрет о мире положил начало новому виду противостояния — идеологическому — и был первым ударом красных.

В период захвата и удержания власти большевики обошлись без «классической», преданной правительству армии. Ленин распорядился лично небольшими необходимыми отрядами. Старая армия в это время в тыловых гарнизонах и на фронте проявляет политическую пассивность. Большевики опираются на вооруженных сторонников новой власти [8, с. 34-35]. Обсуждая по телефону с председателем Центробалта 9 ноября 1917 г. прибытие революционных кораблей для защиты Петрограда, Ленин рассматривает вопросы: количества кораблей; обеспечения продовольствием; время прибытия; наличия винтовок, радиотелеграфа и даже дальности стрельбы артиллерии линейного корабля.

Опереться на старую армию, находящуюся на позициях мировой войны, было невозможно и политически, и организационно. В отчете штаба Западного фронта от 13 апреля 1918 г. подробно описано ее состояние.

После Октябрьской революции образовался Военно-революционный комитет Западной области и фронта, который 11 ноября 1917 г. взял бразды правления в свои руки, отстранил от должности главнокомандующего армиями Западного фронта Валюева

и временно, впредь до избрания главнокомандующего фронтовым съездом, допустил к исполнению обязанностей бывшего подполковника Каменщикова. К этому времени боев не было, части занимали свои участки, приток снабжения фронта как продовольствием, так и фуражом прекратился, а усталые и ожидавшие скорого окончания войны части требовали смены. В связи с начавшейся гражданской войной на внутренних фронтах, штабу армий Западного фронта было предъявлено требование об отправке на эти фронты крепких частей пехоты и артиллерии, что и было им выполнено успешно, и в течение декабря 1917 г. и в начале января 1918 г. со всего Западного фронта было отозвано и отправлено на внутренние фронты около 15 полков пехоты и трех артиллерийских бригад.

Сибирский стрелковый полк, стоящий в г. Минске, потерял свое имущество потому, что таковое было разграблено своими же, впоследствии разбежавшимися солдатами. Все ценное имущество армии, свезенное в корпусные и армейские склады, осталось невывезенным. Все суммы штаба, а равно полевого казначейства Западного фронта были вывезены полностью¹.

В Советской России сложилась ситуация, при которой у правительства есть армия, но ее невозможно использовать по назначению. Воинские части разделились на нейтральные, революционные и контрреволюционные. Командный состав был в основном контрреволюционный.

Исполняя свои политические обещания, новые власти решали задачу поддержания боеспособности и верности правительству вооруженных сил, вынужденно нарушив принцип преемственности в военном строительстве. Это выразилось в принятии (декабрь 1917 г.) советской властью двух декретов — «Об уравнинии всех военнослужащих в правах» [2, с. 242–243] и «О выборном начале и организации власти в армии» [2, с. 244–245].

Генерал М.Д. Бонч-Бруевич, поступивший на службу в Красную армию одним из первых, в своих мемуарах рассказал о впечатлении, произведенном этими декретами на офицеров старой армии: «Человеку, одолевшему, хотя бы азы военной науки, казалось ясным, что армия не может существовать без авторитетных командиров, пользующихся нужной властью и несменяемых

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185. Л. 1–6.

снизу... генералы и офицеры, да и сам я, несмотря на свой сознательный и добровольный переход на сторону большевиков, были подавлены... Не проходило и дня без неизбежных эксцессов. Заслуженные кровью погоны, с которыми не хотели расставаться иные боевые офицеры, не раз являлись поводом для солдатских самосудов» [1, с. 227-228].

К 7 ноября 1917 г. в распоряжении большевиков были различные воинские формирования, в которых действовали войсковые комитеты и институт выборных командиров, и отряды Красной гвардии.

В этот период отсутствовало централизованное управление верными революции вооруженными структурами. Военные вопросы решались высшим руководством большевиков лично и по возможности. В.И. Ленин 9 ноября 1917 г. по телефону запрашивал председателя Центробалта о возможности прислать миноносцы в Неву, чтобы защищать Николаевскую дорогу и все подступы к ней, а также просил выделить винтовки с патронами [4, с. 10].

В ситуации, когда только часть армии поддерживала большевиков, силы революции называли отрядами или колоннами и состояли они из подразделений различных частей. Например, 1-я колонна Р.Ф. Сиверса включала: 6 орудий легкой батареи 17 корпуса, 889 штыков 178 пехотного запасного полка, 47 сабель и 76 штыков 18 гусарского Нежинского полка, 10 пулеметов при 40 человеках прислуги, 200 штыков, 50 сабель, 3 броневика Дновского гарнизона, сборная петроградская команда при 14 самокатах, 4 мотоциклах и 4 пулеметах².

Эти недисциплинированные, быстро подвергавшиеся разложению, малобоеспособные отряды иногда приходилось разоружать и заменять другими частями. Так, при развитии наступления на юг у ст. Иловайской в колонне Р.Ф. Сиверса два полка отказались повиноваться и были разоружены. Колонна возобновила свое наступление 3 февраля 1918 г., будучи усилена прибывшими из центра революционными отрядами и мощным бронепоездом с морскими орудиями [7, с. 19].

Высшее государственное руководство Советской России пришло к убеждению, что для спасения революции необходимо создание армии нового типа вместо Красной гвардии и временных

² РГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

сборных отрядов. 15 (28) января 1918 г. В.И. Ленин в качестве председателя Совнаркома подписал декрет об организации Рабоче-крестьянской армии [2, с. 352–357].

Однако анализ декрета позволяет сделать некоторые умозаключения:

1. Мирный договор с Германией еще не подписан по причине ее грабительских и унижительных требований, а в декрете полностью игнорируется наличие внешней угрозы, исходя из которой строится военная доктрина любого государства. В нем нет слов: Россия, государство, защита Отечества, внешний враг.

2. Применен классовый подход в комплектовании армии из наиболее сознательных трудящихся и определении ее целей: защита завоеваний октябрьской революции, власти Советов и социализма. Это показывают, что она создается для решения внутренних проблем борьбы с контрреволюцией.

3. Новая армия должна послужить поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе. Лидеры большевиков неуверенно верят в мировую революцию.

4. Армия создается временно до замены постоянной армии всенародным вооружением.

5. Армия строится на контрактной основе — добровольцы с окладом 50 рублей.

Началась интенсивная практическая реализация декрета о создании Рабоче-крестьянской армии. Ее отправной точкой можно считать ночь с 3 на 4 марта 1918 г., когда В.И. Ленин при поддержке Л.Д. Троцкого, сменившего Н.В. Крыленко на посту народного комиссара по военным делам, принял решение о создании высшего органа военного управления — Высшего военного совета. Ему вменили в обязанность «руководство всеми военными операциями с безусловным подчинением Высшему совету всех без исключения учреждений и лиц» [2, с. 523].

В плане практической реализации курса на создание сильной, вполне боеспособной и дисциплинированной армии, можно отметить следующие мероприятия советской власти:

— декрет ВЦИК об обязательном всеобщем военном обучении от 22 апреля 1918 г. [3, с. 151–152];

— отмену выборности командиров. Специальным декретом и о порядке замещения должностей в РККА от 22 апреля 1918 г. взамен выборности командиров вводился порядок, согласно ко-

тому командиры взводов, рот и батальонов во вновь формируемых частях рекомендовались на должность местными военными комиссариатами, в боевой и походной обстановке назначались командиром части. Командиры отдельных частей, бригад, дивизий и выше назначались Наркомвоеном с согласия Высшего военного совета [3, с. 153-155];

— введение первой военной присяги, текст которой составил Л.Д. Троцкий [3, с. 235-236].

Логическим законодательным завершением решения проблемы создания регулярной Красной армии, можно считать то, что в мае 1918 г. ВЦИК принял постановление «О переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян» [3, с. 334-335]. В этом же месяце все члены партии большевиков специальным постановлением ЦК РКП (б) обязывались «немедленно приступить к обучению военному делу»³.

Практика Гражданской войны показала правильность стратегического курса правящей Коммунистической партии на строительство регулярных вооруженных сил на принципе всеобщей воинской повинности. Если в кратковременный период применения принципа добровольчества по состоянию на 20 мая 1918 г. в состав армии удалось зачислить лишь 300 тыс. добровольцев, из которых только 199 тыс. были вооружены, то к началу сентября 1918 г. в рядах Красной армии насчитывалось 550 тыс. человек. В 1919 г. численность Красной армии достигла 3 млн. человек, а к осени 1920 г. — 5,5 млн человек [6, с. 64].

Создание регулярной армии потребовало от новой власти решения многочисленных задач. Одной из них было снабжение войск, которое не соответствовало в полном объеме требованиям к обеспечению боевых действий. Между тем в тылу имелись резервы для снабжения войск, в частности, обмундированием: в руках советской власти остались большие запасы обмундирования царской армии. На складах Московского военного округа на 11 мая 1918 г. находилось: шинелей — 392 607 шт.; рубах походных и гимнастерок — 1 081 031 шт.; шаровар походных — 1 072 431 шт.; фуражек — 578 522 шт.; ботинок — 128 310 шт. [5, с. 262].

В октябре 1918 года Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетис направляет доклад В.И. Ле-

³ РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 153. Л. 100.

нину и Я.М. Свердлову, в котором говорится, что два фактора в жизни солдата на поле брани имеют огромное значение: когда он одет, хорошо вооружен, снаряжен и особенно накормлен и когда он знает, что даже при сильном ранении или болезни надлежащая организация военно-санитарного дела обеспечит ему надежность санитарно-медицинской помощи. Надо совершенно определенно поставить стране лозунг: «все для войны и армии», так как в поражении армии — поражение Советской республики как таковой⁴.

30 ноября 1918 г. ВЦИК издает постановление «Об учреждении Совета рабочей и крестьянской обороны», в котором указывается: «Необходимо обеспечить армию снабжением и для этого повысить производительность труда» [5, с. 272].

Главком И.И. Вацетис лично заботится о тыловом обеспечении войск. Так, в директиве начальнику особого отряда курского направления № 315/ш от 21 ноября 1918 г. указано: «При размещении войска должны быть расположены под крышей в теплых помещениях, дабы избежать возникновения неудовольствия в частях; на последнее обращается особое внимание. Снабжение вашего отряда должно производиться распоряжением штаба Южного фронта»⁵.

Еще одной важнейшей задачей было поддержание организованности и воинской дисциплины. Анализ документов показывает, что эта задача так и не была решена не только на первом этапе, но и к окончанию Гражданской войны. В директиве руководителям Северного участка завесы и Беломорского военного округов № 2976 от 4 июля 1918 г. «Об организации обороны районов Мурманска и Архангельска» указывается, что все самоchinные командующие в пределах Беломорского округа должны подчиняться ближайшим начальникам дивизий на Мурмане и в районе Архангельска, лучшие люди их отрядов могут быть приняты в состав формируемых частей дивизии, непригодные к боевой службе должны быть распущены⁶.

Особое внимание в этот период уделялось Восточному фронту. В приказе Оперативного отдела Наркомвоена Уральскому окружному военкому 13 июня 1918 г. сказано: «Требуется принять героич-

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 147. Л. 23.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 10. Л. 120.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 87.

ческие меры не только для задержания чехов, но и для перехода в решительное наступление. Дезорганизованные отряды привести самыми решительными мерами в полнейшее повиновение Советской власти. Основательно реорганизовать штаб, если он не может проявить максимума распорядительности»⁷.

Однако принимаемые меры по укреплению войск часто не имели успеха. И.И. Вацетис в докладной записке В.И. Ленину и Я.М. Свердлову 19 июля 1918 г. ставит в известность, что под Симбирском и Екатеринбургом положение критическое, войска бегут, не сражаясь⁸.

Особенно тяжелая ситуация сложилась под Архангельском по причине агрессивных действий англичан и слабой базы для создания большевиками вооруженных структур на месте. Исходя из создавшегося положения Командующий войсками Архангельского района А.А. Самойло 22 июня 1918 года приказал:

- поставить донные мины против южной оконечности острова Мудьюг;
- подготовить к затоплению баржи на Лапоминском створе;
- подготовить уничтожение створных знаков и вех;
- учредить дежурство по охране бара с установлением пароля флагами. Батареи открывают огонь в случае движения судна без пароля;
- в устье р. Северной Двины организовать взрывы местного значения;
- подготовить к взрыву Бакарицу⁹.

Из донесения председателя Архангельского губисполкома С.К. Попова 18 июля 1918 года известно, что ситуация постоянно ухудшалась. Подтвердился факт захвата англичанами Мурман до Сороки. Были пойманы два английских шпиона, которые разболтали, что англичанами послано много агитаторов в Архангельскую губернию и что англичане уверены взять Архангельск таким же образом, как и Мурманск, то есть созданием определенного настроения в массах с английской ориентацией. Английский десант, по слухам, имеется в Сумском Посаде, а численность — небольшая. Усиленно вербуются население захвачен-

⁷ РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 63. Л. 101-102.

⁸ РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 63. Л. 65-66.

⁹ РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 81. Л. 7.

ного побережья с платой 100 рублей в месяц и обеспечением продуктами. Семьи местного населения терроризированы, все, кто может, бегут, остальные покорно ждут своей участи¹⁰.

28 июля 1918 года С.К. Попов докладывает в Наркомвоен, что положение Архангельской губернии в связи с объявленной мобилизацией тяжелое. В Шенкурске идет бой между отрядами Красной армии и мобилизованными, во главе которых стоят левые эсеры. Комиссары по мобилизации, члены губисполкома, заняв казармы, уже 6 дней ведут борьбу с окружившими со всех сторон 100 мобилизованными. В Пинежском уезде мобилизованные отказываются ехать в Архангельск и требуют оружия. Были столкновения. В Онежском уезде набрали отряд добровольцев из рабочих 120–150 человек, крестьяне же отказываются. Применять террор нет сил. Архангельск висит на волоске. Мобилизованных 1200 человек, настроение — враждебное мобилизации. По приказу Кедрова расстрелян командир одного полка Иванов. Красная армия надежна, но вся распылена. Имеются только латышские стрелки около 150 человек и небольшой партийный отряд. Для спасения Севера необходима присылка вахrameевского отряда матросов, а также и пехотных частей, дабы составить кулак, иначе путем внутреннего взрыва и невозможности что-либо сделать англичане возьмут Архангельск. Затрачиваются миллионы народных денег на оборону, а в результате получится миф¹¹.

В августе 1918 года председатель Высшего военного совета направляет докладную записку лично В.И. Ленину. В ней сказано: «Практическое военное искусство, равно как его теория, всецело опирается на опыт прошедшего, освещенный разумной критикой и, следовательно, надлежаще понятый. Наука вправе советовать и для будущего то, что было достойно подражания в прошедшем и, наоборот, она предостерегает от оказавшегося пагубным или просто несоответствующим»¹². Эта записка послужила отправной точкой для принятия решения об опоре на прошлый, досоветский опыт и создании классической армии с централизованным руководством.

¹⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 69. Л. 74.

¹¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 69. Л. 81.

¹² РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 205. Л. 157–158. Докладная записка А.И. Егорова В.И. Ленину о необходимости создания ставки. 20 августа 1918 г.

Завершением периода поиска и выбора организационной структуры Красной армии можно считать издание приказа Реввоенсовета республики № 3/2 от 11 сентября 1918 г. «Об образовании фронтов».

Следовательно, можно вполне обоснованно полагать, что с ноября 1917 по август 1918 годов произошел первый и самый важный этап строительства вооруженных сил молодого государства. Высшее руководство, под давлением тяжелой политической ситуации, отказалось от революционных настроений и теорий, не учитывавших наличие внешней угрозы. Был произведен переход от партийных отрядов Красной гвардии к полноценной, государственной Красной армии. Советская власть начала использовать в военном строительстве опыт, силы, средства и кадры старой армии, что существенно повлияло на провал иностранной военной интервенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957. 359 с.
2. Декреты советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. 640 с.
3. Декреты Советской власти. Т. 2. М.: Гос.изд-во полит. литературы, 1959. 625 с.
- Директивы Главного командования Красной армии (1917-1920): сб. док. Москва: Воениздат, 1969. 884 с.
4. Ипполитов Г.М., Ефремов В.Я., Пилипенко С.А. Моральный дух Красной армии и его укрепление (1918-1923 гг.): исторический опыт, уроки. Самара: Самарский институт (филиал) РГТЭУ; Изд-во Ас Гард, 2010. 387 с.
5. История военного искусства / Б.В. Панов, В.Н. Киселев, И.И. Каргавцев и др. М., 1984.
6. Какурин, Н.Е. Гражданская война. 1918-1921 / Н.Е. Какурин, И.И. Вацетис; под ред. А.С. Бубнова и др. Санкт-Петербург: Полигон, 2002. 672 с.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. 599 с.

БЕЛОЕ ПРИМОРЬЕ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ «РУССКИЙ ТАЙВАНЬ»: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Гражданская война завершилась тотальным поражением антибольшевистских сил — причины поражения до сих пор являются предметом дискуссий историков. Финал Белого движения — национально-консервативного сопротивления коммунистической революции — наступил на Дальнем Востоке, когда 25 октября 1922 г. после эвакуации войск Приамурского Земского края в Китай и на Филиппины (флотилия адмирала Старка) во Владивосток вошли части Народно-революционной армии ДВР. В июне 1923 г. закончился неудачей Якутский поход генерала А.Н. Пепеляева. История не знает сослагательного наклонения, однако без принятия во внимание альтернативных вариантов развития событий утрачивается смысл исторической науки. Историческому процессу присуща вариативность, то или иное событие не детерминировано и наступает в результате сложных коллизий ряда обстоятельств, которые теоретически отнюдь не неизбежны. Зачастую в плавно развивающийся сюжет вплетаются непредвиденные «чёрные лебеди», кардинально меняя весь ландшафт.

История гражданских войн и революций особенно богата на вариативность. Общество мобилизует свои доселе потайные резервы, на авансцену выходят акторы, появление которых ранее никто не прогнозировал. Если межгосударственные конфликты регулируются международным правом, то участники гражданских войн практически ничем не ограничены в своих действиях; у вооруженных столкновений такого типа нет писанных правил. Еще до формальной победы в гражданской войне каждая ее сторона в силах воплощать собственную модель будущего; для насаждения своих идеологических догм и социально-политических представлений не обязательно подписывать мирные договоры. Неуправляемость, хаотичность гражданских войн, в т. ч. интересующей нас российской Гражданской войны, дают право

задавать вопросы, казалось бы, выходящие за рамки академической науки: возможен ли был иной исход противостояния и какая судьба ожидала бы реализованную альтернативу?

Заключительный этап Гражданской войны на Дальнем Востоке (январь 1920 — июнь 1922 гг.) связан с несколькими «буферными» государственными образованиями, как пробольшеви́стскими (земское Приморье, Амурская область, ДВР), так и антибольшеви́стскими (семёновское Забайкалье, белое Приморье, сначала управлявшееся Временным Приамурским правительством братьев Меркуловых, а затем принявшее диктатуру генерала М.К. Дитерихса). Альтернативные сценарии должны формулироваться прежде всего касательно будущего этих «государств». Лучшему пониманию основ Белого движения, присущих ему политических программ поможет апробация «сослагательного наклонения» его истории на Дальнем Востоке, регионе с экстраординарной геополитической ролью [11]: возможно ли было более длительное существование белого Приморья или, выражаясь языком советской историографии, «черного буфера»? Характерно, что художественная литература, которой не откажешь в некоторой доле проницательности, также связывает альтернативный исход Гражданской войны не с победой белых в общероссийском масштабе, а с обособление отдельной от РСФСР-СССР «белой России в миниатюре» (роман «Остров Крым» В.П. Аксёнова).

Если и говорить об «альтернативной истории» как о полноценном векторе научных исследований, то в случае с Гражданской войной целесообразно сконцентрироваться на варианте, подразумевающем раздельное существование двух (или больше) России: красной и белой. Примечательно, что именно к территориальному размежеванию большевиков и белых призывали Союзные державы, планируя конференцию на Принцевых островах в феврале 1919 г. Отказавшись сесть за стол переговоров со смертельным врагом, Белое движение после серии неудач вынуждено было задуматься над переводом борьбы в региональный формат. Раньше всех идея примата регионализма над «походом на Москву» прозвучала на Севере России, где структуры антибольшеви́стских сил накладывались на уникальную специфику региона, не знавшего крепостного права, открытого Европе (в т. ч. Великобритании, чьи интервенционные войска страховали Северную область от неминуемого в случае их вывода падения).

Обоснование Русской армии генерала П.Н. Врангеля в Крыму само собой подразумевало отказ от мгновенного расширения территории. Крым рассматривался «полигоном» для внедрения в жизнь меньшевистской модели развития России — отсюда проводимая врангелевским правительством «левая политика правыми руками».

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке идея обособленного «буфера» сначала продвигалась «третьей силой» — эсерами и прочими «правыми социалистами», достигнув апогея в Иркутском Политцентре. Концепция «буферного» государства, которое бы сплотило «демократические» силы (включая большевиков, но исключая «реакцию») потерпело поражение в Иркутске, но во Владивостоке, где немедленной советизации мешало присутствие японских войск, «неоднородное социалистическое» правительство земского деятеля, эсера А.С. Медведева смогло стать реальной силой.

Одновременно в Забайкалье, «вотчине» атамана Г.М. Семёнова, сконцентрировались последние, неуничтоженные силы Белого движения — допустимо сказать, что Забайкалье являлось дальневосточным аналогом (менее известным и в силу репутации Семёнова менее популярным) белого Крыма (помимо прочего, забайкальский атаман признал верховенство Врангеля [9, с. 302]). К концу 1920 г. «читинская пробка» была ликвидирована, а все государственные образования Дальнего Востока вошли в состав ДВР — пробольшевистской конструкции, созданной для избежания открытого конфликта между Советской Россией и Японской империей. Приморье, вошедшее в ДВР на правах автономии (приморское Народное Собрание, избранное при правительстве А.С. Медведева, продолжало функционировать), вновь обрело очертания независимого государства после антикоммунистического переворота 26 мая 1921 г., в ходе которого к власти пришло Временное Приамурское правительство С.Д. Меркулова (далее — ВПП). С этого момента начинается последний этап белой борьбы, характеризуемый уже не стремлением «освободить Первопрестольную», а попыткой сохранить имеющийся приморский плацдарм или хотя бы немного его расширить. Правомерность постановки вопроса о судьбе белого Приморья подкрепляется схожим опытом других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. На протяжении XX века на Дальнем Востоке возникали и ликвидировались (в т. ч. в схожих условиях борьбы с коммунизмом)

разные государства: опыт этот мог быть как успешным (Южная Корея, Тайвань), так и неудачным (Маньчжоу-Го, Мэньцзян, Южный Вьетнам). Белое Приморье с его центром, крупным тихоокеанским портом Владивостоком, теоретически могло пополнить список этих новообразованных государств.

Идея обособленного существования Дальнего Востока целиком обязана обстоятельствам Гражданской войны. В рамках идеологии сибирского областничества Дальний Восток считался неотъемлемой частью Сибири. Впервые дальневосточный регионализм заявил о себе при возникновении Временного правительства Амурской области А.Н. Алексеевского (сентябрь — октябрь 1918 г.), дистанцировавшегося от общесибирских правительства П.Я. Дербера и П.В. Вологодского. Несоциалистический Съезд, по инициативе которого произошел переворот 26 мая 1921 г., претендовал на выражение интересов «коренных» жителей Приморья, первых колонизаторов края, и в этом смысле его идеология также была регионалистской. За братьями Меркуловыми закрепились репутация «амурских мужиков» [6, с. 440] — полностью оправданная, если учесть их происхождение из крестьян-переселенцев.

Позднее освоение Дальнего Востока в целом и Приморья в частности помешало формированию осознанного дальневосточного регионализма — в отличие от Сибири с ее традициями областничества и Севера России, антибольшевистская печать которого указывала на преемство северорусского населения от новгородцев, первых строителей русского государства [4, с. 181]. Тем не менее положение «последнего оплота» Белого движения заставляло идеологов ВПП развивать мысль о «приморской государственности». Заявляя претензии на Камчатку, относительно которой большевики вели переговоры с компанией Вандерлипа о концессии, ВПП подчеркивало, что «Камчатка всегда тесно соприкасалась во всех ее жизненных интересах с Приморской областью, которой она и принадлежит»¹.

В номере правой газеты «Слово» от 19 июля 1922 г. Приморье сравнивалось с «лимитрофами», образовавшимися на западных окраинах Российской империи, державы Антанты призывались к ведению политики, аналогичной той, которую они вели в отношении прибалтийских стран: «Поставьте Приморье на Востоке

¹ ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 11. Л. 144.

в положение Эстонии на Западе, окажите ей то покровительство и помощь, которые проявляются, главным образом, в экономической и в моральной так сказать, поддержке, и уголок России, в котором живет столько культурных русских сил сохранится и сыграет для государств Востока то же значение буфера, которое играют государства Малой Азии на Западе»².

Синхронно с регионалистскими нотками «приморская государственность» преподносилась как «осколок» былой российской имперской государственности. Борьба белого Приморья сравнивалась с роялистским восстанием в Вандее в годы Французской революции. В передовице «Слова» за 20 сентября 1922 г., когда Приамурский Земский Край уже агонизировал, можно было прочесть следующие вдохновляющие строки: «Приморье волею судеб стало Вандеей русской революции, куда не только с надеждой обращены взоры русской эмиграции и сосредоточено злобное внимание красной Москвы; на Приморье смотрят и иностранцы как на последний оплот старой Российской великодержавной государственности. Приморью, как и французской Вандее, предстоит продемонстрировать перед миром дружную сплоченность национальных сил и порыв активной жертвенности широких масс, жертвенности не ради красивых слов, а ради самозащиты и собственного спасения»³.

Таким образом, в нормативно-правовых актах, программных документах и публицистике, с одной стороны, акцентировалась идея Приморья как «подлинной России», с другой — делалось ударение на региональной специфике края, в частности на интересах его коренных русских обитателей, переселившихся сюда в последней четверти XIX века, и на связи Приморья с остальными областями Дальнего Востока (Приамурьем, Камчаткой, Якутией, Командорскими островами).

Могло ли белое Приморье сохранить свою государственность и стать долговременной альтернативой советскому проекту? Вопреки стереотипу о фаталистских умонастроениях среди Белого движения на всех его этапах, носители «белой идеи» не только допускали возможность, но и верили в свою конечную победу — что зафиксировано в эго-документах [3, с. 396–403]. Дальневосточный

² Слово. 1922. 19 июля. С. 1.

³ Слово. 1922. 20 сентября. С. 1.

театр военных действий не исключение; спустя 6 лет после исхода Земской Рати видный правый публицист В.Н. Иванов задавался вопросом о «шансах Приморья» и сам давал на него ответ: «Приморье имело все шансы на успех и вот почему так тяжела его гибель» [5, с. 5–9].

Небезынтересно, что режим С.Д. Меркулова просуществовал примерно столько же, сколько режим Верховного Правителя А.В. Колчака, а в совокупности с взаимосвязанным режимом М.К. Дитерихса даже дольше. При этом необходимо учитывать, что белое Приморье при меркуловском режиме имело более сложную (по сравнению с «Колчакией») политическую организацию (прежде всего наличие самостоятельного Народного Собрания) и в начале июня 1922 г. пережило конфронтацию правительства и парламента.

Военный фактор первостепенен для выстраивания альтернативных исторических сценариев. К июню 1921 г. численность Дальневосточной армии достигала 12–15 тысяч [2, с. 203]. Можно говорить о некоторой деморализации «каппелевских» бойцов и офицеров вследствие долгого пребывания в Приморье на положении бесправных беженцев, в стрессовой атмосфере «земсовдеповского» режима. Тем не менее это не помешало им при остром дефиците стрелкового оружия стать ударной силой переворота 26 мая. Глеющий конфликт с «семёновцами» мог бы быть урегулирован при удачном итоге переговоров между братьями Меркуловыми и атаманом.

Кроме того, армия белого Приморья ожидала ценное пополнение за счет эвакуации на Дальний Восток Русской армии П.Н. Врангеля. Этот план рассматривался всерьез [7, с. 264, 330], тем более у Белого движения уже имелся опыт — переброска в Крым ветеранов Северного фронта после падения Архангельска. Правая общественность готовилась приветствовать «врангелевцев», а сельские жители опасались перспективы обеспечивать продовольствием еще по меньшей мере несколько тысяч бойцов.

Несмотря на то, что суммарная численность «каппелевцев», «семёновцев» и «врангелевцев» все равно бы уступала силам НРА ДВР и РККА, белые могли перехватить инициативу за счет активных действий и налаживания контактов с повстанческим движением в советском тылу. Частично это выразилось в Хабаровском походе Дальневосточной армии под видом «белоповстанцев», рейде Северного экспедиционного отряда есаула В.И. Бочкарёва по

Охотско-Камчатскому краю, «присоединении» Якутской области к Приморскому государственному образованию [6, с. 411–415, 431–432; 8, с. 124–125]. Скорее всего, на ситуацию в Приморье повлиял бы успех антибольшевистских восстаний в Сибири (прежде всего в Забайкалье, где население, по слухам, «ждало» атамана Семёнова) и успех Азиатской дивизии Р.Ф. Унгерна в Монголии.

В целом, при всей сложности поставленных перед Дальневосточной армией военно-стратегических задач (включая вопросы продовольственного обеспечения), она имела шансы на их успешное решение. Опыт войн за независимость двух малых государств Балтии — Эстонии и Латвии (помимо РСФСР они противостояли немецкому Ландесверу) — показывает, что компактное государство даже без «защитного» природного ландшафта в силах справиться с превосходящим врагом.

Выживаемость белого Приморья напрямую зависела от международного признания — общей проблемы всех антибольшевистских правительств. Стремление заполучить желанный статус «законного русского правительства» подталкивало Владивосток вести активную внешнюю политику. В этих целях С.Д. Меркулов обращался к президенту Франции, социалисту А. Мильерану, с письмом, предусмотрительно снабженным германофобской риторикой: «Желая продлить свое адское губительное господство, сыны дьявола, большевики и коммунисты, заключили договор с Германией»⁴. Уполномоченный ВПП В.С. Колесников посетил Вашингтонскую конференцию, где присутствовали и представители конкурирующей государственности — ДВР [10, с. 211].

Интерес стран Западной Европы и Северной Америки к белому Приморью был сопряжен с его внешнеторговым потенциалом. Управляющий юстицией С.П. Руднев писал в мемуарах о том, что накануне «недворота» 1–11 июня 1922 г. ВПП успело завести «некоторые серьезные связи и с Брюсселем, и с Парижем, и с ближайшими соседями-японцами и мукденцами, и с влиятельными заграничными финансовыми кругами» [6, с. 436].

Идея превратить Владивосток в «порто франко», т. е. в свободный порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров, высказывалась на протяжении всей гражданской войны и являлась развитием дореволюционных планов эконо-

⁴ ГАРФ. Ф. Р-942. Оп. 1. Д. 54. Лл. 3–3 об.

мического преобразования дальневосточной окраины (режим «порто-франко» в русских тихоокеанских портах был отменен в 1901 г.). Данная мера могла бы повысить грузооборот Владивостока, превратить его в крупный перераспределительный центр, создать ему привлекательный имидж «русского Сингапура» или «русского Сан-Франциско» и, как следствие, способствовать развитию приморской промышленности.

Вместе с тем подобная политика вступала в противоречие со взглядами главы ВПП С.Д. Меркулова, который до революции зарекомендовал себя горячим противником беспощинной торговли и апологетом протекционизма. В целом же приморская промышленность — добыча угля (Сучанские рудники), лесопилки, рыболовство, мукомольное и кожевенное производства [1, с. 96–97] — была способна обеспечить региону экономическую состоятельность, спасти гражданское население и армию от голода и в перспективе пробудить в приграничных районах зависть к несоветской альтернативе.

В продвижении экономических интересов Белого движения видную роль сыграл бы местный бизнес, включая такие известные фирмы, как «Кунст и Альберс» (компаньоном которой был управляющий юстицией ВПП С.П. Руднев), «Чурин и Ко» и т. д.

Приоритетным направлением внешней политики для ВПП, однако, оставалась Япония, от экспедиционных войск которой зависел срок жизни приморской государственности. Некоторыми должностными лицами ВПП всерьез рассматривался вопрос о вхождении в состав Японской империи. Так, С.П. Руднев в докладе Совету Несоциалистического Съезда отмечал, что «полюсами могут быть, например... два положения: на одном конце — японский формальный протекторат, на другом — свой самостоятельный Правитель из Великих Князей или Князей Крови. Между этими крайностями находится целый ряд возможных комбинаций, но нужно на чем-то остановиться определенно и стремиться к осуществлению принятого» [6, с. 416].

Сказывались противоречия между японскими военными и дипломатическими кругами: первые относились к русским антибольшевикум благосклонно, вторые имели перед собой задачу поскорее закончить непопулярную среди японского общества «сибирскую экспедицию» [8, с. 31–32]. Меркуловскому правительству явно не хватало тех связей, которыми обладал в Японии

атаман Семёнов. Японское командование отказывалось выдавать Дальневосточной армии конфискованное у земских войск (в ходе карательной акции апреля 1920 г.) вооружение [10, с. 208]. Этим японцы фатально подрывали обороноспособность Приморья — если малочисленная армия ещё была в состоянии держать фронт, то армия, не до конца обеспеченная оружием, не могла сдерживать противника даже короткое время (отступление Земской Рати в сентябре-октябре 1922 г. — прямое следствие отказа интервентов выдать русским их же вооружение).

При переменах в японской внешней политике и согласии Токио покровительствовать русскому «сателлиту» белое Приморье получило бы возможность выстраивать долговременную стратегию обороны от большевиков, как сделала это независимая Финляндия. Не исключено, что готовность владивостокской белой власти стать полуколонией Империи восходящего солнца повлекло бы за собой ряд негативных для русской антибольшевистской государственности последствий, таких как увеличение доли народов «желтой расы» (корейцев и китайцев) в населении Приморья и легализация японского браконьерства в российских территориальных водах. Других вариантов упрочнить свое положение, кроме как через неравноправный альянс с Японией, у приморских антибольшевиков не было (при диктатуре М.К. Дитерихса наметился интерес к союзническим отношениям с северокитайским правителем маршалом Чжан Цзолинем).

Таким образом, жизнеспособность Приморского государственного образования зависела от набора военных, внешне- и внутреннеполитических, финансово-экономических факторов, от положения в Советской России, где в это время интенсивно разгорались крестьянские восстания. Вопреки представлению об «обреченности» Белого движения, оно обладало потенциалом даже в наиболее критичные для себя моменты. С вынужденным же «оседанием» на ограниченном пространстве — будь то Крым или Приморье — антибольшевистским правительствам предоставлялась возможность в относительно спокойной обстановке воплотить в жизнь свой социально-политический идеал. От обоснованности последнего — вкуче с другими факторами (международное признание, присутствие иностранных войск, сплоченность в антибольшевистском лагере) — и зависела в конечном итоге судьба «белой России».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Издательство «Европа», 2014. 208 с.
2. Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2019.
3. Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.
4. Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
5. Иванов В.Н. Крах белого Приморья. Из записок журналиста. Тяньцзинь, 1927. 30 с.
6. Руднев С.П. Воспоминания При вечерних огнях. Харбин, 1927.
7. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск. 1983. С. 264,330.
8. Старк Ю.К. Последний оплот. Отчет о деятельности Сибирской флотилии 1920–1924. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр “Блиц”», 2015. 624 с.
9. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2016. Ч. 2. С. 639.
10. Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2003.
11. Шишкин В.И. Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914–1922 гг. // Гражданская война и иностранная интервенция на Российском Дальнем Востоке: уроки истории. Материалы второй Международной научной конференции, посвященной 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на российском Дальнем Востоке (Владивосток, 25–27 октября 2012 г.). Владивосток, Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 88–95.

*А.В. Репневский,
И.А. Репневский,
В.Г. Трофименко*

ДОКУМЕНТЫ АРХАНГЕЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРЕ

Архангельский губернский исполнительный комитет был образован в феврале 1918 г. как исполнительный орган губернского съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, высшего представительного органа власти в пределах губернии. С августа 1918 по февраль 1920 г. находился в эвакуации в г. Вологде, затем в г. Шенкурске. Проводил в жизнь постановления высших органов государственной власти, руководил политической, хозяйственной и культурной жизнью губернии и деятельностью Советов на ее территории. Функционировал как орган власти на период между съездами, работавший в пленарном порядке. Для административно-организационной и хозяйственной работы, а также контроля за деятельностью учреждений губернии Архгубисполком создавал президиум (с 1925 — два: большой и малый) и отделы, построенные в основном по отраслевому принципу. Упразднен в связи с ликвидацией губернии на основании постановления Президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. с передачей функций в августе 1929 г. Севкрайисполкому.

В Государственном архиве Архангельской области сложился фонд губернского совета и его исполнительного комитета (фонд р-352), значительная часть документов которого охватывает период Гражданской войны и иностранной военной интервенции на Севере. В данной статье мы дадим характеристику основным видам документов этого периода, их особенностям и значению для изучения интересующей нас тематики.

К первой группе документов можно отнести протоколы заседаний органов власти: губернского съезда советов, губернского исполнительного комитета, его президиума. Благодаря этим источникам мы можем изучить механизм принятия управленче-

ских решений, политическую логику представителей новой власти, их взгляд на те проблемы, с которыми столкнулась рождающаяся советская система. Порядок обсуждения вопросов, степень внимания к каждому из них способны пролить свет на систему приоритетов руководства исполнительного комитета.

Как правило, вместе с протоколами в дело подшивались итоговые документы — резолюции или решения по тому или иному вопросу, то есть окончательная формулировка, которая доводилась до руководителей и исполнителей на местах. Также вместе с протоколами иногда подшивалась предшествующая заседанию переписка, доклады по обсуждаемым вопросам, подготовленные заранее. Благодаря этим документам мы можем представить ситуацию, как она была изложена делегатам съезда или членам исполнительного комитета, ведь это как раз тот материал, на основе которого они принимали решения. Например, в деле с протоколами закрытого заседания Архангельского губернского исполнительного комитета за 27 марта — 30 августа 1918 г. подшита и переписка по укреплению обороны Архангельска¹, а к делу с протоколами пленума исполкома за 14 марта 1918 г. — 20 марта 1920 г. подшиты письма кружка мусульманской молодежи и постановление о его ликвидации².

Другая важная группа документов — копии декретов СНК, циркуляров и телеграммных распоряжений народных комиссаров, поступавших в губернию из столицы. Это, без сомнения, не оригинальные документы, их подлинники хранятся в федеральных архивах России, но ценность их заключается в том, что здесь, в ГААО, они более доступны для региональных исследователей: историков и краеведов. Точно также дело обстоит и с отчетами и докладами самого исполкома, которые направлялись в Москву, а копии оставались по месту создания. Например, это доклад губернского исполкома СНК об эвакуации из Архангельска и о положении дел в губернии в 1918 г.³

Пожалуй, самую большую по объему группу документов составляет разного рода «переписка» губернского съезда советов и его исполнительного комитета с организациями, учрежде-

¹ ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 5.

² Там же. Д. 10.

³ Там же. Д. 20а.

ниями, органами местного самоуправления, должностными и частными лицами по обширному спектру вопросов, которые неизбежно порождала Гражданская война и интервенция. Примером такого дела может служить переписка уполномоченного Архангельского губернского исполнительного комитета при штабе Архангельского района, с приложением списка партизан Церковнической и Петровской волостей, датированная 18 ноября — 5 декабря 1918 г.⁴, или дело под заголовком «Переписка по учету буржуазии, о борьбе с контрреволюцией, протесты против передачи Мурманского побережья Финляндии по договору с Советской Россией, списки саботажников (бывших служащих Земской управы и суда)», датированное 11 марта — 1 августа 1918 г.⁵

Как видим, в силу особенностей делопроизводства того периода, нормы которого еще не устоялись, в такие дела подшивались документы самого разного характера и самой разной тематики. Возможно, что в заголовки дел вовсе не включались какие-то документы, не относящиеся к тематике, обозначенной в заголовке. И в силу этого подобные дела представляют собой одновременно terra incognita и кладезь информации для исследователей.

Есть в фонде губернского исполнительного комитета и документы, касающиеся административно-территориального деления. Например, это «протокол заседания граждан Ширшенского общества по образованию самостоятельной волости, переписка об образовании Веркольской волости Пинежского уезда» (февраль — январь 1918 г.), «выписки из протоколов и переписка с Мезенским и Устьвашским уездными советами об образовании новых административных единиц (волостей)» (март 1918 — июнь 1920) и др.⁶

Интерес представляет и группа документов, связанных с организацией деятельности самого органа власти в период глобальных потрясений. К числу таких документов следует отнести такие дела, как «План реэвакуации Архангельского губернского исполнительного комитета и его отделов из г. Вологды в г. Шенкурск, списки служащих, сметы расходов» (12 мая 1919 — 4 апреля 1919), «Распоряжения и переписка об эвакуации и реэвакуации

⁴ Там же. Д. 22.

⁵ ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 27.

⁶ Там же. Оп. 6. Д. 14, 15.

советских учреждений» (23 мая 1919 — 21 ноября 1919)⁷. В эту же группу следует отнести документы по личному составу исполнительного комитета: автобиографии членов исполкома, командировочные удостоверения и мандаты, требовательные ведомости на выдачу зарплаты.

В целом можно сделать вывод о том, что главная ценность документов Архангельского губернского исполнительного комитета для изучения истории Гражданской войны и интервенции на Севере состоит в том, что благодаря этим документам становится видна «изнанка» войны — мирная жизнь простых людей, гражданского общества в условиях экстремальной ситуации. Деятельность исполкома была направлена на налаживание жизни в тылу, мобилизации всех сил для поддержания работы всех органов управления губернии — от продовольственного обеспечения населения до организации помощи фронту. С такой точки зрения Северный фронт Гражданской войны рассматривали в историографии до сих пор довольно редко. Надеемся, что эта статья обратит внимание исследователей на данную группу документов Государственного архива Архангельской области.

⁷Там же. Оп. 1. Д. 108, 109.

УРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕДЕЛ ЗЕМЛИ В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ В 1917–1920 ГОДАХ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ¹

Одним из актуальных вопросов современной историографии аграрной революции в России является осмысление ее политико-правовых основ. Сформулированные выводы о предопределенности «радикализации земельного законодательства и практики землепользования в России» [9, с. 353] нуждаются в дальнейшей разработке.

На Европейском Севере России к началу XX в. правовой статус крестьянского землепользования был определен Положением 1866 г. За сельскими обществами были зафиксированы земельные наделы, бывшие до этого в их фактическом пользовании при условии, чтобы они не превышали установленной нормы в 8–15 дес. К 1917 г. в большей части Вологодской губернии на этих основаниях крестьянские земли были отграничены от государственных. В Архангельской губернии поземельное устройство фактически не проводилось (исключая удельные земли Шенкурского уезда) [2, с. 10–15].

Для наделения земель населения Олонецкой губернии была установлена норма, приравнивающая 1 дес. постоянных угодий 7,75 дес. подсечного пространства. В ходе столыпинского землеустройства в губернии в площадь крестьянских земель были отведены 5 059 695 дес. «подсечного» леса². Крестьяне получили огромные наделы, составлявшие в Повенецком уезде 76,5 дес., Петрозаводском — 46,5 дес., Пудожском — 68,7 дес. на двор [4, с. 12]. Фактические земельные угодья составляли в этих наделах ничтожную величину.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы», осуществляемого при поддержке РФФИ (20-09-00238 а).

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 11. Д. 70. Л. 5 об.

Нехватка наделной земли вынуждала крестьянство искать способы расширения своего землепользования. Постепенно формировался новый вид землепользования (росчисти-новинки, полянки, подсеки и перелог), имевший форму сервитута. Наибольшее число «казенных» расчисток находилось в Архангельской губернии. Их площадь составляла 107 704 дес.³ Интересно, что сельскохозяйственная перепись 1917 г. зафиксировала в губернии 200 хозяйств, существовавших исключительно на расчистках [5, с. 24]. Обладание расчистками в казенных лесах регламентировалось законами 1826 и 1835 гг., определивших, в частности, 40-летний срок пользования ими, и законами 1873 и 1884 гг. для Архангельской губернии, оставлявших расчистки за прежними владельцами на срок свыше 40 лет.

Формально иной характер имели расчистки на наделных землях, основанный на местных обычаях, мирских приговорах, со сроком пользования в 6, 12-20, 40 и более лет, «до следующего передела» и т. п.⁴

На практике же правовое положение расчисток на казенных, удельных или наделных землях в глазах крестьянства мало влияло на их субъектный статус. Эти виды землеобладания, как правило, регулировались нормами захватного права, исходя из времени и места их производства, меры вложенного труда и капитала, характера земельных угодий и самого характера обладания (личное, коллективное, общинное). Одновременно практиковалась аренда земли у той же казны и удела (оброчные статьи).

Столыпинская реформа расширила формы крестьянского землепользования и землевладения. В итоге к 1917 г. на Европейском Севере сформировалась усложненная в правовом отношении система поземельных отношений: подворно-наследственное, общинно-укрепленное, общинно-душевое пользование и обладание наделными землями, участковое землевладение, аренда и единоличное и товарищеское владение купчими землями.

В ходе аграрной революции 1917-1921 гг. система поземельных отношений была предельно упрощена. Первые советские земельные законы изымали всю землю из гражданского оборо-

³ Статистический сборник за 1913-1917 г. Вып. I. Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 1. М., 1921. С. 166.

⁴ Вестник Временного правительства Северной области. 1918. 15 декабря.

та, национализировали ее, установив исключительное и неограниченное государственное право собственности на землю, не мешая крестьянам на первых порах решать земельный вопрос. Крестьянский мир на Севере в одинаковой степени был настроен против помещичьей, церковной и монастырской земельной собственности, равно как и выделившегося из общины и укрепившего в собственность свой надел собрата-крестьянина. Именно эти земли в начальной стадии «черного передела» подверглись распределению.

Число помещичьих хозяйств на Севере было невелико. Хуторов и отрубов по нашим данным насчитывалось чуть более 10 тыс. Средний размер хуторских хозяйств в Архангельской губернии составлял 6,7 дес., в Вологодской — 12,7, в Олонецкой — 61,3 дес. Последнее объяснялись тем, что в границы участка были включены значительные площади «подсечного леса», болота, озера и другие неудобные земли. Выделялась группа хуторов, образованных на купчих землях при среднем размере в 0,5 дес. Особое положение занимали свыше 1,5 тыс. хуторов, созданных в результате планового переселения избыточного населения из прибалтийских губерний [8, с. 16-26].

В конце 1918 — начале 1919 г. была осуществлена конфискация «нетрудовых владений» в Вытегорском, Каргопольском, Петрозаводском, Повенецком и Пудожском уездах Олонецкой губернии⁵. К ноябрю 1918 г. частновладельческое землевладение в основном было ликвидировано в Велико-Устюгском, Сольвычегодском, Яренском, Усть-Сысольском уездах Северо-Двинской губернии [3, с. 30]. В Архангельской губернии до свержения советской власти в начале августа 1918 г. конфискации проводились лишь в Архангельском, Холмогорском, Онежском, Пинежском, Шенкурском уездах⁶. В уездах Александровском, Кемском, Мезенском и Печорском советские аграрные преобразования возобновились с весны 1920 г. после падения в крае белой власти. 31 % крестьянских хуторов и отрубов Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний также пошли в общий раздел [8, с. 16-26].

⁵ Вестник областного комиссариата земледелия. 1919. № 6. С. 805; № 7. С. 210, 218; № 18. С. 523; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 817. Л. 26.

⁶ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 105. Оп. 8. Д. 5. Л. 8, 9 об., 13-16, 18, 30.

К разряду «владельческих» были повсеместно отнесены крестьянские купчие земли. По данным Я. Бляхера, в 62 % селений единоличные купчие земли поступали в общий раздел. Соответственно в 36 % — оставались за прежними владельцами в том случае, если они, наряду с надельной землей, не превышали принятой здесь нормы наделения. В 2 % селений была проведена частичная отрезка земли свыше нормы. Товарищеские купчие земли поступали в общий раздел в 53 % деревень [1, с. 140].

Согласно отчетам, из 300068,66 дес. земли, конфискованных и взятых на учет к концу 1920 г., было распределено 223713,30 дес. Из них 69,4 % было передано в единоличное пользование, 2,7 % — совхозам, 2,5 % — первым колхозам. Прирост размеров крестьянского землепользования в северных губерниях таким образом был крайне незначителен: 2,1 % — по предварительным сведениям 1919 г., 3,8 % — по сведениям 1921–1922 гг.

С точки зрения социально-экономических последствий аграрной революции наибольший интерес представляет вопрос о том, как на местах решалась судьба собственно крестьянских земель, подвергнутых распределению. По общему правилу земли, находившиеся ранее в распоряжении государственной власти (казны и удела) и сдававшиеся крестьянам в качестве оброчных статей, поступали в распределение наравне с другими землями и передавались в бесплатное пользование крестьян. Общая их площадь на Севере составляла в 1917 г. 135582,9 дес.

Иначе обстояло дело с расчистками и подсеками. Вопрос об их судьбе затрагивал в той или иной степени все слои крестьянского населения деревни, поэтому в ходе переделов именно эта категория земель вызвала наибольшие трения и споры [7, с. 99–111]. В большинстве волостей уравнительному переделу подлежали только те расчистки, которые превышали местную норму надела либо были куплены у других, либо запущены владельцами [3, с. 30]. Довольно часто расчистки и распашки оставались за старыми владельцами «до окончания срока пользования» (Велико-Устюжский, Вытегорский, Усть-Сысольский уезды)⁷, если при обработке не применялся наемный труд

⁷ Великоустюжский центральный архив (ВЦА) Ф. 54. Оп. 1. Д. 15. Л. 15 об.; Национальный архив Республики Карелия. Ф. 108. Оп. 1. Д. 7/66. Л. 3; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1016. Л. 21.

(Пудожский уезд)⁸, «до оправдания расходов по обработке» (Сольвычегодский уезд)⁹ и т. п. В случае изъятия таких земель в передельный фонд назначалась особая оценочная комиссия «из добросовестных людей», которая определяла размер вознаграждения хозяину расчистки (Каргопольский, Лодейнопольский и Сольвычегодский уезды)¹⁰.

Со временем почти все расчистки были пущены в общий раздел [10 с. 42]. Решение об общем переделе расчисток и распашек, например, в Архангельской губернии было принято в июне 1918 г. [5, с. 42], в Северо-Двинской — в ноябре 1920 г.¹¹

После свержения большевиков в Архангельске в начале августа 1918 г. белое правительство, Верховное Управление Северной области, в первые же дни переворота выступило с декларацией «по действительному обеспечению прав трудящихся на землю» и поспешило отменить все советские аграрные законы. Решение всех земельных вопросов передавалось сначала в ведение восстановленных земельных комитетов, а впоследствии — впервые созданных в 1917 г. в Архангельской губернии земских органов, которые были распущены большевиками в марте 1918 г., но воссозданы с приходом к власти Верховного Управления¹².

Аграрный курс правительства наиболее полно отражал общие принципы эсеровской социализации земли. Преследовалась цель создания в деревне «крепкого» трудового крестьянского хозяйства, свободного от принудительной опеки общины. В начале 1919 г. были приняты законы, которые и составили основу земельной реформы белого правительства Северной области (постановление от 13 января «О расчистках в Архангельской губернии» положение от 19 февраля «О казенных и бывших удельных земельных оброчных статьях» и постановление от 4 апреля «О передаче монастырских, архиерейских, церковно-причтовых земель в ведение Земства»)¹³.

⁸ РГАЭ. Оп. 6. Ф. 478. Д. 813. Л. 191–192 об.

⁹ ВЦА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 111 об.; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 743. Л. 164.

¹⁰ ВЦА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 64. Л. 201 об.; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 811. Л. 4 об.; Д. 813. Л. 16.

¹¹ ВЦА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 170. Л. 76.

¹² ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 11 об, 15 об, 17 об.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений Верховного Управления и Временного правительства Северной области, издаваемое Консультацией при Управляющем отделом юстиции со 2 августа 1918 по 15 ноября 1919 г. Архангельск, 1919 (далее — Собрание узаконений и распоряжений...). № 6. Ст. 279; № 9. Ст. 361; № 12. Ст. 398.

Все указанные категории земель уравнивались в правовом отношении и должны были составить единый арендный фонд, право распоряжения которым передавалось земству¹⁴. При этом указывалось на временный характер всех этих мер «впредь до разрешения земельного вопроса в полном объеме» будущим Всероссийским правительством.

Была установлена «трудовая» норма пользования расчистками и оброчными статьями в размере 11 дес. на двор. Все, что превышало норму, подлежало отчуждению и передаче в особый арендный фонд земства¹⁵.

Существенно то, что закреплялся наследственный принцип пользования указанными категориями земель (в пределах трудовой нормы) «прежними владельцами и их законными правопреемниками». При этом разрешалась передача прав пользования другим лицам¹⁶. Срок пользования земельными участками не ограничивался и не дифференцировался. Вместе с тем частные сделки (купля-продажа) на землю запрещались. Таким образом, восстанавливалось, пусть с некоторыми ограничениями, право на укрепление земли в собственность.

Принятые законы по ряду причин не нашли применения на практике. Во-первых, сама передача в ведение земства дел, касающихся лесных расчисток и оброчных статей, затянулась до конца белой власти на Севере (январь-февраль 1920 г.)¹⁷. Во-вторых, не были созданы соответствующие подзаконные акты по применению аграрного законодательства¹⁸. В-третьих, и это самое главное, реализация законов натолкнулась на острое нежелание крестьянства пересматривать результаты уравнительного передела 1917-1918 гг.

С весны 1919 г. Архангельская губернская земская управа была засыпана требованиями крестьян отложить передачу расчисток и оброчных статей прежним владельцам по крайней мере «впредь до окончания войны и установления нормальной

¹⁴ Там же. № 1. Ст. 82, 115; № 6. Ст. 279, § 1-5; № 9. Ст. 361, § 1-4; № 12. Ст. 398, § 2.

¹⁵ Там же. № 6. Ст. 279, § 10; № 9. Ст. 361, § 9-13.

¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений... № 6. Ст. 279, § 3, § 9; № 9. Ст. 361, § 3, § 8.

¹⁷ ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 115. Л. 18. Д. 386. Л. 8-10, 13; Д. 737. Л. 32 об. — 33.

¹⁸ Там же. Д. 219. Л. 314, 317.

государственной жизни». В такой обстановке власти предпочли пойти на уступки деревне, последовав примеру правительства Колчака¹⁹.

На архангельском Севере, так же как и в Сибири, «в виде исключения» разрешалось «собрать урожай с расчисток тем лицам, кому они перешли до 13 января 1919 года». Закон указывал при этом на необходимость «озаботиться, чтобы понесенные через то убытки действительным владельцам расчисток были возмещены и, чтобы таковое возмещение происходило по обоюдному согласию»²⁰.

Как видим, за годы аграрной революции решение проблемы расчисток в конечном счете не выходило за рамки эгалитаристских представлений крестьянства.

С этих же позиций деревня подходила и к вопросу о возможности в дальнейшем разрабатывать расчистки и подсеки в государственном лесном фонде. Интересы верховного собственника земли повсеместно игнорировались, «население пошло самостоятельно по своему пути, обходя существующие правила и планы правительства...»²¹. Предотвратить подсеки или проконтролировать их стало практически невозможно. «Недостаток или, лучше сказать отсутствие лесного надзора, за последнее время в особенности, — писал В.В. Никольский, — приводило к тому, что население пользовалось лесом в неограниченном количестве, притом там, где ему вздумается. Едва ли, однако, подобные деяния подлежали бы той же юридической квалификации, как в других местах: в них нельзя не слышать отголосков старого права захватного пользования, на почве которого сложилось все вообще местное землепользование, которое проступает кое-где и теперь, например, в факте самочинного разрешения небольших по площади расчисток, без сношения с подлежащими инстанциями, или в самочинном также, на основании только общественного приговора, расширении площади усадебной оседлости» [6, с. 43].

Это вынуждало местные земельные органы обращаться в Центр с просьбой расширить права местных Советов в деле обращения лесных площадей в пашню и сенокос, разрешить под-

¹⁹ Правительственный вестник (Омск). 1919. 10, 13 апреля.

²⁰ ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 219. Л. 34, 216 об.; Д. 717. Л. 120.

²¹ Национальный архив Республики Коми. Ф. 499. Оп. 1. Д. 74. Л. 19 об.

секи и расчистки. В декабре 1920 г. Наркомзем удовлетворил большинство такого рода запросов.

Кардинальная ломка поземельных отношений касалась на Севере в первую очередь крестьянских наделных земель. Власть санкционировала их перераспределение. Именно «поравнение» крестьянских наделов довело до логического завершения механику «черного передела». По закону землей наделялись все желающие ее обрабатывать. Решения об этом, как правило, принимались соответствующими земельными органами зимой и ранней весной 1918 г., и уже тогда в ряде мест стали осуществляться переделы [11, с. 248–266]. Выполнение основного объема работ брала на себя община. С мая месяца одновременно с распределением частновладельческих земель повсеместно приступили к «уверстке» крестьянской земли и делили пашню под яровой посев. Летом разделу подверглись сенокосы и пары, под осень решали судьбу озимых посевов. В тех районах, где земельная теснота считалась невыносимой, это делалось путем сплошных, «повальных» переделов, где земельный вопрос не был столь обострен — посредством так называемых скидок-накидок, т. е. отрезки или прирезки земли нуждающимся. Черный передел, к примеру, преобладал во всех уездах Вологодской²² и Северо-Двинской губерний²³. В Никольском уезде Северо-Двинской губернии, например, из 2782 селений «повальные» переделы прошли в 1703 селениях (61 %), в 615 — имели место поравнения земли (22 %), в 464 селениях (17 %) переделов не было²⁴.

В Архангельской и Олонецкой губерниях, исходя из характера землевладения, на местах все более склонялись к мысли не передела крестьянской земли, а к дополнительному наделу за счет земель, которые по Закону о социализации земли должны были перейти в земельный фонд²⁵. Поэтому общие переделы производились лишь в Мезенском и Холмогорском уездах Архангельской губернии, Повенецком и Пудожском уездах Олонецкой губерний. Так, из 104 волостей Архангельской губернии переделы прошли

²² Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 20. Оп. 2. Д. 3388. Л. 4-14; Ф. 267. Оп. 1. Д. 55. Л. 18-23; Д. 332. Л. 270; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 643. Л. 10 об. Д. 732. Л. 37; Д. 757. Л. 12 об., 22.

²³ ГАВО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 3388. Л. 14-18; Ф. 267. Оп. 1. Д. 4. Л. 19; ВЦА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 98, 51 об.; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 3007. Л. 93 об.

²⁴ ВЦА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

²⁵ ГААО. Ф. 1868. Оп. 1. Д. 219. Л. 127.

в 40, что составляло 38,6 % от всех волостей. Причем переделы охватили лишь 153 земельные общины из 666–23 %²⁶.

Разверстание земли в 1918 г. не означало прекращения переделов и в последующие годы вплоть до начала коллективизации в конце 1920-х гг. «Основной закон о социализации земли» и соответствующие подзаконные акты предусматривали единый принцип наделения землей на основе «потребительно-трудовой нормы». В законе даже содержалась инструкция о порядке выработки таковой. По причине весьма громоздкого принципа ее исчисления на местах она не применялась. Как правило, в этом вопросе инициатива оставалась за общинами, волостями и уездами. Нет необходимости говорить о том, какой эпический размах приняло в стране земельное нормотворчество. На Севере преобладал упрощенный вариант рекомендованной нормы — по едокам.

В процессе переделов постепенно сглаживалась земельная дифференциация, достигалось более рациональное использование земли. Но в то же время они вносили заметную путаницу в хозяйственный строй деревни, усугубляя неустойчивость землепользования и снижали общий уровень сельскохозяйственного производства. Не случайно, что мероприятия по упорядочению землепользования становятся доминирующими в земельной политике советских органов, исходивших из необходимости регулирования и ограничения переделов. Осуществление переделов при этом было поставлено в зависимость от проведения так называемого социалистического землеустройства. С изданием «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», инструкции по его применению от 11 марта 1919 г., циркуляров НКЗ от 22 марта и 28 июня 1919 г. всякого рода беспорядочные переделы значительно сокращались²⁷. Распоряжения Наркомзема по ограничению сплошных переделов были закреплены Декретом Совнаркома РСФСР «О переделах земли» от 30 апреля 1920 г. Согласно Декрету, производство полных переделов запрещалось в тех общинах, где произошло временное распределение земли в 1918–1919 гг. на срок «до завер-

²⁶ Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись по Архангельской губернии. Вып. 2. Архангельск, 1920. С. 176–255.

²⁷ Сборник распоряжений по социалистическому землеустройству. Грязовец, 1921. С. 79.

шения землеустроительных работ в порядке Положения о социалистическом землеустройстве». Полные переделы пахотных земель в целях уравнивания землепользования ограничивались тремя севооборотами, т. е. не менее чем девятью годами²⁸. Частичное поравнение земли существенно не регламентировалось.

Наметившиеся сдвиги в упорядочении землепользования получали дальнейшее развитие в проведении государственных землеустроительных работ. Более того, успех многих мероприятий прямо зависел от завершенности или незавершенности землеустройства. Однако ведущее место в работах по землеустройству занимало межволостное и межселенное устройство. До землеустройства единоличных хозяйств, на что больше всего надеялись крестьяне, по сути дела руки не доходили. Поэтому государственное землеустройство не смогло существенно повлиять на общинные переделы земли и в целом на внутриобщинное землепользование, что явилось одной из основных причин продолжавшихся переделов.

Таким образом, аграрная (земельная) революция, разбудившая самые архаичные формы крестьянского поведения и общинного сознания, привела к существенным изменениям в аграрном строе северных губерний. «Черный передел» привел к исчезновению частных форм владения землей и тем самым резко изменил правовой контекст поземельных отношений. Подавляющая часть земли (92,7 %) оказалась в юридическом пользовании сельских общин или в фактическом пользовании индивидуальных крестьянских хозяйств, входящих в их состав. Минимальный прирост крестьянского землепользования — на 3,2 % при возрастающих темпах увеличения дворов неизбежно приводил в условиях уравнительного землепользования к измелчанию хозяйств землепользователей, обрекал их на замыкание в рамках натурально-потребительского производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бляхер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г. // Вестник статистики. 1923. Кн. 13. С. 131-155.

²⁸ Декреты Советской власти. Т. VIII. М., 1976. С. 128.

2. Гиппиус Л.В. Север Европейской России: [К вопросу о его заселении] / Сост. Л. Гиппиус; М-во зем. Переселенчesk. упр. — Пг.: [б. и.], 1918. 51 с.

3. Иванов Н.Д. Первые шаги к социализму: Революционные преобразования в экономике Коми края в 1918–1920 гг. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. 96 с.

4. Кищенко И. Леса местного значения в Карелии // Вестник Карело-Мурманского края. 1924. № 9. С. 5–14.

5. Мартынов М. Расчистки в Архангельской губернии // Журнал Отдела земледелия Временного правительства Северной Области. 1919. № I. С. 20–44.

6. Никольский В.В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря. (Сороки — Кандалакша): по материалам исследования летом 1921 г.: (с приложением карты и с 12 рисунками в тексте) / Вс. В. Никольский. М.: издание Научно-технического управления ВСНХ, 1927. 233, [3] с.

7. Саблин В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921: (Соц. и экон. результаты) / В.А. Саблин; Сев.-Зап. акад. гос. службы. Фил. в г. Вологде. Вологда, 2002 (ООО ПФ Полиграфист). 342 с.

8. Саблин В.А. Хуторское хозяйство на Европейском Севере России в сфере государственной политики 1917–1920-х гг. // Вестник Поморского университета № 1(7). 2005. С. 16–26.

9. Собственность на землю в России: История и современность / Сарат. гос. соц.-экон. ун-т, Ин-т общест. мысли; под общ. ред. Д.Ф. Аяцкова. М.: РОССПЭН, 2002 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 590 с.

10. Тубанов С. О расчистках // Большевиcтская мысль. 1926. № 4. С. 36–44.

11. Шумилов М.И. Октябрьская революция на Севере России / Петрозавод. гос. ун-т им. О.В. Куусинена. Петрозаводск: Карелия, 1973. 336 с.

КРЕСТЬЯНЕ СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918–1919 ГГ.¹

В Вологодской губернии к началу 1917 г. патриотический подъем, характерный для 1914 г., стал сменяться психологической усталостью от тягот войны и нарушения привычного уклада хозяйственной жизни. Все ярче проявлялись антинемецкие настроения, все чаще виновником всех бед называли царское правительство [4, с. 7–25]. Поэтому Февральскую революцию население Вологодской губернии в большинстве своем встретило спокойно, с надеждой на улучшение своей жизни.

Сольвычегодский уезд располагался в северной части Вологодской губернии. Территория его была сплошь покрыта лесами (83 %), особенно в северной части. Население уезда проживало в основном вдоль рек, занималось помимо сельского хозяйства рубкой и вывозкой леса, смолокурением, рыбной ловлей и охотой [1, с. 66–68; 5]. В 1917 г. уезд состоял из 3 станов, 26 волостей².

Новости о свержении старого строя дошли до Сольвычегодского уезда довольно быстро. Основным источником информации были почтово-телеграфные отделения, так как столичная и местная пресса доходила до Сольвычегодска только на пятый-шестой день. Пока уездные власти и население обсуждало полученную информацию, 28 февраля 1917 г. из Петрограда выехали нескольких сотен

¹ Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00237 «Глобальные изменения в локальном измерении: население северной провинции и бытия 1917–1918 гг.»).

² В 1-й стан, центр которого находился в г. Сольвычегодске, входили Беляевская, Воробинская, Ильинского-Подомская, Метлинская, Никольская, Покровская, Рябовская и Слободчиковская волости. Во 2-й стан — Алексеевская, Березо-Наволоцкая, Великосельская, Ляховская, Фоминская и Черевковская (становая квартира находилась в г. Красноборске). В 3-й стан: Афанасьевская, Верхнетоемская, Вершинская, Гавриловская, Горковская, Корниловская, Нижнетоемская, Пучужско-Петропавловская, Ракульская, Семеновская, Тимошинская и Федьковская (с центром в с. Верхняя Тойма).

уполномоченных от войск Петроградского гарнизона. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов поставил перед ними задачу по установлению новой власти на местах [6]. О том, какими методами действовали посланные из столицы комиссары, можно увидеть на примере села Черевково Сольвычегодского уезда.

Иван Николаевич Зиновьев, член партии эсеров с 1908 г., появился в селе Черевково 4 марта 1917 г. В этот же день на центральной улице села он напал на местного урядника: «преградив дорогу уряднику, остановил его, быстро сорвал с плеч золоченые погоны, с папахи — кокарду, отобрал у него висевшую сбоку шашку, вынул ее из ножен, через колено переломил надвое и забросил обломки через ограду в ручей, а ножны взял себе» [6]. Через некоторое время бежавшие на помощь стражники также были обезоружены.

Уже 8 марта из Сольвычегодска была получена телеграмма, в которой начальнику почты предписывалось известить население волости о необходимости избрать Черевковское волостное отделение Сольвычегодского временного комитета, который к этому времени уже начал функционировать в уезде⁷.

В Вологодской губернии партия социалистов-революционеров пользовалась наибольшей популярностью у крестьянского населения. С 17 марта 1917 г., стала издаваться газета Вологодского комитета партии эсеров «Вольный голос Севера», которые с радостью приветствовали произошедший в столице «переворот». Они поставили на первое место задачу организации трудящихся масс под лозунгом: «Через Учредительное Собрание к демократической республике и социальным реформам»³.

5 марта 1917 г. в Вологде прошло совещание крестьян, съехавшихся в губернский центр, на котором были приняты решения: 1) признать Временное революционное правительство; 2) немедленно приложить все усилия, чтобы деревенское население, соблюдая полное спокойствие, дружно поддерживало низвержение старой власти; 3) для замены старой власти на местах организовать всесословные временные волостные и уездные комитеты из преданных народному делу лиц; 4) взять на себя инициативу созыва по волостям всенародных сходов для выбора волостных комитетов и представителей в уездные комитеты; 5) устранить земских начальников; 6) для поддержания порядка создать на-

³ Вольный голос Севера. 1917. № 1. С. 1-2.

родную стражу; 7) принять меры к тому, чтобы не происходило разгрома лавок, усадеб, расхищения частной собственности и др.⁴ Согласно этим решениям уже в марте 1917 г. в уездах Вологодской губернии по требованию населения проходил процесс отстранения от должностей председателей уездных земских управ и других должностных лиц. Задачу образования советов крестьянских депутатов взяли под свой контроль эсеры.

18 апреля 1917 г. выходит первый номер газеты «Известия Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов», где опубликованы протоколы заседания Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором избран исполнительный комитет Совета. Туда вошли представители всех организаций и групп населения, в том числе от солдат, от Главных железнодорожных мастерских, от Сухонских заводов, от служащих общественных учреждений, от городских рабочих и судовых команд⁵.

К середине июля процесс организации советов крестьянских депутатов в Вологодской губернии шел полным ходом: в Сольвычегодском уезде совет крестьянских депутатов был образован 1 июня 1917 г., в исполнительный комитет вошли 6 человек, но из-за отсутствия средств работа исполкома практически не проводилась⁶. На 6 августа в Сольвычегодском уезде был запланировано проведение уездного крестьянского съезда по подготовке выборов в Учредительное собрание⁷. От Вологодского совета крестьянских депутатов и партии социалистов-революционеров были выдвинуты 10 кандидатов в Учредительное собрание, в том числе крестьянин Сольвычегодского уезда — Баскаков Виктор Александрович, секретарь исполкома Вологодского губернского Совета крестьянских депутатов⁸. От Вологодского губернского комитета РСДРП также были выдвинуты 10 кандидатов.

Печатным органом вологодских социал-демократов стала газета «Искра», в первом номере которой от 21 июня 1917 г., звучит предостережение против распространения «большевизма», кото-

⁴ Вольный голос Севера, 1917. № 2. С. 1–3.

⁵ Известия Вологодского Совета. 1917. № 1. 18.04. С. 1–2.

⁶ Там же. 1917. № 49. С. 4.

⁷ Вольный голос Севера. 1917. № 64. С. 4.

⁸ Известия Вологодского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 22.10.1917. № 37. С. 1.

рый может привести к гражданской войне: «Гражданская война — вот главная опасность, которая грозит нашей революции, стихия не боится окриков, а мы имеем дело со стихией... “большевизм” широко распространен в пролетарских и солдатских массах»⁹.

Июльские события 1917 г. в Петрограде дали надежду бывшим хозяевам жизни на возврат к прежнему строю. Во многих вологодских газетах началась травля большевиков с целью подорвать авторитет Советов. Нехватка продовольственных и промышленных товаров вызывала недовольство крестьян. В одном из июльских номеров «Искры» были опубликованы письма из деревни под названием «Правда о городе»: «Деревня озлоблена на город...Крестьянин жалуется, что в городе ему не дают товаров — сахару, ситцев, железа и т. д. и в ответ на это он крепко сжимает кулак...Виноват город, виноват рабочий, а потому деревня не должна давать ни хлеба, ни масла. Крестьянам надо задуматься, кто их враг действительный»¹⁰.

Корниловский мятеж обострил обстановку. Стали организовываться комитеты общественного спасения, военные комитеты. В начале сентября 1917 г. в Вологде также был утвержден Комитет общественного спасения с целью борьбы с контрреволюционными явлениями¹¹. События в стране показали, что Временное правительство не решило те проблемы, которые стояли перед страной: война продолжалась, земельный вопрос был отложен до Учредительного собрания, нарастали противоречия между городом и деревней, между бедными и богатыми. Негативную роль в ухудшении настроения крестьянства сыграли обыски, конфискации, борьба со спекуляцией которые начались еще весной 1917 г. как в целом по стране, так и в Сольвычегодском уезде.

С первых чисел марта 1917 г. в г. Сольвычегодске и уезде была образована добровольная милиция, которая взяла на себя обязанности бывшей полиции (до приезда военной милиции). Одновременно волостными комитетами формировалась своя милиция, но с апреля появилась «штатная уездная милиция». Организация Сольвычегодской городской милицейской команды началась с 14 мая. Новый начальник милиции был избран уездным комитетом 6 июня 1917 г., штат городской милиции был определен

⁹ Искра. 1917. № 1. С. 1.

¹⁰ Искра. 1917. № 11. С. 2.

¹¹ Искра. 1917. № 20.

в 14 человек. Однако вскоре из-за нехватки кадров пришлось увеличить его до 20 человек. На службу принимали в основном отпущенных по болезни солдат. За период с июля по октябрь 1917 г. помимо обычных дел (розыск, розыскание, справки, привлечение за правонарушения, задержание неизвестных лиц, доставление дезертиров, охрана в пути служебных лиц и почты с казенными суммами) были проведены расследования о растрате в бывшем полицейском управлении, о краже казенной кожи из склада при земской управе, о подлоге при получении товара с железной дороги, о продаже железа принадлежавшего городу и др.¹²

В середине ноября в волостях Сольвычегодского уезда состоялись выборы в Учредительное собрание, большинство крестьян проголосовали за эсеров, которые впоследствии и стали победителями на выборах в масштабах всей России. Приход к власти большевиков в уезде встретили спокойно. 5-6 января 1918 г. прошел III Сольвычегодский чрезвычайный уездный съезд крестьянских депутатов. На съезд явились представители от Котласского Совета рабочих депутатов, от Сольвычегодского гарнизона и от уездного земства. Съезд признал, что полнота власти в стране должна быть сосредоточена в руках рабоче-крестьянского правительства, возглавляемого ЦИК Совета РС и КД, и его исполнительного органа Совета народных комиссаров, и приветствовал все начинания советского правительства, направленные к скорейшему заключению мира, передаче земли без выкупа земельным комитетам, установлению промышленного и финансового контроля, национализации банков и устройству народного суда. Съезд постановил, что вся полнота власти в уезде принадлежит только Совету, которую он и осуществляет с настоящего момента, и призвал всех граждан подчиниться его решению. В это же время, съезд приветствовал созыв Учредительного собрания как осуществление одного из требований крестьян и рабочих.

Съезд постановил признать необходимым объединение советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов с переходом власти в уезде Совету, организовать в волостях советы крестьянских депутатов. Для избрания исполнительного комитета уездного совета решено созвать объединенный съезд советов КР и СД

¹² Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 2803. Оп. 4. Д. 6. Л. 4.

на 10 февраля 1918 г., но до созыва съезда — организовать временный объединенный исполком Совета КР и СД из 9 человек на паритетных началах, предоставив право выбрать от местного гарнизона, от Котласского совета рабочих депутатов и от крестьян по 3 члена. Представителем на Всероссийский крестьянский съезд советов большинством голосов выбран Попов, которому поручено «поддерживать все демократические мысли, но не правее левого эсеровского»¹³. Таким образом, первоочередными мероприятиями большевиков по установлению новой власти в уезде стали объединение советов, роспуск волостных временных комитетов, а вместо них выборы советов крестьянских депутатов. Решения чрезвычайного уездного съезда были разосланы по волостям Сольвычегодского уезда, где на собраниях и сходах крестьян были рассмотрены вопросы перехода власти. Так, 14 января 1918 г. на собрании домохозяев Корниловской волости постановили: 1) признать советскую власть; 2) переименовать волостную земскую управу в исполнительный комитет Корниловского Совета крестьянских депутатов; 3) выбранных в волостные гласные 6-7 января утвердить и переименовать их членами Совета крестьянских депутатов¹⁴.

Крестьяне Покровской волости Сольвычегодского уезда также 14 января 1918 г. постановили: «Совет крестьянских депутатов Покровской волости приветствует все начинания советского народного правительства, все решающие вопросы приводить в исполнение временному волостному исполнительному комитету лицам, кои избраны от 31 декабря 1917 г., а название волостной земской управы упразднить с момента настоящего времени»¹⁵. В постановлении граждан Рябовской волости от 16 января 1918 г. говорилось: признать ныне существующую власть и его исполнительный орган СНК и передать всю власть в уезде в руки Совета КР и СД; ...организовать в волости совет крестьянских депутатов¹⁶.

Для ускорения процесса передачи власти агитационный отдел ЦИК Совета КР и СД направил 21 января 1918 г. в Сольвычегодский уезд агитатора Николая Сысоева с целью осведомле-

¹³ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

¹⁴ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 14. Л. 40.

¹⁵ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 14. Л. 46

¹⁶ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 14. Л. 24-25.

ния населения о текущих событиях и организации волостных советов крестьянских депутатов¹⁷. С 28 января по 28 августа 1918 г. в Сольвычегодском уезде происходило переименование земских управ в исполкомы совета крестьянских депутатов, в том числе в Беляевской волости, Гавриловской, Сойгинской, Семеновской, Черевковской, Ляховской, Тимошинский, Нижнетоемской и др.¹⁸

Положение на фронте и внутри страны было тяжелым. 17 января 1918 г. в уездный исполком поступила копия телеграммы из ставки главнокомандующего: «Товарищи, если вы сейчас же не придете к нам на помощь, если вы не дадите хлеба, то фронт уйдет и на вас падет ответственность, фронт голодает. Верхлавнокомом Флоровский»¹⁹. Однако в самом Сольвычегодском уезде положение с хлебом, особенно семенным зерном, было катастрофическое. В связи с этим 30 января 1918 г. состоялось совещание при продотделе Сольвычегодского уездного земства о закупке хлеба в Сибири. Было решено командировать в Сибирь уполномоченного земства В.Е. Долинина и зав. продотделом И.С. Пузырева для закупки хлеба «по какой угодно цене», так как малейшее промедление грозило голодом и волнениями населения. Конкретно, до 1 июня требовалось приобрести как минимум 50 вагонов зерна, меньшее же количество не могло удовлетворить нужд голодающих²⁰.

В волостях, не дождавшись помощи в снабжении хлебом, предпринимали свои меры. В Ляховской волости 6 февраля 1918 г. в помещении волостного комитета при обсуждении продовольственного вопроса постановили: у крестьян, имеющих излишки сена, реквизировать его для перепродажи нуждающимся в нем. Продажа овса за пределы волости без разрешения продкомитета запрещалась, овес отбирался и передавался в распоряжение продкомитета²¹. В Покровской волости 17 февраля 1918 г. на заседании Совета крестьянских депутатов, заслушав информацию о реквизированном и взятом на учет товаре у частных торговцев, по-

¹⁷ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 14. Л. 61.

¹⁸ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 14. Л. 86, 117, 6–19.

¹⁹ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 14. Л. 6–19.

²⁰ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 14. Л. 6–19.

²¹ Там же. Д. 14. Л. 6–19.

становили: частную торговлю не прекращать при наличии промысловых свидетельств. Имущество «частновладельцев» взять на учет, если оно превышает имущество у среднего крестьянина²². В Черевковской волости у имущего населения также была произведена опись движимого имущества, скота, инвентаря и домашней обстановки, часть описанного — скот и другое имущество — отобрано и продано, частновладельческие земли взяты на учет.

К середине 1918 г. политическое противостояние в стране достигло своего апогея. Повсеместно вспыхивали стихийные восстания. Силы антисоветского лагеря были поддержаны интервенцией, которая и стала катализатором, ввергнувшим страну в Гражданскую войну. Используя помощь из-за рубежа, была сформирована многочисленная и хорошо организованная Белая армия, объединенная общей ненавистью к большевикам. Ей противостояла Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА), созданная в январе 1918 г., согласно ленинскому декрету. 2/15 февраля во все советы, в том числе Сольвычегодский, были направлены телеграммы от главковерха Крыленко: «... в исполнение декрета предлагаю всем советам немедленно приступить к организации Красной армии». Советам поручалось организовать отдел, специально ведающий Красной армией, а тот соответственно разбивался на подотделы (подразделения): агитационный, учета, мобилизационный, формирования и обучения, снабжения и снаряжения, транспортный, медико-санитарный, финансовый. В обязанности отдела входила организация в волостных, уездных и губернских гарнизонах своей агентуры по агитации и организации Красной армии. Все Советы обязаны были предоставить свою вооруженную силу в распоряжение центральной власти для борьбы с контрреволюцией по первому требованию²³.

С 10/23 по 13/26 февраля 1918 г. в Сольвычегодске прошел уездный съезд Советов КР и СД. При открытии председатель собрания зачитал срочные телеграммы из Петрограда о том, что социалистическое Отечество в опасности. Постановили: всемерно поддерживать народное правительство и немедленно приступить к организации отряда Красной армии в уезде для революционной обороны страны. Во второй телеграмме говорилось о предложе-

²² Там же. Д. 14. Л. 206.

²³ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 14. Л. 298-299.

нии Германией условий мира. Обсудив, делегаты послали телеграмму в Петроград следующего содержания: «Сольвычегодский уездный съезд Советов КР и СД стоит на точке зрения меньшинства ЦИК и полагает, что мобилизация социалистически настроенных трудовых масс даст должный отпор германским империалистам и этим самым пробудит революционное движение среди рабочих и крестьян всех стран». Для немедленной организации отряда Красной армии избрали комиссию²⁴.

Усилила напряжение в уезде телеграмма, пришедшая 14 марта 1918 г. из Вологды в продовольственный комитет Сольвычегодского уезда, где говорилось, что Вятская, Пермская, Уфимская губернии отказали вологодским делегатам в семенном материале: «организуется забастовка Сибири, надежды получения потребного количества слабы. Примите меры перераспределения местных семян. Губпродком»²⁵.

В этот же день 1/14 марта 1918 г. на заседании Сольвычегодского городского Совета рабочих депутатов городская дума как орган местного самоуправления была упразднена. Все обязанности и права городской думы взял на себя городской Совет рабочих депутатов. Городская управа была оставлена в прежнем составе и продолжала работать под контролем исполнительного комитета до тех пор, пока Совет считает это необходимым в интересах города. После этого новый исполнительный орган Совета примет работу на себя. Закрытой баллотировкой в исполком были избраны И.В. Бояринцев, П.В. Лисицын, Л.И. Скрипов, В.Ф. Чудинов (председатель), Д.Е. Лаптев и П.Г. Плешков²⁶.

Отношения между причтами церквей и крестьянами при новой власти складывались по-разному. В одних волостях священников лишали всех земель и имущества, в других — оставляли небольшие участки земли. В Нижнетоемской волости 11/24 марта 1918 г. на общем собрании крестьян решили всю церковную землю, как пахотную, так и сенокосную, кроме церковного поля, отдать в пользование причта с тем, чтобы причт всю землю уравнил между собой согласно правилам, установленным церковным Собором. За исполнение треб назначили

²⁴ Там же. Д. 14. Л. 298–299.

²⁵ Там же. Д. 14. Л. 197, 202.

²⁶ ГААО. Ф. 1084. ОП. 1. Д. 14. Л. 241–252.

взимать плату: за бракосочетание — 5 руб., крещение — 1,5 руб., за похороны — 2 руб., за заказные обеды и молебны по соглашению с причтом. На этом же собрании были приняты строгие меры к уничтожению самогонки: замеченного в выгоне «самокура» арестовывали на 3 суток, отбирали от него весь запас хлеба, выдавая на продовольствие по 25 фунтов в месяц. Крестьяне этой волости не только не последовали рекомендациям власти в отношении священнослужителей, но и отказались от реквизиции хлеба. Заслушав постановление уездного съезда от 10/25 февраля 1918 г. относительно уменьшения нормы продовольствия до 25 фунтов и о реквизиции всех имеющихся сверх нормы запасов, постановили: «так как... в волости имеется недостаток хлебных запасов, то ввиду излишних расходов по переписи одного и того же хлеба уже 3 раза, больше перепись не производить, т. к. в виду недостатка хлебных запасов реквизиции никакой быть не может»²⁷.

Недовольство реквизициями и изъятиями нарастало и вынудило правительство принимать меры. 26 марта 1918 г. было принято постановление Всероссийской чрезвычайной Следственной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Предлагалось всем советам на местах и в районах немедленно организовать следственные чрезвычайные комиссии (ЧК), которые получали исключительное право производства обысков, реквизиций, связанных с указанными преступлениями²⁸.

Весной 1918 г. пала советская власть на Дону, а в марте 1918 г. в порт Мурманска вошел английский крейсер «Глори», в апреле во Владивостоке высадился японский и английский морской десант, в мае 1918 г. чехословацкий корпус поднял антибольшевистское восстание на Волге. Помимо интервенции начались выступления антибольшевистских сил внутри страны: 3 июля 1918 г. в Ярославле началось восстание правых эсеров. Одновременно с этим в Москве подняли мятеж левые эсеры. Положение новой советской республики стало критическим. Потери среди бойцов Красной армии были огромны, поэтому большевики начали массовую мобилизацию новобранцев, в том числе в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии.

²⁷ Там же. Д. 14. Л. 252.

²⁸ Там же. Д. 14. Л. 241.

10/23 мая 1918 г. открылся II съезд Советов К и РД и представителей организаций Сольвычегодского уезда. Заседание открыл Скорняков, который указал на тяжелое финансовое и экономическое положение уезда, вызванное войной и революцией. Было отмечено, что отношение населения к советской власти и исполкомам недоверчивое, а в некоторых случаях — враждебное. Уплата податных сборов ведется слабо, от уплаты подоходно-прогрессивного налога население некоторых волостей категорически отказалось. В некоторых волостях источником дохода служат разного рода местные налоги: обложение лиц, уклоняющихся от военной службы, доходы с реквизированных мельниц, штрафы и взыскания. Среди населения много голодных и не имеющих ни хлеба, ни денег. Главным источником помощи голодающим служат частые реквизиции хлебных продуктов у более зажиточных граждан и пособия от уездного продотдела. Оставленное на семена зерно в большинстве случаев размалывалось на муку, а потому посевные площади оставались незасеянными. Самовольные реквизиции приводили к тому, что продукты тайным образом вывозились и продавались.

В уезде приступили к частичному уравнительному распределению земель. Надельная норма земель по каждой волости зависела от количества пахотной земли. Предполагалось наделение производить как на мужчин, так и на женщин. Все конфискованные частновладельческие, церковные, причтовые и казенные земли по принятии на учет поделены между собой, инвентарь распределен среди бедного населения для бесплатного пользования, в некоторых случаях за деньги. Озимые посевы были предоставлены в полное распоряжение старых владельцев. На почве землепользования между волостями и частными владельцами нередко происходили крупные инциденты.

В некоторых волостях начали функционировать народные суды. Военные отделы, как и отделы Красной армии, были организованы лишь в некоторых волостях. Съезд постановил приступить к организации военных комиссариатов, как уездного, так и в волостях. Во-вторых, организовать уездный отдел призрения (социального обеспечения) при Сольвычегодском исполкоме²⁹. Состояние дорожных сооружений находилось в плохом состоянии,

²⁹ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.

население уезда исправление дорог производило в основном своими силами. Медперсонала и медикаментов в уезде не хватало. Во многих волостях имелись заразные болезни, но за отсутствием фельдшеров и ветеринарных пунктов лечить было некому. Состояние народного образования было неудовлетворительным по причине ограниченного количества школ и училищ в уезде³⁰.

В связи с ухудшением продовольственного положения 10 июня 1918 г. было принято обязательное постановление Вологодского губернского продовольственного комитета по урегулированию торговли предметами общего потребления: воспрещался вывоз из Вологодской губернии продуктов, материалов и предметов массового потребления³¹. Понимая опасность сложившейся обстановки, советская власть обратила особое внимание на настроение масс: согласно приказу Вологодского губвоенкома от 6 июня 1918 г., все уездные, в том числе Сольвычегодский военком, должны были доставлять ежедневно сведения о состоянии уезда и о настроении масс³².

В сводках волостных исполкомов на вторую половину июня 1918 г. показаны следующие сведения: в Никольской волости на 19 июня 1918 г. настроение масс было беспокойное в виду недостатка хлеба и дороговизны на все продукты; к операциям на фронте население относилось хладнокровно. В Алексеевской волости на 20 июня 1918 г. настроение было неустойчивое, наблюдалось непонимание происходящего. В Урдомской волости на 27 июня 1918 г. настроение масс было спокойное; в Ракульской волости на 25 июня 1918 г. — настроение колеблющееся, ввиду продовольственного кризиса и наступающего голода. В Вилегодской волости — тревожное, так как не получают сведений об операциях на фронте, желая получить вести о прекращении военных действий и волнений в городах. Комиссар военотдела Белослудского совета 27 июня 1918 г. сообщал, что настроение масс спокойное. Деревенские кулаки ведут травлю и антисоветскую пропаганду, но советские организации стоят на страже интересов трудящихся и бедноты. Тимошинский отдел по военным делам 25 июня 1918 г. написал, что все спокойно, волнений ника-

³⁰ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-8.

³¹ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 14. Л. 1-8.

³² ГААО. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 66. Л. 1-36.

ких не происходит, кроме тревожных слухов о недостатке хлеба, подвоз которого в волости отсутствует. Селянский волисполком 26 июня 1918 г. — настроение граждан к советам доброжелательное и состояние волости хорошее.

В начале июля 1918 г. в Пречистинском волисполкоме настроение масс было в порядке, в Гавриловском — неопределенное, замечено недовольство из-за голода; в Ляховском — спокойное, меньшинство выражает на словах неудовольствие против советской власти; в Верхолальском волисполкоме — настроение масс нормальное, всецело поддерживают советскую власть, производят запись добровольцев, прибывают почти ежедневно для записи в Красную армию. В Белослудском волисполкоме — ведутся разные нелепые слухи относительно Архангельска, во всех случаях приходится успокаивать и убеждать на сельских собраниях. Подходно-прогрессивного налога не приняли. Ильинско-Подомский волостной комиссар от 11 июля 1918 г. сообщал, что в данное время настроение спокойное, никаких политических выступлений пока не наблюдается, все распоряжения советской власти приводятся в исполнение. Нижне-Тоемский волисполком 11 июля 1918 г. — все спокойно, население волости ввиду подготовки к страдным работам политическими событиями не интересуется.

Но не во всех волостях население мирно воспринимало перемены. Так, в начале июля 1918 г. из Сольвычегодска в Вологду пришла срочная телеграмма, в которой сообщалось: «В связи с политическими осложнениями на нашем севере на почве непризнания власти, мною выслан в село Верхнюю Тойму весь состав отряда Красной армии под командой начальника комендантской части, дополнив 20 сотрудниками Котласского комиссариата в полном боевом порядке при одном пулемете». Через три недели 22 июля 1918 г. военный комиссар Сольвычегодского уезда писал, что политические осложнения в Тойме ликвидированы безболезненно. «Отряд Красной армии выехал в село Черевково... Настроение масс в остальных волостях уезда спокойное, эсеров нет, отношение к мятежу отрицательное»³³.

В июле Сольвычегодский исполком приступил к организации комитетов деревенской бедноты, о чем 11 июля 1918 г. со-

³³ ГААО. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 66. Л. 71.

общи́л в Комиссариат внутренних дел. Деревенские кулаки и «социал-предатели» из интеллигенции подняли шум против комитетов, за резкую агитацию против них пришлось закрыть беспартийную газету «Сольвычегодский листок». Уездным исполкомом в это тревожное время были приняты решительные меры: введено военное положение, Красная армия и милиция уезда были наготове выступить против «врагов». Крестьянская масса выжидала окончания событий в центре страны, жизнь и работа которого широко освещалась органом уездного исполкома «Свободный край»³⁴.

Сведения о событиях в Архангельской губернии быстро распространялись по Сольвычегодскому уезду. Во все совдепы поступила телеграмма из Москвы от 15 июля 1918 г.: «...Прибывшие из Кеми люди из чрезвычайной охраны Мурманской ж.д. в числе 7 человек сообщают, что англичане уговорили часть людей охраны записаться в союзную армию. Ведется запись также населения, которое шли в их ряды сначала охотно, но ввиду репрессий англичан настроения резко изменились. В Кеми английским отрядом расстрелян президиум уездисполкома в числе 30 человек»³⁵.

Слухи о белогвардейском перевороте в Архангельске усилили тревогу среди жителей Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Из Черевковского военкомвола сообщили 6 августа 1918 г., что настроение вследствие переживаемого страной момента подавленное. Из Пучуги пришла телеграмма от 4 августа 1918 от военкома Русинова, который просил «разъяснений Архангельских событий». Телеграмма из Вознесенской волости от военкомвола Копытова пришла 6 августа 1918 г., в которой он сообщал, что «настроение масс тревожное, вызванное слухами о событиях в Архангельске, в большинстве сочувствующее большевизму». Никольский волисполком 10 августа 1918 г. сообщал, что «проезжающими по тракту через село Никольское распущен слух — взят г. Архангельск, Двинской Березник и продвигаются на станцию Котлас свергнуть советскую власть. Советская власть из Архангельска выехала в г. Вологду, настроение в волости хорошее и все спокойно».

³⁴ ГААО. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 66. Л. 376.

³⁵ ГААО. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 66. Л. 38.

События Гражданской войны непосредственно коснулись и жителей Сольвычегодского уезда, который на севере граничил с Архангельской губернией. Архивных документов о проведении военных операций на территории Сольвычегодского уезда в Государственном архиве Архангельской области не выявлено. Имеется небольшое сообщение от Сольвычегодского уездного военного комиссара о том, что 26 августа 1918 г. «в 7 часов появился неприятельский аэроплан, обстреливался нашими пароходами в Нижней Тойме». Однако документы советских исполнительных органов, военкоматов в уезде свидетельствуют об оборонительных мероприятиях против интервентов и белогвардейцев.

14–18 сентября 1918 г. прошел III съезд советов крестьянских и рабочих депутатов и представителей организаций Сольвычегодского уезда. Съезд признал необходимым: 1) немедленно организовать комитеты бедноты для взятия на учет излишков урожая, начать организацию продотрядов и трудовых коммун; 2) встать на защиту своего края; 3) объявить мобилизацию буржуазии для рытья окопов и подсобных работ; 4) иметь наблюдение за местным кулачеством³⁶.

Съезд подтвердил, что общее настроение и отношение населения к советской власти сочувственное и уверенность в ее жизнеспособности, в особенности при приближении к уезду англо-французских войск и белогвардейских банд из Архангельска. До этого по некоторым волостям были колебания под влиянием разных слухов о том, что белогвардейцы снабжают население продуктами. В некоторых волостях — недовольство советской властью со стороны крестьян-стариков, но в меньшинстве. Открытой агитации против советской власти нигде не ведется. Отношение к англо-французским бандам и белогвардейцам — везде отрицательное. Крестьяне волостей вблизи Архангельской границы оказывают всевозможную поддержку в борьбе с этими бандами. Набирают отряды рабочих, дают подводы. Организуют добровольческие отряды, записываются в Красную армию. Мобилизация молодых возрастов, а также буржуазии по всем волостям проводится довольно успешно. На съезде 18 сентября 1918 г. почтили память павшего в борьбе с белогвардейцами П.Ф. Виноградова³⁷.

³⁶ ГААО. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 18. Л. 31–33.

³⁷ Там же. Д. 18. Л. 35–37.

Выступление белогвардейцев в Архангельске отразилось в Сольвычегодском уезде единичными выступлениями провокаторов. Сольвычегодск был объявлен на осадном положении, о чем граждане были оповещены объявлениями³⁸. Согласно приказу Ярославского окружного комиссариата по военным делам от 10 октября 1918 г. за № 318 и телеграмме Северо-Двинского губвоенкомата от 29 октября 1918 г., в г. Сольвычегодске был организован Революционный Совет. Председателем стал уездный военком П.А. Тюкавин, членами: предуездполкома К.А. Иванов и председатель уездной ЧК М.А. Булыгин³⁹.

В 1919 г. из сводки Сольвычегодского уездного комиссара по военным делам следует, что «настроение народных масс ввиду улучшения продовольствия сочувственное советской власти, восстаний с 29 августа по 3 сентября 1919 г. не было. Красноармейские части снабжены в неудовлетворительном виде, ввиду недостатка полного обмундирования и снаряжения. Беспорядков среди красноармейских частей не было. Антисоветской пропаганды и агитации среди военнослужащих и населения не наблюдается»⁴⁰. Однако в Вилегодской волости настроение масс оставалось тревожное, отношение к Красной армии — недоброжелательное, к мобилизации — беспокойное. В Богоявленской волости продовольственное положение оставалось плохое, к Красной армии отношение было неопределенное, имелись выступления против мобилизации лошадей. В Верхнетоемской волости — население состоит на пайке, настроение масс спокойное. Отношение к Красной армии и всеобучу спокойное, мобилизации проходят спокойно, отношение сочувственное⁴¹.

Обобщая, можно констатировать, что революционные события разрушили патриархальный уклад жизни сольвычегодских крестьян. Поманив их декретами о земле и мире, новая власть постепенно, раздувая ненависть к состоятельному соседу, привлекла часть крестьян сначала к реквизициям против богатых односельчан, связав их круговой порукой, а затем вовлекла ее

³⁸ Там же. Д. 73. Л. 1-7.

³⁹ ГААО. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 7. Л. 10-11.

⁴⁰ Там же. Д. 234. Л. 4.

⁴¹ Там же. Д. 214. Л. 60-66.

в Гражданскую войну. Однако, как следует из документов, в некоторых волостях Сольвычегодского уезда еще долго сохранялось недоверие к советской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII-XX веках: Справочник. Архангельск, 1997. С. 66-68.
2. Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города. Вологда: Древности Севера, 2006. 240 с.
3. Егоров А.Н. Организация правых партий в городах Европейского Севера России в начале XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1. (46). Т. 2. С. 29-32.
4. Егоров А.Н. Общественные настроения населения Вологодской губернии накануне Февральской революции // Журнал региональной истории 2017. Т. 1. № 4. С. 7-25.
5. Иваницкий Н. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина № 1. 1898.
6. Щипин В.И. 1917 год в Черевкове // Поморский летописец: Альманах. Вып. VI. Архангельск, 2013.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ (ПРОБЛЕМЫ «МАЛОЙ» ИСТОРИОГРАФИИ)

Обычно учебники не являлись предметом историографического анализа, если такая необходимость специально не оговаривалась исследователями. Ныне историографическая ситуация несколько изменилась и наметилась тенденция к тому, чтобы включить и учебники в состав предметов соответствующих исследований в русле так называемой «малой» историографии [1; 2; 3]. Предметом данного исследования стали учебники по истории СССР и учебные пособия по краеведению второй половины 1930-х — 1980-х гг., на страницах которых отражались факты, события и процессы Гражданской войны и интервенции на Севере России. Изучение содержания советских учебников представляет интерес в ракурсе сопоставления положений официальной моноконцепции отечественной истории и учебных текстов, в которых она воплотилась.

На протяжении практически всего периода существования советской историографии Гражданская война рассматривалась с классовых позиций и в тесной связи с иностранной интервенцией. Согласно установкам «Краткого курса истории ВКП(б)», гражданское противостояние в стране представляло как «война рабочих и крестьян России против внешних и внутренних врагов Советской власти», а хозяйничанье интервентов на занятых территориях доходило до дикого зверства, до расправ, учиняемых над целыми группами рабочих и крестьян» [4, с. 216–217, 225]. И в «прорывной» для лет «перестройки» статье Ю.А. Кораблева утверждалось: «Белый же террор — это террор буржуазии, монархистов и их прислужников против рабочих и крестьян, против большинства народа» [5, с. 82]. Современные исследователи стремятся уйти от однозначно классовой интерпретации белого террора. В.Г. Бортневский еще в 1990 году отмечал: «Белые, конечно же, не ставили и не могли ставить своей задачей подавление или уничтожение какого-то класса, рабочие и крестьяне не зачисля-

лись априорно в “сомнительные элементы” с лишением каких-либо прав и преимуществ» [6, с. 117].

Принадлежность к партии большевиков, членство в губернских и уездных исполнительных комитетах Советов, сотрудничество с органами советской власти или даже сочувствие им, служба в Красной армии на командных или политических должностях — вот неполный список оснований, по которым можно было быть привлеченным к судебной ответственности по законам военного времени.

Примером формулировок, согласно которым привлекали к ответственности репрессивно-карательные органы белых, могут служить формулировки в отношении председателя комитета служащих железнодорожной станции Архангельск Батманова, указанные в представлении исполняющего обязанности прокурора Архангельского Округного суда управляющему Отделом юстиции Временного правительства Северной области (октябрь 1918 г.). В документе указывается, что Батманов «...проявлял все “приемы” большевистского управления: вмешивался в распоряжения железнодорожной администрации, держал себя крайне вызывающе..., угрожал арестом, и, наконец, открыто одобрял распоряжения и действия большевиков»¹ [7].

Бывали прецеденты, когда рабочих, арестованных за участие в политической забастовке, развернувшейся в связи с попыткой антиправительственного переворота в Архангельске в сентябре 1918 г., от «личного задержания» освободили, а дела о них прекратили. Подобного рода факты опровергают представления об исключительно классово направленной политике белого террора.

При этом к белогвардейскому следствию могли быть привлечены люди, которые на начальном этапе антибольшевистской борьбы принимали участие в свержении советской власти и в становлении вооруженных сил Северной области. Например, Н.И. Звегинцев, последняя должность которого — должность заместителя заведующего Военным отделом Верховного управления Северной области, был обвинен в сотрудничестве с советской властью. Позже, находясь в эмиграции, Н.И. Звегинцев в письме Е.К. Миллеру от 6 сентября 1926 г. горько сетовал: «...Я ни разу

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

никогда красного банта не одевал, “да здравствует революция” не кричал, Временному правительству не присягал².

В школьных учебниках второй половины 1930-х — 1950-х гг. много внимания уделялось и политике интервентов и белогвардейцев на занятых ими территориях бывшей Российской империи. Уже в учебнике «Краткий курс истории СССР», вышедшем под редакцией профессора А.В. Шестакова и выдержавшем в 1937–1955 гг. несколько переизданий, на примере режима генерала Деникина, велось повествование о репрессиях против рабочих и крестьян, сочувствовавших советской власти, еврейских погромах [7, с. 225]. В учебнике под редакцией академика А.М. Панкратовой подчеркивалось, что интервенты на Севере безжалостно вырубали леса, беззастенчиво грабили край, вывозили пушнину. Всех сочувствовавших советской власти ждала жестокая участь — оказаться в каторжных тюрьмах, организованных на отдаленных островах [8, с. 232].

Учебное пособие И.Б. Берхина, вышедшее в 1970-е гг., доносило до учащихся информацию о том, что интервенты совместно с белогвардейцами установили на Севере жесткий оккупационный режим, бросив в тюрьмы свыше 50 тыс. человек и расстреляв больше 4 тыс. человек [9, с. 84]. «Детская энциклопедия», относимая к так называемой литературе сопровождения учебного процесса, упоминала об острове Мудьюг на Белом море — «острове смерти» с его тысячами жертв [10, с. 42]. А.Н. Аксенов в учебном пособии «Наш край в истории СССР» достаточно подробно описал ужасы Мудьюга и Иоканьги. Историк уточнил число узников архангельской губернской тюрьмы в период с августа 1918 г. по октябрь 1919 г. — 9760 человек. А.Н. Аксенов подчеркивал, что в тюрьме по ночам заседал военный суд, по расстрельным приговорам которого к месту казни — Мхам — вывозились целые группы людей [11, с. 124].

В своих оценках ужасов Мудьюга советские историки и методисты вполне могли опереться на авторитетное мнение П.П. Расказова, автора переиздававшихся в различных версиях «Записок заключенного», в которых он, как узник Мудьюга, писал: «Представление о Мудьюге неразрывно связано с представлением о высшем человеческом страдании, высшей человеческой жестокости

² ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 65.

и неизбежной мучительной смерти. <...> Кто попал на Мудьюг, тот живой труп, тот уже никогда не вернется к жизни» [12, с. 24].

Не задаваясь целью оправдать террор интервентов и белогвардейцев, следует отметить, что число жертв этого террора в советской учебной литературе явно завышено. Применительно к Северу России одним из основных источников по этой проблеме является фонд 32 Государственного архива Архангельской области — «Архангельская губернская тюрьма». В материалах фонда за 1918–1919 гг. сохранились списки арестованных, переписка различных инстанций белых и интервентов по поводу перемещения конкретных арестованных из различных мест заключения, личные дела заключенных.

Конвейер репрессивных акций белых властей иллюстрируют следующие цифры и факты. Так, 25 сентября 1919 г. из Архангельской губернской тюрьмы на пароходе «Новая Земля» на Иоканьгу было отправлено 348 заключенных, из них: 117 — уголовных; 9 числились за Главнокомандующим вооруженными силами Северной области; 6 — за Начальником губернии; 3 — за Право-маршалом; за Военно-регистрационной службой — 191, за Союзным разведывательным отделом — 22. Через четыре дня, 29 сентября 1919 г., с Мудьюга на Иоканьгу было отправлено 157 заключенных. Подавляющее большинство среди них — уголовный элемент, 6 числились за Главнокомандующим и 3 — за Уездным комендантом.

Материалы фонда позволяют выявить 295 фамилий военнослужащих различных полков белой армии и матросов линейного корабля «Чесма», арестованных за участие в восстаниях и за иные воинские преступления и отправленных на Иоканьгу. Интерес представляет «Список каторжан, находящихся в Иоканьгской военной тюрьме», подписанный начальником тюрьмы И.Ф. Судачковым, в котором фигурируют 59 имен заключенных. В их числе имена активных участников антиправительственных выступлений в Архангельске в канун второй годовщины Февральской революции Михаила Ивановича Бечина и Соломона Моисеевича Цейтлина, осужденных в июле 1919 г. на 15 лет каторжных работ³.

Однако делопроизводство в тюрьме велось некачественно — один и тот же арестованный мог оказаться в нескольких разных

³ Государственный архив Архангельской области. Ф. 32. Оп. 5. Д. 1226. ЛЛ. 91–122 об.; 140–144; 202–213.

списках одновременно, мог несколько раз по различным поводам попадать в тюрьму, что должно было документально фиксироваться, но далеко не все соответствующие документы сохранились. Все это приводило исследователей к двойному, а то и тройному пересчету, когда конкретный арестованный мог учитываться исследователем несколько раз.

Уже отмечалось, что в советской научной и учебной литературе второй половины 1930-х — 1980-х гг. внимание читателей акцентировалось на том, что жертвами террора интервентов и белогвардейцев становились большевики-подпольщики, комсомольцы-подпольщики, рабочие и крестьяне, сочувствовавшие советской власти. В «Детской энциклопедии» приводились выдержки из предсмертных писем молодых коммунистов-подпольщиков Одессы, приговоренных белым военно-полевым судом в январе 1920 г. к смертной казни [10, с. 59].

При этом авторы учебников обходили стороной то обстоятельство, что жертвами этого террора становились и члены тех российских политических партий, которых официальная советская историография именovala «непролетарскими», «мелкобуржуазными», эволюционировавших от «мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции». Примером могут служить судьбы ряда членов партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР). Достаточно долгое время научному исследованию этих вопросов препятствовали установки «Краткого курса истории ВКП(б)», согласно которым ПЛСР являлась, по сути, контрреволюционной партией, пошедшей на соглашение с большевиками лишь из тактических соображений, чтобы не потерять влияние на крестьянские массы, и в итоге разгромленной советской властью [4, с. 202].

Некоторые перемены в этом отношении наметились в период перестройки, когда исследователи, находясь еще в рамках советской историографической парадигмы и используя соответствующую этой парадигме терминологию, высказывали мысль о том, что к членам мелкобуржуазных партий необходим дифференцированный подход, так как многие из них творили революцию на местах и погибли за ее идеалы. На научно-практической конференции «Остров Мудьюг в истории Севера», состоявшейся в Архангельске в сентябре 1989 г., был поднят вопрос о северных левых эсерах, ставших жертвами белого террора [14, с. 6]. С позиций современной

отечественной историографии признанным считается, что левые эсеры и социал-демократы (интернационалисты) выступали союзниками большевиков в борьбе за советскую власть, а левые эсеры нередко имели большинство в местных Советах [15, с. 199].

Автор этих строк, опираясь на извлеченные из спецхрана мемуары современников событий, а также документы местного архивохранилища и рассекреченные материалы белогвардейских фондов Государственного архива Российской Федерации, предпринял в свое время попытку проследить судьбу двух видных деятелей емецкой организации левых эсеров — Ивана Григорьевича Рехачева и Николая Михайловича Жанина (Бачурина).

И.Г. Рехачев входил в ядро емецкой организации левых социалистов-революционеров, возглавлявшейся М.М. Михайловым. В марте 1918 г. на первом Емецком волостном съезде Советов Иван Григорьевич вошел в состав президиума Емецкого Совета и был избран его председателем. Рехачев обладал талантом оратора, умел влиять на массы, боролся с контрреволюцией, участвовал в конфискации имущества спекулянтов, принимал участие в ликвидации земских учреждений. При этом, он проявлял известные колебания в политике, был склонен к компромиссам с правыми эсерами. И.Г. Рехачев был арестован после антисоветского переворота в Архангельске 2 августа 1918 г. комендантом Емецкого района, находился в Архангельской губернской тюрьме, 9 августа 1918 г. отправлен на о. Мудьюг, умер на Иоканье.

Н.М. Жанин (Бачурин) в конце 1917 г. вошел в состав правления Емецкого потребительского кооператива. В марте 1918 г. он избирается делегатом на уездный крестьянский съезд. После антисоветского переворота 2 августа 1918 г. года Николай Михайлович проявил «конституционные иллюзии» по поводу «демократии» новой власти и остался в Емецке, был арестован и отправлен в Архангельскую губернскую тюрьму. В сентябре 1918 г. Жанин (Бачурин) выслан на о. Мудьюг. Председатель Холмогорской уездной следственной комиссии в докладе прокурору Архангельского окружного суда от 1 ноября 1918 г. характеризовал Н.М. Жанина (Бачурина) как «агитатора за советскую власть». Погиб Н.М. Жанин (Бачурин) на Иоканье.

Жертвами белого террора 1918–1920 гг. стали также емецкие левые эсеры А.А. Иванов, М.М. Михайлов, С. Елфимов, М. Жданов, С.А. Ярославцев, В.В. Рудный, В. Маккавеев и другие.

Следует подчеркнуть, что белый террор бесперспективно рассматривать в отрыве от террора красного, так как исследователи, начиная со времен перестройки, обратили внимание на определенное сходство форм и методов некоторых политических институтов, особую роль армии и репрессивно-карательных органов в рамках белой и красной диктатур, столкнувшихся в горниле Гражданской войны.

Обобщая, следует подчеркнуть, что обычно школьные учебники по истории являются адаптированной квинтэссенцией сложившейся исторической концепции. Как отмечает Н.В. Трубникова, современная исследовательница французской исторической школы «Анналов», учебник неотделим от профессии [16, с. 35]. В СССР со второй половины 1930-х гг. ситуация оказалась несколько иной. Первый советский стабильный учебник, вышедший под редакцией А.В. Шестакова, сыграл роль своего рода катализатора в становлении и развитии советской моноконцепции отечественной истории, в том числе и истории Гражданской войны. Идеи и установки этого учебника, видоизменяясь и трансформируясь не столько с точки зрения методологической, сколько стилистической и акцентуальной, оказали сильное влияние на содержательное наполнение школьной истории Гражданской войны, как в центре, так и в регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володина Т.А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии: Середина XVIII — конец XIX вв.: автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2004. 43 с.
2. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVIII в. — вторая половина 1930-х годов). М.: Изд-во МГОУ, 2010. 488 с.
3. Силин А.В., Завернин А.А. Отражение истории новой экономической политики на страницах советских школьных учебников 1930-х — начала 1990-х годов (проблемы историографии) // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества: материалы

IX науч. конф. 7-8 ноября 2019 г. / отв. ред. М.И. Морозова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 152-156.

4. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1946. 352 с.

5. Кораблев Ю.И. Гражданская война 1918-1920 годов: новые подходы // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди / под общ. ред. А.Т. Кинкулькина. М.: Политиздат, 1989. С. 56-87.

6. Бортневский В.Г. Красный и белый террор гражданской войны // Сквозь бури гражданской войны. «Круглый стол историков». Архангельск: Геогр. об-во СССР, Арх. филиал, 1990. С. 101-126.

7. История СССР. Краткий курс: учеб. для 4 кл. / под ред. А.В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1953. 287 с.

8. Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР: учеб. для 10 кл. ср. школы / под ред. А.М. Панкратовой. 11-е изд. М.: Учпедгиз, 1952. 423 с.

9. Берхин И.Б. История СССР: учеб. для 9 кл. ср. шк. / под ред. М.П. Кима. 9-е изд. М.: Просвещение, 1972. 240 с.

10. Детская энциклопедия. 2-е изд. М.: Просвещение, 1969. Т. 9: Наша Советская Родина. 559 с.

11. Наш край в истории СССР: уч. пос. по краеведению для уча-ся 7-10 кл. / под ред. Г.Г. Фруменкова. 3-е изд. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во., 1979. 212 с.

12. Рассказов П.П. Записки заключенного //Интервенция на Русском Севере /ред. В.И. Голдин, А.С. Зубов. Архангельск: КИРА, 2018. С. 13-71.

13. Государственный архив Архангельской области. Ф. 32. Оп. 5. Д. 1226. Лл. 91-122 об.; 140-144; 202-213.

14. Программа научно-практической конференции «Остров Мудьюг в истории Севера». Архангельск: Мемориальный историко-революционный музей на о.Мудьюг — филиал АОКМ, 1989. 9 с.

15. Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.

16. Трубникова Н.В. Французская историческая школа «Анналов». М: Квадрига, 2016. 336 с.

ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ 1918-1920 ГГ. ГЛАЗАМИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ⁴

Гражданская война в России — сложный, многомерный феномен, в котором тесно переплелись факторы международного, общенационального, регионального, группового и даже личностного плана. В отечественной историографии роль международного фактора, в частности проблема места и роли иностранной интервенции в развязывании гражданской войны и превращении ее в крупномасштабное военное противостояние, представлена массивом публикаций и дискутируемых подходов [2, 3, 4, 6, 11].

Общеизвестно, что гражданская война — это наиболее острая форма противостояния различных социально-политических групп внутри одной страны. Внешняя интервенция сама по себе не может быть первопричиной войны внутри отечества. Однако она может играть двоякую роль в гражданской войне. С одной стороны, общество перед внешней угрозой может консолидироваться и на время забыть о внутренних противоречиях. С другой стороны, международная интервенция может стать ее детонатором, когда одна из противоборствующих в гражданской войне сторон, пытается использовать иностранную интервенцию в своих целях.

Для того чтобы понять, в какой мере международная интервенция явилась предтечей перерастания острых идейно-политических противоречий в стране в открытое вооруженное противостояние конфликтующих сторон и вовлекла в водоворот событий широкие слои населения, необходимо выявить отношение общественности к иностранной интервенции. Частично данная проблема представлена в отечественной историографии [8, 12]. Однако в научной литературе не нашло должного отражения от-

⁴ Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00237 «Глобальные изменения в локальном измерении: население северной провинции и события 1917-1918 гг.»).

ношение интеллигенции региона к иностранной интервенции. Попытаемся представить обозначенную проблему на примере интеллигенции Европейского Севера России.

Следует отметить, что интеллигенция региона к весне — лету 1918 г. представляла собой разнородную по происхождению, составу, уровню образования, партийно-политическому облику и социально-психологическим установкам группу.

Среди нее выделялись местные уроженцы, которые при всем многообразии идейно-политических взглядов, были менее политизированы. В силу социально-психологических особенностей и по мере нарастания деструктивных тенденций, обозначившихся еще в ходе революционных процессов 1917 г., значительная часть местной интеллигенции пришла к заключению, что дальнейшее развертывание братоубийственной войны может обернуться невосполнимыми потерями для экономики и культуры. Она была склонна к стабилизации ситуации в стране и регионе, стремилась найти консенсус между различными политическими течениями, была противницей крайних политических позиций.

С другой стороны, весной — летом 1918 г. на Север начинает стекаться политически активная часть российской интеллигенции из центральных районов страны, которая делала ставку на Север как один из оплотов борьбы с большевизмом. Радикалы, приехавшие из центра, искали опору и поддержку в лице иностранных государств, что дало формальный повод для начала международной интервенции на Севере.

Отношение столь разнородной интеллигенции региона к внешней интервенции, предтечей которой стала высадка английского десанта «по приглашению» в Мурманске в марте 1918 г., было неоднозначным, продиктовано множеством мотивов и эволюционировало в пространстве времени.

Среди значительной части неполитизированных групп интеллигенции, обеспокоенной пагубными последствиями гражданской войны, приход представителей стран Антанты в определенной мере ассоциировался с надеждой на разрешение продовольственной проблемы, которая остро стояла в регионе, и преодоление деструктивных тенденций в социально-экономической сфере. Об этом свидетельствует обилие предложений по стабилизации социально-экономической ситуации в регионе, улучшению системы народного просвещения и здравоохранения, многочисленные

прошения о выделении дополнительных средств на развитие основных сфер жизнедеятельности региона, на улучшение материального положения, поступавшие в адрес антибольшевистского правительства, установившегося в регионе 2 августа 1918 г.

Отсутствие страха перед интервенцией стран Антанты у части интеллигенции было продиктовано исторически сложившимися контактами Русского Севера с западными партнерами. Они стали еще более тесными в связи с тем, что в годы Первой мировой войны через единственный открытый Архангельский морской порт союзниками по Антанте осуществлялись поставки военных грузов и продовольствия в Россию. В Мурманске и на Кольской военно-морской базе постоянно находились британские военные корабли, охранявшие побережье и конвоировавшие торговые суда. Англичане оказывали помощь в защите морских судов от минной опасности.

Широкой палитрой взглядов и мнений отличалось отношение к союзникам среди политизированной части интеллигенции, вставшей под знамена антибольшевизма.

Среди некоторых представителей интеллигенции региона вполне правомерно существовали большие сомнения в искренности заверений союзного командования о том, что они не имеют «ни тени захватнических стремлений» и руководствуются желанием предотвратить «порабощение России» со стороны Германии⁵ [5].

Сторонники социалистов-революционеров опору на внешние силы воспринимали как одно из важнейших условий успеха в борьбе за возрождение России и ценностей Февральской революции. Финансовая, материально-техническая и военная помощь стран Антанты, по их мнению, была не только возможной и желательной, но и необходимой. Вместе с тем она допускалась ими только при «невмешательстве во внутренние дела» страны. Гарантом предотвращения оккупации и легитимизации иностранного присутствия, по их мнению, должна была стать авторитетная, пользующаяся доверием и поддержкой народа, власть⁶[1].

⁵ Обращение союзного командования к населению России. Август 1918 г. // Зброшенны́е в небы́тие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 448.

⁶ Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский на «белом» Севере // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 80–81.

Согласно их замыслу, таковым могло стать Верховное управление Северной области при условии придания ему статуса общероссийской государственной власти. Позицию эсеров по данному вопросу озвучил 19 августа 1918 г. на торжественном заседании Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС), посвященном 10-летию юбилею общества, член Верховного управления Северной области (ВУСО), юрист А.И. Гукковский. В своей речи он отмечал, что иностранная оккупация в глазах общественности делается правомерной только при условии признания ВУСО «верховной государственной властью, действующей от имени русского народа»⁷. Но этого не произошло.

Сомнение в бескорыстии иностранцев высказывали представители левых в стане антибольшевизма. 14 августа 1918 г. на страницах газеты «Возрождение Севера» появился первый отклик на обращение союзного командования к населению России. Автор был обеспокоен тем, что союзники пытаются навязать свои «колониальные порядки по типу африканских стран», так как вместо того, чтобы «призвать всех к дружной совместной работе по восстановлению России», они хотят устроить порядки, «кажущиеся им наиболее правильными»⁸.

Для правого крыла антибольшевизма, напротив, была характерна идеализация союзников. Они пытались играть на патриотических чувствах народа и постоянно подчеркивали, что иностранное присутствие носит исключительно антигерманский характер. Е.П. Семенов, до революции редактор Петроградского «Вечернего времени», один из лидеров правых сил Северной области в публичном выступлении перед членами АОИРС отмечал, что ввод иностранных войск обусловлен бескорыстным желанием союзников сообща «свергнуть иго германского милитаризма», восстановить единство и целостность России⁹.

Значительная часть либерально настроенной интеллигенции региона надеялась, что в столь критическое для России время союзники руководствуются благородными мотивами и не преследуют захватнических и корыстных целей. Председатель АОИРС В.В. Шипчинский в статье «Переживаемый момент, его значение

⁷ Северное Утро. 1918. 25 августа.

⁸ Возрождение Севера. 1918. 14 августа.

⁹ ИАОИРС. 1918. № 8-9. С. 152; Отечество. 1918. 26 сентября.

для всей России, Севера и жизни общества изучения Русского Севера» благодарил «друзей — союзников», которые принесли «с собою всю мощь своей многовековой культуры, все богатство своей великой души». Городской голова И.В. Багриновский надеялся, что при помощи иностранных друзей «наша обновленная родина войдет в семью европейских народов такой же великой, какой она была раньше». На благородство намерений союзников указывали в своих проповедях и высшие церковные иерархи области¹⁰.

Однако фактически уже в первые месяцы пребывания «союзников» на Европейском Севере начинали вскрываться истинные цели и намерения иностранного присутствия. Соответственно наивный романтизм и вера в благородство и бескорыстие иностранцев обернулись разочарованием.

Недовольство было вызвано тем, что союзное командование полностью контролировало экономическую ситуацию, постоянно вмешивалось во внутренние дела области, санкционировало политическую цензуру, борьбу с «агентами большевизма». Приказом главнокомандующего войсками союзной экспедиции Ф.К. Пуля были запрещены «всякие митинги и прочие собрания на улицах, общественных местах и частных квартирах». Проведение каких-либо собраний допускалось только после получения особого разрешения, оформленного не позднее чем за 48 часов. На собраниях запрещалось касаться проблем текущего момента. Была введена политическая цензура на печать, которая распространялась и на официальный орган «Вестник ВУСО» [9, с. 137-138].

Зловещую славу приобрели концентрационные лагеря на острове Мудьюг и становище Иоканьга (на Кольском полуострове), созданные представителями иностранной военной интервенции. В ссыльно-каторжной тюрьме Иоканьга, основанной летом 1919 года, в несносных условиях и холодных бараках содержалось более 1200 заключенных. Весьма скудным был продовольственный паек арестантов. За малейшее неповиновение заключенных сажали в карцер, под который был приспособлен заброшенный ледник. На протяжении конца 1919 — начала 1920 г. 25 % заключенных этой тюрьмы умерли от холода, голода и различных заболеваний [7, с. 176; 10, с. 29-31].

¹⁰ Северное Утро. 1918. 25 августа; ИАОИРС. 1918. № 8-9. С. 145; ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 25а. Л. 29-32.

Контроль над деятельностью ВУСО воспринимался представителями иностранных посольств как само собой разумеющийся факт. Посол Франции в России Ж. Нуланс в своих воспоминаниях писал: «Не было ничего удивительного в том, что мы считали необходимым контролировать действия политиков, допущенных впервые к руководству государственными делами». В свою очередь, глава ВУСО Н.В. Чайковский сетовал: «Политической власти Верховного управления они как будто бы не признают, а рассматривают исключительно как власть хозяйственную, муниципальную»¹¹.

В Северной области не лучшим образом складывались взаимоотношения между союзническим военным командованием и российским офицерством. Верхушка офицерства выражала недовольство правительственным и военным контролем иностранцев. Г.М. Веселаго, Н.И. Звегинцев — ключевые фигуры и авторы «приглашения» союзников в Мурманск, генерал В.В. Марушевский, капитан II ранга Г.Е. Чаплин, военный прокурор области С.Ц. Добровольский оставили в своих мемуарах много нелестных слов и упреков в адрес представителей военного командования союзников. В своих воспоминаниях они пишут о вмешательстве иностранцев в русские дела, о том, что иностранная экспансия преследовала свои корыстные личные мотивы, о фактах бестактного обращения, оскорблявших честь и достоинство русского офицера¹².

Генерал В.В. Марушевский впоследствии был вынужден признать, что «отношения между вновь формируемыми русскими частями и английским командованием не ладилась... что большинство русских людей искренне верили в то время, что англичане пришли помочь восстановить нашу родину, тогда как, на самом деле, это была просто оккупация края по чисто военным соображениям». Он отмечает, что «вся политика области была в тисках иностранного представительства», а английская политика, за немногим исключением, была «политикой колониальной, т. е. той, которую они применяют в отношении цветных

¹¹ Нуланс Ж. Моя посольская миссия в Советской России. 1917–1919 гг. // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 102.

¹² Чаплин Г.Е. Два переворота на Севере // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 63.

народов». На конкретных фактах и примерах этот тезис подтверждает С.Ц. Добровольский¹³.

Частично обвинения являлись попыткой оправдать себя и свалить на союзников неудачи начала 1919 г. на фронте, ошибки и просчеты в комплектовании и военно-техническом снабжении вооруженных сил Северной области. Вместе с тем, действительно, в руках союзников находилось оружие, военно-техническое и продовольственное снабжение, военные школы подготовки и переподготовки офицеров. Иностранцы полностью подчинили себе всю хозяйственную жизнь края. Они являлись распорядителями морского транспорта, контролировали 84 % грузооборота Архангельского морского порта. Вместе с иностранными солдатами на Север хлынули коммерсанты, скупая за бесценок высококачественную пушнину, лес, рыбу, нередко поставляя в обмен некачественные продовольственные и промышленные товары. Перфорация денег, имевших хождение в Северной области, строгое привязывание курса северного рубля к английскому фунту стерлингов поставили в зависимость от иностранного капитала всю экономику края. Экономическая подоплека иностранного вмешательства была очевидна. Северная интеллигенция нередко являлась свидетельницей конфликтов, возникавших между послами и представителями Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки на почве коммерческих интересов¹⁴.

Наличие экономической выгоды от международной интервенции не отрицали и сами иностранцы. Ж. Нуланс, представитель французского посольства впоследствии писал: «Наша интервенция в Архангельске и Мурманске, однако, оправдала себя результатами, которых мы добились с экономической точки зрения. Вскоре обнаружится, что наша промышленность в четвертый год войны нашла дополнительный ценный источник сырьевых материалов, столь необходимый демобилизованным

¹³ Марушевский В.В. Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 186, 187, 188, 239–240, 256, 339; Добровольский С.Ц. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции в 22 томах. Т. 34. М., 1991. С. 35.

¹⁴ Марушевский В.В. Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 195, 202, 282; Добровольский С.Ц. Указ. соч. С. 94–96; Русский Север. 1919. 25 апреля, 8 мая; Отечество. 1919. 10 сентября.

рабочим и предпринимателям. Все это благоприятно отразилось на нашем экономическом балансе»¹⁵. Известные мурманские исследователи А.А. Киселев и Ю.Н. Климов отмечают, что «менее чем за полтора года иностранцы вывезли с Севера продукцию на сумму 3624,4 тысяч фунтов стерлингов. Проводились повальные реквизиции скота, вплоть до оленей у кочевых народов» [7, с. 179].

С окончанием Первой мировой войны и денонсированием Брестского мира 13 ноября 1918 г. утрачивает свою значимость фактор патриотизма, на котором пытались играть бывшие союзники. Необходимость защиты отечества от угрозы порабощения германским милитаризмом, которым иностранцы хотели оправдать свое присутствие в России, Северной области и привлечь общественность на свою сторону, отпадает. Летом — осенью 1919 г. ряд представителей иностранных держав начинает склоняться к мысли о допустимости союза с Советской Россией, который мог стать залогом восстановления послевоенной экономики европейских стран. После капитуляции Германии и завершения Первой мировой войны среди зарубежной общественности все настойчивее звучит мысль о бессмысленности присутствия иностранных войск в России. Для значительной части северной интеллигенции становится все более очевидным, что «союзники» были не столько заинтересованы в «совместной борьбе с большевизмом», сколько преследовали собственные политические цели и интересы.¹⁶

Нельзя не признать, что региональная интеллигенция умеренно-демократических и кадетско-либеральных взглядов пыталась предотвратить вывод войск союзников из Северной области. С момента принятия решений правительствами стран Антанты — участниц интервенции на Севере об эвакуации иностранных войск в конце зимы — весной 1919 г. и вплоть до окончательного их вывода в октябре 1919 г. она прилагала усилия к тому, чтобы сохранить в области иностранный военный контингент. Земскими деятелями, членами Союза интеллигенции и Союза архангельских врачей были направлены телеграммы и обраще-

¹⁵ Нуланс Ж. Моя посольская миссия в Советской России. 1917-1919 гг. // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918-1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 100.

¹⁶ Северное Утро. 1919. 14 декабря.

ния в адрес глав иностранных государств и представителей интеллектуального труда европейских стран, в которых предпринимались попытки убедить мировую общественность в том, что «малолюдная Северная область обречена на гибель, если будет предоставлена только своим силам», что союзники выполняют миссию по «созданию истинно свободной страны на демократических началах»¹⁷.

Однако наиболее массовые группы региональной интеллигенции: основная часть педагогов, члены медико-ветеринарного фельдшерского общества, техники, сельскохозяйственная интеллигенция, часть земских чиновников — начинают склоняться к мысли о необходимости прекращения братоубийственной гражданской войны и восстановления советской власти, так как «порядки в регионе не лучше, чем в большевистской России»¹⁸. Они поддержали власть советов, восстановившуюся в регионе в феврале 1920 г. В частности, на губернских собраниях членов профсоюзов учителей (23 мая 1920 года), служащих лечебно-санитарных учреждений (7 марта 1920 года), ветеринарного персонала (25 апреля 1920 года), архитектурно-строительных рабочих (20 апреля 1920 года) прозвучали слова приветствия в адрес советской власти. Медицинские работники благодарили «пролетарскую армию и ее вождей, позволивших гражданам Севера вздохнуть свободно». Они давали «клятву употребить всю свою силу, все свои знания, всю свою энергию на укрепление нового фронта». Педагоги признавали, что борьба советской власти с армией Е.К. Миллера есть «борьба прогресса с регрессом». Новую власть поддержали уездные чиновники и многие члены губернской земской управы, среди них: П.Т. Сеницын, Г.И. Виноградов, И.М. Соболев, П.И. Полонский, Г.И. Преображенский и другие¹⁹.

Резюмируя в целом, следует отметить, что иностранная интервенция в лице бывших союзников России по Антанте явилась ключевой в развязывании широкомасштабной Гражданской войны на Европейском Севере. Справедливо утверждение

¹⁷ Отечество. 1919. 5 августа, 10 августа.

¹⁸ Возрождение Севера. 1919. 8 августа.

¹⁹ ГААО. Ф. 218. Оп. 2. Д. 95. Л. 4-9; Д. 100. Л. 1-27; Д. 113. Л. 27, 46; Ф. 352. Оп. 1. Д. 158. Л. 41.

В.И. Голдина, что «без иностранного военного вмешательства антибольшевистский фронт здесь имел малые шансы на возникновение и длительное существование, и внутренняя борьба здесь вряд ли вылилась бы в форму гражданской войны» [3, с. 103].

При всей неоднозначности взглядов значительная часть интеллигенции региона ей активно не противилась, наивно полагая, что союзники выполняют благородную и бескорыстную гуманитарную миссию по «созданию истинно свободной страны на демократических началах» в ущерб собственным национальным интересам²⁰. А приезжие радикалы из центра, напротив, делали на нее ключевую ставку в борьбе с большевизмом. Однако вскоре на фоне реальной политики, проводимой интервентами, идеалистические представления оборачиваются разочарованием. Интеллигенция региона начинает понимать истинные цели и намерения иностранной интервенции. В свою очередь, иностранцы ушли с Севера, оставив много нелестных эпитетов в адрес либерально-настроенной интеллигенции, которая «никогда не будет править в России», так как неспособна адекватно судить об общественных настроениях²¹.

Уроки, извлеченные в ходе взаимодействия интеллигенции с представителями так называемой «союзной» интервенции в годы гражданской войны, весьма значимы для России. Наивно полагать, что страны мира в своей внешней политике руководствуются бескорыстными мотивами помощи другим государствам в ущерб собственным национальным интересам. Дополнительное тому доказательство — «гуманитарные интервенции» XXI в., осуществленные под лозунгом привнесения демократии и защиты прав и свобод человека, которые имели в своей основе конкретные прагматичные цели и интересы определенных государств. Как правило, привнесенные извне, без учета социально-политической и культурно-исторической специфики страны, ценности и модели устройства общества производят обратный эффект.

²⁰ Отечество. 1919. 5 августа, 10 августа.

²¹ Письмо консула США в Архангельске Коула послу Фрэнсису // Заброшенные в небьтие. Интервенция на Русском Севере (1918-1919 гг.) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 438-439.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. 1. / Сост., авт. вст. ст. и коммент. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1993. 416 с.
2. Воронин Д.В. О роли интервентов в развязывании Гражданской войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1 (18). С. 25–30.
3. Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск: Изд-во «Боргес», 2000. 280 с.
4. Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.
5. Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников / Сост. В.И. Голдин, Предисл. В.И. Голдин и Дж.У. Лонга. Архангельск: ПГУ, 1997. 505 с.
6. Калашников В.В. Иностранная интервенция как фактор гражданской войны в России // Гражданская война в России. Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. 2014. Т.2. СПб.: Из-во СПбГЭТУ. С. 43–56.
7. Киселев А.А., Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1977. 224 с.
8. Новикова Л.Г. Интервенция и Гражданская война на Русском Севере: к переоценке проблемы // Отечественная история. 2007. № 4. С. 113–126.
9. Овсянкин Е.И. Архангельск: годы революции и военной интервенции. 1917–1920 гг. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1987. 240 с.
10. Потылицын А.И. Мы помним и не забудем. Архангельск: Архангельское областное государственное изд-во, 1950. 52 с.
11. Сенявская Е.С. Соперники, союзники, враги... // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2010. № 5 (244). С. 86–101.
12. Трошина Т.И. Интервенты в восприятии населения Архангельской губернии // Защитники Отечества: материалы XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII общественно-научных чтений по военно-исторической тематике, Архангельск, 2016–2019 / Сост. А.В. Буглак, Архангельск: Лоция, 2019, С. 459–467.

НАРРАТИВНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ОСВОЕНИИ ФЕНОМЕНОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, ИНТЕРВЕНЦИИ И ОККУПАЦИИ

Изменчивая политическая конъюнктура продолжает негативно сказываться на исторических публикациях, особенно посвященных таким непростым по природе и постижению, интерпретации страниц прошлого, как Гражданская война, а также неразрывно связанных с ней фактов и процессов иностранной военной интервенции и чужестранной оккупации.

Наглядным подтверждением высказанному наблюдению являются противоречащие научным подходам тенденции в новейшей украинской историографии. В академических изданиях обобщающего, итогового характера отрицается сам факт Гражданской войны в Украине [2, с. 20; 5, с. 10]. Он ловко подменяется утверждениями о «военно-политическом противоборстве», как правило, инспирированном большевистскими агрессиями со стороны Советской России [2, с. 20; 5, с. 10]. Одновременно предлагается весьма изобретательная словесная эквилибристика относительно таких устоявшихся на протяжении десятилетий феноменов, как австро-германская оккупация Украины в 1918 г., а также военная интервенция стран Антанты, начавшаяся в конце 1918 г. в Крыму и южных украинских портах. В первом случае предлагается весьма «оригинальная» терминологическая и смысловая трактовка — «Австро-германских войск контроль над территорией Украины 1918 г.» [4, с. 19-20], а во втором — «Антанты воинское присутствие на Юге Украины 1918-1919» [1, с. 94]. Очевидно, стремлением найти некий «примирительный», «смягчающий», паллиативный вариант между хорошо известными объективными реалиями и не во всем убедительной их терминологически-понятийной оценкой является вводимая в научный оборот новейшая дефиниция «нетипичная оккупация», которой характеризуется ситуация в Украине в 1918 г. [6]

Такое, можно сказать, ключевое «категориальное» словотворчество порождает целую цепочку производных определений марионеточного режима, как, например: «гетманат П. Скоропадского — модель консервативной революции», «гетманская Украинская Держава — малороссийский проект» и много тому подобных.

Автору данного сообщения приходилось не один раз обращаться к затронутому аспекту, публично доказывать целесообразность если не строго текстуального, адекватного заимствования терминологии из документов эпохи (в некоторых случаях уточняющая коррекция и возможна, и даже желательна, логично оправдана), то, во всяком случае, приближения используемого понятийного инструментария к содержательной, смысловой основе источников, сформировавшейся непосредственно в процессе изучаемых событий [7; 9; 10; 11].

Среди прочих мотивов, рядом с призывом отказаться от игнорирования документальных изданий с воспроизведением источников, в том числе зарубежного происхождения, только потому, что они появлялись в советское время, содержались обращения к новейшим публикациям интернациональных коллективов исследователей [3], сущностно аутентичных в терминологических проявлениях с давно устоявшимися представлениями и оценками. Такие издания, выстроенные на скрупулезном использовании документов и материалов иностранного происхождения, продолжают время от времени пополнять историографический арсенал ученых. Среди них и недавний выход в свет книги «Украина-1918. Взгляд из Германии» [12].

Книгу подготовило издательство «Содружество “Посев”» в переводе с немецкого, с предисловием и комментариями Л.В. Ланника. В книгу вошло три публикации непосредственных участников событий: Ханса Тинтрупа «Война на Украине» (впервые появилась в 1919 г. в Штутгарте и переиздана в 1938 г. в Эссене), Фридриха Шрадера «Беженцем через Украину: из дневника моего бегства из Константинополя» (опубликована в 1919 г. в Тюбнгене) и Карла Гельсхорна «С германскими войсками на Украине: к истории германской катастрофы» (Кенингсберг, 1919).

Автор первого материала Х. Тинтруп в качестве вначале лейтенанта, затем капитана-кавалериста с первых же дней похода германского воинского контингента в Украину и практически

до окончания акции участвовал в осуществлении оккупационной политики, побывав во многих регионах Украины — от Волыни до Донбасса, от Одессы до Таганрога. Профессору Ф. Шрадеру довелось из Одессы кружным путем вокруг Киева выбираться к западной границе, испытав тяготы положения гражданина потерпевшего поражение в Первой мировой войне государства в конце 1918 г. — начале 1919 г. К. Гельсхорн, будучи военным священником, также не понаслышке знал и пытался оценить то, что происходило в Украине практически с первых месяцев оккупации и до триумфа власти Директории.

Несомненно, все трое обладали недюжинным литературным талантом (по крайней мере, довольно хорошими публицистическими способностями), склонностью к серьезной аналитике и обобщениям, а написанное ими органично дополняет друг друга, позволяет воссоздать комплексную, весьма реалистичную и довольно убедительную картину.

Конечно, в коротком сообщении нет возможности передать (хотя бы посюжетно упомянуть) все подходы и оценки действий и фактов, которые нашли отражение в книге [8]. Целесообразно ограничиться лишь наиболее важными и существенными, по существу — нарративными (может, больше — концептуальными по смысловой нагрузке) моментами.

Поскольку далее в предлагаемом тексте ссылки осуществляются исключительно на единственный источник — книгу «Украина-1918. Взгляд из Германии» [12], представляется оправданным указывать в скобках ссылки только на ее соответствующие страницы.

Характерно уже название первой главы записок — «Вторжение» (с. 11-25). Кстати, переступив 19 февраля 1918 г. «через сеть русских окопов и заграждений», германские войска были обескуражены: окопы были пусты и давно заброшены (с. 12-13). Заняв без единого выстрела Луцк, они начали очень быстрое наступление на Ровно. «Наше продвижение катилось вперед, вглубь страны настолько беспрепятственно, — говорится в публикации, — что мы по-прежнему выставляли охранение лишь из чувства долга, а в остальном наступали как на маневрах...» (с. 13-14).

Данный аспект представляется весьма важным. Он свидетельствует о том, что скудные войска УНР оставляли две недели тому Правобережье без сопротивления — просто уходили, а крас-

ноармейские части даже практически не успели войти в регион. Но проникающие вглубь украинской территории иностранные войска «по неоспоримому праву войны с полным основанием» (с. 19) начали присваивать себе имущество местных граждан, осуществлять «совершенно законную его реквизицию» (с. 20). Грабеж коснулся, конечно, в первую очередь крестьянства, поскольку иноземные воины с сожалением буквально на каждом шагу встречали «множество бессмысленно сожженных поместий» (с. 21), хотя сразу же уловили «ненависть к местному чуждому по национальному происхождению, то есть польскому дворянству» (с. 22).

Проникая все далее в сердце Украины, пришельцы ощущали не только радушный прием со стороны местных жителей (такое, особенно в первые дни, тоже было), но и массовое сопротивление в попытках добыть продовольствие и фураж, когда «зачастую оставалось только хвататься за кобуру пистолета», что, по мнению немецкого офицера, являлось естественным для «любой оккупационной армии» (с. 26). Терминами «завоевательный поход», «оккупация», «оккупационный режим», «иностранная оккупационная армия», «немецкая «аннексия Украины»», повсеместные «рейды» и «реквизиции», «мягкая малая война», «карательные экспедиции против банд грабителей» (речь о восстающих крестьянах, которых без каких-либо сомнений именуют большевиками. — В. С.), «неусыпная охрана станций, линий железной дороги и сооружений» пестрят страницы рассказа Х. Тинтрупа, чем дальше внедрялись в регион новоиспеченные союзники (см., напр.: с. 27, 29, 31, 32, 41, 73, 162, 178, 285 и др.). При этом необходимо сделать особый акцент на том, что речь идет не о рассыпанных повсюду попавшихся под руку удобных или случайных словах, а о сознательной характеристике реальных процессов и явлений, заполнявших жизнь граждан Украины и тех иностранных воинов, которые оказались на подчиненной себе вооруженной силой территории.

То есть опровергать десятилетиями складывавшиеся представления и оценки относительно характеристики германского пришествия в Украину как интервенции и оккупации вряд ли оправданно. Смысл и содержание категорий новой книги причастных к событиям лиц явно свидетельствует об обратном.

Особенно убедительны в отмеченном отношении серьезные, грамотные размышления священнослужителя К. Гельсхорна, ко-

торый поставил перед собой задачу «осмыслить причины... нашей катастрофы» в 1918 г., понять, как случилось, что «Украина... для нас, немцев, является просто одной из утраченных позиций» (с. 283).

Отец Карл, как и другие его соотечественники, пытается не только раскрыть причины военной экспансии в Украину, но и найти элементы оправдания непростым фактам. Естественно, он апеллирует прежде всего к тому, что «ведь к нам за помощью обратилось само украинское правительство, так как своими силами справиться с большевиками оно не могло» (с. 285). При этом у немецких военнотружущих преобладало убеждение в правомерности своей миссии: «Когда мы, немцы, только вступили на Украину, то испытывали возвышенное ощущение, что пришли сюда как спасители и освободители, как для наших соотечественников — многочисленных немецких колонистов, так и для украинского населения, которое страшно притесняли большевистские банды, сжигавшие все подряд» (с. 285). В цитируемой фразе привлекает к себе внимание такой аргумент, как акцент на стремление в водовороте революционных потрясений прийти на выручку германским колонистам, что почти всегда остается вне поля зрения украинских авторов. Для зарубежных авторов неоднократное обращение именно к данному соображению, особенно касательно регионов Юга Украины и Крыма, где проживало достаточно много этнических немцев, является отличительной чертой рассуждений.

Попутно следует заметить, что все три автора книги исходят из того, что большевизм, несомненно, был злостным врагом для украинцев и его обязательно необходимо было физически уничтожить. Неизменный синоним тут — бандитизм. И сомнений на данный счет не обнаруживается, когда не только факты расходятся с декларативными утверждениями, но и, кажется, уже вплотную подводят к выводу, что основной массив местного населения — крестьянство, согласно неопровержимым фактам, было вовсе не против политики большевиков. Так, К. Гельсхорн вполне резонно замечает: «...Никак нельзя умолчать о том, что немцы слишком уж однобоко защищали интересы польских крупных помещиков (речь прежде всего о Правобережье. — В. С.). Тем самым мы заставили (тут и далее подчеркнуто мною. — В. С.) украинских крестьян возненавидеть себя, ведь они силой по-

пытались увеличить свои скудные наделы за счет помещиков и теперь со злобой смотрели, как немцы лишают их всех приобретений» (с. 286).

Своему соотечественнику вторит и Х. Тинтруп, вполне здраво рассуждая, что «...в этом и крылась причина провала всех прежних и будущих попыток контрреволюции; ведь сколь бы мало ни осознавал русский мужик (немецкие авторы не всегда различают термины «украинец» и «русский». — В. С.) идеалы советского государственного устройства, многократно усилившего нажим на него и донимавшего его своей неустроенностью, он все же ни на миг не замедлил бы поспешить под красное знамя ради борьбы против белых генералов, победа которых означала для него возвращение прежних порядков» (с. 27-28).

Однако в целом реалистичные соображения наталкивались на прагматичные расчеты руководства оккупантов, которые вынуждали их действовать в ином направлении. «Значительная часть чиновничества, чье содействие было для нас незаменимым, комплектовалась выходцами из высших слоев буржуазии, тесно связанной с помещиками кровными узами и деловыми связями. Поэтому важным направлением нашей “реальной политики” было сохранить их на своих постах при наличии у них хотя бы отчасти доброй воли к сотрудничеству: это была цель, которая казалась в целом стоящей известных затрат» (с. 29).

Иными словами, во главу угла жестко ставился корыстный немецкий интерес, хотя автор и стремится к оправданию якобы детерминированных действий: «...земельный вопрос был коренным и в нашей оккупационной политике. Мы пришли в эту страну извне и не имели никаких оснований выставлять себя слугами уже свергнутых порядков; в том, что закон здесь был попран, мы были ни в коем случае не виноваты. Единственной и безусловной, судя по здешним обстоятельствам, нашей задачей было извлечь для себя максимальную выгоду. Чисто по-человечески следовало сожалеть о том, что достояние русских помещиков отобрано и разграблено, а высший слой буржуазии претерпевает суровые лишения, однако это никак не должно было воздействовать на наши политические расчеты.

То, что последнее все-таки случилось, я могу признать только тяжелой ошибкой. Оказалось, что все перипетии и последствия часто проявляемой деловитости, чувство общности сословного про-

исхождения, схожий образ мысли и частные интересы крупных украинских помещиков и промышленников, с одной стороны, и нашего высшего генералитета, который с охотой или без нее все же взялся здесь и за политику, — с другой, возобладали над требованиями холодного рассудка и национальной выгоды» (с. 28).

Воспроизведенное вполне определенно свидетельствует о том, что в «реальной политике» оккупантов, безусловно, доминирующим был классовый (сословный) подход, осознанное, неприкрытое вмешательство в ведущуюся Гражданскую войну, как бы такое впечатление ни старались сегодня сгладить, подменить любимыми другими аргументами, в первую голову — потребностями противодействия революционным, леворадикальным устремлениям и процессам.

Приведенные соображения и оценки из анализируемого издания представляются совсем не излишними. На них желательное обратить внимание тем отечественным историкам, которые считают определения «интервенция», «оккупация», «марионеточный режим П.П. Скоропадского» и другие, связанные с ними, досужими домыслами советской историографии, следствием идеологического давления на ученых тоталитарной системы. Но немецких авторов, опубликовавших свои работы еще в 1919 г., вряд ли можно заподозрить в симпатиях к коммунистическим доктринам, влиянию на них большевистских взглядов (на страницах книги встречается немало резко негативных оценок большевизма (с. 230, 260, 329, 332 и др.)). Просто в данном случае мы имеем дело с рефлексиями очевидцев на непростые события, попытками их по возможности адекватнее передать и непредвзято оценить. Речь, по существу, о мемуарных первоисточниках высокого качества, содержащих весьма важную информацию для размышлений и научных выводов.

Вряд ли стоит специально подробно останавливаться на сюжетах, связанных с экономическими (хозяйственными) аспектами деятельности оккупационного режима. Достаточно ограничиться лапидарным замечанием-выводом: «На Украине, где их (германских и австро-венгерских войск. — В. С.) продвижение шло особенно быстро и легко, они поистине наложили руку на кладовую России, и в глубине души уже видели, как столь же точно, сколь и тщательно организованная и бестрепетно работающая администрация тут же “оприходует” все эти запасы...»

(подчеркнуто мною. — В. С.). Как добиться цели — «предоставить в распоряжение германского народного хозяйства продовольствие и сырье» (естественно, украинские), оккупанты решали сами (с. 285). И это, в общем-то, весьма хорошо известно.

Неоднозначные выводы следуют из содержащегося в книге анализа немецко-украинских отношений. Попытки доказать, что «уважение к немцам было очень велико», разбиваются о категорическую констатацию, что начавшейся крестьянством войне «конца-края не видно» (с. 291).

Поэтому на основе обобщения сведений как на внутреннем фронте, так и неутешительных информаций, поступавших с западного театра военных действий, евангелический пастырь решился произнести проповедь, облеченную в тревожные тона и предсказанием печальных перспектив. Когда воинскому начальству стало об этом известно (солдат на богослужения в храмы делегировали, даже издавали для этого специальные приказы, а офицеры особого рвения не проявляли), реалистично мыслящего священнослужителя вначале отстранили от осуществления своих прямых функций, а затем и вовсе через военное министерство отозвали с Украины (с. 296-297).

Таким образом, в оценках и рассуждениях К. Гельсхорна содержится значительный массив интересных сведений, касающихся весьма тонких, деликатных аспектов (польский, еврейский факторы в оккупационной системе координат, подробности совершения культовых обрядов, их связь с политикой и др.), которые помогают обогатить палитру представлений о сложнейших процессах.

По-своему ценными представляются и подробнейшие дневниковые путевые заметки профессора Ф. Шрадера. Охватывая хронологически небольшой период (ноябрь 1918 г. — январь 1919 г.), они отражают малоизвестные и воспроизведенные в исторических трудах события, связанные с выводом из Украины германского и австро-венгерского воинского контингента. Как правило, реконструкцию проблемы в изданных трудах заканчивают двумя датами — 12 и 14 декабря 1918 г. — отбытием из Киева последнего эшелона с оккупационными властями и частями, а также отъездом вместе с ними П.П. Скоропадского, который отрекся от гетманства. Однако всегда оставалось ясным (но не проясненным), что полумиллионная военная армада, масса гражданского

иностранным чиновничества вместе с огромными обозами никак не могли в сжатые сроки (до овладения Киева Директорией) покинуть огромную по европейским масштабам страну.

Материалы высокопоставленного чиновника, вынужденного с выходом Болгарии и Турции из империалистической войны спастись бегством на родину из Стамбула через Украину вместе с другими немецкими военными и гражданскими лицами (чтобы избежать нежелательного контакта с властями Антанты), на примере частных, но весьма выразительных, красноречивых примеров отражают сложнейшие перипетии украинско-немецких отношений, в условиях краха Украинской Державы П.П. Скоропадского, победы антигетманского восстания и возрождения Украинской Народной Республики под эгидой Директории.

Хотя Ф. Шрадер являлся широко эрудированным, опытным дипломатом, знакомства для него с украинской действительностью через узкую вагонную щель оказалось явно недостаточно, чтобы принимать за истинные многие высказанные им сентенции. Так, если не сознательно лукавит, он не может постичь причин ненависти к германским оккупантам, механически олицетворяемым любым этническим немцем. Так, посетив привокзальный рынок в Знаменке, он отмечает: «Это прямо насмешка над нашей бедной голодающей Германией. Тут в наличии огромные запасы сала, колбасы, смальца. Все люди — вполне упитанные, а уж некоторые из крестьянок с их курносими носами и в высоких мужских сапогах, прямо Афродиты. А вот с мужчинами дело другое. Они глядят мрачно и недоверчиво. Едва завидят немца, в их душе явно что-то происходит. И это вовсе не симпатия или любовь. Это — ненависть, яростная ненависть и желание мести, которое может испытывать только славянин. Да что же мы такого сделали этим людям? Спросите солдат, а уж они вам расскажут» (с. 236). И если вопрос звучит почти патетически, хотя и является голой демагогией, то апелляция к виртуальным солдатским рассказам, очевидно, рассчитана на то, что во главу угла ставятся впечатления эшелонного путешествия. Автор считает совершенно неестественными, алогичными попытки украинских воинов на ряде станций разоружить немцев, чего определенное время удавалось избежать, давая взятки, откупаясь шнапсом, в конце концов закончившиеся сдачей оружия и частичным грабежом снаряжения и багажа (с. 242–253, 254–255, 264 и др.).

Каких только возмущенных эпитетов и характеристик это не заслуживает. Жаль только, что тот же автор забывает свои же слова, несколько ранее занесенные в дневник. Рассуждая о том, что нужна новая, послевоенная, демократическая Россия, профессор-дипломат пишет, что «путь к этой новой России идет сквозь мрак бесконечной смуты, проходит по развалинам гетманского режима, созданного нами и защищаемого, но неверными средствами. Ведь давно уже ни для кого не секрет, что по отношению к украинцам мы жестоко заблуждались. Сами же наши солдаты рассказывали, как им доводилось грабить сельское население этой страны, отбирая скот, их коров и свиней, а также продовольствие. Несмотря на всю общность интересов, связывавшую нас с украинцами, между нами и украинским крестьянством вставало привидение-правление, которое мы осуществляли на основе насилия» (с. 215). Наверное, другой ответ на поставленный Ф. Шрадером вопрос искать не стоит, как ясно и то, что могли по этому поводу рассказать солдаты-оккупанты.

Разве что можно добавить только краткую фразу из послесловия к своему дневнику профессора: «Не подлежит никакому сомнению, что мы, немцы, поступали с украинцами вовсе не так, как хотели бы, чтобы поступали с нами» (с. 277). Обращение к логике одной из библейских заповедей в данном случае выглядит не лишним.

Подытоживая, необходимо отметить, что историки получили в свое распоряжение весьма интересное издание, дающее дополнительный заряд для исследований, для научных рассуждений, для обоснования концептуальных выводов и реконструкций непростых страниц нашего прошлого. Естественно, как и к любому другому источнику, к материалам книги «Украина-1918. Взгляд из Германии» следует применять критический анализ, что, несомненно, еще не один раз будет делаться в будущем. Но уже сейчас, в первом аналитическом приближении с большой долей уверенности можно констатировать, что многое из воссозданного авторами — непосредственными участниками событий, пронзительно наименованных «свирепыми вихрями войны» (с. 183), заслуживает безусловного доверия и может быть эффективно использовано.

Как представляется, осуществленный нарративный экскурс в новейшую книгу зарубежных авторов имеет не только огра-

ниченное, узкорегіональне значення. Проявлення уваги до нього може бути небезпечно, конструктивно використано і в більш широких територіальних (географічних) параметрах, в застосуванні методологічних і методических підходів при дослідженні історії Громадянської війни і в інших (времений в тому числі) вимірюваннях.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Верстюк В.Ф. Антанти військова присутність на Півдні України 1918-1919 // Енциклопедія історії України. Т. 1. К.: Наукова думка. 2003. С. 94.

2. Верстюк В.Ф. Від «Великої Октябрської соціалістическої революції і громадянської війни на Україні (1917-1920)» до «Нарисів історії Української революції» й далі: трансформації дослідницької парадигми // Український історичний журнал. 2017. № 3. С. 20.

3. Дорнік В., Касьянов Г., Ліб П., Міллер А., Расевич Б. Україна між самовизначенням і окупацією. 1917-1922 роки. К., 2015. 512 с.

4. Лупандін О.І. Австро-німецьких військ контроль над територією України 1918 // Енциклопедія історії України. Т. 1. К.: Наукова думка. 2003. С. 19-20.

Нариси історії Української Революції. К.: Науково-виробничес підприємство «Видавництво «Наукова думка»» НАН України. 2011. С. 10.

5. Пиріг Р.Я. Відносини України і Центральних держав: нетипова окупація. К., Інститут історії України НАН України. 358 с.

6. Солдатенко В.Ф. В горниле революцій і війн: Україна в 1917-1920 гг. Історико-історіографіческіе ессе. М.: РОССПЭН. 2018. 670 с.

7. Солдатенко В.Ф. Дополнительные аргументы против тенденции отказа от принципиальных подходов и оценок (соображения в связи с книгой «Украина-1918. Взгляд из Германии» // Гілея. Науковий вісник. Збірник наукових праць. Вип. 145 (№ 6). Ч. I. Історичні науки. К., 2019. С. 156-162.

9. Солдатенко В.Ф. Порівняльна історіографічна оцінка міжнародного становища України за доби Гетьманату П. Скоропадського // Проблеми всесвітньої історії. 2017. № 2 (4). С. 9-33.

10. Солдатенко В.Ф. Режим гетьманату 1917 р. у світлі документів та сучасних історичних студій // Український історичний журнал. 2016. № 6. С. 151-174.

11. Солдатенко В.Ф. Україна 1918 р. в транснаціональному контексті: історіографічний дискурс // Гілея. Науковий вісник. Збірник наукових праць. 2017. Вып. 117. С. 7-20.

12. Украина-2018. Взгляд из Германии. М.: Содружество «Посев», 2018. 336 с.

БОРЬБА ЗА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ: ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛИ БОЛЬШЕВИКИ

Взаимоотношения старой дореволюционной интеллигенции с советской властью на протяжении длительного периода, как в историографии до, так и после 1991 г., привлекали внимание профессиональных историков [6, 8, 9, 12, 15]. На излете перестройки и в постсоветские десятилетия тема «уничтожения» большевиками старой интеллектуальной элиты стала заметной составляющей усилий, направленных на переформатирование исторической памяти россиян. Широкой публике предлагались шокирующие сведения об истреблении офицеров, священников, о массовом бегстве за границу российских интеллигентов, о притеснениях в отношении старого студенчества, профессуры, учительства. Через столетие после окончания Гражданской войны в России представляется важным попытаться отделить зерна истины от шелухи мифов и ответить на вопрос: почему большая часть интеллигенции, как и всего остального населения России, пошла за большевиками, а не за их противниками.

Февральскую революцию 1917 г., свержение царизма абсолютное большинство интеллигентов поддержало. Многие учителя, врачи, инженеры, профессора, офицеры, студенты участвовали в митингах, демонстрациях, вступали в политические партии, были активистами общественных организаций. Большие надежды интеллигентское сообщество связывало с созывом Учредительного собрания [1, 5]. На выборах в него 12 ноября 1917 г. симпатии интеллигентского электората разделились между эсерами, большевиками и кадетами.

Но после Октябрьской революции приход к власти большевиков авторитетные интеллигентские организации (Всероссийский учительский союз, Всероссийский союз инженеров, Пироговское общество врачей и др.) оценили как «узурпацию власти», пытались организовать саботаж мероприятий советского правительства и даже забастовку.

Часть старой интеллигенции встала на путь вооруженной борьбы с советской властью. Значительная часть генералов и стар-

ших офицеров царской армии (М.В. Алексеев, А.И. Деникин, А.В. Колчак, Л.Г. Корнилов и другие), крупных чиновников, священнослужителей, активистов политических партий (Ф.И. Дан, П.Н. Милюков, А.Н. Потресов, А.В. Пешехонов и другие) выступила в роли организаторов, инициаторов антисоветского, белого движения. Из рядов младшего и среднего офицерства, юнкеров, студентов, гимназистов рекрутировались бойцы вооруженных отрядов, участники антибольшевистских восстаний, антисоветского подполья. Врагами Октябрьской революции, идеологами антибольшевистского движения выступали А.Т. Аверченко, А.В. Амфитеатров, Л.А. Андреев, М.П. Арцыбашев, И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцев, Вяч. И. Иванов, Д.С. Мережковский, Ф.К. Сологуб, Н.А. Тэффи, Е.Н. Чириков, Г.И. Чулков и другие представители художественной интеллигенции.

Взаимоотношения советской власти со старой интеллигенцией начались, таким образом, с острого конфликта. «Интеллигентская челядь эксплуататоров», «разгильдяи и истерички из интеллигенции», «мерзавцы из лакеев буржуазии», «саботажники, именующие себя интеллигенцией», — председатель СНК РСФСР, вождь Коммунистической партии В.И. Ленин был явно разочарован поведением интеллигенции [10. Т. 36, с. 194, 196, 197, 203, 204]. Некоторые авторы, работники СМИ часто цитируют характеристику, данную Лениным в письме А.М. Горькому от 15 сентября 1919 г., в котором говорилось, что интеллигенция не мозг, а «г... нации» [10. Т. 51, с. 47-49].

Интеллигентская забастовка провалилась. Ленин в «Очередных задачах Советской власти» (апрель 1918 г.) разработал политику максимального привлечения старой интеллигенции к сотрудничеству с советской властью, которая затем достаточно последовательно проводилась [3].

Значительную часть РККА, сформировавшуюся на добровольных началах, составляли офицеры старой армии. Уже в середине июня 1918 г. около 9 тыс. офицеров старой армии добровольно вступили в РККА, а всего к концу гражданской войны было призвано 48,4 тыс. офицеров и генералов, 10,3 тыс. военных чиновников, около 14 тыс. военных врачей. Бывшие офицеры и генералы готовили красных командиров в советских военно-учебных заведениях, служили в центральных и местных учреждениях, на строевых должностях в частях и соединениях. Военные специ-

алисты в Красной армии в 1918 г. насчитывали 75 % среди командного состава, в 1919 г. — 53 %, в 1920 — 42 %. На службу новой власти, своему народу встали бывшие офицеры старой армии, известные впоследствии военачальники: М.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вацетис, С.С. Каменев, Б.М. Шапошников, Ф.Ф. Новицкий, А.И. Егоров, А.А. Самойло, А.И. Корк, Д.М. Карбышев, В.М. Альтфатер, А.А. Балтийский, В.С. Лазаревич, А.М. Василевский, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, Я.И. Алкснис, Н.Е. Какурин, Р.П. Эйдемман, В.И. Шорин, Р.Ф. Сиверс, В.К. Триандафиллов, В.К. Путна и др. Генералы А.Д. Станкевич, А.П. Николаев, А.А. Таубе были казнены белыми за службу советской власти. В 1920 г., с началом наступления белополяков, в РККА пришли генералы А.А. Брусилов, А.М. Зайончковский, В.Н. Клембовский, А.Е. Гутор, сотни офицеров [7, с. 198, 208, 210].

Во избежание измен и предательств (Муравьев, Балахович и др.) в РККА в апреле 1919 г. был учрежден институт военных комиссаров, число которых к концу 1919 г. достигло 5200 человек. К 1921 г. насчитывалось 70–75 тыс. бывших офицеров и генералов, служивших в РККА (34 % из 217 тыс. командиров всех степеней). До половины старой русской армии (на 25.10.1917 — 157 884 офицера) служило в Красной армии [4, с. 84].

Большая часть инженеров, врачей, научных работников была мобилизована как непосредственно в РККА, так и во многочисленные советские учреждения, промышленные, транспортные и другие предприятия.

С Российской академией наук советская власть смогла найти общий язык. 16 августа 1918 г. постановлением СНК РСФСР был создан Научно-технический отдел (НТО) при ВСНХ. В НТО работали более 200 профессоров, 300 инженеров, 240 других специалистов (А.Н. Крылов, А.Н. Туполев, Д.С. Рождественский, Н.Д. Зелинский, А.Д. Архангельский, И.А. Каблуков, А.Е. Фаворский, А.Е. Ферсман и другие). В Совете народных комиссаров и Совете труда и обороны с октября 1917 г. по январь 1921 г. обсуждалось свыше 230 вопросов, связанных с наукой и учеными.

А.П. Карпинский (президент РАН), академики А.Н. Бах, Н.Е. Жуковский, К.Э. Циолковский, И.М. Губкин, А.Ф. Иоффе, И.П. Павлов, И.П. Бардин, К.А. Тимирязев, О.Ю. Шмидт и другие крупные ученые работали в Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), создавали новые научные

институты, учреждения, вели интенсивную научную работу. В 1918–1919 гг. было создано 117 новых научных учреждений, в том числе 33 научно-исследовательских института.

Уже в начале 1918 г. Ленин беседовал с А.В. Винтером о строительстве Шатурской ГЭС, а с Г.О. Графтио — о сооружении Волховской ГЭС. Ленин обсуждал с учеными и перспективы развития ядерной энергетики. Под руководством коммунистов Л.Б. Красина и Г.М. Кржижановского более 200 специалистов в 1920 г. разработали план ГОЭЛРО, а затем занимались его реализацией (профессора Г.О. Графтио, Е.Я. Шульгин, А.Г. Горев, И.Г. Александров, Л.К. Рамзин, К.А. Круг, М.А. Шателен, Б.И. и А.И. Угримовы, инженеры М.Я. Лапиров-Скобло, М.А. Смирнов, А.Г. Коган, Б.Е. Веденеев и др.).

В качестве дополнительной меры к проводимым мобилизациям 24 марта 1920 г. СНК РСФСР принял постановление «О срочном выпуске инженеров-специалистов». К 15 декабря 1920 г. ускоренным порядком было выпущено 665 специалистов. В Москве с 1 января по 1 июля 1921 г. ускоренный выпуск из высших технических учебных заведений дал 868 молодых инженеров. В Петрограде с ноября 1920 по сентябрь 1921 г. было ускоренным порядком выпущено 1355 человек, в том числе 268 механиков, 237 инженеров путей сообщения, 186 электриков, 176 инженеров-строителей, 125 архитекторов, 62 агронома, 43 металлурга, 63 химика, 59 экономистов, 57 горных инженеров, 23 фототехника, 21 кораблестроитель, 36 лесников [11, с. 109–111].

Большей части старой дореволюционной интеллигенции бежать было некуда, не с чем и незачем. Универсальной, вполне приемлемой для работников интеллектуального труда формой интеграции в новые общественные отношения стало вступление в единые всероссийские профессиональные союзы с преимущественно интеллигентским составом.

2–7 марта 1919 г. в Москве состоялся I съезд, основавший Всероссийский профессиональный союз работников медико-санитарного труда (ВМСТ, Всемедикосантруд). 249 делегатов представляли 134 тыс. медицинских работников. К этому моменту в 53 из 68 местных организаций произошло объединение самостоятельных узкопрофессиональных союзов. Однако вне рядов ВМСТ оставались врачи, которые не хотели оказаться вместе с санитарями и прачками, а также аптечные работники, стремившиеся войти в профсоюз химиков, что сулило более прочное матери-

альное положение для членов профсоюза. Председателями ВСМТ в 1919–1920 г. были коммунисты Ф.М. Михайлов, Г.П. Кузнецов, Н.М. Петров. К сентябрю 1919 г. союз объединял 150 тыс. членов, а к декабрю 1920 г. — 471 тыс.

7 мая 1919 г. в театре «Кино-Арс» в Москве на Тверской улице открылся I съезд профессионального союза работников искусств (Рабис). 114 делегатов с решающим и 49 с совещательным голосом представляли 25 тыс. членов союза в 50 губерниях. В выступлениях представителей ЦК РКП(б), ВЦСПС, Наркомпроса РСФСР указывалось на необходимость творческой, критической переработки старого культурного наследия, на необходимость прочного союза с рабочими, на важность согласованных действий профсоюза и государственных органов. К октябрю 1921 г., когда Всерабис ненадолго влился во Всеработпрос, в нем состояло свыше 121 тыс. членов. Председателем Всерабиса был Ю.М. Славинский.

Весьма важным было объединение организаций просветителей в единое целое. В Москве было до 25 союзов, в Петрограде — около 20. В условиях войны и расстройств средств сообщения делалось все возможное, чтобы выявить интересы, волю, желания, настроения учителей, профессоров и преподавателей, научных работников. Отдел съездов Наркомпроса работал с огромным напряжением. В 1918 г. в общей сложности состоялось 164 учительских и 13 съездов деятелей по народному образованию. Подверглись фронтальному обсуждению кардинальные, принципиальные вопросы высшего, среднего специального, профессионально-технического, среднего и начального, дошкольного и внешкольного образования, а также вопросы подготовки и повышения квалификации педагогических кадров и др. В 1918 г. 48,8 % учителей не имели педагогического образования, а потребность в специалистах определялась в 100 тыс. человек.

С 28 июля по 1 августа 1919 г. в Москве прошел съезд работников просвещения, на котором 31 июля по просьбе исполнительной комиссии выступил Ленин. На съезде были 277 делегатов из 32 губерний, представлявшие 66 100 просветителей. Образование единого профессионального союза работников просвещения стало важной вехой вовлечения педагогической интеллигенции в систему новых социальных связей, в то, что впоследствии стали называть гражданским обществом. В июле 1919 г. образовался

Всероссийский союз работников просвещения и социалистической культуры.

В отношении многочисленных интеллигентских общественных объединений большевики проводили дифференцированную политику. Многие организации были закрыты без всяких церемоний. Для раскола, ослабления весьма авторитетного Всероссийского учительского союза большевики создали Всероссийский союз учителей-интернационалистов, который привлек на свою сторону до 10 % учительства и всячески дискредитировал руководство ВУС в глазах колебавшегося учительства. В декабре 1918 г., когда ВУС закрыли, никто за него заступаться не стал. Некоторые организации, основанные еще в XIX в., такие как Русское географическое общество (с 1845 г.), Всероссийское театральное общество (с 1866 г.), благополучно пережили гражданскую войну и продолжают свою деятельность и в XXI веке.

Наиболее квалифицированные инженерно-технические кадры, сформировавшиеся как специалисты еще до революции и занимавшиеся научно-технической работой, в марте 1917 г. объединились во Всероссийский союз инженеров, который в 1919 г. был преобразован во Всероссийскую ассоциацию инженеров.

Общественные объединения преимущественно интеллигентского состава были важным элементом гражданского общества в молодом советском государстве, хотя понятие «гражданское общество» в тот период еще не употреблялось [13]. Профессиональные союзы аккумулировали позиции своих членов по вопросам состояния и проблемам развития соответствующей профессиональной деятельности.

Трудно переоценить личный вклад Ленина в налаживание отношений с интеллигентами старой формации. Волна «красного террора» поднялась в ответ на «белый террор» (антисоветские восстания, убийства и покушения на убийство видных деятелей) осенью 1918 г. В число заложников, которых расстреливали массово, действительно, зачастую без каких бы то ни было оснований, попадали бывшие чиновники, священнослужители, офицеры, профессора, студенты. Но уже 14 декабря 1918 г. Ленин подписал постановление Совета труда и обороны (СТО) о порядке арестов ответственных служащих и специалистов, которым действия ВЧК ставились в определенные рамки. Однако Ленину приходилось неоднократно лично вмешиваться и фактически спасать

от худшего исхода немало интеллигентов. Так, по малозначительным поводам подвергались арестам профессор И.А. Каблуков, В.И. Вернадский, Ю.В. Готье, М.М. Новиков, композитор А.Б. Гольденвейзер, издатель М.В. Сабашников и другие. Глава правительства помогал не всем. В 1922 г. Ленин стал инициатором высылки за границу большой группы интеллигентов, преимущественно гуманитариев, опасных для большевиков конкурентов в борьбе за влияние на массы.

В переписке с М. Горьким Ленин действительно ругал интеллигенцию. Но в конце 1919 г. по инициативе А.М. Горького была создана Комиссия по улучшению быта ученых в Петрограде. Ученые стали получать академический паек (3539 ккал), который уступал только красноармейскому (более 4000 ккал). Петроградская Комиссия по улучшению быта ученых заняла Дворец великого князя Владимира Александровича, в котором был создан Дом ученых. В 1919 г. для ученых и профессорско-преподавательского состава вузов было выделено 500 продовольственных академических пайков. 10 ноября 1921 г. была создана Центральная Комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). «Академический паек» получали К.Э. Циолковский, чувашский народный просветитель И.Я. Яковлев, сотрудник Сольвычегодского музея И.И. Томский, весьегонский краевед А.А. Виноградов. В списках лиц, которым ЦЕКУБУ оказывала помощь продовольствием, значились М.Н. Ермолова, Г.Н. Федотова, Л.В. Собинов, М.М. Ипполитов-Иванов, К.С. Станиславский и многие другие видные мастера искусств, историки М.В. Алпатов, М.Н. Тихомиров, Н.И. Конрад и другие известные ученые. Многие жизни были спасены, а к октябрю 1923 г. количество академических пайков достигло максимума — 20 755 [16].

Ленин неоднократно подчеркивал, что наиболее ценные специалисты получают доходы больше, чем народные комиссары. Действовала система дополнительного материального стимулирования тех, кто добивался наибольших результатов.

Следует отметить, что Ленин, высшее партийно-государственное руководство эффективно использовали интеллигентов-коммунистов для работы с беспартийной частью интеллигентского социума. В захвате государственной власти, проведении революционных преобразований, их защите в период гражданской войны непосредственно участвовала меньшая часть интеллигенции. К концу 1917 г. в РСДРП(б) состояло 30–35 тыс. интеллигентов,

или 10 % всего состава партии. Из этой среды вышли командиры и комиссары Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянского Красного Флота, ведущие работники народных комиссариатов, других управленческих структур в центре и на местах, руководители крупных национализированных предприятий, учреждений культуры. Так, в сфере здравоохранения огромную роль играли врачи-большевики Н.А. Семашко, З.П. Соловьев, Д.И. Ульянов, В.М. Бонч-Бруевич (Величкина), И.В. Русаков, М.Ф. Владимирский, А.П. Голубков, В.А. Обух, А.В. Винокуров и другие.

После победы революции при приеме в партию предпочтение отдавалось тем работникам умственного труда, которые стояли ближе к производству. Для вступления в РКП(б) интеллигентов предусматривалось немало ограничений, которые должны были преградить доступ обывателям и карьеристам. Проявившие себя пополняли партийные ряды. По данным партийной переписи 1920 г., коммунистами были 6,5 тыс. техников и механиков, 10 тыс. педагогов, 1,5 тыс. врачей и фельдшеров, 1 тыс. специалистов сельского хозяйства, 1,6 тыс. инженеров, статистиков, юристов, 2 тыс. работников искусства, 1,7 тыс. военных специалистов, 5,3 тыс. работников связи, 45 тыс. государственных служащих [14].

Ленину, новой политической элите в тяжелейших условиях, в кратчайшие сроки удалось добиться перехода большей части старой интеллигенции с нейтральных, выжидательных и даже враждебных позиций к честному, добросовестному и эффективному сотрудничеству с новой властью. Гражданский патриотизм интеллигенции № 1, интеллигенции, оставшейся со своим народом, стал главным фактором идейно-политической, духовной эволюции многих конкретных ученых, профессоров, учителей, врачей, инженеров, деятелей искусства. Красные не смогли бы одержать военную победу над белыми, если бы не победили в борьбе за умы и сердца десятков миллионов людей, в том числе и за сотни тысяч интеллигентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксютин Ю.В., Гердт Н.Е. Русская интеллигенция 1917 года: в хаосе событий и смятении чувств / Ю.В. Аксютин, Н.Е. Гердт. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 703 с.

2. В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: Сборник документов и материалов / Под ред. проф. М.Е. Главацкого. М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. 288 с.

3. В.И. Ленин, КПСС об интеллигенции. М.: Политиздат, 1979. 295 с.

4. Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М.: Издательство «Старая Басманная», 2018. 272 с.

5. Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль — октябрь 1917 г.). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. 341 с.

6. Интеллигенция и революция. XX в. М.: Наука, 1985. 335 с.

7. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. 276 с.

8. Квакин А.В. Русская интеллигенция и большевистская власть. В годы Гражданской войны в России. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 309 с.

9. Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти. 1917 — лето 1918. Новосибирск, Наука, Сибирское отделение, 1985. 254 с.

10. Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах.

11. Народный комиссариат по Просвещению. 1917 — октябрь 1920 (Краткий отчет). М.: Государственное издательство, 1920.

12. Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972. 471 с.

13. Фортунатов В.В. Участие интеллигенции в развитии гражданского общества в 1917–1920 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. № 2. 2018. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. С. 178–184.

14. Фортунатов В.В., Платова Е.Э. Интеллигенты в составе Коммунистической партии: фантазии и реальность (1917–1940) // Интеллигенция и мир. — 2019. № 1. С. 47–62.

15. Фортунатов В.В., Платова Е.Э. Ломать или строить (к 100-летию ленинского декрета о правилах приема в вузы) // Alma mater. Вестник высшей школы. 2018. № 9. С. 104–108.

16. Фортунатов В.В. «Ноев ковчег для русской интеллигенции» (к 100-летию создания Комиссии по улучшению быта ученых) // Alma mater. Вестник высшей школы. 2019. № 11. С. 93–99.

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ И БОЛЬШЕВИКИ: БОРЬБА ЗА ПАТРИОТИЧЕСКУЮ ПОЗИЦИЮ

Хотя мы уже близки к 100-летней дате завершения Гражданской войны в России, споры о ней ведутся сегодня таким образом, как будто она продолжается до сих пор. Современные сторонники большевиков и белых продолжают активно обвинять друг друга во взаимных грехах. Большевиков обвиняют в заключении Брестского мира, приведшего якобы к позорному выходу страны из войны, то есть в сотрудничестве с Германией. Белые обвиняются в предательстве интересов России в связи с тем, что сотрудничали с союзниками, странами Антанты и США. Поскольку революция и Гражданская война напрямую вытекали из Первой мировой войны, важное значение приобрел вопрос о характере взаимодействия с внешними силами (государствами обеих коалиций — Антанты и Четверного союза) белых и большевиков, то есть тех сторон гражданской войны, которые претендовали на восстановление российской государственности, и последствий этих взаимодействий для дальнейшего развития страны [12, с. 303-304; 6, с. 151].

Патриотизм Белого движения не подлежит сомнению, хотя бы в связи с тем, что белые правительства, оказавшись пешками в большой игре западных держав против России, как могли, сопротивлялись инициативе США о проведении в 1919 г. международной конференции на Принцевых островах в Мраморном море, в итоге так и не приехав на нее. Мотивировки отказа были разные. Главной из них признавалась ненависть к большевистской власти, отказ садиться с узурпаторами власти за один стол переговоров. Но руководитель белого правительства Северной области, генерал-лейтенант Е.К. Миллер приводил и другие, по мнению автора, не менее убедительные доводы. Ведь иностранные государства собирались на конференции перекраивать внутренние границы прежней Российской империи. По мнению Миллера, предложения президента В. Вильсона давали иностранным представителям право решать, кто из народов России получит независимость, то есть вели к расчленению России. Миллер оценил

это как неприемлемое покушение на территориальную целостность страны, пояснив, что границы и независимость территорий России относятся к ее внутренней политике и не являются прерогативой международных организаций и конференций¹.

Белое движение было чисто русским, оно стремилось к воссозданию единой и неделимой имперской России и потому лишалось поддержки национальных районов страны. В то время окраины страны спешили воспользоваться слабостью России, чтобы усилить права и полномочия в ее новом устройстве или вовсе получить независимость [13, с. 104]. Естественно, белая программа и вообще их политика не могла привлечь в свои ряды националистические силы, которые, за исключением калмыков, или заняли нейтральную позицию в красно-белой борьбе, или оказывали помощь большевикам [10, с. 293-294]. Добровольческая армия преследовала цель искоренения «национального большевизма», под которым понимала рост националистических настроений на окраинах империи. Например, на Северном Кавказе, в Ингушетии, против Добровольческой армии развернулось мощное партизанское движение, оказавшее заметную помощь красным в возвращении контроля над Северным Кавказом [9, с. 150].

Настроения патриотических кругов Белого движения переданы в записке А.И. Гучкова, предназначенной военному министру британского кабинета У. Черчиллю. Бывший военный министр Временного правительства сообщал английскому коллеге об антирусских настроениях, отчетливо проявлявшихся в прибалтийском регионе. Со стороны местных правительств установилось враждебное и чрезвычайно грубое отношение не только к Северо-Западной русской армии, возглавлявшейся Н.Н. Юденичем, но и вообще ко всему русскому. «Русские люди в этих провинциях совершенные парии, бесправные, беззащитные и беспомощные. Народы и правительства молодых Балтийских государств совершенно опьянены вином национальной независимости и политической свободы. С ними сейчас мирное улаживание взаимных добрых отношений невозможно»².

Противостояние белых армий и сформировавшихся в ходе революции национальных правительств кардинально ослабля-

¹ ГАРФ. Ф. Р-5867. Л. 4 об., 5, 99, 100.

² ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 10. Л. 88-89.

ли положение белых. Страх перед возможностью возрождения белыми сильной России предопределял враждебность политики балтийских и других национальных правительств в отношении белого российского проекта³. Максимально благоприятным отношением для тыла русской армии, враждебной большевикам, по мнению белого руководства, мог быть нейтралитет. И то достигнуть его можно было только «путем самого энергичного давления со стороны Союзных Держав» на новые национальные образования⁴.

Однако планы Запада, в том числе об использовании против России ненависти национальных правительств, хорошо понимались белыми и теми политиками, которые их поддерживали. Ранее беззаветно преданный идее сотрудничества с Западом, бывший лидер кадетов П.Н. Милюков, практически отошедший во время Гражданской войны от руководства партией, писал в те дни о том, что на Западе выдвигается «в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как колонии ради ее богатств и необходимых для Европы сырых материалов» [4, с. 337].

Действия Милюкова, предпринятые в 1918 г., показывают эволюцию тех сил, которые когда-то, накануне февраля 1917 г., входили в либеральный лагерь и считали себя не просто союзниками, но и единомышленниками, соратниками политического Запада. Милюков был связан с англо-французскими кругами более тесно, чем другие российские либералы, а как только произошла российская революция, его на Западе сочли экстремистом, так как он продолжал бороться за передачу проливов России.

Попытка Милюкова наладить отношения с немцами и с их помощью вывести Россию из кризиса не была случайной. Милюков осознал пагубность политики, проводившейся им накануне революции: стремления получить власть при поддержке союзников. Опора на союзников и дальше, утверждал Милюков, больше невозможна. Долю вины в разрушении российской государственности несут союзники. Немцы заинтересованы в возрождении российского государства и сами инициировали возможные перемены⁵. В переписке с больным М.В. Алексеевым Милюков

³ ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 10. Л. 110.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 49. Л. 3 об.

предлагал Добровольческой армии отказаться от союзнических отношений с англичанами. «Германцы» в большей степени, чем англичане, заинтересованы в сохранении России как единого государства. Особый интерес у немцев проявляется только к Крыму и Закавказью⁶.

В аналитической записке для Московского правого центра Милюков писал, что немцы ищут способа сформировать в России другое, альтернативное большевикам правительство — и желательно без пересмотра Брестского договора. Но торги по территориальному вопросу с ними не исключены, так как Германия ищет преимуществ не в территориальных приобретениях, а в экономических выгодах⁷.

В Германии, писал Милюков, все сильнее становится течение, исходящее из военных кругов, но стремительно распространяющееся на либеральную и социалистическую части общества, выступающее «за создание из России сильной союзницы в будущем для борьбы с Англией»⁸. Переписка Милюкова с Алексеевым происходила в момент наибольшего могущества Германии, когда ее войска оккупировали юг России и, казалось, были близки к победе над союзниками⁹. Ориентация на Германию более выгодна для России: она дает стране действительный мир и выход из войны¹⁰. Тем самым Милюков невольно признавал стратегическую правоту курса большевиков на установление отношений с Германией, включая подписание Брестского договора. Такая политика выводила Россию из зависимости от Запада.

Запад был против сильной и великой России. У «союзников» существовал план расчленения России на три-четыре слабых государства: Сибирь, Кавказ, Украину и не выходящую за пределы центральной части Российской империи Московию [1, с. 19–20]. То, что белая армия не могла отказаться от сотрудничества с Западом, отталкивало от Белой идеи многих патриотов, считавших, что из-за ориентации белого движения на Антанту стоящие за ними иностранные силы подчинят Россию своим интересам [7, с. 172].

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 об.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–2.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 об.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 49. Л. 1 об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.

Характер взаимоотношений англичан со спектром русского общества, находившимся официально в союзнических отношениях с интервентами, напоминал поведение оккупантов на оккупированных территориях, что нагляднее всего прослеживалось на примере Северной области. Показательным еще и потому, что именно здесь, на Русском Севере, состоялась первая высадка англичан на российскую землю. Англичане воспринимали Россию как колонию нижнего уровня, в которой осуществляется прямое внешнее правление¹¹. Сотрудник председателя правительства Северной области Е.К. Миллера писал ему об этом в очень страстной форме: «...нам, русским, разрешено быть только антантофилами, в противном случае мы — герmanoфилы и преступники! Русофилами быть мы не смеем, русские интересы касаются союзников лишь поскольку эти интересы совпадают с ихними (так в тексте. — С. Х.)»¹². В большей части английского правительства преобладало равнодушное отношение к России, а английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж придерживался вообще антирусских взглядов¹³.

Сотрудничество с Западом отрицательно сказывалось на имидже Белой идеи. В отличие от них, большевики стали символом сопротивления интервентам. Вместе с тем в свое время большевистские власти, не располагая реальной военной силой для действенного отпора иностранным войскам обоих блоков, умело сыграли на противоречиях между ними. Вступив в переговоры с немцами, они вывели Россию из-под влияния союзников, а развивая дипломатические контакты с союзниками, предотвратили угрозу дальнейшего проникновения Германии вглубь страны.

В политических кругах Антанты весной 1918 г. развернулась дискуссия о возможности или невозможности контактов с большевиками. Сторонниками сотрудничества были Б. Локкарт и Ж. Садуль [3, с. 25-26].

1 марта, когда Брестский мир еще не был подписан, состоялась известная встреча Локкарта с В.И. Лениным. В ходе этой встречи Локкарта поразила непреклонная воля Ленина. Лидер большевиков говорил британскому представителю, что, если немцы

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 119, 120.

¹² ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 43.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 70. Л. 5.

активизируют войну и постараются сместить большевистское правительство, они будут бороться, даже если придется отступить за Волгу. До тех пор, пока существует немецкая опасность, сотрудничество с союзниками возможно, вплоть до получения военной помощи, уверял Локкарта Ленин [8, с. 249, 251].

Приглашение союзников высадиться в марте 1918 г. в Мурманске изначально, по меньшей мере на Русском Севере, виделось как проявление начавшегося военного сотрудничества Советской России со странами Антанты. Ведь в Мурманске получили телеграмму Л.Д. Троцкого, призывавшего не отказываться от военной помощи прежних союзников при грозящем наступлении немцев [3, с. 22].

Однако в итоге верх на Западе взяли сторонники жесткой линии в отношениях с большевиками, считавшие недопустимым сотрудничество с ними. 11 мая британский военный кабинет одобрил интервенцию в Россию. 14 июня было принято решение о создании Славяно-британского легиона, призванного составить костяк антибольшевистских сил [3, с. 27, 34, 41].

Советское правительство в дальнейшем направило несколько нот союзным представителям в России с уведомлением о невозможности дальнейшего пребывания иностранных военных судов в северных гаванях России. 25-26 июня состоялись телеграфные переговоры председателя краевого Совета в Мурманске А.М. Юрьева с руководителями СНК.

Юрьев убеждал Москву о бесполезности протеста против пребывания англичан, могущего привести к гибели русской власти. 30 июня на заседании Совета с представителями Антанты в Мурманске, при активном участии Юрьева, была принята резолюция, признававшая нереальность исполнения требований Москвы и полагавшая возможным продолжение сотрудничества с союзниками. 1 июля 1918 г. СНК объявил Юрьева вне закона [3, с. 41, 44, 45, 46]. Большевики не растерялись в осложнившейся ситуации и начали борьбу с интервенцией Запада, а белые не привлекли на свою сторону многих из тех, кто разделял патриотические убеждения.

Хватало у белых и внутренних сложностей. В ряды Белого движения входили слишком разнородные элементы (от социалистов до монархистов), там шло постоянное брожение. Как ни старались они стать надпартийной силой, представители или со-

чувствующие различных политических партий вносили распри в белую среду. Внутри Белого движения произошел серьезный раскол между кадровым офицерством, собственно белыми, и их главной ударной силой — казаками.

Казаки составляли примерно половину всех кадров Белого движения, были единственной массовой силой внутри него. Но в отличие от белых, мечтавших о возрождении единой и неделимой России, тогдашние руководители казачества проявили удивительную недалекость. Они хотели лишь одного: сохранить свою самостоятельность, отстояв право проживать на Дону и Кубани, в соответствии с собственными традициями. Поэтому они очень охотно воевали с большевиками только у себя, но не желали участвовать в боевых действиях на остальной территории страны [10, с. 297, 298, 299–300].

Вступив в борьбу с казачеством, невольно белые политики решали стратегическую проблему сохранения территориальной целостности будущей послереволюционной России. Алексеев в упоминавшейся переписке с Милюковым, отвечая ему, признавал эту проблему как необычайно серьезную. «Мы должны расти за счет центра, а не Дона и Кубани, преследующих свои цели... а мы обратились в доно-кубанские войска, ибо наши доблестные офицеры и юнкера в большом числе погибли во время незаметного, но эпического похода... Только увеличив наши силы, мы можем вырваться из кольца: немцы — Дон — большевизм»¹⁴.

Казаки неоднократно в самые критические моменты отказывались выполнять указания командования и тем самым еще больше ослабляли и без того непрочное, полное противоречий Белое движение. В ноябре 1918 г. руководящими лицами движения был поставлен жесткий вопрос: о принципиальном подчинении в оперативном отношении всех вооруженных сил Юго-Восточной России командованию Добровольческой армии — А.И. Деникину. Атаман донского казачества П.Н. Краснов соглашался подчинить единому командованию одну бригаду пехоты и дивизию конницы, составлявших не более пятой части мобилизованных Доном сил. Остальные силы Краснов хотел оставить на Дону для охраны порядка. Председатель Особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армией генерал А.М. Драгомиров,

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

исходя из этого, делал вывод, что и сам «Краснов считает, что он не будет подчинен Верховному главнокомандующему»¹⁵.

Члены совещания признали поведение атамана противоречащим «основным принципам военного искусства» и представляющим «серьезный тормоз к достижению единого командования и единого фронта». Командование Добровольческой армии увидело в случившемся «результаты личной политики атамана Краснова», противоречащие его заявлениям о восстановлении единства России¹⁶.

Еще более жестко развернулись события на Кубани, где противоречия между добровольчеством и казаками переросли в открытый конфликт. Один член Краевой рады был казнен в конце 1919 г. генералом В.Л. Покровским, а еще одиннадцать высланы за границу [2, с. 200–201].

Командование Кавказской армии во главе с П.Н. Врангелем неоднократно жаловалось Деникину на качество пополнения, прибывавшего с Кубани, подверженного пропаганде самостийничества, автономии Кубани. В октябрьские дни 1919 г. Деникину стало известно о подписании летом того года в Париже договора между кубанской делегацией и меджлисом горских народов, согласно которому кубанские войсковые части переходили под юрисдикцию горского правительства. Деникин увидел в этом акте измену Кубани делу общероссийского национального единства, приказав подвергнуть членов кубанской делегации военно-полевому суду. Командующий Кавказской армией Врангель возложил на подчиненного ему генерала Покровского задачу удалить из Краевой рады главных смутьянов, от 10 до 40 человек, противников переподчинения казачества Деникину [2, с. 184, 192, 195].

Между тем ситуация в Екатеринодаре складывалась не в пользу деникинцев. Конфликт здесь тихо тлел ровно год, с того самого памятного ноября 1918 г. На заседании кубанского правительства, проходившего еще 15 ноября 1918 г., член кубанского правительства, сторонник соглашения с Добровольческой армией Д.Е. Скобцов заявил, что имеет на Кубани репутацию «пасынка-монархиста». Противостоявший ему на том заседании Л.Л. Быч, в будущем член пресловутой кубанской делегации, не скрывал

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 85. Л. 1 об. — 2.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 85. Л. 2 об.

того, что ему ближе не белые генералы, а эсеры. «Двигаться на север для разрушения большевизма — наша цель. Но если это для “покорения” — то я не согласен. Нам нужен путь соглашения с демократией»¹⁷.

В прениях, проходивших в кубанском правительстве, еще одним критиком казачьего радикализма оказался Н.М. Воробьев. «Я не видел искренности в наших действиях к Добровольческой армии, которая нам братская». На всех заседаниях со стороны отдельных членов «была ругань ее». И ни Быч, ни Н.С. Рябовол не сделали ничего, чтобы ослабить конфликтность. На что Быч возразил: «Нами хотят распоряжаться те, кто мечтают о будущем троне и собираются находиться у его подножия». Это был намек на якобы присущий добровольчеству монархизм. Как мы сейчас знаем, это предположение не соответствовало действительности»¹⁸.

Преодолеть кубанский радикализм деникинцам так и не удалось. Казнь через год А.И. Калабухова — противника прямого подчинения казачества белому руководству — ничего не решила, хотя к тому времени в составе деникинских противников в краевой Раде произошли существенные изменения. Лидеров этого направления там уже не было: Н.С. Рябовол был убит летом 1919 г., а Л.Л. Быч выехал за пределы Кубани. Несмотря на это, во главе кубанских политических структур остались противники единоначалия добровольцев над казачьими формированиями [2, с. 200, 202].

В создавшихся условиях, не сумев подчинить себе даже казачков, Белое движение объективно не могло повести за собой большинство населения России и потерпело закономерное поражение. Поражение белых означало, что теперь единственным восстановителем порядка в стране могла быть только партия большевиков. В условиях смуты, начавшейся в феврале 1917 г., красные (большевики) и белые являлись силами возвращения общества к порядку. Это были два вида меньшинства, противостояли которым настроения широких народных масс, прежде всего крестьянства, страстно желавшего установления собственных представлений о жизни. Широкое народное море выражало недовольство и красными, и белыми.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 84. Л. 1 об. — 2.

Патриотизм белых и красных выражался в том, что первые боролись за единство страны, а вторые объективно способствовали сохранению ее целостности. Белые не были стороной Гражданской войны, равной большевикам, — их ресурсы и возможности заметно уступали большевистским. Но у них имелась своя линия фронта: главной заслугой Белого движения являлось вытеснение эсеров на периферию антибольшевистского лагеря. Нахождение эсеров во главе антибольшевистских сил потенциально создавало угрозу создания мощной коалиции против большевиков. Объединенным усилиям армейских формирований, крестьянских повстанческих отрядов и координирующему их действия Западу большевики были бы бессильны сопротивляться. Эсеры оказались лояльны к политике западных государств во главе с Великобританией [5, с. 214]. Возглавление белыми антибольшевистского лагеря помогло большевикам, так как крестьяне в самый трудный момент войны перестали активно противодействовать советской власти.

Действия белых можно сравнить с применением мертвой воды в русских сказках, соединяющих разрубленные части тела мертвого богатыря [11, с. 713]. Сопротивление белых распаду гибнущей империи, в частности борьба с казачьим сепаратизмом, работало на сохранение государства. Но белые не могли защитить страну от главной угрозы — зависимости от Запада. Избавить Россию от внешней зависимости, а также вновь объединить страну было по силам только большевикам. Их политику можно сравнить с применением живой воды, возвращающей к жизни почти погибшую страну. Два меньшинства, белые и красные, добились реанимации России, но поскольку оба они являлись силами, по-разному видящими будущее страны, политически сохраниться должен был только победитель. Это и стало причиной трагического финала в конце Гражданской войны — расправы над патриотическим офицерством, испортившего общее положительное восприятие от восстановления Российской империи, пусть и в виде ее новой реинкарнации — Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антисоветская интервенция и ее крах / Редкол. Ю.В. Мухачев и др. М.: Политиздат, 1987. 208 с.

2. Белое дело. Кубань и Добровольческая армия / Сост. С. В. Карпенко. М.: Голос, 1992. 349 с.
3. Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: Изд-во МГУ, 1993. 200 с.
4. Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М.: Наука, 1982. 416 с.
5. Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М.: Наука, 1966. 400 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Дорога в СССР. Как «западная» революция стала русской. М.: Алгоритм, 2016. 208 с.
7. Кожин В. В. Россия. Век XX (1901–1939). История страны от 1901 до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. 448 с.
8. Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М.: Алгоритм, 2016. 368 с.
9. Матиев Т. Причины и особенности роста влияния пробольшевистских сил в Ингушетии в 1918–1920 гг. // Власть. 2011. № 7. С. 149–152.
10. Миронов С. С. Гражданская война в России. М.: Вече, 2006. 416 с.
11. Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Пушкин А. С. Сочинения. Т. 1. М.: Художественная литература, 1985. С. 653–718.
12. Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М.: ТЕРРА, 1992. 656 с.
13. Цветков В. Ж. Как Врангель и Ленин чуть не объявили войну Англии // Родина. 2011. № 2. С. 103–107.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИФРОНТОВЫХ ГОРОДАХ БЕЛОГО ЮГА В 1919 Г.

В современной историографии Гражданской войны в России сложилась целая плеяда авторов, которые рассматривают общественно-политические и идеологические процессы на всей территории бывшей Российской империи в годы лихолетья 1917–1922 гг. Однако редко исследователи обращаются к урбанистическим процессам в эти годы, что, в свою очередь, делает городскую проблематику исследований перспективным направлением в научных штудиях [1]. Политические процессы в городах страны находят освещение, но недостаточное¹ [4].

1919 г. в истории Гражданской войны в России считается периодом наибольшей активности антибольшевистских формирований, которые фактически могли завершить окончание войны в свою пользу. События стремительных наступлений на всех фронтах (Север, Северо-Запад, Юг и Восток) заставляли активизироваться не только военные структуры на передовой, но и организационно-политические структуры в тылу и прифронтной полосе. Именно в 1919 г. руководству белых пришлось поставить на определенный «поток» процессы формирования городских структур во вновь освобожденных городах. Географически автор ограничивает свое исследование регионами действия Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), чтобы показать, как военные действия определяли формат политических процессов во вновь освобожденных от большевиков городах. Для большей точности эти города определяются как *прифронтные*, т. е. уже освобожденные, но которые расположены достаточно близко к фронту, что делает положение города в некоторых смыслах неустойчивым

¹ Губин Д. «Черный блок», «новые украинцы» и старая профессура. Как Харьков последний раз избирал городскую думу // Украина.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://ukraina.ru/history/20181015/1021419792.html> (дата обращения: 8.03.2020).

и где активная самостоятельная внутренняя политика невозможна.

6 марта 1919 г. Главнокомандующий ВСЮР А.И. Деникин утвердил несколько важных документов: «Временное Положение об общественном управлении городов в местностях, находящихся под Верховным Управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России», «Положение о выборах городских гласных» и «Правила об упрощенном, по исключительным обстоятельствам военного времени, управлении городским хозяйством». На основании данных документов городские структуры в момент освобождения от власти большевиков должны были принять на себя полноту власти в городах.

По «Временному Положению...» указывалось, что должны были быть восстановлена организационная структура управления городом, прежние органы власти (управа и городская дума), а уже затем должны были быть проведены городские выборы в новую городскую думу. В «Правилах об упрощенном управлении...» это дополнялось тем, что в определенных условиях должны были быть восстановлены временные управы, которые брали на себя полноту законодательной и исполнительной власти в губернии впредь до проведения новых городских выборов [2, с. 697].

Исследователями отмечается, что процессы избрания таких органов власти не производились в городах прифронтной полосы, но власть переходила к управам. К тому же власть в городах переходила под особый контроль военной администрации, центральную роль в которой играл комендант города. Однако военное руководство городов в целом ряде случаев просто не могло понять в силу своей особой психологии и отсутствия должного административного опыта особенностей управления городским хозяйством, что приводило к «перегибам», влиявшим не только на повседневную жизнь горожан, но и на формирования образа белой власти в регионе [2, с. 685–686].

Однако, несмотря на общие представления о положении городов в это время, следовало бы более точно понимать специфику того, какая складывалась в освобожденных городах политическая картина и происходили ли здесь какие-то политические процессы, влиявшие на повседневную жизнь города.

Во-первых, сразу после освобождения города от большевиков командованием воинской части назначались коменданты горо-

да, а верховное командование ВСЮР утверждало руководителя освобожденного региона (губернии). Однако это не всегда происходило одновременно. Так, например, при освобождении Киева от большевиков в августе 1919 г. комендантом города был назначен генерал Н.Э. Бредов, но гражданское руководство в освобожденной губернии было назначено далеко не сразу. Лишь через 2 недели гражданский губернатор А.Г. Чернавский появился в городе и принял на себя официальное управление хозяйством². Из-за тяжелой ситуации на фронте комендант города Орла подпоручик Меркулов вступил в должность 30 сентября 1919 г., т. е. в сам день освобождения Орла от большевиков, а гражданский губернатор Свербеев (председатель Новосильской уездной земской управы) был назначен лишь за сутки до отступления из города белых частей³. Были случаи и предварительного назначения на губернаторский пост официальных лиц. Так, гражданский губернатор Курской губернии А.С. Римский-Корсаков был назначен на эту должность более чем за месяц до освобождения Курска от большевиков [5, с. 147-151].

Во-вторых, сразу после занятия города белыми власть восстанавливала старую городскую символику (от восстановления старых гербов городов до возобновления старых печатных органов). Так приказом генерала Бредова в Киеве герб города на здании городской думы должен был восстановлен к 8 сентября, т. е. через две недели после захвата Киева белыми⁴. Старые же печатные органы восстанавливались почти сразу после освобождения города. Так, газета «Киевлянин» вышла через сутки после освобождения города, а «Орловский вестник» через 4 дня. Одновременно с этим сразу же создавались и новые органы печати. Так в Курске и Белгороде почти одновременно стали выходить газеты «Вечернее Время» (под редакцией Б.А. Суворина) и «Россия» (под редакцией В.В. Шульгина) [4].

В-третьих, почти сразу же после освобождения города в него прибывали представители высшего военного командования, чтобы продемонстрировать символическое возвращение законной

² Возрождение Киева (Беседа с комендантом города) // Вечерние Огни (Киев). 1919, 10(23) сентября.

³ Орловский вестник. 1919, 4(19) октября.

⁴ Русь (Киев). 1919, 30 августа (12 сентября).

власти в город. Так, Главнокомандующий ВСЮР А.И. Деникин посетил Харьков через десять дней после его освобождения⁵. В других городах на «Московском направлении» такую представительную функцию все чаще выполнял генерал А.П. Кутепов, чья ставка располагалась в Курске. Официальные визиты в прифронтовые города он осуществлял по железной дороге в штабном поезде⁶. После освобождения Белгорода 11 июня 1919 г. парад воинских частей в городе принимал генерал-майор Н.С. Тимановский. После налета повстанческих частей на город Полтаву в начале октября 1919 г. на Соборной площади города происходило отпевание тех добровольцев, кто погиб при защите города. На мероприятии присутствовали официальные лица⁷.

В-четвертых, создание городских структур и символическое восстановление законной власти сопровождалось большим количеством политических агитаций и «народных» праздников. Так, 8 сентября 1919 г. в Киеве прошел «День Русского Флага», во время которого в разных частях города были устроены представления, концерты и даже лекции, а все участники могли собрать деньги на помощь белой армии. По оценке организационного комитета, всего в тот день было собрано не менее 1,5 млн рублей⁸. Наиболее частыми и доступными для большинства жителей были бесплатные лекции по текущим политическим моментам. Так, в Чернигове через некоторое время после освобождения города в здании Дворянского собрания была прочитана лекция «Революция 1917 г., царство зверя и народная совесть восставших против хама», в которой автор отметил «пробуждение народного духа в добровольческом движении»⁹.

В этом контексте деятельность городских структур была более скромной, потому что городских гласных и политиков волновало восстановление деятельности городского хозяйства. В этом смысле утверждение курского губернатора Римского-Корсакова

⁵ Главнокомандующий вооруженными силами на Юге России А.И. Деникин в Харькове // Южный Край (Харьков). 1919, 23 июня.

⁶ Орловский вестник. 1919, 5(20) октября.

⁷ Голос Юга (Полтава). 1919, 8 (23) октября.

⁸ «День русского флага» // Вечерние Огни (Киев). 1919, 10(23) сентября.

⁹ Черниговская газета. 1919, 20 октября (2 ноября).

«сейчас не до политики», которое он произнес во время интервью местной газете, обретает четкие очертания¹⁰.

В действительности власть во всех перечисленных городах принадлежала военным чинам, в то время как городские чиновники старались навести порядок в городском хозяйстве. Это приводило к тому, что в этих городах затягивались выборы в городские думы, т. к. не было уверенности в стабильности положения на фронте. Исключением являются знаменитые выборы в Харькове и Одессе, ставшие одними из немногих на Юге России осенью-зимой 1919 г. Таким образом, политические процессы в большинстве прифронтовых городов белого Юга в 1919 г. сводились к политическим агитациям белых среди городского населения, но не к активизации политической жизни самих горожан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 — ноябрь 1919 гг.). Омск: СибАДИ, 2018. 240 с.
2. Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1917-1919 гг. — М.: Яуза-Каталог, 2019. 1056 с.
3. Чемакин А.А. Лебединая песня «черной сотни»: «Христианский трудовой блок» и выборы в Одесскую городскую думу 1 декабря 1919 г. // Вопросы национализма. 2016. № 26. С. 58-94.
4. Черемухин В.В. «Орловский вестник»: единственная газета белого Орла? // 1919 — два цвета российской истории. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusorel.info/nasledie-dva-cveta-1919/2019/12/24/orlovskij-vestnik-edinstvennaya-gazeta-belogo-orla/> (дата обращения: 8.03.2020).
5. Черемухин В.В. «Сейчас не до политики»: губернатор А.С. Римский-Корсаков // Молодой ученый. 2019. № 8. С. 147-151.

¹⁰ Вечернее время (Курск). 1919, 4 (17) октября.

ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПОМЕЗЕНЬЯ В 1918–1920 ГГ.

Эта проблема в определенной степени была объектом исследования. Однако в силу особенностей подходов авторов к политическим, территориальным преобразованиям того периода и, как следствие, формированию местных органов власти в Мезенском и Лешуконском районах она требует дополнительного анализа.

Организацию новых форм местного самоуправления на Мезени, как и во всей Архангельской губернии, «...привела к жизни революция 1917 г.»¹. На первом этапе с июня по октябрь здесь впервые сформировались земства. Причем вековые традиции светского мирского самоуправления в сочетании с духовным — приходским — способствовали их достаточно высокой легитимности, которая открывала возможности, по мнению автора, для достаточно мирного перехода к советской форме МСУ.

Тем более что и в письме Наркомата внутренних дел РСФСР от 24 декабря 1917 г. «Об организации местного самоуправления» не было опять же, по мнению автора, призывов к свержению земств на местах. В письме подчеркивалось, что «на местах органами управления, органами местной власти являются советы, которые должны подчинить себе все учреждения, как административного, так и хозяйственного, финансового и культурно-просветительного значения. Такой способ организации власти в центре и на местах является не более, как организационным выражением и закреплением того политического факта, что власть в стране перешла к пролетарским и полупролетарским ее элементам. <...> Вся страна должна покрыться целой сетью советских организаций, которые должны находиться в тесной ор-

¹ Земства и советы в Архангельской губернии в 1917–1920 годах [Информационный ресурс]. Режим доступа: <https://genveles.livejournal.com/246816.html> (дата обращения 02.03.2020).

ганизационной зависимости между собой. Каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера, но сообразует свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти и с постановлениями тех более крупных советских организаций, в состав которых она входит. Таким путем создается связный, во всех своих частях однородный организм — Республика Советов»².

Однако на фоне углубляющегося кризиса, вызванного войной, революционными событиями, происходило «полевение» масс и усиление леворадикальных элементов, пополняющихся демобилизованными солдатами и местными пассионариями, т. е., людьми, обладающими врожденной способностью абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем это требуется только для личного и видового самосохранения. Причем это «полевение» и усиление леворадикальных элементов не было повсеместным, а носило локальный характер.

Поэтому в условиях Помезенья переход к советской власти, если использовать современную терминологию, происходил «на разных скоростях». Этому способствовали, во-первых, внутренние — локальные географические особенности территориального социально-экономического развития Мезенского уезда, во-вторых, внешние. В данном случае еще раз сошлемся на письмо Наркомата по внутренним делам РСФСР, в котором в целях укрепления советской власти на местах допускалось «...перераспределение административных функций между отдельными пунктами губерний и уездов, вообще об изменении административных границ»³.

Так получилось, что губернское земское собрание в Архангельске, уездное земское собрание в Мезени и Мезенский уездный съезд крестьянских депутатов в Устьвашке, созданный по инициативе Лешуконского волостного совета крестьянских депутатов, происходили почти одновременно в декабре 1918 г. [5, с. 56–56].

² Письмо НКВД РСФСР от 24.12.1917 «Объ организациі местного самоуправления» [Информационный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5849#0749006466717572> (дата обращения 04.03.2020).

³ Там же.

Однако если земские депутаты в Архангельске советскую власть не признали и «осудили», в Мезени тоже выразили поддержку Временному правительству [2, с. 34], то в Лешуконском к этому времени выразителями взглядов населения оказались сторонники советской власти. Это было вызвано прежде всего внутренними причинами: несправедливым, как считали здесь, распределением средств и продовольствия со стороны земского руководства Мезенского уезда, а также активностью революционно настроенных солдат, вернувшихся с фронта, и местных земских активистов [6, с. 38; 7, с. 212].

Заметную энергичность проявлял созданный одним из первых на Мезени Лешуконский волостной совет крестьянских депутатов, по сути взявший на себя инициативу созыва альтернативного Мезенскому уездному земскому собранию Мезенского съезда крестьянских депутатов⁴.

В результате съезд крестьянских депутатов, начавшийся в 8 часов вечера 28 декабря 1917 г., большинством голосов признал власть советов крестьянских депутатов. Наряду с этим съезд, исходя из пожеланий крестьянства семи южных волостей Мезенского уезда о необходимости выделения этих волостей и двух волостей Яренского уезда в самостоятельный уезд, постановил (22 голосами «за», при 2 воздержавшихся): «...с 1918 г. из шести южных волостей, части Юромской волости Мезенского уезда и двух прилегающих к ним — Чупровской и Важгортской волостей Яренского уезда образовать совершенно отдельный уезд, наименовав его Устьвашским»⁵ [5, с. 58]. Выделение объяснялось:

- обширностью территории уезда;
- географическим положением района, состоящее минимум 100 и максимум 420 верст от г. Мезени; разнородностью занятий района с Мезенью (в первом с/х, во втором — морские промыслы). «...Нам крестьянам-землеробам — в большинстве — с мезенским мещанством и чиновничеством не по пути»⁶.

⁴ ГААО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Пахов П.Н., Галев Н.А. Очерки истории Лешуконского района. Лешуконское, 1995. С. 16.

⁵ Устьвашка — это часть села Лешуконского, прилегающая к пристани в устье реки Вашка, впадающей в Мезень. Учитывая важное значение речного сообщения и чтобы не дублировать название с Лешуконской волостью, уезд называли Устьвашским.

⁶ ГААО. Ф. 2617. Оп. 2. Д. 18. Л. 30 об.

Земское собрание в Мезени и Губернская управа в Архангельске не прореагировали должным образом на это решение. Не увенчалась успехом сделанная в феврале 1918 г. попытка распространить советскую власть на весь уезд, так как собрание граждан Мезени высказалось за сохранение прежнего земского самоуправления [4, с. 82].

Таким образом, на Мезени установилось своеобразное двоевластие: советской власти в Усть-Вашке и земской — в Мезени. Тем не менее тезис о «разных скоростях» советизации Помезенья вполне себя оправдывал. И с точки зрения внутренней логики развития событий не имел альтернативы. 2 марта 1918 г. Наркомат внутренних дел РСФСР утвердил решение крестьянского съезда об образовании Устьвашского уезда⁷. А 4 марта в Мезень поступила телеграмма из Архангельска: «Высшая власть губернии в руках Советов. Выделение уезда разрешено»⁸.

После этого, 12-13 марта 1918 г., в с. Устьвашка прошел 2-й уездный съезд советов крестьянских депутатов, на котором присутствовали делегаты от Лешуконской, Юромской, Оллемской, Ценогорской, Пысской, Койнасской, Вожгорской волостей. Съезд постановил: «С сего числа Устьвашский район в составе 6 волостей: Пысской, Вожгорской, Койнасской, Лешуконской, Ценогорской, Олемсской и выделившейся из Юромской — Нисогорской волостей и Чупровской, а в случае пожелания и Важгортской Яренского уезда объявить самостоятельным уездом»⁹. Съезд избрал исполнительный комитет в составе 9 человек: М.М. Ляпунов, П.Я. Задорин, К.И. Шульгин, М.П. Петраков, В.Ф. Уткин, И.И. Бельков, А.П. Бурдов, В.Н. Малышев, В.П. Парфенов.

В подтверждение поддержки решений Лешуконского съезда из Архангельска в Мезень поступила еще одна телеграмма следующего содержания: «Мезень узкому, из Архангельска № 0598» (не указана дата) — «12 марта в Лешуконском уездный съезд объявил самостоятельным новый Устьвашский уезд из шести южных волостей последовательным присоединением нему Юромской во-

⁷ ГААО. Ф. 595. Оп. 1. Д. 29. Л. 5, 9.

⁸ ГААО. Предисловие к Описи 1. Фонда 595 «Исполнительный комитет Устьвашского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Архангельской губернии». Л. 1.

⁹ ГААО. Ф. 551. Оп. 1. Д. 1. Л. 100; ГААО. Ф. 595. Оп. Д. 4а. Л. 60, 60 об. — 61, 61 об.

лости и Чупровской Яренского уезда. Сообщить съезду о неимении принципиальных возражений против образования нового уезда об этом уведомляю Вас для зависящих распоряжений»¹⁰.

17 марта в Мезень из Архгубисполкома поступает новая телеграмма с предложением «...немедленно заменить земство отделом Совета»¹¹. Во исполнение данного распоряжения 19 марта общее собрание граждан гор. Мезени организовало временный совет рабочих и крестьянских депутатов Мезенского уезда. «Как временную организацию власти в уезде, с целью... спасения уезда от анархии и в деле отпора ловким и безответственным лицам, протягивающим руки к захвату власти над уездом и организации съезда представителей населения от всего уезда /общезездный съезд/, которому и представить всю полноту власти и выработку форм правления»¹².

Согласно принятому решению, 9 апреля 1918 г. делегаты, прибывшие из низовских волостей уезда, лесопильных заводов и г. Мезени, обсуждали и решали вопрос о признании Советской власти и об организации ее в уезде на основании телеграфного распоряжения Архангельского губернского исполнительного комитета крестьянских и рабочих депутатов.

После продолжительных прений собранию на голосование было предложено три резолюции: 1) власть советскую, как власть народную, а не власть одной партии, признать; 2) исходя из положения «Вся власть трудовому народу» Уездный Крестьянский съезд признает советскую власть, избранную народом на основах: а) земля без выкупа трудовому народу и б) предоставления народу свободы: слова, печати, союзов собраний и проч.; 3) считаясь с переходом власти над краем в руки Архангельского Совета Р. и Кр. Депутатов и считаясь с тем, что в данное время, не имея полномочий Уездной власти, Мезенский уездный съезд представителей населения признает себя правомочным учредить в уезде власть, назвав образованный орган Советом крестьянских и солдатских депутатов.

По большинству голосов: за — 34, против — 19 — прошла первая резолюция (за вторую было подано: за — 17, против — 36, за

¹⁰ ГААО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 3. Л. 134.

¹¹ ГААО. Ф. 649. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹² ГААО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 3. Л. 133-133 об.

третью: за — 9, против — 44). В исполком уездного совета были избраны: Е.А. Салтыков, П.И. Алашев, К.И. Петелин, В.М. Окулов, И.А. Голубцов, А.В. Епишкин, Н.Ф. Попов, председателем избран Е.А. Салтыков, а его замом — П.И. Алашев¹³.

Как свидетельствуют документы, в ходе обсуждения и голосования мезенцы проявили далеко не однозначное отношение к установлению советской власти в уезде. Однако это не повлекло негативных последствий для оппонентов. Достаточно мирный демократический переход власти на местах от земств к советам, несмотря на территориальные разногласия с Устьвашским уездом, не нес на этом этапе противостояния, способного вылиться в Гражданскую войну. И если бы не вмешательство извне, местные органы власти решали бы в меру возможностей проблемы жизнедеятельности населения Помезенья в условиях советской власти.

Это в определенной мере подтверждает текст общего наказа депутатов: «Иметь в виду везде и всегда при проведении в жизнь тех или иных задач ИНТЕРЕСЫ ТРУДОВОГО НАРОДА. Исходя из этого и твердо помня, что мы призваны созидать, а не разрушать. ...При проведении в жизнь декретов центральной власти поступать, сообразуясь с велением собственного разума и совести, но неуклонно имея в виду справедливость, интересы трудового народа и особые условия местной жизни»¹⁴.

На это же обращал внимание один из серьезных исследователей этого периода и Помезенья в частности Е.И. Овсянкин. «С некоторой долей условности, — отмечал он, — гражданское согласие в уезде наблюдалось до конца 1918 г. А далее появились признаки противостояния, импульсы которого шли сверху» [2, с. 46].

Неокрепшие советы, занятые массой текущих дел, не смогли должным образом противостоять на местах организованной оппозиции после переворота в Архангельске. Вполне закономерно, что в наиболее резкой форме противостояние новой и старой власти проявилось в Устьвашском уезде, где советская власть, в силу обладания меньшими ресурсами, была вынуждена их дефицит компенсировать за счет притеснения местных кулаков

¹³ ГААО. Ф. 649. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 6, 15.

¹⁴ ГААО. Ф. 649. Оп. 1. Д. 1. Л. 25-26.

и торговцев. Они, в свою очередь, организовали «Комитет общественной безопасности», который поддерживал связи с противниками советов в Мезени и Архангельске. Уже 3 августа 1918 г., во время заседания уездисполкома, члены его были арестованы, а лешуконские кулаки Зотиковы и С.А. Кожевников освобождены из тюрьмы в Мезени. Устьвашский уезд и все образованные при советской власти волости были объявлены незаконными и, несмотря на протесты сходов, ликвидированы.

28-29 августа в Мезени состоялось чрезвычайное уездное собрание, на котором были восстановлены прежние границы уезда и практически прежний состав уездной земской управы. По результатам проверки работы исполкома Мезенского Совета в переходный период 1918 г. особая следственная комиссия не нашла причин для преследования его членов и прекратила дело за отсутствием состава преступления [2, с. 45].

В Устьвашском уезде члены исполкома были арестованы в полном составе и почти все погибли. Трудно не согласиться с П.Н. Паховым и Н.А. Галевым, авторами книги «Очерки истории Лешуконского района», в том, что «Устьвашка потеряла лучших своих сынов». Всего было арестовано более 60 человек — большевиков, сочувствующих, красноармейцев, 40 из них погибли. В таблице поименно названы члены Устьвашского уездного исполкома 1918 г., погибшие в годы интервенции [3, с. 27-37].

№	ФИО	Должность	Место гибели
1	Ляпунов М.И.	Председатель исполкома	Погиб в арх. тюрьме
2	Андреев А.Е.	Член исполкома	Погиб на Иоканьге
3	Бельков Т.И.	----- « -----	-----«-----
4	Задорин П. Я.	----- « -----	-----«-----
5	Мальшев В. Н.	----- « -----	-----«-----
6	Парфенов В.П.	----- « -----	Погиб на Мудьюге
7	Уткин Ф.П.	----- « -----	Погиб на Иоканьге
8	Шульгин К.И.	----- « -----	-----«-----
9	Смородин С.Р.	----- « -----	-----«-----

С августа 1918 по февраль 1920 г. на Мезени власть находилась в руках противников советской власти. И только в начале марта 1920 г. из Устьвашки уходит телефонограмма следующего содержания:

«Губисполкому Архангельск

Разгромленный, уничтоженный белыми Устьвашский уезд прежними членами уездисполкома сегодня восстановлен в прежних границах. Просим сделать распоряжение Мезени о выдаче принадлежащего Устьвашскому уездисполкому имущества, делопроизводства. Не отказать отпустить и выдать членам уездисполкома, возвращающимся с Йоканьги кредита миллион рублей для нужд уезда, восстановления транспорта и выдачи временных пособий семьям пострадавшим от конрреволюции. Ждем срочно телеграфировать подробных инструкций

Члены Уездисполкома Уткин, Киприянов, Задорин, Малышев»¹⁵.

23 марта 1920 г. Устьвашскому исполкому была направлена телеграмма из Архангельска: «Второго марта 1918 г. Н.К.В.Д. было утверждено образование Устьвашского уезда из волостей Мезенского уезда Пысской, Вожгорской, Койнасской, Лешуконской, Олемской, Ценогорской, Нисогорской и вновь образованной Латьюжской выделившейся из Пысской и Пылемской, выделившейся из Лешуконской. Волости Яренского уезда в состав Устьвашского уезда непредставлением всех нужных материалов не включены. Вопрос этих волостей должен перейти на усмотрение совместно Устьвашского и Яренского уездов, о чем Вам было сообщено 20 августа 1918 года»¹⁶. Поступали телефонограммы из волостей о согласии войти в состав уезда. На 25 марта был назначен волостной съезд в Важгорте о вхождении в Устьвашский уезд¹⁷. 8 апреля 1920 г. в качестве уездного центра из населенных пунктов Верхнеконское, Лешуконское, Мелосполье и Нижнеконское был образован город Устьвашск [1, с. 95; 3, с. 50].

Однако гибель основных организаторов уезда, социально-экономический кризис, больше похожий на хаос, отсутствие необходимых административно-территориальных связей и опы-

¹⁵ ГААО. Ф. 595. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

¹⁶ ГААО. Ф. 595. Оп. 1. Д. 29. Л. 4-4 об., 9.

¹⁷ Там же. Л. 7, 8.

та в их наведении делали перспективы развития нового уезда на тот период проблематичными. Тем более что руководство Мезенского уезда, практически без потерь перестроившееся на советский лад, стремилось сохранить целостность уездной территории¹⁸.

В течение второго полугодия 1920 г., несмотря на трудности, уточнялись территории волостей, входящих в Устьвашский уезд, кадровый состав их руководства¹⁹. На первом, после освобождения, уездном съезде представителей волисполкомов 1-3 сентября 1920 г. отмечалось, что «...организация Советской власти на местах проведена в марте и апреле». И в то же время в протоколе зафиксировано «...полное отсутствие руководящих и огромный недостаток в технических работниках»²⁰.

На первых порах Архгубисполком пытался помочь становлению нового уезда, направлялись технические работники, было поддержано преобразование села Устьвашки в город Устьвашк. Однако с окончанием Гражданской войны и упрочением советской власти отношение к политико-административному дроблению территориального управления меняется со стороны центра. На первый план выходят проблемы восстановления народного хозяйства, а для этого необходима прежде всего стабильная система территориального управления, выстроенная не столько на идеологических, сколько на экономических факторах.

24 января 1921 г. Архгубисполком рассылает на места циркуляр следующего содержания: «Восьмой Всероссийский съезд Советов (состоялся в Москве 22-29 декабря 1920 г. — С. III.) одним из своих постановлений признал необходимым закончить в двухмесячный срок всю работу по административно-хозяйственному делению РСФСР. ...Последнее крайне желательно ввиду необходимости иметь по истечению указанного срока твердо установленные списки административного деления Республики»²¹.

Учитывая необходимость укладываться в установленные жесткие сроки, 13 февраля 1921 г. Архангельский губисполком рекомендовал рассмотреть вопрос об объединении уездов По-

¹⁸ ГААО. Ф. 595. Оп. 1. Д. 29. Л. 8-8 об.

¹⁹ Там же. Д. 23. Л. 47, 51.

²⁰ ГААО. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об., 5, 5 об., 10, 11.

²¹ ГААО. Ф. 595. Оп. 1. Д. 28. Л. 5.

мезенья²². Спустя неделю Усть-Вашский уездисполком, «...принимая во внимание малочисленность населения Усть-Вашского и Мезенского уездов, отсутствие руководящих, технических и рабочих рук и экономические усилия, тесно связывающие жизнь обоих уездов, в силу чего промышленность отдельно в уездах не может быть в достаточной степени развита в интересах государства и, следуя великому лозунгу: в единении сила!..» признал необходимость скорейшего слияния вышеуказанных уездов и поручил данный вопрос детально разработать Усть-Вашской административной комиссии и представить к утверждению [7, с. 214].

Проработка вопроса привела к следующему решению: «Резолюцию о слиянии уездов принять в целом. Кроме того, принимая во внимание экономическое положение населения и географические условия уезда, а также, имея в виду проект о проведении железной дороги на Усть-Вашск, уездисполком считает необходимым уездный центр установить около Уст-Вашска, вблизи железнодорожного узла. Впредь до осуществления нового города, уездный исполком временно переместить в г. Мезень»²³.

28 апреля 1921 г. в газете «Известия Архгубисполкома и Губкома РКП (б)» было опубликовано следующее официальное сообщение: «По постановлению губисполкома Усть-Вашский уезд, выделенный в 1918 году из Мезенского в самостоятельную административную единицу, в целях более рационального использования сил и по экономическому тяготению решено слить, с центром в г. Мезени»²⁴.

10 сентября 1921 г. объединенный пленум Мезенского и Усть-Вашского уездисполкомов согласился с постановлением губисполкома об объединении уездов и ликвидации Усть-Вашского уезда. ВЦИК 6 февраля 1922 г. утвердил это решение, одновременно постановив преобразовать «уездный город Усть-Вашск в село» [1, с. 94].

Тем же декретом от автономной области Коми (Зырян) в состав уезда была вновь передана Пысская волость. Мезенский уезд, таким образом, обрел дореволюционные границы, имея в составе шестнадцать волостей: Вожгорскую, Долгощельскую, Дорогор-

²² ГААО. Ф. 595. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.

²³ ГААО. Ф. 595. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

²⁴ Известия Архгубисполкома и Губкома РКП (б). 1921. 28 апреля.

скую, Койденскую, Койнасскую, Лампоженскую, Лешуконскую, Несскую, Нисогорскую, Олемскую, Погорельскую, Пылемскую, Пысскую, Ручьевскую, Соянскую, Ценогорскую и Юромскую.

Подводя итог анализу влияния внутренних и внешних факторов на формирование и деятельность местных органов власти Помезенья в 1918–1920 гг., следует признать, что внутренних предпосылок к массовому гражданскому противостоянию, тем более с оружием в руках, не было. Причины имевших место политических репрессий носили на тот период внешний характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник. Архангельск, 1997. 413 с.

2. Овсянкин Е.И. Из истории Мезенского земства // Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона: Сб. ст. / Составитель Л.Д. Попова. Архангельск: изд-во «Правда Севера», 2006. С. 31–47.

3. Пахов П.Н., Галев Н.А. Очерки истории Лешуконского района. Лешуконское, 1995. 75 с.

4. Попов В.И., Галев Н.А. За власть Советов // Мезень — край Поморский (очерки). Архангельск: Сев-Зап. кн. изд-во, 1980. С. 79–99.

5. Санакина Т.А. Документы ГААО об образовании и деятельности земств в Мезенском уезде в 1917–1920 гг. // Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона: Сб. ст. / Составитель Л.Д. Попова. Архангельск: изд-во «Правда Севера», 2006. С. 48–78.

6. Трошина Т.И. Верхне-мезенские волости в 1917 — первой половине 1918 гг. // Новиковские чтения 2019 / Сост. В.Б. Парфенова, С.И. Шубин. Архангельск, 2019. С. 34–46.

7. Шубин С.И. Мезень и Лешуконье. Зигзаги истории // Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона: Сб. ст. / Составитель Л.Д. Попова. Архангельск: изд-во «Правда Севера», 2006. С. 211–219.

«РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ!» НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИЗВЕСТНОЙ ФОТОГРАФИИ

ФОТОГРАФИЯ С ИСТОРИЕЙ

Отправной точкой для экспедиционного исследования мемориальной команды «Штык решает» (г. Архангельск) послужила широко распространенная в Интернете фотография поломанного биплана, лежащего возле железнодорожных путей и дровяных поленниц на станции Обозерская. Аннотация к снимку № 28592, сделанному официальным фотографом Корпуса связи американской армии сержантом первого класса Гриром М. Шоттуэллом, сообщает: «Аэроплан большевиков был захвачен американскими солдатами. Этот самолет был вынужден приземлиться во время боя 15 сентября 1918 года. Пилот и наблюдатель убежали» [1].

Казалось бы, все ясно, но, как говорится, дьявол кроется в деталях: что же произошло на самом деле? Сложность реконструкции событий заключалась в скудости стартовых сведений. Но шаг за шагом по документам, публикациям и на местности нам удалось восстановить не только детали боевого эпизода, но и саму специфику тревожного времени, когда под натиском войск Антанты и их пособников Россия, балансируя на грани государственного краха, отчаянно и целеустремленно сопротивлялась вооруженной агрессии вчерашних союзников, защищавших свои колонирующие инвестиции в Российскую империю...

Отчасти это читается в самой истории самолета, запечатленного на снимке американского военного фотографа. Sopwith 1 1/2 Strutter был универсальным фронтовым самолетом — разведчик, корректировщик артогня и легкий бомбардировщик: двухместный биплан с тянущим винтом (в тогдашней терминологии —

«биплан-трактор»), тандемным расположением экипажа и подвижным пулеметом в задней кабине летнаба.

Самолет, прошедший испытания в январе 1916 года, имел стабилизатор с изменяемым в полете углом установки, имелись аэродинамические тормоза, шасси с независимой подвеской колес. Самолет был конструкционно легок, устойчив в полете, прощая грубые ошибки в пилотировании, прост в управлении. Главным недостатком машины была малая полезная нагрузка из-за слабого мотора. На английских фирмах Sopwith, Westland, Hooper, Morgan, Vickers и Ruston, Proctor & Co. было построено 1282 экземпляра машины. В 1917 году французы из-за нехватки самолетов быстро и с размахом развернули лицензионное производство популярной машины на фирмах Amiot, Besson, Darracq, Aeroplanes Hanriot et Cie, REP (Robert Esnault-Pelterie) и Sarrasin, выпустивших около 4500 «сопвичей» — почти в 4 раза больше, чем в Англии! Единственное, чем отличались британские и французские «сопвичи», — расчалки: профилированные стальные ленты применяли на английском производстве, а у французов — парные стальные тросы, обмотанные тесьмой на клею... Но Sopwith 1 1/2 Strutter с его малой полезной нагрузкой уже уступал более совершенным машинам, поэтому возник вопрос сбыта новых, но морально устаревших самолетов, который назвали «Sopwith crisis». Их распределили по летным школам, резервам и базам хранения. Часть продали американцам, бельгийцам, румынам, грекам, японцам, но больше всего «сопвичей» отправили в Россию, так как ее авиазаводы летом 1916 года покрывали всего 44 % потребностей фронта в боевых самолетах. У Великобритании было куплено 148 «страттеров», которые привезли морем в Архангельск.

Таким образом в Россию пришло 120-140 английских «сопвичей» и около 30 машин французского производства. Из них лишь 72 самолета числились в Центральном московском авиапарке на Ходынском поле. Остальные лежали в архангельских портовых складах.

В марте 1918 года советское правительство, понимая угрозу начавшейся на Севере интервенции вчерашних союзников, начало энергичную эвакуацию всего ценного военного имущества и топлива силами Чрезвычайной комиссии по разгрузке Архангельского порта (председатель С.Н. Сулимов), а конкретнее — пра-

вительственной комиссии по организации эвакуации из портов Северной области военной техники и имущества, которой руководил комиссар Александр Васильевич Можаяев, ранее работавший на московском авиазаводе «Дукс». В результате англичане после захвата Архангельска 2 августа нашли на складах лишь 18 неисправных «сопвичей» и два «ньюпора»... [2]

ОПАСНОЕ НЕБО

Использование авиации в интервенции на Севере стало необходимой практикой ведения боевых действий, ведь технически эта война была точным слепком Первой мировой. Огромная территория с незначительным населением, живущим вдоль немногочисленных коммуникаций края, требовала применения оперативного и эффективного инструмента контроля и воздействия, каким в то время уже была боевая авиация, обладавшая приемлемой тактической дальностью и средствами фоторазведки и радиообмена с землей.

Наряду с противодействием силам Антанты на Двинском фронте сдерживание интервентов на Железнодорожном фронте велось всеми возможными способами: скудные стрелковые подразделения Красной армии укреплялись артиллерией, установленной на подвижном составе. Красная пехота без поддержки пушек сторала в штыковых контратаках, смятая артиллерийским штормом противника. При этом Северный фронт, по мнению советского руководства, не был самым напряженным по накалу сражений, но зато стал самым опасным, так как Антанта имела возможность беспрепятственно привести в порт Архангельска караваны судов с войсками, вооружением и боеприпасами для наступления на Москву и Петроград.

К 20 августа 1918 года 23 аэроплана из 123 машин красной боевой авиации были сосредоточены на Северном фронте в Архангельской губернии. Самолеты появились здесь по прямому указанию председателя Совнаркома. Таким образом на основе 2-го Социалистического авиаотряда (создан на базе 12-го армейского авиаотряда) была сформирована 1-я Костромская авиагруппа (1-й и 2-й авиаотряды) и в августе 1918 года с 10 аэропланами отправлена в Архангельский боевой район с базой в Вологде.

Первый авиаотряд группы под началом Рейнгольда Карловича Цельмина, а затем Николая Васильевича Суворова базировался у станции Плесецкая близ озера Плесцы [2].

ЕГО ЗВАЛИ SOP. 1A № 2348

На Железнодорожном фронте самолеты с обеих сторон противостояния выполняли функции разведчиков, корректировщиков огня, бомбардировщиков и штурмовиков, изобретательно охотившихся на бронепоезда и железнодорожные артбатареи.

Первопроходцем авиационной темы периода Первой мировой и Гражданской войн в России, несомненно, является Марат Абдулхадирович Хайрулин, историк российской авиации, заместитель директора по научно-исследовательской работе Музея техники Вадима Задорожного. Он поделился особенностью применения авиации в интересах 6-й армии РККА на Железнодорожном фронте.

В августе 1918 года на станцию Плесецкая прибыл 1-й авиационный отряд Костромской авиагруппы, сформированный в Вологде. Его парк состоял всего из нескольких самолетов — многоцелевых «Сопвичей» (Sopwith 1 1/2 Strutter) и «Фармана-30», а также истребителя «Ньюпор-24». После сборки и пробных подъемов машин первая разведка сил противника была совершена 31 августа 1918 года. Летчик Лавров на «Сопвиче» № 2325 летал на разведку в район станции Обозерской, захваченной интервентами чуть менее месяца назад. Эта точка железной дороги стала опорным пунктом и аванбазой сил вторжения на перекрестке двух ключевых коммуникаций региона, поэтому ее требовалось постоянно держать под контролем и боевым воздействием.

1 сентября из-за остановки мотора в воздухе «Сопвич» поломал при вынужденной посадке шасси и плоскости. Поэтому 2 сентября на разведку и бомбометание станции Холмогорская, в 45 км к северо-северо-востоку от Обозерской, вылетел «Фарман-30». Летчик Кудрявцев и наблюдатель Малиновский доложили: «Сброшено две бомбы. Станция Холмогорская обстреляна пулеметным огнем. Аппарат на высоте 450 метров был обстрелян пулеметным и ружейным огнем противника, причем прострелен винт и радиатор, вследствие чего мотор работал не нормаль-

но. Несмотря на непрерывную утечку воды из радиатора, мы дошли до станции Обозерская и обстреляли лесную дорогу, идущую к озеру Сельгоозеро (*скорее всего, Шукозерье. — Прим. авт.*). Мы были уверены, что даже с пробитым радиатором совершим посадку на своей территории. Мотор перегорел из-за полной утечки воды, не дотянув нескольких верст до станции Емца, занятой нашими войсками. Следствием этого стала вынужденная посадка на полотно железной дороги. Самолет разбит. Сломано шасси, нижняя левая плоскость и хвостовая ферма» [2].

«МАРСОВЫ ЗВЕЗДЫ» И ЧЕРТ-ТЕ ЧТО

После таких утрат механики 1-го отряда Костромской авиагруппы собрали еще три самолета: Nieuport 24bis, Farman F.30 и Sopwith 1 1/2 Strutter французского производства. Этот биплан имел серийный номер 2348 и был привезен в Россию в числе машин, заказанных российским правительством в качестве союзнической помощи в ходе Первой мировой войны. С августа 1917 года «Сопвич» № 2348, доставленный морем в Архангельск, хранился в ящике в порту Бакарица и в числе прочих грузов был спешно вывезен в центр страны, поступив летом 1918 года на вооружение формирующихся авиаотрядов Красного военно-воздушного флота. Причем фронтовой разведчик Sopwith 1 1/2 Strutter с бортовой индикацией Sop. 1A2 № 2348 сохранил опознавательные знаки, нанесенные на французском авиазаводе, — бело-сине-красные круги на верхних плоскостях и руле направления. Подобные же «кокарды» были и на самолетах Славяно-британского авиакорпуса (SBAC), что приводило на Железнодорожном фронте к неизбежной путанице и бешеному обстрелу любого самолета наземными силами.

Поэтому трехцветные «кокарды» на самолетах Костромской авиагруппы полностью перекрасили в красный цвет и дополнили белыми изображениями «адамовых голов» (череп и скрещенные кости). Такие же «череп», нарисованные на красном фоне, красовались на рулях поворота. Разнобой в опознавательных знаках был безобразным — каждый малевал на самолете все, что в голову взбредет: то дьяволов с косами, то голых баб, то ведьм и еще черт-те что... Привычные всем красные, «марсовы» звезды

первые появились на самолетах Северного фронта. 29 сентября 1918 года вышел приказ штаба 6-й армии, узаконивший единообразие красных звезд на круглых белых полях. Лишь 9 октября 1918 года Главупр Военвоздухофлота издал приказ № 6: «Всем авиачастям немедленно ввести одинаковые отличительные знаки на концах крыльев сверху и снизу и на хвосте самолетов. Отличительным знаком должна быть пятиконечная красная звезда»... С тех пор и доныне она украшает боевую авиацию России.

Если же говорить об окраске самолета, сбитого над Обозерской, то в России английские самолеты Sopwith 1 1/2 Strutter, Sopwith Snipe, Sopwith Camel, De Havilland DH.9 и DH.9a, RAF SE.5, RAF RE.8, а также Avro-504 были окрашены сверху и с боков в зелено-коричневый защитный цвет, который англичане называли PC 10 (Pigmented Cellulose Specification № 10 — «пигментированная целлюлоза 10-го стандарта»). Снизу эти машины имели светло-желтый цвет полотна, покрытого аэролаком, такой же, как у аэропланов SPAD. Алюминиевые капоты «Кэмелов», «Снайпов» и «Полуторастоечных», как правило, не окрашивались (краска плохо держалась на металле), равно как и деревянные межкрыльевые стойки [3].

СДАЛ МОТОР, ИЗБИТЫЙ ПУЛЯМИ...

После сборки и проб «Сопвич» № 2348 с семицилиндровым ротативным мотором-«звездой» Le Rhone мощностью 120 л. с. совершил первый боевой вылет 15 сентября 1918 года. Летчик Александр Севастьянович Лавров и помощник моториста Иосиф Васильевич Скробук, выполнявший функции летчика-наблюдателя, отправились на разведку, бомбометание и сброс прокламаций по маршруту Плесецкая — Емца — Обозерская. Максимальная высота полета составляла 1900 метров, продолжительность — 1 час 20 минут. Протяженность маршрута — 150 км. День был ясным, но вылет едва не закончился трагически.

В своем донесении после выполнения боевого задания авиаторы сообщили: «На станцию Обозерская сброшено три бомбы. Во время третьего круга над станцией аппарат был подбит пулеметным огнем противника. Мотор встал. Пришлось планировать на полотно железной дороги в районе 464-й версты. К месту падения самолета бежали белогвардейцы с винтовками наперевес. По

ним открыт был огонь из пулемета, вследствие чего противник залег в цепь. Захватив пулемет Льюиса, барограф и три обоймы, мы бросились бежать вглубь леса на восток. С наступлением темноты мы вышли на полотно железной дороги в районе 461-й версты и дошли до нашего секрета в районе 458-й версты». Так «Сопвич» Александра Лаврова стал, пожалуй, первой боевой потерей красной авиации на Севере России.

Тем не менее приказом № 7 по Красному ВВФ от 11 октября 1918 года, подписанным начальником Полевого управления авиации и воздухоплавания (Авиадарм) при штабе РВС Республики и главным комиссаром Воздушного флота Андреем Васильевичем Сергеевым, самоотверженную работу Лаврова и Скробука «против англо-французских наемников» отметили премией по 1000 рублей каждому [4].

ИЗ БОЕВОГО ВЫЛЕТА НЕ ВЕРНУЛСЯ...

Что же произошло на земле в тот сентябрьский день? Реконструировать его отчасти помогли воспоминания красных летчиков, дневниковые записи и мемуары иностранных солдат, ставших свидетелями воздушного налета и боя у сбитого аэроплана. Опираясь на эти сведения, наша экспедиция побывала на местах события, выполнив замеры и натурные описания.

Итак, «Сопвич» № 2348, вылетев с аэродрома у станции Обозерская, с набором высоты пошел над линией железной дороги курсом строго на север. Журнал военных действий 6-й армии зафиксировал положение сторон, сохранявшееся к этому времени неизменным почти четыре недели: «6 сентября. В районе Обозерской наши части отошли от станции и заняли позиции на разъезде 457-й версты. Противник продвинулся до разъезда 466-й версты (в 8 верстах от станции Обозерская)». Таким образом, линия фронта к 15 сентября была достаточно размытой из-за огромной ничейной земли: передовые части Красной армии занимали оборону южнее разрушенного моста на 457-й версте железной дороги у болота Большое Самоедское, а передовые подразделения интервентов крепко встали в оборону на 466-й версте, где ныне расположена станция Летнеозерский, называвшаяся в то время Разъездное [5].

Рядовой роты «Е» 339-го пехотного полка армии США Дональд Кэри вспоминал: «Эта 466-я верста находилась в 22 верстах к северу от линии фронта на железной дороге. Это была большая поляна, охватывающая железную дорогу с обеих сторон. Ее оборону составляли бревенчатые баррикады высотой по грудь человека, откуда хорошо просматривался жиденький лесок в сторону противника. Наши люди были расквартированы в домах, кучно стоявших возле путей на юге поляны. Кроме того, стрелки заняли одиночный дом в северной части разъезда. Мы были вооружены винтовками, пулеметом Льюиса, гранатами и патронами — достаточно, чтобы отбиться в случае крупной атаки. Единственная дверь выходила на северный конец разъезда. С юга и с запада окон в доме не было. Лейтенант Бейкер обозначил границы сектора стрельбы из ручного пулемета, чтобы мы в случае нападения не задели в горячке нашу основную оборону» [6].

Нейтральная зона протяженностью 7 км вдоль полотна железной дороги начиналась фактически сразу за позициями разъезда 466-й версты и была покрыта безлюдными лесами. Эта местность контролировалась только разведывательными патрулями обеих сторон и высылкой английского вооруженного поезда Miles с американской, русской и польской пехотой под командованием британского лейтенанта Эдварда Хилтона Янга, впоследствии получившего титул лорда Кеннета. 15 сентября он записал в дневнике: «Стрельба по дому на разъезде 461-й версты — огонь прямой наводкой. Перед нашими позициями упал самолет большевиков» [7]. От этого прямого упоминания о «Сопвиче» Лаврова и Скоробука тянется прямая связь к аналогичным записям в боевом дневнике американской роты «М» 339-го полка: «Командир нашего батальона майор Чарльз Дж. Янг (Фон дю Лак, штат Висконсин) отправился на позиции 466-й версты с капитаном роты “L” Грантом Черри-младшим и остался там на всю ночь. Вражеский аэроплан пролетел над 474-й верстой и сбросил на Обозерскую три бомбы. Повреждений нет» [8]. От себя командир роты «М» капитан Джоел Мур добавил в мемуарах: «Группа людей, работавшая под руководством капрала Фрэнка Романски (по большей части это были местные — женщины, девушки и старики), еще только начинала строительство аэродрома близ станции Обозерская. Наши аэропланы, чтобы защитить нас, вынуждены были прилетать из Архангельска. Тем не менее 15 сентября мы впервые

устроили достойный прием вражескому самолету, бомбившему нашу территорию» [9].

«Сопвич» Лаврова и Скробука после взлета из Плесецкой в 15.45 шел с набором высоты и через 65 км перевалил линию своих войск, находясь вне зоны действительного огня противника. Очевидно, затем Лавров начал спуск для бомбардировки Обозерской, которой достиг через 17 км полета на высоте около 1000 м примерно в 16:40. Вероятнее всего, на борту самолета-разведчика были три 9-килограммовые английские бомбы Купера (20lb Cooper bomb) и пять двухрядных дисковых магазинов емкостью по 97 патронов к бортовому пулемету Льюиса. По команде Лаврова, поставившего самолет в вираж, Скробук бросал за борт по одной бомбе с расконтренной ветрянкой. Прицелов не имелось: бомбили «по лаптю»...

С земли бешено стреляли, хотя это было видно только по фигуркам солдат, стоявшим, задрав к небу стволы винтовок и ручных пулеметов. В «Сопвиче» одна за другой появлялись дырки. Экипаж не имел никакой защиты даже от такого обстрела. На счастье Лаврова и Скробука, станция не была прикрыта зенитными орудиями, иначе пушки легко бы смахнули аэроплан с неба.

Фёст-лейтенант американской роты «I» 339-го полка Альберт Мей из Омахи (штат Небраска, США) вспоминал этот момент в книге «Расквартированные в аду»: «В сентябре 1918 года я получил письменные приказы обстреливать любой самолет, если он не был подтвержден телеграфным сообщением как свой аэроплан. Когда над нами вскоре появился неизвестный самолет, и я приказал своим людям стрелять по нему, так как аэроплан не имел никакого подтверждения. Майор Янг, командовавший вторым батальоном 339-го полка, пришел в ярость, приказывая прекратить огонь. Я оставил свой приказ в силе, и американцы продолжали стрелять по кружащейся машине. И мы сбили этот самолет...» [10]

«DON'T SHOOT! WE ARE AMERICANS!»

Пулеметная очередь прошла по мотору и перебила топливную трубку ровно рокотавшего «рона». Двигатель смолк. Лавров перекрыл подачу горючего и, развернув «Сопвич» курсом на юг,

перевел машину в пологое планирование. Ни огня, ни дыма. Был слышен только свист ветра в расчалках на скорости 100 км/ч. Аэродинамическое качество «сопвичей» равнялось примерно 8. Это означало, что на планировании самолет с потерей 1 км высоты может пролететь около 8 км. Лавров сразу понял, что с высоты бомбометания нужно уйти от Обозерской как можно дальше на юг, проскочить оборону интервентов на 466-й версте и посадить машину на нейтралке ближе к позициям своих войск. Летчик в мелкие клочки разорвал карту — хлопьями стегнуло за борт, помахал рукой Скробуку, на всякий случай попрощавшись с товарищем: внизу — вражеская пехота да и садиться на шпалы — та еще рулетка...

Осенний, едва желтеющий лес надвигался, разваливаясь под прямой трассой железной дороги. Почти беззвучно на высоте трех сотен метров «Сопвич» просквозил над домишками разъезда 466-й версты, занятого американской пехотой роты «М» 339-го полка. Янки, предупрежденные из Обозерской по телефону, стреляли по самолету: добивали. Лавров тянул сколько мог, проскочив почти над бревенчатыми баррикадами американского аванпоста в двух километрах южнее разъезда. Теперь каждая сотня метров давала все больше шансов уцелеть и избежать плена.

Бегущая «лестница» железной дороги зарябила в глазах шпалами. Лавров, потянув ручку на себя, выровнял самолет и выпустил воздушные тормоза: «Держись! Морду от пулемета!» В полной тиши леса «Сопвич» коснулся полотна дороги колесами, дробно и с треском загремевшими по шпальной укладке. Сначала пошел гладко, потом повело, бросило в сторону так, что начисто снесло стойки шасси, и аэроплан всей неполной тонной веса упал на брюхо. Затрещала крыльевая коробка. Лопнувшая расчалка концом оглушительно стегнула Лаврова по голове, сбереженной шлемом. Машина прошла юзом по рельсам и остановилась, скрывшись в облаке пыли. «Жив?» — «Здоров! Ходу!»

Выскочили из побитого самолета. Лавров сунул за пазуху снятый барограф. Скробук, держа наперевес «льюисган», сдернутый с турели Scarff, всучил летчику два диска с патронами: «Отобьемся! У нас, считай, больше ленты». Пыль оседала, но и без того было видно, что с севера, со стороны аванпоста, к месту вынужденной посадки толпой бегут солдаты противника. Лавров хорошо знал местность с воздуха, поэтому решение об отходе у него было го-

тово заранее. Справа, к западу, была болотистая местность — не годится. Слева, к востоку от «железки» — лесисто: нырнул — пропал. Вдвоем сбежали с полотна и рывком достигли леса, слыша топот подбегающих янки.

Фёст-лейтенант роты «I» 339-го полка Альберт Мэй вспоминал то, что произошло дальше, породив в американских войсках устойчивый мем, дошедший до наших дней: «Разъяренный майор Янг приказал мне собрать отряд и начать поход по железнодорожным путям туда, где на открытом месте упал самолет большевиков. Это было в 200–500 ярдах от нашего передового поста на 464-й версте железной дороги.

Майор Янг, бежавший впереди солдат, кричал, приближаясь к аэроплану: “Не стреляйте! Мы — американский патруль!” Майор до сих пор думал, что мы сбили свой самолет. В этот момент раздалась оглушительная пулеметная очередь. Все попадали на месте, а майор с размаху рухнул прямо в глубокую грязь. Летчики-большевики, охладив пыл нашей погони, ушли в лес вместе с оружием...

Несколько дней спустя мы закончили патрулирование в этом районе, который передавали под контроль другого подразделения. На построении один из моих солдат при проходе майора Янга вдоль шеренги сказал, ернически передразнивая: “Не стреляйте! Мы американский патруль!” Командир батальона просто взорвался от ярости и приказал сказавшему дерзость сделать шаг вперед. Все остались на месте. Майор велел мне выявить наглеца. Я повторил фразу майора, но никто даже ухом не повел. Я сказал Янгу, что не могу заставить солдат говорить против их воли. На этом все и кончилось... Ситуация с нашим комбатом, окончательно потерявшим свой авторитет, стала настолько скверной, что я послал командиру 339-го полка полковнику Стюарту телеграмму с просьбой переназначить майора: люди в роте, недовольные постоянно трусливым поведением комбата и его пристрастием к излишней муштре в боевых условиях, начали открыто угрожать майору. Полковник наконец осознал необходимое и убрал Янга от нас» [10].

Капрал штабной роты 339-го полка Джордж Йохей в интервью Уильяму С. Уорду в 1980 году подтвердил долгую память курьезного эпизода: «Когда над Обозерской был сбит самолет большевиков, он сел прямо на рельсы. Из аэроплана выскочил парень

с пулеметом. Майор, поспешивший к месту посадки, крикнул: «Не стреляйте. Мы — американцы». Но летчик просто вскинул пулемет и — тра-та-та-та-та-та-та! Янг упал лицом в грязь, став всеобщим посмешищем на всю нашу эпопею в России» [11].

Происшествие в общих чертах подтверждают дневники других американцев. Фёст-лейтенант роты «М» 339-го полка Джордж Стоунер-младший: «Воскресенье, 15 сентября. Бомбардировка с самолета большевиков. Потерь нет. Аэроплан захвачен» [12].

ЗА ОДНОГО СБИТОГО – ОДИННАДЦАТЬ УБИТЫХ

Около 17 часов Лавров и Скробук, бросившись в глубину леса, сначала шли строго на восток, понимая, что требуется прежде всего оторваться от возможной погони, выйти за предел патрульного радиуса, не превышавшего 1,5-2 км, и затем двигаться по направлению к обороне своих войск. Двигаться по лесу было нелегко, но оружия летчики не бросили. Остановившись перевести дух, шума преследования не услышали. Это ободрило!

Скробук сменил пустой магазин в пулемете. Решили не ломиться глубже в лес, а взять, пока светло, к югу и двигаться параллельно ходу железной дороги, чтобы в сумерках подойти к полотну, где уже наверняка доведется встретить один из красноармейских дозоров. Наткнуться на вражеский патруль Лавров и Скробук не боялись никого — пулемет был убийственным аргументом в огнестрельном споре даже при неравенстве сил: летчики только что внаглую вырвались фактически из лап врага.

Летчики прошли лесом на юг три километра и примерно в 18:30, когда начало смеркаться, вышли к железной дороге у кривой на 461-й версте. У разъезда они никого не встретили, поэтому спокойно пошли по рельсам на юг. Около 19.20 через три версты пути в потемках их окликнул дозорный красноармейской заставы у моста на 457-й версте на северной стороне Большого Самодского болота.

Лаврова и Скробука встретили неприветливо и недоверчиво. Пулемет с патронами отобрали. Обыскали. Угрожая расстрелом, начали допрашивать: кто, куда, зачем, откуда? Обычная история... Скорее всего, летчикам пришлось иметь дело с комбатом 15-го Юрьевского полка, державшего оборону на 457-й версте. Тол-

ку не добились, посадили под замок с часовым «до выяснения», которое наступило поутру, когда удалось связаться с Плесецкой и по контрольным сведениям удостовериться в личности Лаврова и Скробука. В тот же день их отправили в свою часть...

Казалось бы, детально реконструированный нами эпизод можно было бы считать законченным в своих причинно-следственных связях. Но — нет! История «Сопвича» № 2348 еще была далека от завершения, и она была откровенно кровавой...

Английская писательница Анна Рейд поделилась с нами записями из фронтового дневника командира бронепоезда Miles лейтенанта Эдварда Хилтона Янга, который хранится в библиотеке Кембриджского университета. Испытанный офицер, лишившийся правой руки в рейде британской армады на Зеебрюге в апреле 1918 года, записал главное за 16 сентября: «Большевики атаковали американский аванпост на 464-й версте, чтобы вернуть себе самолет, лежащий на железной дороге. В связи с этим перед ужином нам был подан сигнал тревоги. Позиции 466-й версты находились под комбинированным огнем 120-мм орудий и ружейно-пулеметным обстрелом. Мы открыли ответный огонь по вражескому артиллерийскому поезду, который находился за поворотом железной дороги неподалеку от 461-й версты. Мы стреляли сериями по 30 снарядов, прикрывая контратаку американцев. Обрато на разъезд 466-й версты с позиции огня мы вернулись, прихватив с собой самолет большевиков».

Наш давний друг, Майкл Гроббел, президент американской мемориальной ассоциации Polar Bears, сохранившая живую память о событиях войны в Северной России, сообщил нам интересные подробности: «Американский капрал Клео Колберн из роты “1” 339-го полка перед тем, как сбитый самолет был вывезен с места крушения, успел вырезать с правой стороны хвоста трофейного аэроплана кусок обшивки с частью трехцветной “кокарды” и надписью “Sor. 1A”. А капрал Джордж Йохей, забравшись в кабину летчика, нашел там кожанно-меховые рукавицы пилота, правая из которых была навывлет пробита пулей в манжете...»

Неудачная атака красноармейцев-юрьевцев, попытавшихся отбить «Сопвич» Лаврова и Скробука, завершилась большими потерями, о которых говорит Журнал военных действий 6-й армии: «17 сентября нами был сделан налет на занятый противником разъезд 466-й версты. Удалось было ворваться в расположение

укрепившегося противника и захватить три автоматических ружья, нанеся противнику значительный урон, но вследствие потерь в командном составе артиллерии наша пехота была лишена поддержки орудий и вынужденно отошла в первоначальное положение. Наши потери за день: убито 11 человек, ранено 14» [5].

Капрал роты «М» 339-го полка Клео Колберн подтверждает факт боя за аэроплан: «Первая стычка с большевиками 16 сентября под дождем и градом. В роте “Г” пропали двое, в роте “Л” — один. Около двенадцати были убиты, захвачен один самолет» [13].

Лавровский «Сопвич» привезли на платформе в Обозерскую и по доскам сбросили у деревянных полениц неподалеку от станционного здания. Вероятнее всего, самолет удалось восстановить либо он стал донором при ремонте других «страттеров» подразделения Flight A из состава Славяно-Британского авиакорпуса, базировавшегося в Обозерской.

ПОБОЛЬШЕ СПИРТА!

Лавров продолжил воевать, вылетая всякий раз с риском для жизни. И если аэропланы 1-го отряда Костромской авиагруппы были относительно новыми, то топливо для самолетов было, пожалуй, главной причиной ЧП. Советская республика испытывала острую нужду в горючем: весь его запас тогда составлял 32 тонны. Фронтовым отрядам в сентябре 1918 года директивно предлагалось ограничиться расходом 640 кг горючего в месяц: три бочки на месяц — бей врага, воюй, как знаешь! Неудивительно, что боевой налет 1-го авиаотряда Костромской авиагруппы за 1918 год на Северном фронте составил 25 часов 20 минут.

Историк авиации Марат Хайрулин рассказывает: «К октябрю 1918-го кончились остатки качественного горючего. В ход пошел бензин 2-го сорта, потом — газолин, гептан, и — суррогаты. Наиболее была доступна казанская смесь марки “А”, состоявшая из керосина, газолина, спирта и эфира.

Помимо “казанки”, широко использовались разнообразные спиртовые смеси, носившие обобщенное прозвище “авиаконьяк”. Как правило, они состояли из этилового и метилового спиртов, а также серного эфира в различных пропорциях. Ротативные двигатели могли работать и на чистом спирте-ректификате, тре-

буя зимой подогрева перед запуском или заливки порции эфира в карбюратор.

При полетах на спиртовых суррогатах пилоты нередко угорали от эфирно-спиртового выхлопа и порой возвращались в невменяемом состоянии. Бензол и толуол, прозванные “горчицей”, в качестве моторного топлива были еще более ядовиты. Травились — на раз!

Главный вред от эрзац-горючего состоял в том, что оно приводило к преждевременному износу моторов. Казанская смесь давала твердый нагар в клапанах цилиндров и в камерах сгорания. При работе на спирту моторы легко переохлаждались в полете и плохо держали малые обороты — на рукоять управления двигателем приходилось ставить ограничители: не порезвишься! Бензол и толуол, наоборот, гарантировали быстрый перегрев на большом газу. Тем не менее “казанка”, спирт и “авиаконьяк” обеспечивали боеспособность Красного Воздушного Флота более полутора лет в условиях полного отсутствия нормального горючего».

Да, летчики, защищавшие небо России, воевали на паленом горючем, на гнилых самолетах и — на кристальном ректификате отваги и безусловно чистом мужестве.

СКРОБУК. ОТ МОТОРИСТА ДО ГЕНЕРАЛА

Самолетную беду и нужду 20-летний моторист Иосиф Скробук на Северном фронте познал во всю глубокую ширь. Иосиф Васильевич родился в деревне Новоселка (ныне Слонимский район Гродненской области Республики Беларусь). После Гражданской войны стал военным летчиком и, проявив качества руководителя, в 1920-х годах командовал 50-й авиаэскадрилей. В начале 1930-х годов некоторое время командовал авиабригадой НИИ ВВС.

В 1932-1934 годах Скробук был начальником 2-й Борисоглебской военной авиашколы летчиков (ныне Борисоглебский учебный авиационный центр им. В.П. Чкалова). В 1935 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе.

4 июня 1940 года Скробуку было присвоено звание генерал-майора авиации. В годы Великой Отечественной он возглавлял

1-е Чкаловское военное авиаучилище летчиков. В 1943 году был заместителем командующего 8-й воздушной армией Южного фронта, где курировал вопросы взаимодействия авиаподразделений армии и наземных войск. В ноябре 1944 года награжден орденом Красного Знамени, в феврале 1945 года — орденом Ленина. Умер 5 июля 1948 года и похоронен на Введенском кладбище в Москве, где поныне живут потомки героя.

ЛАВРОВ. ОБРЕЧЕННЫЕ НА ПОДВИГ

Александр Севастьянович Лавров был одним из первых летчиков, давших отпор интервентам в небе Севера России. Он родился в 1892 году в смоленской семье шорника Севастьяна Митрофановича Лаврова, имевшего троих сыновей и пятерых дочерей.

Во время Первой мировой войны Александр Лавров служил в авиации, получив навыки авиамеханика или моториста, и дослужился до чина старшего унтер-офицера в 10-м корпусном авиаотряде. Окончив школу авиации, организованную при 7-м авиапарке в Пскове, 9 августа 1917 года стал летчиком 12-го армейского авиаотряда, совершая боевые полеты на «Вуазене-30». Типичный путь русского летчика периода Первой мировой...

В списках личного состава 1-го отряда Костромской авиагруппы напротив фамилии Лаврова указано: «Летчик. Коммунист. Летает на аппаратах системы “Сопвич”». Да, в одной строке характеризующие сведены призвание, убеждение и квалификация. Лавров уже не раз попадал в переделки с аварийной посадкой аэропланов по техническим причинам и оставался в живых. Его боевая деятельность на Северном фронте известна благодаря отрядному журналу полетов.

«29 августа 1918 года. Пилот Лавров. Наблюдатель Скробук. Аппарат “Сопвич”. Пробный полет возле аэродрома у станции Плесецкая. Продолжительность 20 минут». Рядовое задание, не обходившееся без неизбежного риска.

«31 августа 1918 года. Пилот Лавров. Наблюдатель Малиновский. Аппарат “Сопвич”. Задание: разведка и бомбометание. Маршрут: Плесецкая — озеро у станции Обозерская — Плесецкая. Пройдено 200 верст. Продолжительность полета 1 час 50

минут». В это время штаб 6-й армии усиленно интересовался фронтовой обстановкой южнее оставленной противнику Обозерской, где силами местных жителей к западу от станции, возле Об-озера как раз строился аэродром для английских пилотов SBAC, с которыми соперничали летчики 1-го Костромского авиоотряда.

«1 сентября 1918 года. Пилот Лавров. Наблюдатель Малиновский. Аппарат “Сопвич”. Задание: разведка и бомбометание. Маршрут: Плесецкая — Обозерская — разъезд 509-й версты. Высота 400 метров. Продолжительность полета 2 часа. Сброшено три бомбы. Вследствие останки мотора произведена вынужденная посадка на железную дорогу у разъезда 412-й версты с поломкой шасси и плоскостей». Конечным пунктом одиночного воздушного рейда были укрепления, возведенные американскими саперами 310-го инженерного полка, а вынужденная посадка состоялась на своей территории в 70-м лесном квартале у нынешней станции Шелекса.

«9 сентября 1918 года. Пилот Лавров. Наблюдатель Кузнецов. Аппарат “Сопвич”. Задание: фотографирование с вылетом из Плесецкой. Продолжительность полета 20 минут. Задание не выполнено». Причина неудачи неизвестна. Скорее всего, подвела техника или сложные метеоусловия.

«13 сентября 1918 года. Пилот Лавров. Наблюдатель Можяев. Аппарат “Сопвич”. Задание: проба самолета с подъемом из Плесецкой. Продолжительность 15 минут»...

Следующим был как раз тот драматический рейд на Обозерскую, завершившийся вынужденной посадкой на сбитой машине, перестрелкой на железной дороге и пешим рывком через леса на свою территорию...

Показательно, что после этого летчик Лавров с наблюдателем Малиновским уже 28 сентября отправился на боевое задание по патрулированию линии фронта у Кодыша на точно таком же «Сопвиче-стратере»: «Задание: разведка и бомбометание. Вылет со станции Плесецкая. Высота 2000 метров. Продолжительность полета 40 минут. В результате из-за порчи мотора была произведена вынужденная посадка в деревне Кочманская (Кочмас) в 26 км северо-восточнее Плесецкой. При капоте (опрокидывание самолета через нос по ходу движения) сломан руль поворота, киль, стойки и винт». Живы — и ладно! Аппарат починят — он

весь, как детский конструктор, несложен и ремонтпригоден даже в примитивных условиях полевых авиамастерских.

«4 января 1919 года. Пилот Лавров с наблюдателем на аппарате “Сопвич”. Задание: разведка с вылетом со станции Плесецкая. Высота 600 метров. Продолжительность полета 30 минут. Задание не выполнено вследствие мороза». Очевидное как вероятное...

«9 апреля 1919 года. Пилот Лавров. Наблюдатель Слепян. Аппарат “Сопвич”. Задание: проба самолета после сборки. Вологда». Очевидно, состоялось получение новой матчасти и ее перегонка на фронт.

«5 мая 1919 года. Пилот Лавров. Наблюдатель Слепян. Аппарат “Сопвич”. Задание: проба самолета после сборки на станции Плесецкая. Продолжительность полета 40 минут. Самолет разбит»...

О характере летчика Александра Лаврова известно немного. Из того, чему можно доверять, читая художественные воспоминания современников, предстает образ энергичного, волевого, смелого и решительного человека, не боявшегося идти на конфликт или на обострение отношений, если речь шла о принципиальном: «Летчик стреляный. Боевой. Проверенный. Задиристый и вспльчивый, знает себе цену, но если сойдется с человеком — лучше друга нет».

В авиационной среде своего подразделения — авторитет с задатками лидера, временно возглавлявший отряд в августе-сентябре 1918 года. За работу в воздухе отмечен денежной премией Реввоенсовета, что в те времена было равноценно, пожалуй, орденой награде. Все помнили, что в самое тяжелое время отступления летчики под началом Лаврова не позволили интервентам разбомбить Плесецкую, полную войск и складов... Летчик. Коммунист. Летает на аппаратах системы «Сопвич» [4].

Судьба красвоенлета Александра Лаврова оборвалась почти ровно через год. Неизвестно, когда он был переведен с Северного на Западный фронт, где получил назначение в 38-й разведывательный авиаотряд 16-й армии, имея задачей охрану ее расположения от налета польских самолетов и разведку района Минск — Листопады — Борисов — Барановичи — Лида.

Выписки из журнала полетов 38-го РАО говорят об интенсивности боевой работы. 4 и 6 сентября 1919 года летчик Лавров с наблюдателем Васильевым на «Сопвиче» вылета-

ли с аэродрома у станции Приямино на пробу аэроплана. «9 сентября 1919 года. Полет № 40. Пилот Лавров. Наблюдатель Армандт. Аппарат “Сопвич”. Вылет со станции Приямино в 12:55. Задание: фотографирование района Борисова. Задание не выполнено из-за вынужденного спуска в Зембине». Судя по всему, у самолета Лаврова по-прежнему барахлил мотор, который пытались отрегулировать по механике или горючей смеси в течение нескольких дней.

«9 сентября 1919 года. Полет № 41. Пилот Лавров. Наблюдатель Армандт. Аппарат “Сопвич”. Вылет из Зембина в 18:30. На высоте 50 метров сдал мотор, самолет скользнул на левое крыло и штопором врезался в землю. Лавров разбился насмерть».

В отчете о катастрофе значится: «Летчик 38-го разведывательного отряда Лавров при подъеме на самолете “Сопвич” на вираже потерял скорость и, перейдя в штопор, разбился. При падении у летчика Лаврова были сломаны ноги, пробита грудь и разбито лицо. Наблюдатель Арманд получил ушибы».

Телеграмма от 14 сентября уточнила детали трагедии: «Сначала возле деревни Малые Тростяницы у Лаврова и Арманда встал мотор. Приехали мотористы и снова запустили его. На высоте 50 метров самолет скользнул на крыло, перешел в штопор и врезался в землю. Лавров убит, Арманд получил ушибы и растяжение жил. Мотор и арматуру вывезли, а самолет оставили у неприятеля»... [4]

Где похоронен навеки 27-летний летчик Александр Севастьянович Лавров, неизвестно. Эпитафией его геройской жизни, скорее всего, была искренняя надпись на пропеллере, вкопанном в могильный холм: «Вы отдали все, что могли, за народ». Имена таких людей, беззаветно положивших свою жизнь за Отечество, достойны названий больших и малых улиц наших городов... «Русские не сдаются!» И этим, пожалуй, все сказано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. The National Archives // URL: <https://catalog.archives.gov/id/55216638> (дата обращения: 11.02.2020).
2. Хайрулин М., Кондратьев В. Военлеты погибшей Империи. Авиация в Гражданской войне. М.: «Эксмо», 2008. 472 с.

3. Жирохов М. Кокарды на перкали // М-Хобби. 2010. № 7. С. 34–37.
4. Хайрулин М.А. Лавров Александр Савостянович // Проект «Ретроплань» (Авиация и воздухоплавание до Второй мировой войны). URL: <http://www.retroplan.ru/encyclopaedia.html?sobi2Task=sobi2Details&sobi2Id=1079> (дата обращения: 15.02.2020).
5. РГВА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.
6. Fighting the Bolsheviks: the Russian War Memoir of PFC Donald Carey / ed. by D. Carey. Novato, Ca.: Presidio Press, 1997. С. 240.
7. By Sea and Land / ed by E.H. Young. London: Jack. 1920. 364 с.
8. «М» Company 339th Infantry in North Russia / ed by Joel R. Moore. Central City Book Company, 1920, 69 с.
9. Capt. Joel R. Moore, Lt. Harry H. Mead and Lt. Lewis E. Jahns (Eds.). The History of The American Expedition Fighting the Bolsheviks. The Polar Bear Publishing Co. Detroit, Mich., 1920, 310 с.
10. Quartered in Hell: The Story of the American North Russia Expeditionary Force 1918–1919 / ed by. D. Gordon, H. Otoupalik. Missoula, 1982. 320 с.
11. A well-kept Secret: The Allied Invasion of North Russia, 1918–1919 / ed. by William S. Ward. Detroit, Mich.: The Polar Bear Publishing Co., 2010. 400 с.
12. The Diary of 1st Lt. George W. Stoner, Jr. // Detroit's Own Polar Bear Memorial Association. URL: http://pbma.grobbel.org/stoner/stoner_diary_pt_1.htm (дата обращения: 25.02.2020).
13. Cleo M. Colburn papers: 1918–1919 // Bentley Historical Library of the University of Michigan. URL: <https://quod.lib.umich.edu/b/bhlead/umich-bhl-86712?view=text> (дата обращения: 26.02.2020).

«МИСТЕР КЕПСТЭН» О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ И В СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

На протяжении почти 16 месяцев, с октября 1918 г. по февраль 1920 г., в Архангельске на страницах газеты «Возрождение Севера» под рубрикой «Маленький фельетон» публиковались едкие, с сарказмом и иронией, стихи автора, выступавшего под псевдонимом Мистер Кепстэн. Он в стихотворной форме и критически описывал процессы и события, происходившие в антибольшевистской Северной области, в России и за пределами страны.

Под этим псевдонимом скрывался молодой журналист и поэт Александр Петрович Дедков. Согласно заполненной им собственноручно анкете переписи населения в 1920 г., он родился в Ростовской волости Шенкурского уезда Архангельской губернии. Учился в Архангельской учительской семинарии, но был исключен из нее как газетчик, что считалось несовместимым с учебой в ней.

В годы Первой мировой войны Дедков служил рядовым в пехоте. После Октября 1917 г. он стал одним из основателей Архангельской федерации анархистов. Редактируя ее печатный орган — газету «Анархист», он сотрудничал и в эсеровской газете «Воля Севера».

После падения советской власти 2 августа 1918 г. Дедков остался в Архангельске. 11 августа 1918 г. вышел первый номер ежедневной областной общесоциалистической газеты «Возрождение Севера». Она была преемницей ранее закрытой большевиками «Воли Севера» и, хотя называлась «общесоциалистической», фактически была газетой эсеров. Эта газета была почти официозом власти, ибо созданное 2 августа и существовавшее до начала октября Верховное управление Северной области состояло в основном из так называемых «умеренных социалистов». Впрочем, цензура интервентов Антанты уже в августе 1918 г. установила жесткий контроль за публикациями в этой газете, и она не раз в это время и в дальнейшем выходила со своеобразными «проплешинами», пустыми местами в номере, что означало удаленные материалы. Комментируя это, Дедков писал 20 октября 1918 г.:

По статьям печатным снова
 Бродит старый леший,
 Вместо красочного слова
 Оставляя плечи.

С 28 августа в «Возрождении Севера» стали постоянно публиковаться лирические стихи А.П. Дедкова, подписываемые собственной фамилией. А с 20 октября и в дальнейшем очень часто, а в отдельные периоды почти ежедневно, он стал публиковать свои материалы под псевдонимом Мистер Кепстэн. Дедков откликнулся на общественно-политические события, происходившие в Архангельске и в Северной области, писал о настроениях населения, резко критически отзывался о коллегах из правых периодических изданий, в стихотворно-фельетонной форме реагировал на события в политической жизни страны и за рубежом. Заметим, что о Советской России Дедков почти не писал. Исключением стал его материал «Песня о Совнарком», опубликованный 25 октября 1918 г.

Резко критический настрой Мистера Кепстэна замечает цензура, и 6 декабря вместо его «маленького фельетона» в газете — белое пятно, что означает, что материал удален цензорами. В дальнейшем они всё более внимательно читают материал этой рубрики, неумолимо удаляя из газеты материалы Дедкова целиком или частично, вымарывая, например, наиболее критические четверостишия из публикуемых текстов. По материалам Мистера Кепстэна чувствуется его нарастающий критический настрой в отношении того, что происходило в Северной области. Так, за несколько дней до ее годовщины он помещает материал, названный «1918 — 2 августа — 1919», весьма критически оценивающий состояние дел, разрыв между обещаниями и реалиями.

20 декабря 1919 г. Дедков в стихотворном фельетоне «На грани (Раздумье)» фактически предвещает скорый крах Белого Севера. За два дня до падения Архангельска он публикует материал, иронически оценивающий только что созданное новое правительство. А накануне падения публикуется его стихотворный фельетон «Шум и гам».

Отметим еще раз, что все материалы !Мистера Кепстэна» опубликованы в газете «Возрождение Севера». Дата, указываемая в конце стихотворения, означает дату издания номера этой газеты.

Завершающий материал под названием «На смерть Мистера Кепстэна» был опубликован А.П. Дедковым уже после восстановления советской власти в Архангельске под псевдонимом Григорий Гвоздарев в газете «Известия Архангельского губернского ревкома» 31 марта 1920 г. Его венчают строки:

Спи же, «Кепстэн», власти белой
Ты не раз рукой умелой
Нож вонзал своих стихов.

Добавим, что в 1920 г. Дедкову было 26 лет. На вопрос анкеты, какую профессию считает специальностью, он отвечал: «Журналист».

А.П. Дедков умер от туберкулеза 16 сентября 1921 г. в Пензе.

Думается, что опубликованные материалы покажутся читателю интересными и помогут лучше понять настроения населения, события и процессы в Архангельске и Северной области в 1918–1920 гг.

В НАШИ ДНИ

Осень. В тучах серых небо.
Холод. Дождь. И слякоть.
Нет картошки. Мало хлеба.
Впору хоть заплакать.

Прокатилось быстро лето,
Листья облетели.
Даже чёрные газеты
Сразу пожелтели.

По статьям печатным снова
Бродит старый леший,
Вместо красочного слова
Оставляя плеши.

С каждым днём всё дорожает,
Рублик — дров поленце...
Только тешится, играет
Ведьма-инфлуэнца.

Видно ей у нас прекрасно:
Можно веселиться,
Навещая ежечасно,
Кладбища, больницы.

Даже Вильям видит: глупо
Жизнь с людьми играет
И недаром в Гваделупу
Скоро уезжает.

Осень... В тучах серых небо...
Холод. Дождь. И слякоть.
Нет картошки. Мало хлеба.
Впору — хоть заплакать.

20 октября 1918 г.

РАЗДУМЬЯ ПОКЛОННИКА СПИСКА № 3¹

Сколько поистрачено
Силы на собрания!
Сколько переплачено
Денег за воззвания!

До поту старалось
День-деньской купечество.
В корень исписалось
Даже и «Отечество».

Вильям со старанием
Дрался точно бешеный...
В тысячах воззвания
Были понавешены.

¹ Список № 3 — это так называемый внепартийный список «национального возрождения», иначе говоря, список коалиции буржуазных партий и группировок на выборы в Архангельскую городскую думу, которые проходили 13 октября 1919 г.

Много было рвения
У господ писателей —
Всё для уловления
«Тройкой» избирателей»

Ну, а результатами
Блок мирян с квартальными
Блещет не богатыми,
А совсем печальными.

28?! А двойкою²
82 получено!!!
(Видно, воля стойкая
Не совсем замучена?)

Стыдно... В сердце просятся
Жалобы, рыдания...
И снежком заносятся
Громкие воззвания...

22 октября 1918 г.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Повсюду реет вольный дух,
В какой угодно штучке —
Базар международный вдруг
Он сделал из толкучки.

Кого — чего там только нет:
В ряды опорок русских
Вошёл гармонией берет —
Изделье рук французских.

Среди дырявых «спинжаков»,
Среди лаптей крестьянских,
— Стучат подошвы сапогов
Гостей американских.

² Список № 2 — социалистический блок.

А ваш пронырливый маклак
И спекулянт российский —
Распродает теперь табак.
Из-под полы. Английский.

Торговлю бойкую ведут
Крикливые мальчишки —
И с барышами продают
И доллары, и бишки.

Купить здесь можно сигарет,
Галет, варенья банку,
Поесть картофельных котлет
И подцепить — испанку.

Здесь представители всех стран,
Какие есть под солнцем:
От серба, жителя Балкан,
До жёлтого японца.

И бритт, и янки деловой,
Русак и франк свободный —
— Они составили здесь свой
Конгресс международный.

23 октября 1918 г.

ПЕСНЯ О СОВНАРКОМЕ

Мистэр Ленин
Неизменен...
На Руси Советской

Мечет громы
В Совнаркоме
Прямо молодецки.

— Мы разрушим,
— Передушим
— Всю буржуазию.

— Сами сгинем,
— Но уж двинем
— Немцев на Россию.

— И — хоть лопнем —
— Дверью хлопнем
— Так, что вся Европа

— В нашем взмахе
— Дрогнет в страхе
— Вплоть до Конотопа.

Мечет громы
В Совнаркоме
Ленин — мир пугает.

Но с тоскою
Всё ж порою —
На Восток взирает.
24 октября 1918 г.

НАСЛЕДСТВО

Теперь в управе городской
Вопросы все решаются
Одной приписочкой простой:
— До Думы отлагается...

В управе — люди с головой,
С познаниями богатыми:
Недаром в «тройке деловой»
Все были кандидатами.

А деловитость их в одном
Лишь только выражается:
— Мы скоро все от дел уйдём
Пусть дума разбирается...

И горы дел напрасно ждут
В управе рассмотрения.
— Социалисты, мол, придут
И вынесут решения.

В управе сон. Управа спит
Под думы безотрадные.
Но новой думе подарит
Наследие громадное.

25 октября 1918 г.

ТОЖЕ БУРЖУАЗИЯ

Писаки жёлтой прессы воют:
— Отдать всю жизнь буржуазии.
Она, мол, сразу жизнь устроит
И даст спасение России.

Но слыша выкрики такие,
Я одного не понимаю:
Откуда класс буржуазии
Вдруг родился в нашем крае,

Есть, правда, люди с капиталом.
Дома имеют. Но, признаться —
Дома и деньги — слишком мало
Чтобы буржуем называться.

Торговцы мясом и сельдями,
Треской, готовым платьем, кожей,
Мануфактурой, сапогами —
И на буржуев не похожи.

Без власти призрачной на свете
Они живут себе прекрасно
И люди в жёлтенькой газете
За них стараются напрасно.

31 октября 1918 г.

НАОБОРОТ

Доллар — вечно в повышеньи,
Русский рубль — наоборот.
С каждым днём его паденье
Всё стремительней идёт.

У одних — нет корки хлеба,
У других — наоборот.
Значит им, счастливым, небо
В изобилии хлеб даёт.

Таксы-цены понижают,
А у нас — наоборот.
Видно, дело понимает
Оборотистый народ.

Цензор... Впрочем, не кончаю,
Кто захочет, тот поймёт,
Что не ласки расточаю,
А совсем наоборот.

2 ноября 1918 г.

ПЕСНЯ О ЗАБВЕНИИ

Старцев³ вернулся в Архангельск
(сентябрьский заговор предан забвению).

В нашей области свободной
Захотим — и что угодно
Можем сделать мы.

³ Кадет Н.А. Старцев был одним из руководителей правого переворота в Архангельске, состоявшегося в ночь на 6 сентября 1918 г., когда заговорщиками было арестовано и отправлено под охраной на Соловецкие острова Верховное управление Северной области. Правда, через несколько дней по настоянию дипломатов стран Антанты члены ВУСО были возвращены в Архангельск, а руководители заговора, в т. ч. правительственный комиссар Старцев, подали в отставку и покинули Архангельск.

При уменьи да желаньи
Мы устроим и восстанье,
Не боясь тюрьмы.

Свергнуть власть — для нас забава,
А не выгорит — со славой
Мигом удерём.

Можем смело куролесить,
Ведь за это не повесят
Не сожгут живьём.

А потом придёт забвеньё,
Снова мы без опасенья
Прилетим туда,

Где привольно и свободно
Можно делать, что угодно,
Не боясь суда.

6 ноября 1918 г.

ПРОСТОЙ РЕЦЕПТ

В архангельских аптеках наблюдается
отсутствие лекарств.

Для возрождения страны,
Для сохранения порядка,
Для продолжения войны —
Рецепт составлен очень кратко:

- Побольше дела — меньше слов,
- Для всех сердец — одно желанье,
- Объединенье всех слоёв
- И русской армии созданье.

Рецепт нам кажется простым
Для воссоздания государства,
Но лишь одним невыполним:
— В аптеках наших нет лекарства.

8 ноября 1918 г.

26 И 32

32 и 26

26 и 32...

По серьёзному учесть
Эти надобно слова.

№ 2 и № 3,

Как их вместе сочетать...

Что ты там ни говори —
Рядом трудно им дышать.

Будут спорить из-за мест,
Бесконечно отводить,
Никогда в один присест
Им вопроса не решить.

32 и 26...

Кто быть должен головой?

Кандидат из списка 2

Иль из «группы деловой»?

Первый — слишком важный муж,
Петроградский адвокат.
А второй — совсем как уж
Из совдепа бюрократ.

Ну, и будет им отвод
Сделан каждой стороной,
И никто не подойдёт
Быть для думы головой.

Видно, дать по голове
Надо каждой стороне,
И Управы — выбрать две.

.....

Ум хорошо, а два — вдвойне.

10 ноября 1918 г.

ДУМСКИЕ МОТИВЫ

Все мы думали напрасно,
Что у новых думских гласных
Все дела пойдут прекрасно
Без враждебных слов.

Будут, мол, трудиться вместе,
Позабудут чувства мести,
Заработают по чести
Шестьдесят голов.

Но на деле оказалось:
26 регировалось,
Только 33 осталось
Тех, кто полевей.

А направо — ряд прекрасных,
деловитых и бесстрастных, —
Но, к прискорбию, безгласных, —
26 людей.

Хорошо им, людям справа,
Им не надо и управы —
Дума вся — для них — забава —
Ничего не знай —

Лишь присутствуй в заседаниях,
Критикуй без сострадания,
Да отказ в голосованьях
Чаще выставляй.

Удивительно, какие
Это люди деловые,
Знать, не даром же Россию
Вздумали спасти.

Зазывали: всё мы можем,
Беспорядки — уничтожим
Возрождению поможем —
А пришли... поспать.

13 ноября 1918 г.

«ДОРОГОВИЗНА ЖИЗНИ»

— Наша жизнь — бесценный дар
— И дороже злата
Так для нас поэт-гусяр
Распевал когда-то.

Но забылась старина,
Жизнь — дешевле стала,
На продукты лишь цена
Страшно возрастала.

И теперь, хотя поют
О дороговизне,
Но моржовками⁴ дают
Цену нашей жизни.

16 ноября 1918 г.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

Гул на Западе военный
После долгих лет
Затихает постепенно
От лихих побед.

⁴ Моржовки — деньги Северной области.

Марса — кончена работа,
Только лишь у нас
Прибавляются без счёта
Фронты и сейчас.

Фронты в Пинеге, в Онеге,
Фронты — у Сельца,
Там бои, а тут набег,
Драки без конца.

Заражённый кровью, зверский
Бросил Марс Шампань
И, примчавшись к Обозерской,
Собирает дань.

18 ноября 1918 г.

ПЕСЕНКА О ВЛАСТИ

Я не знаю — это счастье иль беда,
Что затеяна у власти чехарда?
Тут и там, от власти, к власти все идут.
И Россиюшку на части рвут и рвут.

На Дону, в Уфе, на Волге и у нас,
Власть творилась очень долго...
А сейчас
Объявилась и в Париже вдруг она!
Эх! Немного был поближе
Да одна!

8 декабря 1918 г.

ДЕНЬ ДЕЛОВОГО МИНИСТРА

Утром — чай с английской булочкой,
Сигаретка ароматная,
А потом — пешком прогулочка
В канцелярию — приятная.

Там — приёмы в кабинетике
С курьерами, с разрешениями,
Срочно — спешные пакетики
С бесконечными прошениями.

Непонятные усилия
Над докладами (— и на полочку! —)
Залихватская фамилия
На нарядах на иголочки.

Тёмный взор в дела бумажные
Со значительною миною.
И уход — походкой важною —
Так, в двенадцать с половиною.

В тёплом воздухе разнеженном
Снова славная прогулочка,
По мосткам — зимой заснеженным,
По проспектам и по улочкам.

Дома — завтрак с трубкой длительный...
А потом — и сон крепительный
После службы государственной.

12 декабря 1918 г.

СОБИРАНИЕ РУСИ

Ревностным старанием
Все сердца зажглись...
Руси собиранием
Люди занялись.

Много о спасении
Думает голов.
Проявляют рвение
Бубликов и Львов.

Возрождают нацию,
Едут в Вашингтон.
Чью-то делегацию
Принимал Вильсон.

Все то, все стараются
Русь восстановить,
Видно собираются
Весело пожить.

Просьбы бесконечные
Кто-то подаёт...
Тянут Русь сердечные,
...Только не вперёд.

19 декабря 1918 г.

ОБЫВАТЕЛЬЩИНА

Сахар будет выдаваться дополнительно
По мясным талонам.

Петроград... Москва... Либава...
И Сибирь... И большевизм...
Власть... Борьба за власть... И слава...
И всесветлый катаклизм.

Это всё не беспокоит
Обывателя ничуть...
Жизнь свою он так же строит,
Как и прежде: как-нибудь.

Он живёт, не замечая
Солнца, звёзд, луны, небес.
Но готов страдать без чая
И без крупки «Геркулес».

И теперь я слышу стоны...
Потому что у иных
Нет на карточке талонов
Геркулесовско-мясных.

Съели их в горячей спешке -
(Что поделаешь с семьёй?),
А теперь по ним — в насмешку —
Сахар выдадут с крупой.

На мясной талон по фунту -
Кто бы мог предугадать?
И готовы люди бунтом
Сахар с крупкой отстоять.

Взлезть готов на баррикаду
Обыватель за талон...
Но Москвы и Петрограда
Знать совсем не хочет он.

24 декабря 1918 г.

БЕЗ МАНДАТА

Коковцов, Вырубов и Львов,
Савинков, Корф и Милюков,
Писатель, граф, барон и князь
(Вот так компания собралась)
— Сии почтенные столпы
В Париж направили стопы.

Прекрасно русская страна
Все эти знает имена:
Они разбиты были в прах,
Но вот опять на всех парах
Летят в Париж, чтоб на конгрессе
Представить русский интерес.

Кого-то будут защищать,
Кого-то будут представлять,
И нам известно наперёд,
Что защищается народ.
Но злые люди говорят:
Народом не дан им мандат.

27 декабря 1918 г.

С НОСОМ

Милюков вынужден покинуть Париж.

Из телеграмм

Недавно ещё на Украине
Плясал Дарданелльский матчиш
И немцам потворствовал втайне,
А ныне пробрался в Париж.

Кому-то зализывал пятки
И с кем-то беседовал там;
Давал от России задатки
И вдруг получил по «шеям».

И выехал мирно, без гнева,
Вбирая поглубже бока.
Направо побрёл иль налево —
Об этом не знаем пока.

Но ясно, что ныне в Павлуше
Кадеты лишились мозгов.
В нём были их очи и уши,
Кадетом он был до зубов.

И видно ещё по газетам:
Провален Павлушин вопрос;
А через Павлушу кадетам
Наклеен огромнейший нос.

29 декабря 1918 г.

ЗАБЕЖАЛ

Князь Львов выступил
В Париже с декларацией.

В Париже Львов вполне уверенно
Твердит о том, что можно нам
Теперь республикой умеренной
Сердечно смазать по губам.

Он говорит: земля крестьянами
Теперь поделена (каков?),
Живут они в России панами,
Готовы гнать большевиков;

И ждут поры, когда потерянный
Свой путь обрящет Милюков
И к нам, с республикой умеренной,
Приедет князь светлейший Львов.

Но вот другие сообщения
Из деревень и сёл идут,
Что без земли — одно мучение,
Что там без хлеба люди мрут.

Что не решил вопрос с землицею
И до сих пор ещё народ...
И в деле этом за границею
Былой министр скакнул вперёд...

И смысл Парижской декларации
Имеет мало новизны,
Являясь только спекуляцией
С изображением страны.

31 декабря 1918 г.

ВСЁ РАВНО

(Модный танец о Принцевых островах)

Не видать нам островов,
Как своих ушей,
Хоть и тратим много слов
И речей.

Где уж нам пуститься вплавь
В дальние края...
Мысль о принце, друг, оставь,
Не мечтай.

Островов нам не видать —
Так всё там темно...
Будем здесь уж, дома, ждать...
Всё равно.

12 февраля 1919 г.

МАНИЯ

Я — сын науки и культуры.
Борьба с цингой меня примчала
К признанию только диктатуры
Единоличного начала.

В одних руках — лишь твёрдость власти.
Бесспорно это, непреложно.
Лишь диктатурой все напасти
И победить сейчас возможно.

Лишь диктатура — все сугробы
Расчистит нам для жизни новой.
Лишь диктатура — все микробы
Убьёт в решимости суровой.

Да, я — диктатор. На рубахе
Я вошь нашёл... И тут же, сразу
Убил ее в безумном страхе
Из опасения заразы.

Да... В диктатуре лишь спасенье.
И к ней меня цинга примчала.
Я верю ныне, без сомнения,
В единоличное начало.

23 февраля 1919 г.

ЛЕКСИКОН

Если по порядку читать «Отечество»,
«Русский Север» и «Северное утро»,
Отмечая их ругательства, то
Получится следующее.

Большевик. Совдеписты. Преступление.
Пропаганда. «Демократы». Меры строгие.
Совнархозы. Исполкомы. Выступление.
Демагоги. Демагоги. Демагогия.

Полуленинцы. Младенцы. Провокация.
Коммунисты и политики убогие.
Большевистские агенты. Агитация.
Прокламация. И снова демагогия.

Так политики седые и бесстыдные
Отдаются беззаветно демагогии.

22 марта 1919 г.

1918 – 2 АВГУСТА – 1919

Время мчится. Год уж скоро.
Год промчался день за днём
С той поры, как метеором
Улетел Губисполком.

Целый год на возрождение
Направляли все труды,
Пели только о спасеньи
И на всякие лады.

Сколько слов высокопарных
О грядущих новых днях,
Недалёких, светозарных,
Шли мы к ним на всех парах.

Обещаний необъятных
Ворох принял наш народ.
А речей? Статей печатных?
В целый год не перечтёт.

Все кричали. Все кричали.
Всех покрыв из фраз туман.
Крикуны не Русь спасали —
А, скорее, свой карман.

Всё, что добыто, забыто,
Не предвидится вперёд.
У разбитого корыта
Новый год нас застаёт.

Только фунты, франки, иены
Жизнь пока преподнесла,
Да торговые гиены
Пляшут в курсах без числа.

22 июля 1919 г.

ИЗ ПЕСЕН КАДЕТА

Деникин намерен созвать
представителей населения для управления.
Рабочее законодательство будет рассмотрено
совместно с представителями рабочих, заявил он.
Из телеграмм.

Господи! Ужас какой.
Все обещают рабочим
В петлю скорей головой —
Пусть бы не видели очи.

Вводят отделы труда,
С ними сношенья ведутся.
Надо уснуть, никогда,
Чтобы потом не проснуться.

Ищут поддержки крестьян
Там — совещанья собирают.
Плавает красный туман,
Наши мечты погибают.

Там обещают земли.
Это ли, други, не странно.
Мчите скорей, корабли,
Наших кадетов в нирвану.

1 августа 1919 г.

НОВЕЙШИЕ ПЕСЕНКИ

Что ни день, то курс политики
Снова новый.
Исчезают мигом критики
Вслед за словом.

Каждый день нас тешат драмою
Бестолково...
А на деле то же самое,
Всё не ново.

Взят недавно курс политики
Новый с толком,
Критикуют только критики
Тихомолком.

27 сентября 1919 г.

НА ГРАНИ (РАЗДУМЬЕ)

В эти дни мы живём, как на грани.
Мы живём у последней черты.
Перед нами маячат в тумане
О грядущем, о светлом мечты.

Где-то там призывают к коммуне.
Где-то дико восстал капитал.
Мы живём — мы живём — накануне, —
Мир кануна такого ещё не видал.

То, что умерло, больше не встанет.
И не будет возврата назад.
Мы живём на неведомой грани
Перехода иль в рай, или в ад.

Мировая не кончена схватка,
Лишь девятый запенился вал,
Но на грани иного порядка
День грядущий для всех засиял.

Революции ход неизбежный
Захватил старый мир в водопад.
И над миром призывом мятежным
Разрастается грозный набат.

20 декабря 1919 г.

ДА БУДЕТ ТАК!

Нельзя сказать, чтоб очень скоро,
Но всё же вылупилась власть.
И вот — пред нами семь министров
Стоят, не думая упасть.

Ползут какие-то платформы
С рядами ярких панорам,
И даже правовые нормы,
И даже нечто от программ.

В сердцах у граждан — ликование,
Восторг у каждого в душе.
Арбюр воспрянул и в воззванья
Затиснул дивные клише.

Весь кабинет вдруг стал ответственным
И жаждет быть хоть сам в бою.
Да будет так! Но стих приветствий
Я при цензуре не спою.

17 февраля 1920 г.

ШУМ И ГРОМ

Шум и гром. Гром и шум.
Всюду рукоплещут.
Много слов — мало дум,
Высь бесстрастно блещет.

Шум и гром. Гром и шум.
Речи, плачи, зовы.
Стал заметен и подъём
В эти дни грозовы.

Говорят — кто куда.
Говорят не мало.
Не поймёшь никогда
общих идеалов.

Так — коль так повернём.
Этак — коль иначе.
Гром и шум. Шум и гром.
А глядишь — и плачем.

Гром и шум. Шум и гром.
Даже чуть обидно.
Ну, да что, поживём —
Дальше будет видно.

Удивительный миг,
Всё одно и то же.
Одинаков язык,
Думы не похожи.

18 февраля 1920 г.

«НА СМЕРТЬ МИСТЕРА КЕПСТЭНА»

Солнце гонит горы снега.
С солнцем к нам пришёл Совет.
Умер Кепстэн, мой коллега,
И не тешит больше свет.

Бросил вовремя и в пору
Сатирический кинжал.
Миллер кончил звякать шпорой.
Городецкий убежал.

Нет для Мистера объектов
Для насмешек и сатир —
Реют флаги над проспектом,
Встал на красный подвиг мир.

Встала Воля с песней смелой
У рабочих кварталов.
Спи же, Кепстэн, власти белой
Ты не раз рукой умелой
Нож вонзал своих стихов.

Григорий Гвоздарев.

Известия Архангельского губернского ревкома. 31 марта 1920 г.

Публикация подготовлена В.И. Голдиным.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быстрова Нина Евгеньевна — доктор исторических наук, ученый секретарь Института российской истории РАН (Москва); nebystrova@mail.ru

Воног Евгений Анатольевич — соискатель Сибирского федерального университета (Красноярск); vonog.ea@gmail.com

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); andrey_ganin@mail.ru

Голдин Владислав Иванович — доктор исторических наук, профессор, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Архангельск); v.i.goldin@yandex.ru

Дубровская Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск); ldubrovskaya@inbox.ru

Егоров Андрей Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета (Череповец); anegorov65@mail.ru

Карелин Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, научный руководитель Центра региональных исследований «Геополитические проблемы Севера: история и современность» (Санкт-Петербург); karelin_vladimir@mail.ru

Коваль Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, доцент (Архангельск); svkov@atknet.ru

Козлов Михаил Иванович — кандидат философских наук, доцент, доцент Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск); m.kozlov@narfu.ru

Кондрашин Виктор Викторович — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН (Москва); vikont37@yandex.ru

Кочегаров Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, ректор Северного института предпринимательства (Архангельск); kochegarovsergey@yandex.ru

Красавцев Лев Борисович — доктор исторических наук, доцент (Архангельск); zhilin23@gmail.com

Михайлов Вадим Викторович — доктор исторических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург); batukom@mail.ru

Морозова Ольга Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону); olgafrost@gmail.com

Мосеев Александр Евгеньевич — член Российского военно-исторического общества (Архангельск); amoss1@mail.ru

Наумов Евгений Олегович — кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И.Д. Воронина (Саранск); naumoveo@mail.ru

Нильсен Йенс Петтер — кандидат филологических наук, профессор, профессор Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии (Тромсё); jens.petter.nielsen@uit.no

Обухов Леонид Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь); ObuhovLA@yandex.ru

Пилипенко Станислав Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Самарского государственного технического университета (Самара); sa.pilipenko@gmail.com

Попов Федор Алексеевич — аспирант Московского педагогического государственного университета (Москва); popovf1992@mail.ru

Разиньков Михаил Егорович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова (Воронеж); razinkov_mihail@mail.ru

Репневский Андрей Викторович — доктор исторических наук, профессор, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск); Andrey-gold@inbox.ru

Репневский Игорь Андреевич — заместитель министра — начальник отдела по делам архивов Правительства Архангельской области (Архангельск)

Саблин Василий Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Вологодского государственного университета (Вологда); Sablin@inbox.ru

Санакина Татьяна Анатольевна — кандидат исторических наук, начальник отдела публикации и использования документов Государственного архива Архангельской области (Архангельск); t_sanakina@mail.ru

Силин Андрей Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск); silin23@yandex.ru

Слободянюк Игорь Юрьевич — директор издательства СК-СТОЛИЦА, Руководитель мемориальной команды «Штык решает»

Соколова Флера Харисовна — доктор исторических наук, профессор, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск); f.sokolova@narfu.ru

Солдатенко Владимир Федорович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, главный научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса НАН Украины (Киев); soldatenko.v.f@gmail.com

Сухановский Алексей Феликсович — главный редактор издательства СК-СТОЛИЦА, руководитель мемориальной команды «Штык решает»

Трофименко Василий Георгиевич — кандидат исторических наук, заместитель директора Государственного архива Архангельской области (Архангельск); v.trofimenko@narfu.ru

Фортунатов Владимир Валентинович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург); elena.fortunatov@mail.ru

Холяев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Ярославского государственного технического университета (Ярославль); holyaevsv@ystu.ru

Черемухин Вячеслав Владиславович — аспирант Московского педагогического государственного университета (Москва);
cheremuchin_v_v@mail.ru

Шубин Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор (Архангельск); s.shubin@narfu.ru

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ
И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ И НА РУССКОМ СЕВЕРЕ:
КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И УРОКИ ИСТОРИИ**

Составители:

В.И. Голдин, Г.С. Рагозин

Ответственный редактор *Г. Пернавский*

Художественный редактор *М. Левыкин*

Верстка *А. Григорьев*

Технический редактор *Н. Атауллина*

Корректор *Д. Мельник*

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».

Адрес: 115419 г. Москва, Рощинский 2-й проезд, дом 8,
строение 5, этаж 1, пом III, ком 3

Все наши книги можно заказать на сайте www.5rim.ru

ISBN 978-5-6043329-2-4

9 785604 332924

Подписано в печать 28.07.2020.

Формат 60x90^{1/16}, Гарнитура «Greta Text Pro». Печать офсетная.

Бум. офс. Усл. печ. л. 23,0. Тираж 700 экз.

Зак. №

Отпечатано в:

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

АО «Первая Образцовая типография»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, секр. 8(495)988-63-41

12+ | Издание не рекомендуется детям младше 12 лет

